Воспоминания архимандрита Пимена
архимандрит Пимен (Благово)

Читателям книги «Воспоминания архимандрита Пимена»
Предисловие

Читателям книги «Воспоминания архимандрита Пимена»

Дорогие братья и сестры !

На протяжении тысячелетнего бытия Русской Православной Церкви монастыри были и остаются доныне центрами духовного просвещения, хранителями православной веры, училищами благочестия, неложными путеводителями христианской жизни. Немало таких духовных твердынь Православия расположено в пределах Московской земли. Среди них Николо-Угрешский ставропигиальный мужской монастырь занимает особое место.

Эта обитель была основана близ Москвы в 1380 году, на месте явления Святителя и Чудотворца Николая благоверному князю Дмитрию Донскому – великий святой духовно поддержал полководца и предрек победу на Куликовом поле. В память об этом знаменательном событии и была основана обитель.

Многое судил Господь пережить монастырю в минувшие годы. Но во все времена его насельники, гармонично сочетая молитву и труд, следовали своему призванию и древним монашеским традициям.

Николо Угрешский монастырь прославился трудами и подвигами многих подвижников веры и благочестия. Но имя преподобного Пимена, архимандрита этой обители, уже при жизни было овеяно особой любовью. По свидетельству современников, его жизнь, облик и труды были исполнены ответственностью за монастырь, заботой о вверенном ему Винограднике Христовом.

Прославленный в лике святых, преподобный Пимен, верим, предстоит ныне перед Престолом Божьим, вознося свои молитвы о нас грешных и Отечестве нашем. На камне его веры утверждалась и утверждается ныне Николо-Угрешская обитель, согревая огнем веры всякого приходящего в монастырь за духовной поддержкой и утешением.

Ныне Николо-Угрешский монастырь переживает новый период своего бытия – в нем вновь возжена лампада, началось возрождение монашеской жизни, восстановление порушенных в прошлом святынь.

Слава Богу, и в наше непростое время этот монастырь по-прежнему остается местом, где ищущая, алчущая и жаждущая правды Христовой душа человеческая может обрести чистый и неиссякаемый источник спасительной веры православной.

Надеюсь, что настоящее издание, предпринятое наместником монастыря епископом Люберецким Вениамином, будет вписано в церковную летопись, а также внесет достойный вклад в празднование знаменательного юбилея – 625-летия основания Николо-Угрешского монастыря.

Молитвами Святителя и Чудотворца Николая и преподобного Пимена да хранит Господь обитель Николо-Угрешскую и вас, дорогие братья и сестры – читатели книги, на всех путях жизни вашей!

Патриарх Московский и всея Руси

Алексий

Предисловие

Эти записки составились совершенно незаметным образом и без всякого намерения написать что-нибудь для печати. Многие из моих знакомых, слушая мои рассказы о тех старцах, которых я знал на своем веку, и о тех, про которых знал понаслышке от покойного нашего игумена Илария, неоднократно советовали мне написать эти рассказы и сохранить их ради пользы как духовное наследство, полученное мной и которое следовало передать и другим. В особенности настоятельно сего требовал от меня один человек, ко мне весьма расположенный, который и сам, несмотря на свой высокий сан, великий подвижник и ревнитель монашества. Я все уклонялся, считая таковой труд не по моему умению и не по моим силам. Но случай дал мне возможность осуществить желание многих во время моего лечения водами, в Екатерининской пустыни летом 1873 года, где я имел много досуга, и так как со мной был один из братии нашей обители, который мог мне помочь в этом труде, то я и решился на это

дело. Я стал ему сказывать все свои воспоминания с тех пор, как начал себя помнить, и таким образом, в два месяца было набросано наскоро то, что сохранила моя память.

После того я занялся пересмотром написанного и поручил привести в порядок. Так составилась эта толстая тетрадь, которую я назвал моими «Воспоминаниями». Я показал ее тем, на мнение которых я полагаюсь; были читаны отрывки, и меня стали убеждать, чтобы я отдал в печать. Не берусь решать, лучше ли было бы вовсе не печатать, или лучше сделал я, что сообщил все то, что, может быть, принесет и пользу читающему с рассуждением.

Ежели заключающееся в этих отрывочных рассказах принесет хотя малейшую кому бы то ни было пользу, я сочту это для себя наградой и возблагодарю тех, от которых слышал все, мною переданное, и им, а не мне, похвала и благодарение. Но ежели что соблазнит читателя, и он осудит меня, прошу заранее прощения, не за худой умысел или за недоброе намерение, но за недостаток памяти, за неверность слышанного мной и неумение передать. Впрочем, кто истинно внимает себе, тот везде извлекает для себя душевную пользу, и плохое писание окажется для него гораздо душеспасительнее, чем другому и самое мудрое и назидательное. Молю Господа, да не будет мое слово для брата моего душевредным, но благоприменительным.

Настоятель Угрешского монастыря
архимандрит Пимен.
1875 года, Октября 1 дня. Угреша.

Глава I. Вологда. Описание ее; соборы; монастыри; белоризцы; церкви; крестные ходы; общественные здания; дома; образ жизни; торговля; мое семейство; одежда горожан; яства; брачные обряды; погребения

Вологда

Родина моя в Вологде. Город, расположенный на плоской местности, разделяется на две половины течением реки Вологды, которая судоходна, шириной около 25 сажен, берега же ее низменны. Речка Золотуха, впадающая в нее по ее течению с правой стороны, разделяет часть города пополам; самый же город разделен на три квартала: первый квартал в приходе Иоанна Богослова, второй, в приходе святого Николы, на площади, и третий, за рекой, в приходе священномученика Антипы.

Ниже города в реку Вологду впадает речка Шограшь, которая отличается тем, что вода в ней особенно чиста и легка. При впадении Шограши в Вологду раскинуто большое село Турундаево; оно тянется по реке Вологде в один ряд, посреди оного – церковь большая, с высокой колокольней и большим колоколом; в селе этом крестьяне весьма зажиточные, есть и богатые, и от него, вниз по течению реки Вологды, на весьма большое пространство нет ни одного жилья. Причиной тому то, что весной, во время водополья из Вологды, барки плывут не по течению в Архангельск, но по компасу, так как вода гораздо превыше берегов: Северная Двина потопляет Сухону, а Сухона – Вологду, от чего и происходит такое необычное возвышение воды над уровнем.

Город сообщается с заречьем двумя мостами, которые я застал еще плавучими; а при губернаторе Брусилове они устроены на плашкотах, и мои сограждане смотрели на них, как на некое диво.

В 1830 годах в Вологде строения были большей частью деревянные, а за рекой, по набережной, почти все дома были каменные, купеческие, а на двух дворянских улицах, Владимирской и Екатерининской (названых так по именованию двух церквей, на них находящихся), каменных домов не было. Между Владимирской и Екатерининской улицами протекает река Золотуха, через которую перекинут мост деревянный, называемый Березовым, так как в прежнее время здесь был

березовый лес. Близ Владимирской дворянской улицы, в углу, на площади, я застал еще одну из башен, называвшуюся пороховой, остаток древних укреплений; впоследствии эта площадь была обращена в общественный городской сад.

В Вологде два собора, два монастыря и сорок две церкви.

Соборы

1. Собор кафедральный, во имя Святой Софии Премудрости Божией, каменный, пятиглавый, холодный. Заложен при Иване Васильевиче Грозном в 1568 году и сохранился в своем первобытном виде. В нем почивают мощи Святителя Антония[1], епископа Вологодского; погребены и другие, именно: Киприан[2], Иоасаф[3], Корнилий[4], Нектарий[5], Гавриил[6], Павел[7], Пимен[8], Иосиф[9]. Некоторые из них прославились чудесами.

2. Собор теплый, во имя Воскресения Христова, строен в 1772 году; по своей архитектуре напоминает постройки известного Растрелли, – высокий, одноглавый. В нем чудотворная икона Божией Матери Всех Скорбящих. Северной своей стороной этот собор вдался в ограду, окружающую архиерейский дом; она походит на Московскую Кремлевскую стену. Имеет, полагаю, в окружности саженей до 300. Изнутри двора к ограде пристроены службы, а к северной стороне – каретные сараи и другие кладовые с узенькими окнами, выходящими на улицу.

Помню, что в моем детстве, проходя мимо этих окон, я весьма любил останавливаться передними, рассматривать находившиеся в сараях старинные золоченые архиерейские колесницы и древние весьма узкие колокола, перелитые, как я слышал, в новые только в недавнее время.

Величественный архиерейский дом древнего Русского зодчества, извне красный с белыми лепными украшениями, стоит на площадке внутри двора. Сени архиерейского дома весьма обширны: налево вход во владыкины покои, а направо – в крестовую церковь и также в Консисторию, и длинные переходы, посредством которых дом соединяется с колокольней и с зимним собором. Колокольня шатровая, не слишком высока, но очень широка; звон прекрасный; всех колоколов 35. В недавнее время новая колокольня выстроена на другом месте. Должно отдать полную справедливость прекрасному устроению этих покоев, весьма удобных для

владык. С полуденной стороны ограды, извне ее, к ней примыкал древний архиерейский сад, обнесенный особой оградой, и в черте оной довольно обширный пруд. К сожалению, в 1870 годах вековые деревья были уже все порублены.

Для летнего жительства архиерей имеет загородный дом в селе Ананьине, в нескольких верстах от города.

Я застал еще в Вологде Преосвященного Онисифора[10]. В 1814 году он находился на Венском Конгресе, подписался и после того был сделан епископом. Он был старец весьма благообразный, лет 60 или более; волосы имел черные с проседью; был невысокого роста, говорил негромко. Он каждое лето посещал Александра Семеновича Брянчанинова (отца Преосвященного Игнатия), жившего в своем имении в селе Покровском, в 18 верстах от Вологды; карета преосвященного была голубая, и если кто приглашал преосвященного на отпевание покойника, то он за это денег не брал, а взамен их брал покровы для соборной ризницы.

Монастыри

Монастырей в Вологде два: 1, Спасо-Духов[11] , мужской штатный 3-го класса, и 2, Горний Успенский[12], женский 3-го же класса, на конце города, в урочище, называемом Загородом, близ Ленивой площадки.

Послушники монастыря Святого Духа носят, по большей части, мирскую одежду и стригут свои волосы иногда до самого поступления в монашество. Первый архимандрит, которого я запомню, был старец отец Антоний. Его преемником был отец архимандрит Виссарион, из ученых, молодой и весьма красивый; ему было лет 30; он был вместе и инспектор семинарии. В бытность Преосвященного Онисифора его перевели в Архангельск, в семинарию, а после того (в 1822 году) он был удален на жительство в Соловецкий монастырь при известном архимандрите Макарии[13], который принял его как родного сына и старался, на сколько мог, облегчить участь и возвратить его на истинный путь монашеской жизни; о дальнейшей судьбе его мне ничего неизвестно.

Неподалеку от Успенского девичьего монастыря, на той же Ленивой площадке, находился прежде бывший собор, весьма не обширных размеров; площадка называется Ленивой потому, что, до основания еще города, на том месте был посад, куда съезжались на торг, но не всегда, по неудобству, лениво собирались, отчего и местность была прозвана Ленивой.

Несколько далее, на той же улице, в конце города, на ручье, именуемом Кайсаровым, находится Троицкая[14] церковь, в которой почивают мощи преподобного Герасима. Неподалеку от церкви и теперь еще находится деревянный дом, принадлежащий Пятышеву. Эта фамилия продолжается более 700 лет, со времени преподобного Герасима. В мою бытность эти Пятышевы имели прядильный завод. Предание говорит, когда преподобный Герасим пришел на Кайсаров ручей, эти Пятышевы были очень богаты и владели всем этим местом; они угодника Божия обижали и теснили, не давая ему

распространяться, и он им сказал: «Будете вы долговечны, но будете ни богаты, ни бедны».

В настоящее время эта местность скорее предместье, чем город; но прежде здесь было средоточение населения. Здесь неподалеку Убогий Дом, часовня, в которой, в четверток по Пятидесятнице (Семике), совершается поминовение по белоризцам, по преданию, чтимым жителями города. Кто были они, неизвестно; сохранилось только предание, что во время нашествия полчищ Шемяки, они защищали город Вологду, спасли ее от врагов и стали с тех пор известны под именем белоризцев. В мою бытность этот обычай был еще соблюдаем. Вот как рассказывает о сем событии А. Н. Муравьев в своей книге: «Жития Святых Российской Церкви». В зимнее время наступил на Вологду князь Дмитрий Шемяка, враждуя против великого князя Василия Темного... Город трепетал, не имея силы противиться врагу, но благодать Божия покрывала осажденных. В наступившую ночь благочестивая инокиня одного из монастырей Вологды удостоилась чудного видения: как будто великая заря воссияла окрест всего города, и в этом необычном свете шел к нему святолепный старец от той страны, где стояла обитель Прилуцкая. В то же время вышли к нему навстречу из дома скудельничего, где погребали странных, два световидные белоризца, и каждый из них на раменах нес большие древеса. Стены города колебались, как бы готовые пасть; белоризцы же вместе со старцем, которого называли они Димитрием, обошли кругом города и, укрепив все четыре стены его, стали невидимы. На следующий день, молитвами преподобных, укрепил Господь граждан Вологды: тучей стрел и камней отразили они приступ ратных от своих стен и отбили множество врагов, так что войско нечестивого Шемяки, простояв напрасно многие дни под стенами города, принуждено было возвратиться в город Галич, но и там постигло его поражение (см. февраль стр. 133: «Житие преподобного Димитрия Прилуцкого»).

Церкви

1. Собор Всемилостивого Спаса, называемый Всеградский, на площади, первоначально обыденный, срубленный по обету в один день во время моровой язвы в 1655 году, сильно тогда свирепствовавшей в Вологодской и сопредельных областях. Ныне здесь две большие каменные церкви, обе одноглавые, и большая колокольня. Икона, находящаяся в соборе, замечательна той особенностью, что Спаситель изображен совершено иначе, нежели как он обыкновенно изображается: в левой руке Он держит Евангелие, а правой (которая не поднята к верху, но опущена) Он благословляет. Неподалеку от собора – улица, называемая Рощение, потому что тут прежде существовала роща, в которой и была срублена прежняя обыденная церковь. Октября 18 совершается памятование дня избавления: бывает всенощное бдение, служит обыкновенно архиерей; по окончании служения церковь остается полна народу до утрени и до ранней обедни, потом расходятся по домам, а к поздней литургии собирается опять множество богомольцев. Впрочем, это не единственный случай, что всю ночь проводят в церкви на молитве, это повторяется и в другие праздничные дни.

2. Воскресение Христово на Ленивой площадке; церковь двухэтажная, пятиглавая, небольшая, бывшая в прежнее время кафедральной.

3. Преображения Господня, близ Пятницкого моста, пятиглавая, небольшая, трехпрестольная.

4. Спаса Нерукотворенного Образа, на площади, двухэтажная одноглавая; колокольня с высоким шпилем. (В этом приходе я родился).

5. Вознесения, на горе, близ Рыбного ряда, церковь одноглавая, небольшая. Близ этой церкви теплый Гостинный двор, в котором торгуют только однажды в год, во время ярмарки.

6. Рождества Богородицы, на кладбище, при Пошехонской дороге, каменная двухэтажная, сверху колокольня. На этом

кладбище погребены мои родители. Вблизи оного кирпичный завод.

7. Рождество Богородицы, на верхнем долу, одноглавая, небольшая, трехпрестольная.

8. Рождества Богородицы, на нижнем долу, одноглавая, небольшая, трехпрестольная.

9. Владимирской Божией Матери, холодная, пятиглавая, теплая одноглавая, колокольня отдельная на дворянской Владимирской улице.

10. Донской Божией Матери, одноглавая, небольшая, трехпрестольная, близ Владимирской дворянской улицы, на Обуховской улице. Здесь был дом моей бабушки, Ирины Ивановны, существовал из рода в род более 200 лет; в 1840 годах ее сын, а мой дядя, к сожалению, перенес его на новое место и перестроил.

11. Покрова Пресвятой Богородицы, близ собора, одноглавая, небольшая, трехпрестольная.

12. Покрова Пресвятой Богородицы в Козленах, одноглавая, небольшая трехпрестольная.

13. Казанской Божией Матери, близ собора, на горе, одноглавая, небольшая, трехпрестольная.

14. Иоанна Предтечи, на Сенной площади, одноглавая, небольшая, трехпрестольная.

15. Святых апостолов Петра и Павла, у Московской заставы, близ нового острога, небольшая. Близ этой церкви дом знаменитого купца Митрополова; жена его по Преображенскому кладбищу была единственной раскольницей во всем городе. А по Рогожскому кладбищу был дом известных богачей Кокоревых; у них была своя часовня и свое кладбище. В мою бытность умер старший из братьев В. И. Рассказывали, что перед смертью его жгли соломой, дабы очистить от грехов. Дом Кокоревых был, хотя не по церкви, но благотворил всем очень много.

16. Иоанна Богослова, близ Ленивой площадки, пятиглавая.

17. Пророка Илии, пятиглавая, рядом с предыдущей, там же.

18. Михаила Архангела, пятиглавая, там же.

19. Царя Константина и Елены, двухэтажная, пятиглавая, там же.

20. Архангела Гавриила, на Ленивой площадке, одноглавая, небольшая, трехпрестольная.

21. Святой Живоначальной Троицы, одноглавая, трехпрестольная, небольшая. Здесь почивают мощи преподобного Герасима, на Ленивой площадке.

22. Святого Димитрия Селунского, одноглавая, трехпрестольная, небольшая, там же.

23. Святой Параскевы Пятницы, одноглавая, трехпрестольная, небольшая, близ соборной стены.

24. Благовещение Пресвятой Богородицы, одноглавая, небольшая, трехпрестольная; колокольня высокая со шпилем, близ торга. Я застал тут рядом была еще деревянная церковь Бориса и Глеба и помню когда ее ломали. Эту местность занимала прежде Солдатская слободка; при губернаторе Брусилове ее перевели на Татарские горы. Татарские горы так названы потому, что канал копали пленные татары по взятии Казани, в приходе Николы на Глинках.

25. Святого Афанасия Александрийского, одноглавая, двухпрестольная, на Сенной площади.

26. Святой великомученицы Екатерины, пятиглавая, небольшая, с высокой колокольней, близ Духова монастыря.

27. Святителя Николая, на Глинках, одноглавая, трехпрестольная; в этом приходе был дом моего родителя.

28. Святителя Николая Золотые Кресты, одноглавая, трехпрестольная, небольшая, близ собора.

29. Святителя Николая в Слободе, одноглавая, двухэтажная, трехпрестольная.

30. Святителя Николая на Извести, одноглавая, трехпрестольная.

31. Святого Кирилла Чудотворца, на семинарском дворе, одноглавая, двухэтажная, небольшая.

32. Святого Кирилла Чудотворца, в Рощении (см. выше), одноглавая, двухэтажная, небольшая.

33. Св. Феодора Стратилата, одноглавая, двухэтажная, небольшая, в Новинках.

Церкви за рекой

34. Святого Апостола Андрея Первозванного, одноглавая, двухэтажная, большая, во Фрязинове.

35. Святого Димитрия Прилуцкого, пятиглавая, двухэтажная, трехпрестольная, небольшая, на Набережной.

36. Святого Иоанна Златоуста, теплая и холодная, каждая отдельно, одноглавая, большая, на Набережной.

37. Сретения Господня, пятиглавая, двухэтажная, трехпрестольная, на Набережной.

38. Святого великомученика Георгия, две церкви, одна одноглавая, другая пятиглавая, колокольня отдельная; рядом с оной – богадельня купца Николая Ивановича Скулябкина.

39. Святого Леонтия Ростовского чудотворца, пятиглавая, небольшая, трехпрестольная, у Леонтьевского ручья.

40. Святого мученика Антипы, одноглавая, небольшая, трехпрестольная, близ Архангельской заставы.

41. Введение во храм Пресвятой Богородицы, кладбищенская, одноглавая, небольшая, трехпрестольная, строена почетным гражданином Афанасием Осиповым Витушкиным. При церкви богадельня, за Архангельской заставой.

42. Иоанна Предтечи и Казанской Божией Матери, две отдельные церкви, одна одноглавая, другая пятиглавая, в Дюдиковой пустыни. По преданию, здесь в древности находилась обитель, приписанная к Николо-Угрешскому монастырю, но в 1651 году отписана к посаду, а монастырю взамен оной дан в Боровском уезде Кременской посад, числившийся за монастырем до 1763 года.

Крестные ходы

В мою бытность в Вологде были следующие крестные ходы:

1. В Успеньев день из Всеградского собора в Софийский собор.
2. Октября 18 день, святого евангелиста Луки, в память избавления от моровой язвы, из Софийскаго собора в собор Всеградский.
3. В Духов день, из Всеградского Собора в Духов монастырь.
4. Июня 9, в день святого Димитрия Прилуцкого в Прилуцкий монастырь.
5. Июня 24, в Дюдикову пустынь к Иоанну Предтече.
6. Июля 5, в Горицкий девичий монастырь (или Горний Успенский, см. выше).
7. В Преполовение, из Софийского собора около города.
8. В Богоявление, из Софийского собора на реку.
9. Августа 1, из Софийского собора на реку.
10. Июля 8, из Всеградского собора к Казанской по городу.
11. Июля 20, к пророку Илии.
12. Августа 6, к Преображению.
13. Августа 19, к Донской Божией Матери ко Власию.
14. Августа 26, ко Владимирской, на дворянской Владимирской улице.
15. Августа 29, к Иоанну Предтече на Сенной.
16. Октября 1, к Покрову Пресвятой Богородицы в Козлену.

Общественные здания

1. Духовная Семинария и училище, бывшее в прежнее время подворьем Кирилло-Белозерского монастыря; при вратах – церковь преподобного Кирилла, двухэтажная, снаружи со двора на оной Чудотворная икона Успения Пресвятой Богородицы. На берегу Вологды, с Семинарией рядом:

2. Губернаторский дом.

3. Через улицу – присутственные места, выстроены глаголем (буквой «Г»), обширное здание, бывшее подворье Соловецкого монастыря, оно после сгорело.

4. Губернская гимназия для дворян, а напротив находится плац-парад и гауптвахта.

5. Ряды (лавки) каменные, весьма обширные, расположены по обоим берегам реки Золотухи, через которую перекинут каменный мост; на четырех углах оного четыре каменные башни, и к ним примыкают обширные ряды в виде четырех полукружий.

Дома

Я застал только уже немного домов прежнего построения. Бревна выбирались самые толстые, и дома эти строились по своему расположению совершенно отлично от теперешних: двухэтажные – по лицу на пятирике, то есть на 5 саженях; внизу подклеты без окон с улицы, а только со двора два маленьких окна со слюдными рамами. Спереди, вверху, три волоковых окна. В длину дом имеет от 10 до 15 саженей и разделялся на три части: первая – квадратная большая изба, перегороженная надвое, в большой половине два окна; а другая – кухня с русской печью. К избе приделывается голбец, ход в подполье, нечто вроде чулана, а вверху были поделаны палати; вокруг стен – лавки; в переднем (красном углу) – божница, и перед ней – стол. Над лавками по стенам полки для шляп, книг и всякой поклажи, и назывались они воронец. В задней части дома была точно такая же большая квадратная изба, которая называлась горница, всегда холодная, без печи, с большими слюдными окнами; лавки и потолок крашены. Третью, среднюю, часть дома составляли сени; к ним примыкали две лестницы, одна в горницу и одна в избу. Во всю длину сеней были чуланы. Со двора пристраивалось крыльцо под навесом. Крыши остроконечные были крыты по скале тесом; ворота крытые, с коньком и калиткой, на которой толстое кольцо, чтобы ударяя им по бляхе, пришедший возвестил о своем приходе, и тут же веревочка, проденутая в дверь, посредством которой отдергивали щеколду и входили во двор, к ночи же запирались засовом. На каждом дворе был свой колодец; воду доставали очепом; везде своя баня, свой огород. Дома по улице не были в одну нить, некоторые выдавались вперед, а иные вдавались назад. Я застал еще в употреблении деревянную черепицу. Прежние, старые улицы были весьма узкие, кривые и грязные.

В мою бытность, до 1830-х годов, одни только площади были вымощены камнями, а улицы и тротуары – деревом; столбики и жерди между ними росписаны были вкось полосками белыми и черными. На перекрестках были будки, в которых в

торговые дни собирали с проезжавших на торг с товаром по четыре камня с лошади или же деньгами в пользу города на мостовые и выдавали билет.

Общественных увеселений не было. В Семик собирались несколько среднего сословия людей, на поляну за городом, и еще на Троицкой неделе, на парадное место, где вокруг катались в экипажах; еще катались на Масляной: вот и все увеселение. Я помню, что до моего вступления в монастырь, два раза приводили верблюда, приезжал восковой кабинет, кукольная комедия, и два раза было конное ристалище. Во всем городе был всего только один трактир, Архарова; внизу была харчевня, а вверху – самый трактир, о 3-х окнах. Ходить туда почиталось зазорным, и человека, побывавшего там, почитали человеком потерянным.

В древнее время, при дедах наших, Вологда вела значительную торговлю с Сибирью, торговала мехами, белкой, кошкой и тканью, называемой китайка; впоследствии торговала хлебом с Архангельском, где были торговые дома, ныне перенесенные в саму Вологду.

По устройстве Шекснинского канала Вологда стала торговать с Санкт-Петербургом, но не в больших размерах.

Значительных заводов и фабрик нет, что весьма ощутительно для небогатых людей низшего звания, не имеющих постоянного ремесла. Особенных местных произведений нет, кроме прилуцких калачей, которые пекут из очень темной пшеничной муки. В зимнее время в Вологду приезжали из Архангельска архангельцы и поморцы в длинных и узких санях наподобие лодки, привозили с собой на возах сельдей, а когда им ехать в обратный путь, накупят прилуцких калачей и везут их за 1000 верст. Торговых дней в неделю три: понедельник, среда и пяток, а ярмарка продолжается целый месяц, с 1 января по 1 февраля.

Мое семейство

Родитель мой, Дмитрий Афанасьевич Мясников, имел еще брата, Ивана Афанасьевича, и 6 сестер, из которых одна не была в замужестве. Матушку звали Евдокия Петровна. У нее был брат, Александр Петрович; матушкина мать называлась Ирина Ивановна, а старший брат ее – Федор Иванович Скулябин. Дед мой (матушкин отец) Петр Александрович Сурин, вместе с Федором Ивановичем Скулябиным жил в приказчиках у Ивана Максимовича Рыбникова, они езжали в Сибирь. На возвратном пути из Сибири дед мой Сурин умер. Бабушка Ирина Ивановна, овдовевши в молодых летах, осталась со своими двумя детьми жить у своей свекрови, которой имя было Наталия; она была женщина благочестивая, самых строгих правил, соблюдавшая все обычаи того времени. У нее был брат, Алексей, холостой человек, весьма благочестивый, средних лет, болевший помер, и когда пришли священники для выноса тела, он ожил и жил до 40 дня, сидел у окна, подавал милостыню и ничего не говорил. Матушка осиротела, будучи еще в пеленках; бабушка же была еще очень молода и собой весьма красива, и потому свекровь ее имела за ней самый строгий и бдительный надзор, доходивший иногда до того, что когда бабушкина свекровь отлучалась куда-нибудь из дома, то оставляла в пробоях дверей некоторые заметки, дабы увериться, что никто не приходил к ее снохе во время ее отсутствия. Она ежедневно ее журила и часто, казалось, без всякой причины, так что бабушка немало поплакала от нее. Когда мать ее приходила навещать мою бабушку, она не раз жаловалась ей, что от свекрови ей совсем нет житья. Вот та и станет ее усовещевать и говорить ей: «Матушка сватьюшка! За что это ты мою Оринушку все забижаешь? Она и без того все горюет: не оплакала горюшка, что мужа лишилась, а ты вот все еще ее журишь?» А свекровь-то и отвечает ей: «Эка ты, сватьюшка, недогадливая какая: что ж не знаю что ль разве я, что подчас и вовсе даром журю Оринушку; да это для того, что она молода и гожа, так чтобы дрянь в голову не лезла!»

Вот какова была в то время у нас в Вологде зависимость от старших в семействе!

Бабушку я зазнал, когда ей было уже лет 70; роста она была высокого, стройная, полная; наряд носила старинный: юбку, душегрейку, воротушки (то есть широкие рукава), на голове фату, а сверху чабак (шапку) с собольим, или куньим, околышем, а дома у себя кокошник с повязкой.

Матушка была роста среднего, худощава, и как я стал помнить себя, всегда хворала от боли в желудке. Я застал еще в моем детстве, она носила старинное русское платье, а впоследствии заменила оное обыкновенной одеждой.

Батюшка был небольшого роста, волосы и борода черные с проседью; характера он был крутого, к торговле способный; больших денег не имел, но жили мы хорошо. Он женился в 1790 году, имея от роду 30 лет, матушке было ровно вполовину. Я застал еще тот кафтан, в котором венчался батюшка: суконный, бирюзового цвета с шелковыми петлицами. Кафтан этот прежде того принадлежал городскому главе, Рыбникову, который также в нем венчался.

Горожане того времени ходили по будням преимущественно в лаптях, а в праздник надевали коты с красной оторочкой, шляпы носили поярковые, а шапки зимой высокие, бобровые, наподобие и ныне еще употребляемых белым духовенством; но бывали еще и другого рода, также высокие с разрезом на околыше и с тремя бантами.

Тулупы были по большей части черные, или красные, калмыцкие, крытые цветным иностранным сукном с косым воротом и с широкой бобровой опушкой. Кушаки употреблялись шелковые двуличневые, длинные, из крученого шелка с кистями; перчаток не носили, но замшевые рукавицы. Пришедши к кому-нибудь в гости в дом, ни тулупа, ни кушака не снимали, хотя пришлось бы пробыть в гостях и целый день, и за обедом оставались в тулупе и в кушаке. Входя в комнату, платок вынимали из шапки и клали за пазуху, а уходя, опять клали в шапку. Калош в употреблении не было, а летом носили или кафтан, или халат с тем же поясом, и тоже не снимали; часов карманных не носили; молодые люди табак курить

стыдились. Варили брагу, пиво и мед, и это повторялось не только при браках, но и при храмовых праздниках. В праздники храмовые единожды в год созывали всю родню и пировали по несколько дней, в именины два дня, на помин родителей по одному дню: поминовение родных было крепко усвоено. Виноградных вин, кроме свадеб, за столом не употребляли, а знали только романейку, то есть простое вино, чем-нибудь настоенное. За стол садились по чину родства, что наблюдали строго; я помню был один случай, что из этого вышла ссора.

Яств не разнообразили, и во всех домах подавали все одно и то же. Вот что составляло праздничный стол: 1 .Рыбник, то есть пирог (не из сдобного теста), в который запекалась рыба преимущественно семга, без фарша; рыбу едят с хреном, а корки делят по числу присутствующих лиц. В Великий пост рыбник заменялся пирогом с губиной, то есть с грибами, а в именины именинные пироги бывают плодовые, сладкие. 2. Студень с квасом и хреном, в постные дни – щука. 3. Щи с говядиной или похлебка с курицей, в постный деньуха, непременно две, одна окуневая, а другая или язевая, или налимья; уху заправляли обыкновено маслом с луком, с уксусом и с мукой. 4. Жаркое, одно плечо баранье, или курица, другое – бок с кашей. 5. Каравай сдобный с курицей, а в пост с рыбным фаршем. 6. Сладкие пироги, круглые, на больших блюдах, один или с малиной, или с черникой, другой с изюмом или с коринкой; ежели обед поминовенный, то прибавляются еще блины и кисель.

Брачные обряды. На смотр невесты к ней с женихом приезжают отец его и мать, и это бывает без огласки, втайне; а когда ударят по рукам, то тут у невесты и благословляют их отец и мать невесты. В следующий праздник, или воскресный день, жених должен ехать к невесте с пряником, величиной в аршин или более, и весом около пуда. Эти пряники делаются по заказу и по особой форме: в середине двуглавый орел, а кругом, по кайме, птицы и рыбы. На этот пряник насыпают конфеты и, кроме того, жених должен положить на него материю для подвенечного платья. Самый пряник не трогают до дня свадьбы, а конфетами потчивают девушек, гостящих у невесты,

иногда недели по две. В продолжение всего этого времени жених каждый вечер посещает невесту и привозит с собой какого-нибудь молодого человека из своих друзей.

В день бракосочетания, за несколько времени до самого венчания, жених должен прислать невесте зеркало, мыла, духов, румян, белил и кого-нибудь, кто бы мог убрать невесте голову. В определенное время за невестой приезжает поезд: в первой повозке священник и дружка жениха, во второй тысяцкий и боярин, в прочих свахи и остальные поезжане. Все садятся за стол, который набран, на нем хлеб-соль и многое другое, но угощения нет. Тогда приносят аршинный пряник (что с орлом): дружко начинает резать на части, середину подносят невесте, а прочие части всем гостям по старшинству, и при этом отец невесты обязан одаривать всех поезжан. В богатом доме дарят сукнами и материями; те, которые победнее, дарят платками. После того отец и мать благословляют невесту, и она прощается со всеми домашними. Священник надевает епитрахиль и с крестом в руке опять садится в коляску, в которой приехал, а с ним вместе едет и мальчик, который везет невестину икону. За ними, во второй повозке, следует невеста с жениховой свахой, а потом все прочие.

Отпустивши невесту в церковь, отец ее и мать становятся у себя дома на молитву. Как скоро окончилось венчание, все едут в дом к жениху: молодые едут вместе, и их встречают свекор и свекровь с хлебом и солью. Поставляют чай и рыбник, и посылают экипаж за тестем и тещей, и пока они не приедут, пир не начинается.

Вечером, когда после пира все станут разъезжаться по домам и молодых отводят на подклеть, свекор и свекровь благословляют их иконой и выражают им всевозможные благожелания на новую жизнь. Обе свахи раздевают молодую, а когда молодому придет время разуваться, то сапог с него должна снимать молодая, причем из сапога сыпятся деньги, и их она берет. Наутро около полудня молодых водят в баню, а к их выходу теща должна прислать им на нескольких блюдах блины, но тут бывает и рыбник и разное другое печение, едва не целый обед. Свадебное празднество продолжается первые два

дня в доме у молодых, ежели не среда или не пяток, которые пропускаются, а следующие два у тестя с тещей. В следующее воскресение бывает вывод молодых в церковь, и этим днем заканчиваются все свадебные торжества, и после того они объезжают родных и знакомых.

При погребениях в Вологде существует совершенно местный обычай: когда несут покойника в церковь и на кладбище, на колокольнях перезванивают, а крышу несут впереди и закрывают гроб уже на могиле.

Глава II. Мое рождение; учительница; крестный ход в холеру 1830 года; строение нового острога; смешной случай; Машурин; намерение вступить в монастырь; знакомство с Дмитрием Александровичем Брянчаниновым

Я родился 10 августа 1810 года в самой Вологде, в приходе Николы на площади, в старом дедовском доме: тогда отец мой и дядя владели еще им сообща, но вскоре после того братья между собой разделились, и батюшка купил себе отдельный дом у Николы на Глинках, куда меня и перенесли еще в пеленках. О том, что было до 1817 года, я ничего не помню; но с этого времени все становится ясно в моей памяти. Я был весьма дик и застенчив. Когда мне было лет около 10, меня стали учить грамоте. Народных училищ у нас в то время в Вологде не было, и потому каждый учился грамоте где кто мог; большей частью люди были безграмотные, а учили преимущественно или причетники, или мастерицы. Для дворян существовала только одна гимназия да пансион для благородных девиц; содержателем оного был некто немец Дозер, поселившийся в Вологде между 1825 и 1830 годами.

В соседстве с нашим домом жила одна старушка, духовного звания, Зырянка, из города Никольска, и с ней три дочери, уже довольно пожилые девицы. Сама старушка занималась тем, что пекла сдобные витушки; старшая дочь, Пелагея Егоровна, была портниха, вторая, Татьяна Егоровна, и меньшая, Степанида Егоровна, башмашница, неугомонная певица. Пелагея Егоровна и была моей учительницей в грамоте. Учившихся нас было всего двое: я и Андрюша, также вологодский уроженец. Комната, в которой мы учились была о двух окнах, у одного за столом учились мы, а у другого одна из сестер Пелагеи Егоровны башмашничала. Ежели когда случалось, что Пелагее Егоровне нужно было что-нибудь на столе кроить или гладить,

то мы со своими книгами перебирались к окну, и на нем усаживались. Должно думать, что недостаточен был запас познаний нашей учительницы, или, как выражаются ученые, нехорош метод ее преподавания, потому что, проучившись у нее более двух лет, мы все-таки, ни Андрюша, ни я, ничему не выучились. Андрюшу отдали в медники, а меня поместили к моему двоюродному деду, матушкиному дяде, Феодору Ивановичу Скулябину. В то время (1821 год) ему было за 80 лет; он был старик высокого роста, худощавый и простосердечный, весьма строгой жизни. Он провел всю свою жизнь в приказчиках, и до самой своей старости постоянно ездил в Сибирь, к китайской границе и обратно, и возил товары. Он очень любил поговорить о том, что видал на своем веку, и весьма охотно рассказывал о китайцах и особенностях их обычаев. Очень жаль, что я теперь не припомню его рассказов, а очень были любопытны.

В 1830 году холера не миновала и Вологды. Набожные жители возымели желание поднять святую и чудотворную икону Успения Богоматери, писанную святым Дионисием Глушицким, находящуюся в Семигородной пустыни, в расстоянии 70 верст от Вологды. Тогдашний владыка наш, преосвященный Стефан[15], благословил благое намерение граждан, и губернатор наш, Николай Петрович Брусилов, также изъявил свое согласие. О нем сохранилось в Вологде доброе воспоминание, ибо город много обязан ему своим благоустройством. Жена его, Анна Лонгиновна, была одной из жертв смертоносного поветрия, и хотя (как англичанка) она и не была православного исповедания, но, по желанию мужа, погребена в одной из церквей Прилуцкого монастыря, и впоследствии над ее могилой устроен придел во имя святой праведной Анны, ее ангела.

Смерть губернаторши сильно поразила весь город, и с общего согласия положено было безотлагательно отправить выборных для поднятия иконы из Семигородной пустыни, что было в летнее время. Кроме посланных, шло много и усердствовавших из жителей города; в числе богомольцев был и я. В пустынь пришли на другой день к вечерне, отдохнули и пошли к всенощному бдению, которое совершалось соборно.

Настоятелем был тогда игумен Макарий. Наутро, после литургии и трапезы, настоятель и братия отправились с крестным ходом в путь.

В числе братства той пустыни находился тогда бывший прежде настоятель Николаевского Угрешского монастыря, отец Израиль. Он жил там под запрещением как в служении, так и в ношении монашеского одеяния. В числе прочих, следовавших за крестным ходом, находился и он, и шел рядом с исправником, говорил громко с жаром и запальчивостью, сопровождал по временам свой говор размахиванием рук и подобными телодвижениями, доказывавшими его раздраженное состояние. На нем был плисовый подрясник весьма поношенный и от времени порыжевший, довольно широкий, обличавший прежнюю тучность отца Израиля. Роста был он среднего, лицо имел белое, круглое, волосы рыжеватые, короткие, с большой лысиной на голове; на вид ему можно было дать лет 55. Думал ли я тогда, что через четыре года придется и мне быть в этом монастыре, и что впоследствии буду там не только монахом, но даже одним из его преемников, настоятелем Угрешским? Об отце Израиле буду говорить впоследствии подробно.

Губернатор и граждане вышли за заставу и встретили крестный ход до его вступления в город. Чудотворная икона пробыла в городе целый месяц.

Во время губернаторства Н. П. Брусилова в Вологде вместо старого острога выстроили новый. Прежний находился на улице, идущей от реки Золотухи ко Всемилостивому Спасу мимо Духова монастыря. С правой стороны, на перекрестке в Казелене, напротив острога, через переулок, был частный дом 2-го квартала, а налево второй дом был дом моего деда. В старом остроге старанием Брулисова, была устроена церковь во имя Чудотворной иконы Всех скорбящих, находившейся до того времени в том месте, где содержались в заключении правнуки великого князя Дмитрия Донского: Углицкий князь Иван Андреевич, в иночестве Игнатий, и брат его, князь Дмитрий Андреевич, скончавшийся, не принявши иноческого сана[16]. Брусилов был и старостой оной церкви, и когда он

пойдет бывало с блюдом по церкви, то в угождение ему, клали покрупнее монеты, и за то одни его хвалили, а другие порицали.

Во время строения нового острога (за Московской заставой, у большой дороги) был смешной случай, оставшийся у меня в памяти. Брусилов находился однажды на стройке: какой-то проезжий мужичок остановился со своим возом напротив строения и смотрел с удивлением, вероятно, думая сам про себя, для кого бы это было такое здание? Брусилов, заметив удивление проезжего, спросил его: «Что ты, мужичок посматриваешь?» – «Да что, батюшка, – отвечал тот, скидавая шапку – смотрю и дивлюсь и думаю: про кого бы такая хоромина строится?» – «Для кого, – возразил губернатор ласково и шутя, – разумеется, для вас!» – «И, батюшка, – сказал мужичок, – в евдаких хоромах это вряд только впору для вашей милости».

Напротив нашего дома на Глинке, на месте, называемом Мыс, издавна стояла небольшая избушка с волоковыми окнами, и ею всегда владели бедные люди. Эта хижина, нисколько не замечательная по своей наружности, вот почему, однако, достойна внимания. В конце прошлого столетия она принадлежала некоему чиновнику Машурину. Он был человек семейный и окончил жизнь свою весьма плачевно: по ошибке, принявши его за кого-то другого, убили на соборном Пятницком мосту. После его смерти жена его осталась непраздной. Она была сильно поражена своим несчастием, и часто хаживала на кладбище Рождества Богородицы тужить и плакать на могилу мужа. И вот однажды, когда она шла с кладбища обратно, на Копанке, близ Татарских Гор, ей представился на коне юноша, который стал увещевать ее не скорбеть, но уповать на Господа, и предсказал ей, что она родит сына, которому имя будет Георгий, и вдруг стал невидим. Этот предсказанный младенец сделался впоследствии столь известным под именем Георгия – затворника Задонского монастыря. Хижина эта, никому не ведомая весьма долгое время, стала известна по жизнеописанию затворника Георгия, которое, прочитав один из преемников Брусилова, на свой счет хижину возобновил, но она впоследствии сгорела.

Я часто хаживал к богослужению в Духов монастырь, и стал замечать там одного весьма благообразного старца, которого звали Григорий Васильевич, и я с ним познакомился, весьма часто бывал у него и возвращался от него с душевной отрадой, почерпнутой в беседе со старцем. Жил он в особой келейке, выстроенной для него на дворе у неких боголюбивых и пожилых девиц Алябьевых.

С 1827 года я стал ежегодно посещать Новоезерский монастырь, хотя единожды, а иногда и дважды в год, и стал ближе всматриваться в жизнь монастырскую, которая меня привлекла. Хотя мне было всего 17 лет, но не лежало мое сердце к миру, и я нередко размышлял о суетности всего мирского. Чтение Алфавита Духовного еще более утвердило меня в моих мыслях о суете житейской. Прочитав эту книгу, я еще более охладел ко всему мирскому, к торговле, и чувствовал, что усилилось во мне желание вступить в монашество; но зная нерасположение отца моего, не осмеливался высказать, что таилось у меня на душе. Случай помог мне и вывел меня из затруднения: в конце 1830 года мои две младшие сестры опередили меня, вступивши в Горицкий монастырь. Это несколько примирило отца моего с монашеством, предуготовило мне пути и дало мне впоследствии возможность, по примеру их, осуществить и мое давнее желание, но по различным причинам это не могло быть приведено в исполнение прежде 1832 года, в июне месяце.

В числе прочих книг, принадлежавших отцу моему, была большая Библия Киевской печати, елисаветинского времени; я принялся читать эту книгу и мало-помалу прочитал ее всю, от доски до доски, и многое из читанного мной тогда и поныне еще сохранилось в моей памяти.

К этому времени, предшествовавшему моему вступлению в монашество, относится мое знакомство с Дмитрием Александровичем Брянчаниновым, бывшим впоследствии преосвященным Игнатием, епископом Кавказским и Черноморским. Дмитрий Александрович родился в 1805 году в селе Покровском, принадлежащем и поныне отцу его Александру Семеновичу, одному из весьма значительных

Вологодских землевладельцев. Восприемником его при святом крещении был Дмитрий Иванович Самарин, тоже один из почтенных и очень уважаемых туземных владельцев. Крещение совершал священник отец Александр Юшков, который впоследствии, поступив в монашество, был пострижен под именем Арсения, был иеромонахом Невской Лавры и умер там, будучи настоятелем Киновии. Он был нашим приходским священником в приходе у Николы на Глинках, где был дом моего родителя. От отца Александра услышал я в первый раз о Брянчанинове в 1829 году. В то время он возвратился из Площанской пустыни и гостил в Вологде у крестного своего отца Самарина.

В первый раз довелось мне увидеть Брянчанинова на набережной реки Золотухи: я был на левом береге, а он шел по правому. Как сейчас вижу его: высокого роста, стройный и статный, русый, кудрявый, с прекрасными темно-карими глазами; на нем был овчинный тулуп, крытый нанкой горохового цвета, на голове послушническая шапочка. Это было во время зимы 1830 года.

В том же году на Сырной неделе я отправился на богомолье в Глушицкий монастырь, к которому Брянчанинов был приукажен. В то самое время, как я пришел в монастырь и подходил к гостиннице, Брянчанинов садился в сани (наподобие длинной лодки, какие в употреблении у чухонцев) и отправлялся в Семигородную пустынь, куда и я также направлялся. Переночевав в Глушицком монастыре, с четвертка на пяток, я наутро отправился пешком и пришел в Семигородную пустынь уже в субботу и пристал на гостинице, а Брянчанинов, гораздо заранее до меня приехавший, остановился у настоятеля, игумена Мельхиседека, в так называемых архиерейских покоях. В субботу я ходил к вечерне и под воскресенье был у утрени.

Церковь там трехпрестольная, довольно обширная, настоящая во имя Успения Пресвятой Богородицы и аркой отделяется от трапезной, в которой по сторонам – приделы, а посередине – столб, поддерживающий своды, и на этом столбе устроен киот с Чудотворной иконой Божией Матери, именуемой

Семигородной, праздненство оной совершается в Успениев день. В Прощальное Воскресенье я был у обедни. Когда я пришел в церковь, Брянчанинов был уже там и стоял в настоящей церкви за правым клиросом, а я стал за столбом, налево, под аркой. Во все время обедни Брянчанинов ни разу не обернулся и, следовательно, не мог видеть, что кто-либо стоит за ним. Ему поднесли просфору, и когда по окончании обедни служащие и братия пошли в придел совершать установленное молебствие, которое там всегда бывает после литургии, Брянчанинов обернулся и, подошедши прямо ко мне, дал мне просфору и, спросив меня, где я остановился, сказал мне: «Я к вам приду». Мы друг друга совершенно не знали и до этого никогда не разговаривали. Я был поражен от удивления… Он вышел, а я остался дослушивать молебен, и когда пришел на гостиницу в свой номер, то нашел его уже у себя, меня поджидавшим.

Мы посидели весьма недолго и, немного поговоривши, расстались, потому что скоро ударили к трапезе; я отправился в братскую трапезу, а Брянчанинов пошел к настоятелю и обещал мне, что как только отобедает, то пришлет за мной.

Выходя из-за трапезы, я действительно увидел игуменского келейника, присланного за мной, и он повел меня к Брянчанинову. Беседа наша началась, может быть, в 1 или во 2 часу дня и продолжалась пока не ударили к утрени. Не взирая на его молодые еще лета, видно было, что Брянчанинов много читал отеческих книг, знал весьма твердо Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина, Добротолюбие и писания других подвижников, и потому беседа его, назидательная и увлекательная, была в высшей степени усладительна. Эта продолжительная беседа его со мной еще более утвердила меня в намерении удалиться из мира и вступить в монашество. Поутру мы расстались: мой собеседник отправился обратно в Глушицкий монастырь, а я пошел в Спасокаменный.

Глава III. Горицкий монастырь, исторические сведения об оном; игумения Маврикия Ходенева; слепая старица Феодосия; Феофания Готовцова; ее сестра Маврикия Щулепникова; Ангелина Кожухова; Агния Шилова

Горицкий монастырь

Воскресенский Горицкий монастырь (3-го класса, девичий) состоит в Новогородской епархии, в Кирилловском уезде, на левом берегу реки Шексны, вытекающей из Белаозера и впадающей в Волгу; находится в расстоянии 7 верст от города Кирилова по большой Санкт-Петербургской дороге, от Вологды в 127 верстах, и от Новгорода в 614 верстах. Кем эта обитель основана и когда именно, неизвестно, но в начале XVI века уже существовала, и в 1544 году княгиня Старицкая, Евфросинья Андреевна, рожденная княжна Хованская, жена удельного князя Андрея Ивановича, родного дяди Иоанна Грозного, построила собор, каменный в два яруса, первоначально крытый тесом и имевший только два престола: наверху – Воскресения Христова, внизу – Кирилла Новоезерского. Впоследствии иждивением седьмой супруги Иоанна Грозного, Марии Феодоровны (из рода Нагих во иночестве Марфы), в верхнем ярусе устроены еще два придела: 1, во имя Божией Матери иконы Одигитрии и 2, Кирилла Белоезерского. Через некоторое время к этим приделам пристроены новые два придела: 3, во имя святого царевича Димитрия и 4, святой великомученицы Екатерины. В 1831 году при больничном корпусе, выстроенном монахиней Марией (в миру бывшей Параскевой Николаевной Хованской), устроена была церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а в 1852 году на хорах в этой церкви вновь сделаны два придела: 1, во имя святого Архистратига Михаила и прочих бесплотных Сил и 2, святого Предтечи и Крестителя Иоанна. Колокольня каменная над соборной папертью строена в 1611 году царицей, инокиней Марфой.

При поступлении моих сестер в Горицкий монастырь настоятельницей там была игуменья Маврикия, и так как она замечательная старица, то скажу о ней что знаю. В миру ее звали Мария Матвеевна Ходнева, она была дочь Белоезерского дворянина Матвея Ивановича, жившего неподалеку от монастыря. С детских лет она отличалась особенной сосредоточенностью, молчаливостью, кротостью и

сострадательностью к бедным. Она весьма охотно посещала храм, любила молитву и, по примеру своих родителей, строго соблюдала посты. Она рано выучилась читать книги церковной печати, но при всех усилиях плохо разбирала гражданскую грамоту. Мария имела еще сестру, которая была старше ее несколькими годами. Отец ее умер и, спустя некоторое время, ее мать вышла вторично за человека с характером весьма тяжелым. В особенности чувствительно было для Марии, что, как при отце ее, не соблюдались у них в доме посты. Она решилась вступить в монастырь, и в 1801 году, имея от роду лет 18, вступила в Воскресенский Горицкий монастырь, находившийся неподалеку от имения ее матери. Монастырь был штатный, в большом упадке, сестер в нем было до 70, а настоятельницей тогда была игумения Маргарита. В 1806 году при пострижении Мария была названа Маврикиею, а в 1810 году, по смерти Маргариты, единогласно всеми сестрами избрана в игумению, и как она ни плакала и ни отговаривалась, сестры настаивали на своем выборе, и она была утверждена и в июне посвящена в Новгороде епископом Иоасафом, викарием Новогородским. Ей было тогда лет около 33.

Сделавшись настоятельницей, мать Маврикия вполне подчинила себя, по примеру своей предшественницы, духовному руководству Новоезерского архимандрита Феофана, бывшего в то время благочинным монастыря. Этому достопочтенному старцу одинаково обязаны своим благоустроением как Новоезерская обитель, так и Горицкая, но трудно определить, на чьей стороне был перевес: на стороне ли руководителя Феофана или на стороне руководимой настоятельницы Маврикии.

В 1831 году, будучи еще мирянином, я пришел в летнее время посетить моих сестер в Горицкую обитель и желал быть у них в келии; но так как вход в келии не для всех был доступен, то и должен я был лично испросить благословение игумении быть у них в келии, находившейся в связи с настоятельскими покоями. Игумению довелось мне тогда видеть в первый раз: она была уже не молодых лет, на вид ей можно было дать лет 55, или более. Роста она была среднего, довольно худощавая,

но лицо имела круглое, голову всегда держала наклоненную, постоянно перебирала в руках шерстяные четки, одежду носила самую простую, ни сколько не отличавшуюся от одежды прочих сестер обители. Она говорила весьма тихо, не возвышая голоса, была вообще молчалива, ограничиваясь при разговоре точными ответами и редко сама делала какие-нибудь вопросы.

С самого первого времени поступления своего в управление обителью мать Маврикия стала помышлять об устроении общежития, ибо Горицкий монастырь был дотоле штатным. Когда она стала говорить о своем желании старцу Феофану, преобразовавшему уже Новоезерский монастырь, он похвалил ее благое намерение, но спросил ее вместе с тем: на что она расчитывает для поддержания общины, когда у монастыря нет никаких доходов? «Надеюсь единственно на Господа и на ваши святые молитвы», – отвечала она. – «По вере вашей дастся вам, невозможное у человеков возможно у Господа».

Преобразование обители не всем было по мысли: многие роптали, другие вышли, и в монастыре осталось только человек сорок. В тяжелый для России 1812 год, в самый день Пасхи, была первая общая трапеза.

Сказав что мне известно о самой игумении, возвращаюсь к рассказу о посещении моих сестер. Они жили вместе со слепой старицей по имени Феодосия, одной из самых давних сподвижниц игумении. Старица эта, как мне рассказывали, препровождала все свое время в постоянном повторении молитвы: «Богородице Дево! Радуйся». Молитвенное ее правило было таково: сперва она прочитывала молитву эту 130 раз, а после того повторяла ее поодиночке за матушку игумению, за матушку казначею, за матушку благочинную и т. д., пока не перечитает ее за всех сестер обители. После того она начинала туже молитву за всех известных благотворителей и за других живущих, и когда кончит читать молитву за живых, прочитывала ее известное число раз сряду за монастырских коровушек, питающих святую обитель сию. Потом переходила к повторению молитвы за усопших. Это непрестанное призывание имени Пресвятой Богородицы и произношение ее молитвы,

обратившееся у старицы как бы в умную молитву, по замечанию в обители, возымело на старицу благодатное действие: она имела иногда видения, слышала пение, и под конец жизни стяжала дар прозорливости.

На следующий день по моем приходе в монастырь, я пришел к ранней обедне в больничную Покровскую церковь и попал на отпевание одной послушницы. Когда приспело время нести гроб на кладбище, сестры подняли оный, а с ними вместе понесла и мать игуменья. Видя это, я стал спрашивать: кто была покойница? И узнал, что она была одна из простых послушниц, умершая в больнице, и что игумения имела обыкновение нести гроб до самой могилы и провожать каждую из сестер, кто бы она ни была.

Покровская церковь была строена в 1831 году иждивением княжны Параскевы Николаевны Хованской, во иночестве Марии, в схиме Параскевы. При церкви в то время были длинные, одноэтажные по обеим сторонам пристройки, в которых находилось 16 больничных, довольно тесных келий, каждая об одном окне. Как храмоздательницу и строительницу игумения сделала мать Марию начальницей церкви и смотрительницей больницы, и потому в храме она имела послушание церковницы и жила тут же в здании больницы. Все ее отличие от других состояло только в том, что она занимала две кельи вместо одной, то есть два окна, а не одно.

Княжна Хованская родилась в 1778 году, она была фрейлиной Императрицы Марии Феодоровны. В 1824 году она приехала с княжной Варварой Николаевной Долгорукой в Горицкий монастырь помолиться, и ей так там понравилось, что она решилась остаться совсем. Игумения поручила княжну одной старице, Епифании, строгой подвижнице и весьма взыскательной, которой княжна безпрекословно и с глубоким смирением во всем повиновалась. Старица научила ее тому же рукоделию, которым сама занималась: шить башмаки и столярничать, а также и прясть волну. Когда, в мою бытность, мать Мария жила уже в здании больницы, то в одной келье она занималась своим рукоделием, а в другой была молельная и спальня. В то время ей было слишком 50 лет; роста была

среднего, весьма статная и видная собой и, глядя на лицо ее, можно было думать, что смолода она была замечательной наружности. Жизнь провождала она подвижническую, стараясь подражать древним инокам. В обращении своем со всеми была весьма смиренна, кротка и беспрекословно послушная настоятельнице и своей старице, ни в чем не имела своей воли. Вполне нестяжательная, она предоставляла в полное распоряжение игумении значительное денежное вспомоществование, ежегодно присылаемое ей родственниками, ничего для себя самой не оставляя, и в своей келье не имела ничего, кроме носильного платья. Она ни в чем не отличалась от сестер, носила одежду такую же, как и все прочие, и довольствовалась общей монастырской трапезой.

Под конец жизни Господь посетил ее тяжким недугом: все тело ее покрылось ранами и струпьями, подобно Иову Многострадальному; но это не возмутило ее благодушия, она терпела с великой кротостью свою болезнь до самой кончины.

Окруженная сестрами, напутствованная христианскими таинствами, она тихо и мирно отошла ко Господу ноября 10 дня 1840 года. Мне сказывали самовидцы, что час ее кончины ощутили бесноватые, бывшие тогда в монастыре и находившиеся в ближней слободе.

В заключение о княжне, схимонахине Параскеве, скажу, что была она из того же рода князей Хованских, к которому принадлежала и несчастная супруга князя Андрея Иоанновича Волоцкого, Евфросинья Андреевна, храмоздательница Воскресенского собора в 1544 году, и в Горицком монастыре довольное время подвизавшаяся и под именем Евдокии постриженная, а в 1569 году октября 15 дня утопленая в Шексне. С ней вместе тогда утоплена и жена ее племянника Юрия Васильевича, невестка Иоанна Грозного, рожденная Иулиания Дмитриевна Палецкая, во иночестве Александра. Обе жертвы Иоанновой жестокости погребены в Горицкой обители, первоначально в отдельной часовне, против соборного алтаря, ныне же над могилами воздвигнут теплый соборный храм. Итак, в Горицкой обители были две подвижницы из одного и того же

рода князей Хованских, на расстоянии 280 лет, обе храмоздательницы, и обе там погребенные.

Немного лет спустя после того, как мать Маврикия вступила в управление обителью, именно в 1816 году, под ближайшее руководство нестарой еще, но опытной уже настоятельницы, по указанию старца Феофана, поступила одна из значительных Вологодских владелиц, некто Александра Алексеевна Клементьева[17], надворная советница. Скудной средствами обители она принесла в дар щедрые и богатые вклады и все свое достояние, но выше всех жертв ее была жертва себя самой и трех юных своих дочерей, из коих младшей было 11 лет. Клементьева с дочерьми, предавшая себя вполпе руководительству старца Феофана, была впоследствии пострижена под именем Агнии, а дочери ее названы: старшая Аркадией (умершая в 1821 году), вторая Арсенией (бывшая впоследствии преемницей игумении Маврикии) и третья, младшая, Асинефой, живущая и доныне мать Агния, вполне преданная игумении Маврикии, была деятельной и ревностной ее помощницей во всех ее полезных и благих предприятиях. Она помогала строить храм во имя Пресвятой Троицы. Каменщики и другие мастеровые были ее собственные люди, ею призванные. Она сама и ее дочери вместе с прочими сестрами делали кирпичи, носили воду с реки (когда еще не проведена была в монастырь ключевая вода), наравне с прочими ходили на разные монастырские послушания, пели на клиросе и читали в церкви. Ее же иждивением построены два каменных корпуса и ограда, в холодном соборе украшен ею придел во имя иконы Смоленской Божией Матери, где и ее же чудотворная икона Одигитрии над царскими вратами в серебряном сиянии и спускаемая наподобие иконы Успения в Киеве, царские врата и иконостас вызолочены на палемент, и на двух местных иконах Спасителя и Божией Матери во весь рост сделаны серебряные ризы.

Старшая дочь, мать Аркадия, пожертвовала на украшение придела Смоленской Божией Матери всю свою часть, доставшуюся ей из имения отца. Она занималась живописью, и рассказывают, что когда писала иконы, то всегда с постом и

молитвой, питаясь в то время одной просфорой. Она была, говорят, весьма сострадательна и нищелюбива, так что когда она бывало идет в церковь и в это время кто-нибудь из нищих станет просить Христа ради, она не задумается и отдаст все, что при ней случится: и носовой платок и шейный, а взойдя на крыльцо, снимет, так чтобы никто не видел, чулки, отдаст и их. Она была весьма кротка и смиренна, скончалась 6 мая 1821 года.

Вот какой замечательный сон видела о ней старица Феодосия*[18] по прошествии пяти недель после ее кончины. «Вижу я, рассказывала старица, что пришла ко мне какая-то монахиня и будит меня, а я и спрашиваю ее: Да ты кто же такая старица? Я ведь тебя не знаю. Посмотри-ко хорошенько, говорит она, я ведь Аркадия, я всегда была добра к тебе. Я по голосу узнала, точно Аркадия, а на лицо-то и смотреть не могла: такой был от нее свет, венец у нее над камилавкой и даже до плеч пресветлый. Да как же это, Аркадьюшка, ты здесь, говорю это я ей, ведь ты же умерла, мы тебя ведь и в могилу схоронили? А она мне и говорит: Нет, мати, я не умерла, а ожила. И повела это она меня в какую-то часовню, смотрю, стоит там большой образ Богородицы, весь разукрашенный разноцветными каменьями. А Аркадьюшка-то указывает мне на образ, да и говорит: обе матушки предали меня Божией Матери, и теперь уж я не ваша и не с вами. И в часовне-то это такое благоухание и такой свет, что и сказать нельзя! Вышли мы оттуда и пришли в другую часовню: и там такой же свет и такое же благоухание, и слышу, что поют, а никого не вижу. Я и спрашиваю ее: что же, матушка, такое, кто же, мол, это поет-то? А она мне и говорит: А вот ты еще поживи-ко, да помолись, так тогда и узнаешь. И уж как в часовне хорошо было, кажется, и не вышла бы оттуда. Пришли в третью часовню: там все венцы, да все такие светлые, так блестят это они, что и смотреть на них невозможно. Тут Аркадьюшка-то мне и сказала, что это Господь для праведных уготовал, мол, сии венцы». А потом еще говорила: Вы по мне не плачьте, мне ведь здесь хорошо! И мне на пользу сказала: Ты, говорит, иногда ходишь без благословения матушки игумении, так этого не делай, хотя бы

ее и в келии не было, поклонись келье, заочно благословись. Опять это мы вышли и пришли к пребольшой и преглубокой яме, так что и дна ее не видать. Ну а это-то, матушка, что же, мол, такое? А она мне и говорит: вот кто не милостив и не имеет любви к ближнему, так вот где ему место. Стали мы переходить через яму по перекладинке, а оттуда так и веет холодом, такой мороз пресильный, что глаза от холода слипались. Потом пришли мы к огненной реке... А там-то, Царь Ты мой Небесный! уж такой трескот, смрад, дух какой! А огонь-то, словно гром гремит, а волнами-то грешников снизу так кверху и поднимает, словно черные головни какие, кого по пояс выплеснет, кого по горло, а то голова или рука покажется, да и опять их волнами и зальет! Такой крик, такой вопль и смрад, что и терпеть не можно! Я инда у себя во рту этот дух долго чувствовала! А над рекой три пребольшущие горы, так что и конца края им не видно, стоят и зыблятся. А я опять Аркадьюшку спросила: ну это-то что же, мол, такое, матушка, что горы-то покачиваются? А она-то мне и говорит: что когда света преставление будет, и тут прибавится еще грешников, так эти горы-то на них падут и покроют их, и будет им тогда тут вечная мука, и этого вопля их тогда уже больше не будет слышно. И я закричала: отпусти ты меня, Аркадьюшка, отсюда. Я должно быть и в самом деле закричала, потому что сестры, которые спали в моей келии, услышали, что я кричу, прибежали, да и разбудили меня. Спаси их, Господи! Было ровно 12 часов ночи».

Мать Агния устроила еще и другой придел во имя Владимирской иконы Божией Матери, в Троицкой церкви на хорах. Агния была для игумении Маврикии твердая и надежная опора: ибо игумения несмотря на то, что была из дворянского семейства, не умела писать, а только с трудом могла подписывать имя. Агния была ее письмоводительница, и все бумаги писала сама. Она была и закупщицей, ездила на ярмарки, делала нужные для монастыря закупки, сама все укладывала и отправляла; но эти хлопоты не мешали ей в точности исполнять монастырское правило и вычитывать все службы. Вполне преданная игумении, она была неутомима и,

несмотря на свои уже преклонные лета, ревностно хлопотала о пользе обители, так что и смерть застала ее почти на труде: она за несколько дней до кончины только что возвратилась с ярмарки, занемогла, поспешили ее напутствовать и особоровать, и так она мирно отошла ко Господу в 1841 году, имея лет 75 от роду.

Мать Арсению с самого поступления в монастырь мать игумения препоручила руководству монахини Евгении, которая была клиросная головщица и великая подвижница. Она была девица, дочь одного курского священника, и сперва была в монастыре в Курске, но ей показалось, что там недовольно строго живут и, никому не сказавшись, она ушла оттуда со странницами и пришла в Горицкий монастырь. Впоследствии она была в Курске и неописанно обрадовала отца, явившись к нему, тогда как он считал ее уже умершей и поминал за упокой.

Весной 1818 года поступила в Горицкий монастырь вдова генерал-майора, Александра Сергеевна Готовцова, рожденная Шулепникова. Она родилась в 1787 году в Костромской губернии в Солигалицком уезде, в имении отца своего. Ее мать была по фамилии Белкина, Доминика Ивановна, дочь Вологодского воеводы. Александра Сергеевна воспитывалась в Санкт-Петербургском Екатерининском Институте, вскоре по выходе оттуда она вышла замуж за генерала Готовцова, овдовела прежде года, имела дочь и, лишившись ее, по прошествии нескольких лет вступила в Горицкий монастырь. Когда я стал знать ее, ей было за тридцать лет, она была довольно высокого роста, величава, стройна, и лицем весьма красива. Воспитанная в неге и в роскоши, она умела отрешиться от всех прежних своих привычек, вела жизнь воздержанную, была любима и настоятельницей, и всеми сестрами, которые ее и боялись, и уважали. Она прожила 27 лет в монастыре, и когда в 1845 году по Высочайшему повелению была вызвана в Санкт-Петербург (для восстановления там женского монастыря), все плакали, ее провожая: в столь продолжительное время пребывания в монастыре она никого не обидела, ни даже словом, и оставила

по себе самые приятные воспоминания, которые и теперь еще сохраняют о ней Горицкие старицы-старожилки.

Старшая сестра матери Феофании, старая девица Анна Сергеевна Шулепникова, поступила в тот же Горицкий монастырь четыре года спустя после ее вступления. Она была весьма строгой, подвижнической жизни и разрешала на молочную пишу только на Пасхе, от Рождества до Крещения и в Троицкую неделю. Впоследствии она была пострижена с именем Маврикии и приняла схиму. Она выстаивала все службы и, пока еще была в силах, ежедневно бывала у двух обеден. Когда после она стала страдать от глухоты, вследствие головной боли, ее усердие к церкви от того не охладело:, она все-таки присутствовала при всех богослужениях и обыкновенно становилась в церкви в промежутке, который между алтарем и иконостасом, и по книгам сама вычитывала для себя всю службу от начала до конца. Все свое недвижимое имение мать Маврикия продала за 40 тысяч и деньги отдала игумении. Когда мать Феофанию вызвали в Санкт-Петербург, схимонахиня Маврикия была уже в преклонных летах и, будучи схимницей, как ни любила сестру свою, но последовать за ней не решилась, и мирно и тихо окончила дни свои в Горицкой обители на 82 году от рождения, в 1855 году.

Почти в одно время с материю Маврикею, то есть около 1822 года, поступила в Горицкий монастырь Александра Степановна Кожухова, дочь бригадира и сестра Курского губернатора, родом из Костромы. Она была в переписке с Новоезерским архимандритом Феофаном, к которому имела большую веру. Будучи уже сосватана, она поехала принять благословение старца Феофана, но он не благословил ее вступать в брак, а советовал, для спасения души, вступить в Горицкий монастырь: Александра Степановна не задумалась и, хотя ей нравился ее жених, она ему отказала и поступила в монастырь, себя вполне предала в волю отца Феофана и игумении Маврикии, и беспрекословно им повиновалась. При пострижении ей дано было имя Ангелики. Она вела жизнь весьма строгую: келии своей никогда не топила, теплой одежды не имела, ходила без чулков, носила власяницу, а под оной –

медный параманд на цепи и медный пояс и крест, а верхнюю ее одежду составляло грубое парусинное платье. В ее келии не было ничего, кроме узенькой скамьи с деревянным возглавием и рогозиной, и ведра для воды. Пища ее была постоянно постная, кроме Святой Пасхи и времени от Рождества Христова до Крещения. Ночи проводила она на молитве; послушание ее было у свечного ящика, и от продолжительного стояния, холода и других подвигов, под конец ее жизни она с великим трудом могла переставлять ноги, ибо они были покрыты ранами. Но тем не менее старица прожила до 82 лет и тихо, мирно и безболезненно заснула вечным сном в 1870 году.

Долголетняя жизнь строгих подвижников и подвижниц не есть ли лучшее доказательство, что воздержание и пост не сокращают лета нашей жизни, как утверждают сластолюбцы, а, напротив того, продолжают за те пределы, которых редко достигают миряне, изобретающие все возможные средства, чтобы услаждать свое чрево, сохранить здоровье, дабы продлить жизнь, в суете иждиваемую?

В заключение моего рассказа о Горицком монастыре, упомяну еще об одной подвижнице, которая туда поступила в 1834 году, следовательно, когда я уже и сам был в монастыре, о матери Агнии, бывшей в миру Александре Алексеевне Шиповой. То, что скажу о ней, известно мне из достоверных источников, от инокинь Горицких, самовидиц ее жизни. Александра Алексеевна родилась в 1785 году; отец ее Голостенов был Костромским губернатором и любим Императором Павлом, а мать была рожденная Катенина. Александра Алексеевна вышла замуж за Ивана Антоновича Шилова, когда ей едва исполнилось 15 лет, следовательно, около 1800 года, и прошло около 6 лет, а детей у них не было. Шипов имел великую веру к новопрославленному тогда угоднику Божию, преподобному Феодосию Тотемскому, которому он усердно молился, чтобы он испросил у Господа чадородие его жене. По прошествии некоторо времени они были обрадованы рождением сына, Алексея. Мальчик подрос и оказывал в учении необыкновенные свои дарования: родители им утешались, но радость скоро омрачилась печалью: Шилова заболела ногами; она не могла

ходить, страдала от нестерпимой боли; врачи истощили все свое искусство и не принесли ей ни малейшей пользы, так что с лишком два года носили ее на простынях. Однажды она в изнеможении заснула и видит во сне, что к ней пришел преподобный Феодосий Тотемский, обещая ей исцеление. Она рассказала свой сон мужу и некоторым из близких, которые стали ее уговаривать съездить к мощам преподобного, но она, по своему смирению, никак не допускала мысли, чтобы сон ее был не иное что, как мечта. Муж ее неотступно просил ехать, она согласилась и действительно получила у мощей преподобного мгновенное исцеление: в церковь ее вели с трудом, а из церкви она возвратилась одна, никем не поддерживаемая и совершенно здоровая. По смерти своего мужа она дала себе обещание, что как скоро сыну ее минет 25 лет, она непременно вступит в монастырь. Наступил 1834 год; ее сыну, находившемуся в то время адъютантом при великом князе Михаиле Павловиче, исполнилось уже 27 лет, но она все еще не была в монастыре и не знала даже, как объявить сыну о своем намерении, опасаясь, чтобы по любви своей он не стал препятствовать ей в исполнении давнишнего ее намерения.

Вот как она сама рассказывала Горицким старицам о своем удалении из мира:

«Однажды в летнее время, когда сын мой был в лагере, я стояла на молитве и слышу, что внутренний голос опять мне повторяет слова апостола: «Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения» (Кор.2:63). И эти слова слышались мне, и повторяла я их себе несколько дней сряду. Я стала мало-помалу приготовляться к отшествию, приводить дела в порядок и собираться в путь. Июля 13, в день празднества Архангела Гавриила, я всех людей разослала, отправила куда-то и экономку, бедную дворянку, у меня жившую; взяла, что было можно, квартиру заперла и ключ отдала соседям, чтобы передать его экономке, когда она возвратится, помолилась и, сказавши слова Давида: «Скажи ми, Господи, путь, в онь же пойду?» отправилась в путь. Куда мне идти я и сама не знала, так как никогда без провожатого никуда не хаживала. Думаю себе: ежели выйду на Московскую дорогу, то пойду в

Московские монастыри, а ежели на Новогородскую, то в Новгородские. Долго я шла, и наконец пришла в царское село, солдатские домики: тут, в палисаднике, я прилегла и, не спавши ночь от утомления крепко уснула. Пробудилась и опять пошла; день был жаркий, солнце сильно пекло, я стала изнемогать. Едет какой-то мужичок в телеге и говорит мне: «Куда это ты, барыня, идешь? Ты, кажись,, устала; присядь-ко, я тебя верст с десяток, пожалуй, подвезу». Я спросила его: «Куда эта дорога ведет?» «Куда ведет? Вестимо, в Новгород». Я села в телегу в первый раз в жизни... «Вишь ты, как солнце-то печет, говорил мужичок... Вот нака-сь мой кафтан, хорошенько загородись им, приляжь, авось заснешь, уж больно ты умаялась...» Хотя тележная тряска с непривычки была ужасна, но усталость превозмогла, и я крепко заснула. Долго ли мы ехали, не знаю. Кричит мужичок и будит меня: «Вставай, барынька, приехали». Я было стала давать ему деньги, но он не принял. На мне была шляпа, но неловко было идти в ней... я старалась променять ее на крестьянский платок, большой шелковый мой платок на какой-нибудь шушун, но шелкового платья никто не хотел взять, опасаясь, быть может, не краденое ли оно. Наконец я добралась до Новгорода и поселилась на квартире у одной солдатки, у которой прожила с неделю. Я ходила по церквам и решилась проситься в какой-нибудь монастырь. Видя необыкновенную странницу в крестьянском одеянии и в шелковом платье, меня не только нигде принять не хотели, даже и в разговор никто со мной не вступал. Я пошла за город – слышала, что в шести верстах есть Сырков монастырь. Подхожу к монастырю, а у ворот стоит казначея. Спрашиваю: «Нельзя ли видеть игумению?» Доложили. Игумения приняла меня ласково и спросила: «Что тебе угодно?» – «Пришла проситься в святую вашу обитель». – «Да ты кто же такая?» – «Беглая солдатка», – сказала я. – «От кого же бежала ты?» – «От мира и от сына». «А кто твой сын?» – «Солдат, служит при великом князе Михаиле Павловиче». Игумения пристально посмотрела на меня. «Теперь, милая, не древние времена», – сказала она. – «Ты мне всю правду говори и покажи бумагу, тогда я представлю по начальству. Сына следует уведомить... а между тем ты здесь

поживешь…» Я так обрадовалась, что хотят меня принять, что поклонилась игумении в ноги и подала ей мою бумагу, – дворянское свидетельство, и была принята. Я уведомила сына, построила отдельную себе келию, но никак не могла успокоить себя: меня влекло в Горицкую обитель. Наконец я решилась ехать. Игумению Маврикию я знала более двадцати лет, с Феофанией Готовцовой и с ее сестрой мы еще в миру были друзьями… были еще и другие знакомые мои и родственницы в Горицкой обители. Общежительный устав пришелся мне по духу…»

Вскоре после вступления, Шилову постригли в рясофор, в 1844 году – в мантию с именем Агнии, а в 1847 году – в схиму, с прежним именем Александры.

Она вела строгую подвижническую жизнь, в точности выполняла монашеские правила и монастырский устав, занимала должность письмоводителя, вела книги. Была ко всем очень добра, сколько могла благотворительна, всем и каждому помогала и словом и делом и, проживши двадцать лет в обители, с миром опочила о Господе в 1854 году.

Глава IV. Кириллов Новоезерский монастырь: архимандрит Феофан Соколов, игумен Лука; братия: игумен Аркадий, отец Вениамин; казначей Авраамий, Комаровский – послушник, потом игумен; Чихачов; Яковлев; архимандрит Феофан, его жизнь и кончина

При моем поступлении в Новоезерский монастырь, в июне 1832 года, уже 6 год был настоятелем игумен Аркадий, живший в казначейских келиях, потому что настоятельские занимал предместник его, находившийся на покое, архимандрит старец, Феофан[19]. Он поступил в Новоезерский монастырь из настоятелей одного из Новогородских монастырей, а до того времени был келейником митрополита Гавриила (Санкт-Петербургского и Новогородского 1763 г.) и милостынедателем, и владыка заметил, что пока он раздавал милостыню, у него никогда не было недостатка в деньгах, а когда на место отца Феофана поступил другой, то митрополичья казна стала оскудевать. В Новоезерские настоятели он был назначен еще в конце прошлого столетия, в 1793 году, из настоятелей, на место игумена Гедеона, смененного за слабое правление и посланного в Кириллов Белоезерский монастырь, где он и умер. Он не был заранее предуведомлен о приезде отца Феофана, и так как вел жизнь ни чем не лучше прочей братии и подолгу отлучался из монастыря, то и на этот раз его также там не случилось, вся братия была в разброде, так что новый настоятель нашел монастырь почти пустым, в совершенном упадке: строения валились, а поддержать их было нечем. О жизни братии лучше ничего не говорить: до того велика была их распущенность. Помолившись угоднику Божию, преподобному Кириллу, и все осмотрев, отец Феофан поехал обратно в Белоезерск, потому что, видя, в каком положении находился монастырь по нерадению игумена Гедеона, он убоялся

остаться, отчаяваясь в возможности восстановить обитель. Когда Белоезерские боголюбивые граждане узнали, что отец Феофан возвратился в город и какая была тому причина, они собрались к нему и стали его убеждать, чтобы он не отказывался от Новоезерского монастыря, к которому они имели великое усердие, хотя, к сожалению, оно совершенно не приносило для обители никакой пользы по милости настоятеля. Они было порадовались, что туда назначили человека, о котором слышали как о подвижнике, отличавшемся строгостью своей жизни, и вот вдруг все их надежды рушились. Убеждаемый Белоезерскими гражданами, обещавшими отцу Феофану дать средства возобновить запустелый монастырь, он должен был сдаться и, видя всеобщее желание и готовность помогать ему, решился возвратиться в монастырь, сопровождаемый туда едва ли не всем городом. Более всех пожертвовал Г. Маньков: он дал деньгами 5 000 рублей и обещал отдать свой дом в городе под монастырское подворье; глядя на него, жертвовали и все другие, кто что мог: кто муку, кто рыбу, лес, известь, холст, даже деревянную посуду; из Белоезерска потянулся целый обоз.

Вот что я запомнил из рассказов монастырских старожилов.

Я нашел в монастыре братии человек до 70, в том числе 9 иеромонахов и 7 иеродиаконов.

Отец игумен Аркадий был тогда лет 60, ростом выше среднего, весьма благообразный и весь белый как лунь, к братии он был добр, к церкви прилежен и строго поддерживал порядок, установленный старцем Феофаном, и по монастырю, и по церкви. Он был из духовного звания; родные его жили неподалеку от Новоезерского монастыря, которым он управлял 6 лет при жизни отца Феофана и 12 лет после его смерти; он умер, будучи архимандритом.

В 1820 годах он был ризничным, а казначеем был тогда из Вологодских граждан отец Вениамин, который при старце Феофане весьма долго исправлял эту должность и был правой его рукой, почему и пользовался всем его доверием.

По соображениям и общему мнению братии, ему следовало быть преемником старца, так как Аркадий был тогда только еще

ризничим и, кроме того, никогда не имел особых поручений. Иначе судил старец и выбор его по времени вполне оправдался. Отец Аркадий 18 лет правил обителью с великой для нее пользой и с честью окончил свою жизнь, всеми любимый и уважаемый, а отец Вениамин, от которого столько ожидали, глядя на его способности и на то полное доверие, которое имел к нему старец, благословивший его на начальство в Новогородские монастыри, но не в Новоезерский, был по времени игуменом Валаамским, но терпел великие скорби и искушения, вследствие чего и окончил свою печальную жизнь в архиерейском доме, в Костроме.

Казначеем я нашел отца Авраамия, ему было лет 40 (впоследствии строитель Дымского монастыря). Ризничим был отец Герасим, духовниками: отец Арсений (братский) и отец Анастасий (более для мирян), оба они были старые духовники. Гробовыми при мне были: Епифаний, мантийный монах (который при мне и умер), потом Мартирий, Питирим, также мантийный монах, ученик Макария, архимандрита Николо-Пешношского, пономарем, уставщик и головщик был Иларион, лет 60, левым клиросом правил иеродиакон Сергий, по времени жил в Сергиевской пустыне, а после того был наместник Толгского

монастыря.

При мне был весьма замечательный голос на левом клиросе (октава) – Вологодский купеческий сын, послушник Николай Иванович Венедиев, впоследствии иеродиакон Нафанаил, но вскоре умер. Рухлядный Иринарх оставил по себе добрую память: он перешел в Валаамский монастырь к (бывшему Новоезерскому казначею) игумену Вениамину, был сделан наместником, но во время искушения, нашедшего на Валаамский монастырь, пострадал и он и кончил дни свои в Архангельской епархии. До меня был келарем Амфилохий, который приобрел всеобщую любовь, и братия долго– долго вспоминала его хлебосольство; он был после того игуменом Коневским и архимандритом, а при мне келарем был немолодой послушник лет 40, Илья Иванович. Он был из Костромских купцов, роста небольшого; малого пострижения он

почему-то не желал, но впоследствии был пострижен под именем Иоасафа. Этот человек мог служить примером во всех отношениях: жизни он был воздержной, честный, благонамеренный и благодушный, неоценимый и незаменяемый. Когда кто-нибудь из братии приходил к нему и выпрашивал для себя кусочек рыбки или булки, он приходил в великое затруднение и не знал, что ему делать, дать или отказать. Откажешь, пожалуй, оскорбишь брата, а дашь – сделаешься самочинным распорядителем монастырской собственности, и он от этого до того смущался, что потом, бывало, пойдет для успокоения совести к старцам на откровение и просит разрешить его недоумение.

Из иеродиаконов упомяну о Нифонте и Мефодии.

Нифонт был из Вологодских купеческих детей, по фамилии Заволожский. Когда ему было еще лет 17 от рода, он имел уже сильное желание вступить в монашество, но у него недоставало решимости осуществить своего намерения, и вот какой случай ускорил время его вступления в монастырь: во время утрени, при слушании чтения Великого канона, на 5 седмице Великого поста, он до того был сильно поражен прекрасными и умилительными словами канона, что тут же, не выходя из церкви, решился идти в монастырь и, не возвращаясь домой, зашел в чужой приход, купил разрешительную молитву, которую читают над покойником, и с ней–то, вместо паспорта, никому не сказавшись, отправился в Новоезерский монастырь, где и остался жить. При моем поступлении он был уже несколько лет иеродиаконом, и ему было тогда около 35. Иеромонашества он не принимал, был всеми весьма любим, так как характер имел кроткий. Честный, трезвый, деятельный и преданный обители, он ревностно заботился об ее пользе, и нравственной и вещественной, и в каком бы послушании ни потребовалось человека, он, не взирая на свою степень иеродиакона, шел безотговорочно исполнять волю монастырского начальства. Впоследствии, при архимандрите Иакове, он не пожелал остаться в монастыре, перешел в скит Нила Сорского.

Мефодий, из духовного звания, находился в Новоезерском монастыре лет около 50; в первые годы своего иеродиаконства

он первенствовал, исполнял клиросное послушание и был уважаем от старца Феофана как за свою трезвость, так и за ученость и способность, почему старец и делал ему некоторые отличия от прочих. Но он не умел воспользоваться его к себе благорасположением и, возмечтав о себе, впал в высокоумие: «Господь же, хотяй всем спастися и в разум истины приити», попустил на него болезнь расслабления, продолжавшуюся около 20 лет и подавившую все его мечтания. После этого ему, казалось бы, только и оставалось, что смириться, но он впал в другую крайность: не имея более возможности похвалиться своими способностями, он обратил свои недуги себе в промышленность, выпрашивал у богомольцев пособия деньгами и вещами, и таким образом скопил немалую сумму. Он умер в 1831 году, почти в одно время со старцем Феофаном, отошедшим ко Господу 4 декабря, а он – 6-го. По его смерти келия его оказалась наполненной всяким хламом, в том числе было несколько мешков и кульков с сухарями, и когда стали разбирать в келии случайно брошенный бурачок с серными спицами, то он оказался не только вместилищем спичек, но и хранилищем собранных Мефодием сокровищ: из бурачка посыпались деньги: мелкого серебра было на 500 рублей ассигнациями. Ежели бы старец Феофан не предварил его своей кончиной и узнал бы об этом обстоятельстве, оно бы весьма его оскорбило, ибо он был о Мефодий совершенно иного понятия.

Любостяжательность этого старца напоминает мне еще одного корыстолюбца, Новоезерского рясофорного послушника, отца Афанасия. Он был родом из крестьян и 20 лет отдан в солдаты, причем отец его дал ему в награждение 500 рублей ассигнациями, которые он сумел сберечь в продолжении 27 лет, что, конечно, было дело нелегкое, потому что, вероятно, он терпел и нужду, видел и искушения, но страсть сребролюбия все в нем превозмогла и давала ему силы все побороть, так что, вышедши в отставку и вступивши в монастырь, он все-таки не мог отрешиться от этой страсти. Когда он пришел в монастырь, отец игумен Аркадий принял его, яко единого от убогих, дано было ему послушание прислуживать в кухне.

Деньги свои (500 рублей ассигнациями) он вмазал в изразчатую печь и почитал их в безопасном месте, но, к его обличению, Господь попустил подобного человека подсмотреть, где клад у старца, и он им воспользовался. Эта утрата денег до того его поразила, что, несмотря на все увещания старцев покориться воле Божией и благодушно перенести эту потерю, он не мог себя пересилить, все продолжал скорбеть, пришел в помешательство и вскоре после того умер.

Из младшей братии я застал в монастыре между прочими: Комаровского Александра Федоровича, Чихачова Михаила Васильевича и Яковлева Павла Петровича.

Комаровский, родом из Белоезерских дворян, был лет 22 или 23, и уже года с три находился в монастыре. Мать его жила в Горицком монастыре при игумении Маврикии. Александр Федорович Комаровский имел характер кроткий смиренный, услужливый, за что был всеми и любим, и уважаем, и не только братией, но и самим игуменом Аркадием. Старец Феофан считал его своим самым искренним учеником, видимо, отличал его от прочих и, глядя на это особое к нему расположение старца, бывало, невольно ему позавидуешь. Многие про него говорили, что он со временем будет для обители вторым старцем Феофаном, и всеобщее расположение к нему было таково, что не будь он так молод его готовы были бы избрать себе в настоятели. Впоследствии времени это всеобщее желание видеть его начальником обители и осуществилось, но не на пользу ему, а к явному вреду обители и к великой скорби всей братии, к которой он видимо, изменился. Всех старших братий, напоминавших ему о прежних порядках, установленных старцем Феофаном, он стал преследовать и мало-помалу их вытеснил, окружил себя людьми неблагонадежными и неодобрительного поведения и в непродолжительное время до того расшатал Новоезерскую обитель, что теперь действительно ей остается ожидать только, чтобы Господь снова послал ей человека, подобного первому Феофану, но не второму. Вот что значат два разных человека и в одном и том же месте, и при одних и тех же условиях: один все разоренное и расстроенное воздвиг с великим трудом, другой все воздвигнутое с великим

трудом и усовершенное многим временем поколебал и расстроил.

Шестнадцать лет спустя, когда в 1848 году я посетил Новоезерскую обитель, где Комаровский был уже игуменом (а я Угрешским казначеем), к крайнему моему сожалению, я не нашел в нем ни единой черты, которая бы могла мне напомнить, каким я его оставил. Вместо благообразного и смиренного юноши с белокурыми волосами, невольно каждого к нему располагавшего, я увидел перед собой тучного человека, черты все огрубели, волосы стали рыжеватыми; вместо мягкого голоса я слышал голос и хриплый, и резкий, и во всех движениях и приемах его, когда-то и тихих и смиренных, проглядывало что-то жесткое и самонадеянное.

За несколько дней до моего приезда (так как это было около 20 марта), только что окончилась Алексеевская ярмарка, с которой сбор бывает преимущественно медью, и я застал игумена, поверяющего ярмарочную выручку.

В той комнате, в которой сидел отец Феофан, четыре послушника считали насыпанные на полу медные деньги, а на столе я увидел грибную закуску и графин с водкой. Послушники попеременно, то один, то другой, подходили к игумену, жаловались, что у них заболела спина, считаючи деньги, и просили благословения подкрепиться (то есть, выпить водки), и игумен соизволял. Мне стало противно смотреть на эти проделки и я, не вытерпевши, сказал отцу Феофану: «Зачем это, отец игумен, делаете вы такие послабления и дозволяете в этих келиях поставлять водку? Помните вы, когда здесь жил блаженной памяти старец Феофан, с каким благоговением переступали мы его порог? Бывало придешь к двери и со страхом, и трепетом берешься за скобку, тихонько сотворишь молитву где страх там и благочестие. И в этих-то келиях, где жил старец Феофан, вы дозволяете теперь пить водку!»

Мое замечание не очень понравилось игумену, и он мне на это сказал: «На все есть свое время, и что возможно было тогда, того нельзя нам требовать теперь: не должно возлагать на слабого бремена неудобоносимые… Что всякое излишество предосудительно, я не отрицаю, но лучше слабость, чем

высокоумие: кто ничего не пьет, тот гордится, а кто испивает, тот лучше смиряется…» – «Поставить вино было очень легко, – сказал я ему, – и вы едва ли встретили в этом сопротивление, а теперь попробуйте-ка убрать, так вот увидите, что выйдет. Вы этим поколеблете всю обитель до основания». Мои слова, к сожалению, осуществились. После этого моего свидания с отцом Феофаном нам уже не суждено было более видеться.

Главные его отступления от устава преподобного Кирилла и от постановлений старца Феофана, перед которым и он сам, казалось, благоговел, состояли в следующем: 1, он допустил в обители винопитие, строго воспрещенное основателем ее, преподобным Кириллом, и обновителем оной, старцем Феофаном; строгость, которую и ему надлежало бы усвоить, будучи сам воспитан в этом духе; 2, невнимательность к нравственности братии, что повлекло ко всеобщей распущенности, и, наконец, 3, несоблюдение Устава Церковного, и вследствие всего этого обитель стала, видимо, оскудевать в своих средствах. Но на этом не остановилось дело: вскоре у настоятеля с братией вышли несогласия и раздоры. Не постигаю, что могло побудить его к тому, чтобы уклониться от тех строгих правил подвижничества, которые внушал ему старец Феофан и которым он и сам столько лет следовал! По неведению? Но какой же настоятель может оправдываться тем, что по неведению избрал такой опасный путь, одинаково гибельный как для него самого, так и для обители?

Впоследствии обстоятельства так его стеснили, что, не имея возможности ни отклонить их, ни оправдаться в своих делах, он был постоянно вынуждаем прибегать к косвенным мерам, чтобы замять то и другое дело, и так как он имел людей искусных, которые за него действовали, то и вполне преуспел и избавился от дальнейших преследований. Он был переведен в Большой Кириллов Белоезерский монастырь, но это ни к чему не послужило, ибо и здесь ожидала его таковая же участь: избежав суда человеческого, он не избегнул суда Божия. Господь поруган не бывает. Он долго терпит о согрешениях наших, но всему есть мера и долготерпению, как оно ни велико.

Чаша горечи, им самим для себя растворенная, отклоненная им в Новоезерском монастыре, продолжавшая наполняться в Кирилло-Белоезерском, его окончательно все-таки не миновала, и суждено ему было, по правосудию Божию, до дна испить ее в обители Соловецкой, куда, после долгих домогательств, он был, наконец, переведен и где его плачевная жизнь окончилась в 1871 году.

Чихачов Михаил Васильевич, из весьма древнего и известного дворянского рода, был лет 22, роста весьма высокого, видный и красивый юноша, говорил очень скоро и пел октавой. Волосы имел черные и в молодых его летах уже чрезвычайно скудные. Он был весьма добр, обходителен, простосердечен и ко всему временному и мирскому совершенно беспристрастен и равнодушен. Послушание он имел – клиросное пение, а когда ему приходилось читать сутки, то, так как он был весьма близорук и читать на обыкновенном аналое не мог, по благорасположению к нему настоятеля, для него был сделан превысокий аналой, соответственный его высокому росту. За свой добрый характер он был всеми весьма любим. Друг и товарищ отца Игнатия Брянчанинова, когда тот был сделан настоятелем Вологодского Лопотова Пельшемского монастыря (находящегося в 40 верстах от Кадникова), он перешел к нему и последовал за ним и в Сергиевскую пустынь (что на Петергофской дороге), когда отец Игнатий был переведен туда архимандритом в 1833 году. Здесь постриженный отцом Игнатием, Чихачов был назван Мисаилом. Священства он не желал и никаких видных должностей в монастыре никогда не принимал, вел жизнь уединенную и воздержную, и в Сергиевской пустыни, как и в Новоезерском монастыре, был всеми любим. Единственный его недостаток, впрочем, не от него зависевший, а происходивший от природных способностей, это слабость характера и неимение собственного своего суждения, почему и в старческих, преклонных летах он остался в этом отношении совершенным младенцем. При преемнике отца Игнатия Брянчанинова он пожелал воспринять схиму и при пострижении снова назван мирским своим именем, Михаилом. Он скончался в 1873 году,

прожив в одном монастыре 40 лет, ничего не желая и ничего не добиваясь: воистинно великая заслуга!

Яковлев Павел Петрович, находящийся еще и поныне в живых. Он был родом из дворян, уроженец Костромской губернии, в 1832 году ему было лет за 20. Не очень высокого роста, приятной наружности и характера самого уживчивого, мягкого. Он был письмоводителем отца игумена и имел почерк весьма четкий и красивый и, кроме того, он пономарил ранние обедни у преподобного Кирилла. Впоследствии и он перешел в Сергиевскую пустынь, где и по сие время находится и много трудится для обители с великой для нее пользой, и это говорю не как похвалу, но как истину.

В мою бытность в Новоезерском монастыре поступил туда один из владельцев Череповского уезда, некто господин Каменев, человек уже весьма преклонных лет, почему и не имел никакого послушания, но просто жил в монастыре и ходил в церковь молиться Богу. Будучи весьма крепок на ухо, он всегда становился возле самого чтеца, что не всем нравилось. Всю какую он имел движимость, скот, лошадей, все отдал в монастырь при своем поступлении. Понятия у него были совершенно своеобразные: так, например, он пожелал однажды по своему усердию бывшие в церкви местные свечи заменить новыми и при этом распорядился так, чтобы свечи были неравной величины: самую большую – Спасителю, несколько поменьше – Божией Матери, а к иконе преподобного Кирилла и еще менее, и когда его стали спрашивать, для чего он так сделал, то он отвечал весьма простодушно: «Ведь не могу же я их всех равнять».

В заключение воспоминаний моих о Новоезерском монастыре, скажу еще все, что знаю и что слышал о старце Феофане, находившемся там настоятелем более 30 лет и 6 лет пребывавшем на покое. В мое время ему было лет 80 или более; роста он был среднего, весьма погорблен, бороду имел большую, окладистую, но волосы небольшие, брови нависшие, лицо белое, глаза быстрые и проницательные. Палки или трости он не употреблял, но его под руку водил келейник, носил он всегда креповый клобук и рясу, а не мантию, и всегда был с

архимандричьим крестом. Говорил он негромко, но внятно, ясно и с расстановкой, по большей части заимствуя слово от Божественного Писания.

В последние годы его образ жизни был следующий (как мне рассказывали другие и что отчасти мог усмотреть я и сам): ко всем службам он всегда приходил до начала, стоял в алтаре, в отсутствие игумена назначал чтение Пролога и Благовестника. Установленный им порядок по церкви при нем исполнялся в точности, пение было чисто столбовое. Вероятно, все это введено ко времени открытия им общежития в 1790-х годах. В последние годы, живя на покое, в братскую трапезу он не ходил; пишу употреблял единожды днем и пил чай в три часа и после того принимал тех, которые приходили к нему, чтобы получить благословение и желали слышать слово на пользу. Многие из посетителей сообщали некоторым из братии, что испытывали на себе, как сбываются его предсказания. Всеобщее доверие к нему было так велико, что в важных случаях предварительно прибегали к его советам и не предпринимали никакого дела без его благословения. Современники его прежней жизни сказывали, что он в труде был неутомим: выстаивал все службы; после утрени отдыхал всего только один час; шел к ранней обедни, после которой оставался в церкви и, по желанию богомольцев, не переставал служить молебны и панихиды до самой поздней обедни.

Воздержание его было таковое: в святую и великую Четыредесятницу он употреблял пишу только дважды в седмицу – в субботу и в неделю, а в прочие дни пребывал совершенно без всякой пищи; но при том, когда случалось, что кто-нибудь из богомольцев приглашал его к себе на гостинницу и предлагал ему чай, он никогда не отказывался; и были такие случаи, что ему приходилось от богатых богомольцев переходить по приглашению к самым беднейшим, и он безразлично принимал угощение у каждого ему предлагаемое.

Так мирно текли его дни, и он не имел никаких недугов телесных, кроме старости, сохранив до кончины твердую память, зрение и слово.

Вот последний случай в его жизни, еще более подтверждавший всеобщее мнение, что он имел дар предведения (это было в день Введения Божией Матери, ноября 21, 1832 года): после братской трапезы разнесся слух, что старец Феофан едет в Горицкий монастырь, а было весьма холодно, градусов до 30. Это всех встревожило, а в особенности отца игумена, который всячески старался отклонить старца от этой поездки, так как прежде он никогда туда не езжал зимой, но, несмотря на все доводы, старец остался непреклонным. Кое-как собрали ему кибиточку, в которой он поехал в Белоезерск и пристал на монастырском подворье, которым в это время заведывала одна купеческая вдова, Наталья Ивановна, и принимала богомольцев. Старец имел обыкновение, посещая Горицкую обитель, привозить ей в дар значительное количество пудов рыбы, велел и на этот раз купить в Белоезерске пудов с 20 рыбы, и из них пуда с 4 оставить на подворье в распоряжение Натальи Ивановны, которой сказал: «А вот у тебя будут проезжие гости, а ты потрудись их прими, не поскучай, это время будет непродолжительно».

Переночевав, отправился в Большой Кириллов монастырь и там, поклонившись святым мощам преподобного Кирилла, поехал далее, в Горицкий, до которого 7 верст. Столь неожиданный приезд старца встревожил весь монастырь. Заметив это, старец сказал им, что он посещает их в последний раз. Он располагал было провести там несколько дней, но, неизвестно почему, вдруг изменил свое намерение и пробыл только одни сутки. Во все это время он не давал себе ни малейшего покоя: обходил все монастырские заведения и, по возможности, келии, всем делал наставления и со всеми прощался, хоть, по-видимому, в его здоровье не было заметно никакого изменения, так что некоторые из стариц стали уже друг у друга спрашивать, да не оскорбился ли чем старец, что отказывается у нас впредь бывать?

На обратном пути в Белоезерск, он, переночевав, почувствовал себя до того нехорошо, что в алтаре стоять уже не мог, где ему казалось холодно, и через всю церковь идти

было трудно, и потому становился у западной стены церкви между печей, но все-таки, невзирая на свою слабость, неупустительно ходил ко всем службам и в таком состоянии находился до 4 декабря, которое пришлось в субботу. В этот день игумена у утрени не было, и чтением Пролога и Благовестика распорядился старец Феофан. И вот какой особенный для меня случай сохранился в воспоминаниях об этом дне. В это время я находился в послушании при кухне помощника келаря. Желая получить благословение старца после утрени, я вышел в сени несколько ранее его выхода и остановился дожидаться его и когда он вышел, я поклонился ему в ноги и, приняв от него благословение, направился к лестнице, до которой было несколько шагов, а спустившись до половины лестницы, я приостановился, чтобы еще взглянуть на старца, уходящего в келию, но, к крайнему моему удивлению, я увидел его неподвижно стоящим на одном месте и пристально смотрящим мне вослед и когда я на него оглянулся, он тронулся с места и медленно побрел в свою келию. Это было последним его посещением церкви, и я его более уже не видал. После ранней литургии отец игумен с братией его соборовал и приобщал Святых Таин; к поздней обедне старец желал было идти, но его отговорили, а к вечерне он до того ослаб, что и сам почувствовал, что идти не в силах, и потому вечерню с канонами и акафистом у него правили в келии, и после того еще некоторые из братий его посещали, а отец игумен оставался при нем неотходно. Он со всеми мог еще разговаривать, и сказал, между прочим, что ежели он будет не в силах идти к утрене, чтобы ее справили у него в келии. В исходе 9 часа он до того ослабел, что пожелал, чтобы ему питали отходную… Двенадцать раз ударили в большой колокол… и весь монастырь узнал, что старца не стало в живых. Тело его простояло в келии 8 дней и нимало не изменилось; погребение последовало на 9 день, в воскресение, декабря 12-го; отпевание совершалось в теплой церкви Смоленской Божией Матери; по окончании отпевания тело вынесли из церкви, обнесли вокруг собора и в оный внесли и там предали земле, с левой стороны царских врат под аркой, с противоположной стороны святых мощей

преподобного Кирилла. Отпевание совершал отец благочинный, архимандрит Кирилловский, Иннокентий, бывший прежде наместником в Невской Лавре. Богомольцев было многое множество, приезжали очень издалека. После его смерти все его келейные вещи, конечно незначительные, розданы многим на память о старце. После его смерти осталось духовное завещание, из которого видно было, что еще задолго до его смерти было ему особенно свыше указано место, где погребсти его.

Глава V. Хождение в Киев; Пешношский монастырь; Оптина пустынь; исторические сведения; отец Леонид; ученики его; старцы: Диомид, Вассиан; Гавриил-пустынник; свойства отца Леонида; действие умной молитвы: Матрона; Киев; Софрониева пустынь, порядок в оной; отец Иоасаф; отец Феодосии; Глинская пустынь; возвращение в Оптину пустынь.

1833 год

После кончины старца Феофана я продолжал жить в Новоезерском монастыре еще с полгода. В начале июня я возвратился домой, в Вологду, а в первых числах июля собрался на богомолье в Киев. Пока я снаряжался в путь, пришли в Вологду два послушника, возвращавшиеся из Соловецкого монастыря и шедшие в Москву. Оказалось, что один из них был племянником Горицкой монахини Клеопатры, мне известной, с ним вместе я и сговорился идти. Когда мы уже совершенно приготовились в путь, мои родные пошли провожать нас до Московской заставы и, не доходя до нее, мы зашли в дом умалишенных, находившийся от нее неподалеку. В ту пору там временно содержался один юродивый, некто Николай Матвеевич Рынин. О нем рассказывали, что он будто бы предузнает будущее, почему мои родные и стали спрашивать его обо мне: о моем вступлении в монастырь, о путешествии в Киев и прочее, и всем им и на все вопросы он повторял все одно и тоже: «Никола никуда не ходит, Никола не ходит», и при этом делал рукой движение, как будто стучит палкой об пол.

Ежели этот юродивый имел дар предведения и можно верить подобным предвещаниям, то на мне действительно сбылось по его слову. Я вскоре после того поступил в Угрешский монастырь, и с тех пор безвыходно живу сорок лет в обители Святителя Николая. По пути мы заходили в Корнилиев монастырь[20], хотя и штатный, но благоустроенный и чистенький. Он был в то время под управлением отца игумена Израиля.

Оттуда мы пошли к Павлу Обнорскому[21]. Монастырь тоже штатный и игуменский. Игуменом тогда был отец Макарий, из священников. Повидимости, монастырь казался не очень благоустроенным и, хотя зданий каменных было очень довольно, но у некоторых крыши были прогнившие, во многих келиях окна были без рам и рамы без стекол, братии было мало.

В Ярославле мы пробыли всего трое суток, поклонялись святым иконам и мощам Ярославских чудотворцев. В то время в Спасском монастыре, что при архиерейском доме, только что окончено было украшение церкви стенным писанием работы художника Медведева. В Ростове мы провели несколько дней и посещали все монастыри: Богоявленский[22], Петра Царевича[23] и Яковлевский[24], и отправились далее в Переяславль Залесский. По пути заходили в монастыри Троицкий Данилов[25] и Никитский[26], названные так по имени своих основателей, преподобного Даниила, жившего во дни княжения великого князя Василия Васильевича, и Никиты Столпника, преставившегося, как полагают, около 1186 года. Данилов монастырь в полутора верстах от Переяславля, а Никитский в 3 верстах.

Мы остановились на квартире близ Феодоровского[27] монастыря и ходили осматривать развалины старого Горицкого или Горийского, монастыря, основанного, как рассказывают, преподобной Евфросинией, супругой великого князя Дмитрия Донского. В этом монастыре полагал начало наш Вологодский угодник преподобный Димитрий Прилуцкий. Главная церковь обращена в городской собор, монастырь упразднен в 1764 году.

В Феодоровском монастыре игуменией была тогда Серафима, и в то время проживала там некая особа, по имени Фотина, покровительствуемая графиней Анной Алексеевной Орловой, так как она была ученица архимандрита Фотия. Первое время ее пребывания принесло обители великую пользу: она исправила все ветхости и привела оную в благолепное состояние, при помощи графини, снабжавшей ее средствами. О Фотине было много толков; она жила в отдельной келье и окружала себя какой-то таинственностью, впоследствии она уехала в Санкт-Петербург и, говорят, окончила жизнь в миру.

Из Переяславля мы пришли в Троицкую Лавру. Я в ней никогда еще не бывал и, сравнивая ее с нашими убогими иноческими обителями, я был поражен каким-то благоговейным страхом при виде ее величественности и благолепия, так что

даже не смел и думать о том, чтобы знакомиться с кем-нибудь из монашествующих.

В Москве мы пристали на Пятницкой улице, на постоялом дворе.

Посетивши соборы и поклонившись Кремлевской святыне, я отправился с теми же двумя послушниками в Николо-Пешношскую пустынь, основанную учеником Преподобного Сергия, Мефодием, находящуюся в 80 верстах от Москвы и в 25 от уездного города Дмитрова. У спутника моего, послушника Евфимия (племянника матери Клеопатры) был там дядя, иеромонах Димитрий, ризничим. Настоятельствовал в то время отец-строитель Максим, родом из Тверских купцов и в 1790 годах постриженный на Пешноше. Он полагал начало при известном старце схииеромонахе и архимандрите, Санаксарском постриженнике, Макарии, при котором Пешношская обитель процвела и прославилась.

Отец Максим был несколько лет братским духовником, потом строителем Московского Сретенского монастыря, казначеем Берлюковским, а с 1819 года Пешношским строителем по смене Пахомия. Казначей был Варсонофий. В то время там жительствовал на покое бывший Даниловский архимандрит, прежний наместник Чудова монастыря и числившийся игуменом Угрешским, Феофилакт; он скончался в Пешноше в 1841 или 1842 году.

Порядок по церкви и по трапезе я нашел такой же, как и в Новоезерском монастыре.

Тогда кое-кто из братии рассказывал нам, что незадолго до нас в обитель приезжал известный Оптинский старец, отец Леонид, который оставил неизгладимое воспоминание о своем духовном ведении и старческой опытности. Он пробыл на Пешноше более недели и занимался с братией, и от его прозорливого духовного ока не могли укрыться некоторые из монашеских недостатков обители, не замечаемые тамошними старцами, которые, однако, в то время пользовались всеобщим уважением. В числе братии находился там некий брат, которого имени я теперь и не припомню. Все его считали за подвижника, взирая на его строгую жизнь, но иначе судил старец Леонид. По

неоднократном беседовании с ним, прозорливый старец убедился, что мнимый подвижник одержим духом прелести, и потому, призвав братского духовника, советовал за означенным братом бдительно следить и охранять его, говоря, что он близок к опасности.

И действительно, предсказания старца Леонида сбылись: немного времени спустя после его отъезда, несчастная смерть постигла брата, заподозренного в прелести: его нашли повесившимся. Вот каково было духовное ведение старца и вот что значит проходить опасный путь подвижничества не с истинным духом кротости и смиренномудрия!

Оптина пустынь

Возвратившись с Пешноши в Москву, я расстался с моими двумя спутниками: они пошли к себе на родину, в Смоленск, а я один отправился пешком в Оптину Козельскую пустынь, на Калугу.

Я имел от отца Игнатия (Брянчанинова), игумена Лопотова Пельшемского монастыря, письма к двум старцам Оптиной пустыни: отцу Леониду (выше помянутому) и отцу иеромонаху Иларию (Младшему).

Благодаря их содействию мне дозволено было пожить на пасеке, близ скита, у отца Диомида. Я провел там время более трех недель и, пользуясь благорасположением старца Леонида, ходил к нему на полунощное правило и на откровение помыслов.

В то время настоятелем Оптиной пустыни был старец-строитель Моисей, а брат его, отец Антоний, начальником скита.

Прежде чем стану говорить о моем пребывании в скиту и о старцах, скажу несколько слов о самой пустыни, о строителе Моисее и о скитоначальнике Антонии.

Оптина пустынь, как гласит предание, была основана в XV столетии, но кем и по какому поводу, неизвестно; во время самозванцев была разорена, потом возобновлена; в 1717 году упразднена; при Императрице Екатерине I снова восстановлена, но в продолжение почти 70 лет, весьма оскудевшая и обнищавшая, она еле-еле существовала до 1796 года, пока не обратил на нее внимание блаженной памяти преосвященный Платон, архиепископ Московский и Калужский. Он прислал в Оптину пустынь строителя из Николо-Пешношского монастыря и поручил архимандриту Пешношскому Макарию следить за обителью. С этого времени обитель стала благоустрояться и достигла до того цветущего состояния, в котором видим ее теперь. В 1820 годах, во время управления Калужской епархией преосвященного Филарета (впоследствии митрополита Киевского), игуменом Оптинским находился Даниил, бывший эконом в доме архиерея. Владыка

любил посещать Оптину пустынь и в 1821 году пожелал устроить при оной скит.

В то время в Смоленской губернии, в Рославских лесах, в 40 верстах от города Рославля, в имении владельца Броневского (где издавна подвизались знаменитые старцы: Варнава, Никита, Иаков, Василиск, Зосима и другие), жили: иеросхимонах Афанасий, Дорофей, Досифей, Тимофей и Александр. Их часто посещал один из великих старцев Оптинских, отец Феофан, в 1819 году отошедший ко Господу.

В 1820 году отец Тимофей посетил Оптину пустынь и был представлен преосвященному Филарету игуменом Даниилом, и владыка предложил ему переместиться из Рославльских лесов и заняться устройством Оптинского скита, и в 1821 году отец Тимофей (впоследствии строитель Моисей), брат его Александр (Антоний), Иларий и Савватий, прибыли в Оптину пустынь и положили основание скиту. В следующем, 1822, году преосвященный постриг в монашество Тимофея, назвав Моисеем, а Александра – Антонием. Когда в 1825 году отец игумен Даниил был переведен архимандритом в Лихвинский Добрый монастырь, на его место строителем Оптиной пустыни был определен отец Моисей, а отец Антоний – скитоначальником, хотя еще он был только иеродиаконом; во иеромонаха его посвятили уже два года спустя.

Отца Макария (который был начальником скита после отца Антония) в то время еще не было: он находился тогда в Площанской пустыни Орловской епархии, где полагал начало, и перешел оттуда в 1834 году, когда, после вторичного моего пребывания в Оптиной пустыни, я оставил ее с отцом-иеромонахом Иларием.

Старец, иеромонах Леонид, к которому я имел письмо от отца Игнатия, был уроженцем города Корчевы, по фамилии Наголкин. Он родился в 1769 году и, следовательно, когда я стал знать его, имел уже с лишком 60 лет от рождения. Он полагал начало в Оптиной пустыни, куда поступил в 1797 году, потом перешел в Белобережскую пустынь, в которой и был пострижен в монашество и посвящен во иеромонаха. Жил несколько времени в Чолнском монастыре, где тогда

жительствовал старец Феодор, ученик Паисия Величковского; был настоятелем Белобережским в течение нескольких лет и, отказавшись от настоятельства, со старцами Феодором и Клеопой пустынножительствовал в уединенной келии; жил неподолгу в Валаамском монастыре, в Палеостровской пустыни, в обители преподобного Александра Свирского (где старец Феодор и скончался), находился в Площанской обители и, наконец, в 1829 году прибыл в скит Оптиной пустыни.

Отец Леонид был ростом выше среднего, довольно полный, лицо имел круглое, взгляд быстрый и проницательный, бороду небольшую, седую и волосы густые, длинные, спускавшиеся на плечи. Келия старца находилась тогда на пасеке, по причине мирских посетителей. Она была небольшая, но, впрочем, довольно вместительная, и разделялась на 4 отделения, или комнатки, а через сени – кухня, в которой жил Георгий (во иночестве Геронтий, и впоследствии игумен Тихоновой пустыни). Келия старца никогда не запиралась, ни днем, ни ночью, и к нему доступ был свободен во всякое время, приходил, кто хотел, и он принимал каждого, выслушивал внимательно и врачевал духовно недуги душевные и сердечные, но были случаи, что и немощам телесным приносила помощь его молитва. По болезненности своей старец все более лежал. Стены его келии были бревенчатые, ничем не покрытые, ни украшенные; в переднем углу находились две большие иконы в рост: преподобного Александра и ангела-хранителя; перед ними горела неугасимая лампада и стоял аналой с крестом и Евангелием; перед ними совершалось полуночное правило. Приходившие к старцу ученики на откровение обыкновенно становились на колени и так исповедывали свои помыслы и согрешения. Это была повседневная исповедь, тщательное очищение совести, приучавшая каждого ко внимательному блюдению за собой и охранявшая молодых послушников от пагубной мысли, что малые грехи неважны: кто бдительно следит за помыслами своими, тот, конечно, не совершит никогда и предосудительного действия.

При келиях старца находились в то время следующие из его учеников:

1) послушник Павел (Петрович) Тамбовцев, из купеческого звания, лет 25 или около того, от природы весьма умный и даровитый, получивший некоторое образование в миру, но более самообразовавшийся под мудрым руководством опытного старца, человек ласковый и приветливый, но, как мне казалось, не вполне искренний (быть может, и грешу против него). Он был письмоводителем старца, писал его письма, делал выписки и отчасти был и келейником. Отец его был Белогородский купец, сперва весьма богатый, потом разорившийся, и вследствие того, в порыве отчаяния, сам прекративший свою жизнь. Мысль, что отец его, которого он нежно любил, самоубийца, его терзала и не давала ему покоя, он медленно гас и года через два после того, как я его стал знать, он скончался лет 26 от рождения.

2) Георгий, второй келейник старца и его повар, мне пришелся весьма по сердцу; он был человек весьма радушный, добрый, простосердечный и очень словоохотливый. В монашестве названный Геронтием, он был впоследствии игуменом Тихоновой пустыни.

3) Рясофорный монах Александр, впоследствии Авраамий.

4) Другой Александр, уроженец города Мологи, по фамилии Мальцов, из купеческого звания, и 5) монах Макарий Грузинов, из крестьян Вологодской губернии, были ближайшими учениками старца Леонида.

Старец Диомид, у которого я жил на пасеке в келии, был весьма добрый и простой человек, имевший много странностей, что, впрочем, не мешало ему быть подвижником. Когда он говорил, бывало то не знаешь, говорит ли он шутя, или вправду. Мне случилось однажды надеть его сапоги, но носить их не было возможности: по всей подошве изнутри были преострые гвозди.

При поварне поваром был послушник Николай (Демутье), в иночестве Никодим, впоследствии архимандрит Малоярославецкого монастыря.

В числе клиросных был послушник Михаил (Иванович), как по фамилии – не упомню (брат теперешнего игумена Оптинской пустыни), из купеческого звания, из Белгорода. Он имел прекрасный характер и был весьма хорошей нравственности; впоследствии времени екклесиарх и архимандрит Киево-Печерской Лавры. Мне случилось однажды у него в келии пить чай, и его беседа была так усладительна, что и по сие время у меня сохранилось о нем самое приятное воспоминание.

Вассиан, старец-схимонах. Мне сказывали, что он жил на пасеке, когда еще не было и скита; при нем из Рославльских лесов пришли Моисей и Антоний, еще не постриженные тогда, и потому, по старой памяти, он и впоследствии времени обходился с ними попросту и продолжал их называть «брат Моисей и брат Антоний». Он был уже преклонных лет, характера строптивого и в обхождении очень суров, роста был высокого и крепкого телосложения. Между прочими особенностями он имел еще и странный обычай: прибивать деревянные кресты на высокие сосны, которые оттого скоро засыхали, и как его ни уговаривали не делать того, он никого не слушал и все-таки делал по-своему. Несмотря на все свои странности, он был любим и уважаем митрополитом Киевским Филаретом, который знал его еще в бытность свою епископом Калужским; он и постригал старца в схиму и когда, бывал в Оптиной пустыни проездом из Киева, всегда беседовал с ним и ласкал его. Я был у старца в келии: он обошелся со мной приветливо и водил меня даже к себе в подполье, где у него стоял гроб; но, впрочем, он этим нисколько не кичился, не вменял за великое, что приготовил для себя гроб и, свыкнувшись с памятованием о смерти, в гробу, как в простом ящике, берег огородные овощи.

Гавриил-пустынник. Он был родом молдаванин, но кто он был и откуда, мне не известно. Его келия была в лесу, с версту от монастыря, обнесена забором досчатым с маленькой калиткой, на которую привешивался ярлычек с надписью: принимает ли он посетитей или нет. Келия была деревянная, разделенная на ровные четыре части, печь была посередине и нагревала все четыре комнатки. Первая была передняя, вторая, где он готовил кушанье; тут был у него и колодец, третья, где он

принимал посетителей, и четвертая – его спальня. В подполье у него также был деревянный гроб и было устроено вроде молельни. Пустынник имел лет около пятидесяти от рождения, был темнорусый, в разговоре весьма боек и более говорил о своих мирских знакомых и благотворителях. В монастыре его не одобряли, называли его самочинником, потому что он жил по своему уставу, не подчиняясь монастырскому, и вообще мало относился к старцам. Впоследствии он из пустыни вышел и вступил на путь странничества.

Оптинские старцы отзываются о пустынниках не весьма одобрительно и, быть может, не без основания. Вот случай, о котором мне рассказывали: некто поселился пустынножительствовать верстах в трех от монастыря; сделал себе землянку и, когда уже совсем устроился, пришел к старцу Леониду за советом и за благословением на жительство в пустынной келье. Старец, выслушав его и разобрав все его обстоятельства и намерения, не одобрил его и не благословил его оставаться в пустыни. Много прошло времени, и так как он вторично к старцу не приходил, то и вздумалось отцу Леониду послать одного из учеников своих узнать, принял ли приходивший к нему отшельник его совет? Доискались места, где находилась пустынная келия, и оказалось, что землянка стояла обрушенная, и в ней останки пустынника уже полуистлевшие. Неизвестным осталось: сперва ли умер отшельник, и обрушившаяся землянка прикрыла его уже мертвое тело, или смерть его приключилась от падения на него хижины.

Вот что значит жить самочинно и не следовать старческому совету. Быть может, и даже весьма вероятно, что отец Леонид провидел, что пустынническая жизнь не будет отшельнику на пользу, и потому-то и не советовал ему подвизаться на этом поприще. В последние годы своей жизни отец Леонид не мог уже столько заниматься своими учениками, ибо велико было стечение к нему мирских людей изо всех местностей России и всех сословий и званий. В особенности же был велик наплыв из некоторых женских монастырей инокинь, которые считали себя ученицами отца Леонида. В том числе были монахини пустыни

Борисовки, находящейся в Курской губернии (и состоящей на содержании графов Шереметевых в их собственных владениях, ими основанной на их иждивение). Эта женская обитель, весьма многочисленная, была разделена на два старчества: одна половина, и в том числе тогдашняя настоятельница, находилась под старчеством отца Леонида Оптинского, а другая была под духовным руководством Филарета, старца Глинской пустыни, и обоим старцам было немалое затруднение умиротворить обе стороны, но, при всем их старании, они не могли достигнуть того, чтобы единомыслие утвердилось в монастыре. Для знавших старца Леонида нимало не удивительно, что столько отовсюду боголюбцев стекалось к этому духовному и (мы, не обинуясь, скажем) прозорливому мужу. Долговременная жизнь, проведенная им в постоянном трезвении ума, весьма обширного от природы и одаренного необыкновенной памятью, но еще более обогатившегося вследствие непрерывного упражнения в чтении отеческих книг, развила в старце способность, как будто в отверстой книге, читать в судьбах человеческих. Припоминая случившееся, обсуживая могущее быть и сопоставляя в разные времена сбывавшееся, он выводил свои заключения о исходе того или другого дела и в данном случае умел прилагать с пользой плоды своих долговременных наблюдений, хранившихся в запасах его обширной памяти. Природная проницательность вследствие долгого навыка и всегдашнего упражнения ума, доходившая до прозорливости, действовала в нем, конечно, не без особой благодати Божией, которая, видимо, опочила на сем незлобиво-кротком и богомудром старце, тщательно приумножавшем дарованные ему десять талантов, и потому он действительно был опытным духовным руководителем. Многие из его предсказаний сбывались и еще более подтверждали всеобщее мнение, что не одними человеческими силами приводилось в исполнение совершаемое отцом Леонидом, но особым содействием Божиим, дивным во святых своих. Говоря об отце Леониде, упомяну об одной из его учениц, пришедшей мне на память. Этот рассказ относится к давнему времени, именно к

тому, когда отец Леонид жительствовал еще в Свирском монастыре.

Вот, что мне рассказывал отец Иларий. Верстах в 20 от Свирского монастыря, в одном крестьянском семействе была одна женщина, не очень уже молодых лет, по имени Матрона. Детей она не имела, а семейство ее состояло из мужа и свекра со свекровью. Первые годы своего замужества Матрона прожила довольно спокойно и мирно, но мало-помалу она стала примечать всеобщее охлаждение всего семейства, быть может, потому, что она была бездетной; и это нерасположение к ней мужа и его родителей дошло постепенно до совершенной ненависти, так что жизнь в семействе стала, наконец, для бедной женщины невыносимой. Соседи, видя ее горестное положение, посоветовали ей сходить в Свирский монастырь к старцу Леониду, известному во всем околодке своим подвижничеством и в простонародии получившему название вещуна, так как многие прибегали к нему не только в скорбях и болезнях душевных, которые он врачевал мудрым и простым словом своим, но он оказывал помощь и в недугах телесных, преимущественно употребляя святую воду и елей, и, по благодати Божией, болящие получали облегчение и совершенное здравие. Внимательно выслушав все обстоятельства жизни скорбящей Матроны, старец преподал ей совет все терпеть Бога ради и, вручив ей четки, научил ее творить Иисусову молитву. Возвратившись домой, подкрепленная духом, Матрона стала жить по совету старца, непрестанно творила втайне устную молитву Иисусову, от чего и стала ощущать спокойствие в душе и мало-помалу пришла в совершенное равнодушие ко всем скорбям своим, через что и взяла верх над семейством, которое, видя ее невозмутимое спокойствие, поневоле должно было ощутить нравственное превосходство и, быть может, не сознавая того, подчинилось ее влиянию. Так как она была бездетной, то и дали ей полную свободу удалиться из семейства, чем она воспользовалась и, поселившись в одной из ближайших к Свирскому монастырю деревень, вскоре сделалась совершенно ученицей отца Леонида. Должно думать, что прозорливый старец читал в

сердце этой женщины и, проразумевая ее внутренние достоинства, признал ее способной к духовной жизни и нашел возможным, посредством глубокого смирения, отсечения воли и самосознания, руководить ее к стяжанию умной молитвы. Ожидания старца оправдались, хотя не скоро, но в продолжение 10 лет она достигла того духовного настроения, при котором получается дар умной молитвы.

К сожалению, в современном монашестве весьма редко приходится слышать о деятелях умной молитвы, которую почему-то считают несовместной с духом времени. Это происходит, без сомнения оттого, что дух наш слишком овеществился и плоть воспреобладала над духом.

После Успениева дня я отправился из Оптиной пустыни в Киев, куда пришел вечером августа 29-го и остановился в Печерской части города, на квартире против деревянной церкви святого Владимира, бывшей на плац-параде. Я ходил ко всем службам в Печерский монастырь и посетил все пещеры. В это время в числе богомольцев находился в Киеве иеродиакон Коневского монастыря Иона; я с ним познакомился и, пробыв две недели в Киеве, мы отправились в обратный путь. По дороге мы заходили в Софрониеву пустынь, в Путивльском уезде, при большом болоте, по имени Молче[28]. Монастырь на возвышенной горе, в прекрасной местности. Он окружен с одной стороны кленовой, дубовой и липовой рощей, а с прочих сторон – плодовитыми садами, которых насчитывают до шести; в них есть и пчельники. Братия, преимущественно из малороссов, весьма радушна и гостеприимна. В порядке по церкви я нашел некоторое отличие от установленного в Новоезерском монастыре, и пение не столбовое, а Киевского напева. Во время «Хвалите имя Господне» за всенощным бдением два иеродиакона предшествуют иеромонаху и имеют на плечах серебряные фимиамницы с рукоятью, называемые кацеи. В братской трапезе порядок был следующий: по совершении трапезы до восстания передают по столу крошенку, в которую складывают оставшиеся укрухи; потом, когда все встанут и иеродиакон говорит ектению, в это время служащий иеромонах ударяет в колокольчик за вервицу.

Пречистую не раздробляют, как везде принято, а обносят ее на панагиаре, и каждый отщипывает для себя частицу. Когда это кончится, служащий становится с иконой (перед которой поставляют два подсвечника), братия подходит прикладываться и становится после того в две шеренги по старшинству, а у самых выходных дверей повар в белом фартуке лежит ниц лицом и у всех исходящих просит прощения, и каждый отвечает ему: «Бог простит!» Пустынь эта очень многолюдна братией, средствами достаточна, но нимало не замечательна своими строениями; богомольцев и посетителей бывает довольно.

Между братией тогда хранилось еще предание о духе старчества, которым эта обитель славилась в прежнее время, и в конце прошлого столетия там были великие старцы. Один из настоятелей, по имени Иоасаф, невзирая на все тяготы начальственных трудов, выстаивал все церковные службы и, кроме того, по окончании дня, проводил ночи в списывании духовных книг до благовеста к утрени, после чего шел в церковь, отстаивал утреню, а для отдыха оставлял себе время между утреней и литургией; и таковую жизнь он провождал много лет. В один день он не пришел к утрени, а так как его отсутствие было дело необычное, казначей пошел к нему узнать о его здоровье и нашел его плачущим, и когда он стал расспрашивать его о причине этих слез, то настоятель сказал: «Как же мне, грешному и окаянному, не плакать? Какой я удостоился благодати, стою ли я этого? В сию ночь ко мне приходили 12 апостолов, и меня, недостойного и убогого, произвели в Патриархи». После того отец Иоасаф мало-помалу пришел в помешательство и умер в совершенном помрачении рассудка. Мне рассказывали, что в начале нынешнего столетия в этой обители был ужасный случай, который на долгое время не изгладится из памяти братии. Там был некто иеросхимонах Феодосий, славившийся своей строгой жизнью и, будучи сам подвижником, он имел и учеников, которые до того были уверены в непогрешимости его учения и в святости его жизни, что ожидали даже какого-нибудь знамения в час его кончины (в числе учеников его находился и Филарет, который впоследствии времени был настоятелем Глинской пустыни). Отец Феодосий

жил на пасеке, поблизости от монастыря. Несмотря на строго подвижническую жизнь его, от опытного ока Софрониевских старцев не ускользнуло его духовное самообольщение: они усмотрели в нем признаки гордости. С общего совета настоятеля и старших братий определено было исследовать образ мыслей старца и, буде окажется нужным, прибегнуть к врачеству духовному. По приглашении его на собор и по испытании, опытные старцы удостоверились, что он действительно одержим духом самомнения и, по общему приговору, для уврачевания его гордости, ему предложили послушание принять на себя чтение в церкви псалтири. Старец Феодосий сильно вознегодовал и выразился так: «Разве только это-то и заслужил я, что меня, старика, вы равняете с послушниками, хотите заставить читать псалтирь?» Тут же он отринул от себя всех своих учеников, остался при своем мнении и, сколько старцы ни старались убедить его в явном его самообольщении, увещания их успеха не имели. Он даже до того раздражился против всех старцев, что стал упрекать их, высказывая каждому те недостатки, которые они имели. Прошло еще немного дней, и над монастырем разразилась страшная весть о несчастной кончине старца: нашли его в сенях его келии удавившимся, а на лавке возле него лежала его схимническая одежда. По общему совету старцев решено было лишить его всякого погребения, и потому в сенях выломали пол и вырыли глубокую яму под тем местом, где он висел, подрезали веревку так, чтобы он упал прямо в яму и ее засыпали; чтобы уничтожить память о старце и саму его келию определили сломать, даже то место, где она находилась, запахали, дабы не осталось и малейшего следа, напоминающего этого зло погибшего старца.

Это ужасное событие до того всех поколебало в обители, что и младшая братия и старшая пришла в совершенное недоумение: одни усомнились в пользе старчества, а другие спрашивали себя: как же им жить после этого: идти ли путем подвижничества или жить просто, не упражняясь в подвигах духовных? Избави, Господи, всякого от прелести духовной!

Из Софрониевской пустыни мы пошли, отец Иона и я, в Глинскую пустынь. Там был настоятелем отец-игумен Филарет (о котором мы выше упоминали, ученик Феодосия, постриженник Софрониевской пустыни). Ему было лет около пятидесяти. По церкви и по трапезе тот же порядок, что и в Софрониевой пустыни, только Глинская пустынь несколько скуднее средствами[29]. Отец игумен Филарет был в свое время одним из самых искусных и лучших настоятелей, и его уважали не только монашествующие, но и сами иерархи.

В Глинской пустыни нас весьма радушно принял иеродиакон Евстратий, впоследствии времени настоятель Глинский. Он родом был из Казанских купцов (в 1855 году проездом на родину через Москву он дважды заезжал в Угрешский монастырь). При нем в Глинской пустыни выстроен новый соборный храм. Из Глинской пустыни я отправился далее с отцом Ионой; он пошел в Москву и поступил в Симонов монастырь, а я возвратился в Оптину пустынь, сентября 26-го, и был принят в монастырь.

Келию мне дали в монастыре, близ конного двора, в башне, а послушание на поварне, потом сделали столовщиком.

В Оптиной пустыни в то время пение зависело более от воли уставщика. Там жительствовал тогда на покое архимандрит Мелхиседек, постриженник Николо-Пешношского монастыря (архимандритом Игнатием). Он был впоследствии наместником Невской Лавры, игуменом Моденским, архимандритом Ростовского Яковлевского монастыря, Арзамасского Спасского и Суздальского Спасо-Евфимиевского. С 1824 года поступил в Оптину пустынь на покой, по слабости здоровья[30].

Казначеем при моем поступлении был иеромонах Серапион, лет 40 от роду и, как мне казалось, весьма исправный и скромный. Удаление его из обители было для всех совершенной неожиданностью. Вот как это случилось. Отец Моисей был в Калуге и, возвратившись в монастырь в 10 часов утра, накануне Казанской, октября 21, послал за казначеем и, совершенно для него неожиданно, объявил ему, чтобы он собирался выехать из пустыни, и чтобы к вечерни его уже не

было. Делать было нечего: волей-неволей казначей подчинился приговору и, хотя погода была осенняя и дождливая, он собрался и через несколько часов оставил обитель. Что побудило отца Моисея поступить так строго, осталось тайной, и братия на него несколько даже пороптала. На место отца Серапиона поступил Варлаам, тоже иеромонах, седенький старичок, небольшого роста, человек очень добрый, приветливый и простой.

В числе учеников отца Леонида я забыл еще упомянуть о Гаврииле. Он был иеромонахом и сам имел учеников, человек добрый, благонамеренный и в высшей степени предупредительный, почему и говорили о нем, впрочем, не совсем без основания, что он иногда человекоугодствует.

Иеродиакон Мефодий, головщик по клиросу, был весьма способен, начальству благопокорен и, хотя он и имел некоторые слабости, его прекрасные качества их вполне искупали. Он заболел и во время своей болезни, продолжавшейся 17 лет, он стяжал глубочайшее смирение и великое терпение, потому что, несмотря на свое положение, постоянно благодушествовал и служил для братии назидательным примером. Он имел ученика, мальчика лет 13, по имени Николай, жившего в монастыре вместе с отцом своим, мещанином города Козельска, по прозванию Кудрявцев. Николай весьма скромный мальчик, хорошо знавший ноты и певший альта, когда достиг 18-летнего возраста, смутился и не захотел долее жить в Оптиной пустыни. Он был высокого роста, видный собой и красивой наружности, знаток пения и имел прекрасный голос. Ни слезы отца, который уговаривал его не уходить, ни увещания старцев, ни ласки настоятеля, не могли его удержать. Он ушел в Москву, поступил в Симонов монастырь, где уклонился от правил оптинской жизни, стал жить распущенно, впал в отчаяние и в ближайшей от монастыря деревне умер скоропостижно. Таковы пагубные последствия своеволия: ежели бы он внял просьбе отца и старческим увещаниям, не дошел бы до состояния отчаяния и, весьма вероятно, не постигла бы его столь печальная кончина.

Глава VI. Возвращение в Вологду; Молога; старец Иларий; Свирские старцы: схимонахи Феодор и Антиох; Торик; Брянчанинов; приезд в Москву; настоятели Московских монастырей: городских и загородных в 1834 году

Вскоре после Николина дня, того же 1833 года, помнится мне 10-го декабря, отец Иларий (Младший) получил паспорт для проезда в Вологду по случаю перемещения его в Лопотов монастырь, где тогда настоятельствовал отец Игнатий Брянчанинов. Отца Илария провожали с благожеланиями как отец игумен Моисей, так и отец Леонид и прочие старцы, и мы выехали 12 декабря. На пути мы останавливались во многих местах и прибыли в Вологду декабря 24 пополудни. Отец Иларий немедленно отправился представиться к преосвященному Стефану, который объявил ему, что отца Игнатия в Вологде уже нет, так как его вызвали в Санкт-Петербург по Высочайшему повелению Государя Императора, и сказал ему: «Я вами теперь распоряжаться не могу, дожидайтесь известий из Петербурга ». И предложил ему настоятельское, строительское место в Лальском монастыре, в городе Лальске, отстоящем около 800 верст от Вологды. Мы пристали в доме у моего родителя. Отец Иларий написал письмо к отцу Игнатию (Брянчанинову), а преосвященный сообщил ему формально о приезде отца Илария, и на то и другое извещение последовало на одной и той же почте, именно: что отец Иларий назначается настоятелем Николаевского Угрешского монастыря Московской епархии. Туда прежде назначался отец Игнатий, но как лично известный Государю Императору (Николаю I), он был вызван в Санкт-Петербург и был назначен архимандритом в Сергиевскую пустынь, что на Петергофской дороге, то и спросил его митрополит Московский Филарет (временно пребывавший тогда

в Санкт-Петербурге): «Не имеет ли он кого-нибудь в виду, кого бы он мог указать на свое место?» Воспользовавшись этим случаем, отец Игнатий представил владыке отца Илария и, желая сделать приятное отцу Игнатию, владыка Московский принял предлагаемого им настоятеля.

Мы пробыли еще несколько времени в Вологде и в конце февраля отправились в Москву на город Мологу, Ярославской губернии, родину отца Илария. Остановились в доме его матери, которая была еще в живых; с ней жила и сестра его со своим мужем, а брат его жил в Петербурге и занимался торговлей. Молога – небольшой городок, прежде бывший только торговой слободой, но в царствование Екатерины II переименован в город, расположен при реке Мологе, впадающей в Волгу, по ее течению, на левой стороне, луговой, расстоянием от Ярославля 110 верст. В окружности Молога имеет с лишком четыре версты. В уезде до 26 озер, из них некоторые довольно обширные.

Так как Молога не весьма значительна по своей торговле, которая состоит, преимущественно, в суровском товаре, то родители и отдают, по большей части, своих детей в иные города. Так и отец Иларий, называвшийся в миру Илиею, отдан был 13 лет в Санкт-Петербург в мальчики в магазин, где и пробыл до 20-летнего возраста. Он родился в 1796 году, а в 1817 году пожелал посвятить себя монашеской жизни и поступил первоначально в Белобережскую пустынь Орловской губернии, где, прожив несколько времени, перешел в Коневский монастырь, оттуда поступил в Валаамский, где в то время игуменом был Иннокентий, и в 1821 году ушел в Соловецкий монастырь, где в 1823 году был пострижен тамошним настоятелем, архимандритом Макарием. Этот архимандрит Макарий – лицо весьма замечательное и один из лучших настоятелей Соловецкой обители. Вот что я слышал о нем от отца Илария: он был родом из крестьян (поморян) Архангельской губернии. Будучи 24 лет от роду он овдовел и год спустя пришел в Соловецкий монастырь. Он был принят в послушники, и так как не знал грамоты то был отправлен на рыбную ловлю, на дальнее расстояние от монастыря, где,

пребывая несколько лет в этом послушании, он воспользовался свободным временем своих досугов, выучился читать и был пострижен. Потом был начальником или управителем ловли; находился некоторое время в Валаамском монастыре и откуда, когда уже был иеромонах, был вызван по желанию братии и избран в игумены, на место Паисия, бывшего настоятелем с 1813 года по 1818 и уволенного на покой. Макарий II, кроткий и рачительный, вполне оправдал выбор братии и доверие высшего начальства; он доказал свою способность во всех отношениях как во внешнем управлении обителью, так и в духовном руководстве. Не получив никакого образования, но, имея врожденный дар слова и сам себя образовавши тщательным чтением Священного Писания и отеческих книг, он произносил к братии весьма назидательные поучения, в которых высказывалась вся его духовная опытность, приобретенная им в столь продолжительное время, и обширная его память. В келейной жизни он имел простоту, свойственную смиреннейшему иноку, в управлении обителью – достоинство и сановитость начальника, а в служении – представительность и неторопливость, свойственную его духовному сану. Покойный владыка Московский, митрополит Филарет, отзывался о нем с великой похвалой и удивлялся его умению держать себя, его природному дару слова и представительности в служении. В летнее время он постоянно жительствовал в монастыре, а остальную часть года проводил в пустыни, в 4 верстах от монастыря, с одним только келейником; по субботам он приезжал в монастырь, в воскресенье служил, а к вечеру опять возвращался в свое уединение. Он скончался в 1825 году, в ноябре. Предместник его, Паисий, был еще в живых и смотрел из окна, когда несли гроб архимандрита Макария, и горько плакал, лишившись в нем истинного, доброго и заботливого настоятеля, который сумел стяжать расположение своего предместника, не вполне добровольно отказавшегося от управления, и потому более склонного к неприязни, чем к расположению, но Макарий сумел победить это неприязненное чувство, быть с Паисием в наилучших отношениях. Паисий горько плакал и говорил: «Я, больной, старый, ненужный, еще

живу, а тебя уже не стало, и не ты меня хоронишь, а я вижу, как тебя несут в могилку!»…

Отец Иларий еще при жизни отца архимандрита Макария (в 1824 году), перешел в Александре-Свирский монастырь, где в то время был настоятелем архимандрит, тоже по имени Макарий, человек весьма умный, поступивший туда из Екатерино-Лебежского монастыря и лично известный покойному Государю Александру Павловичу. При поступлении отца Илария в Свирский монастырь, там жительствовал уже отец Леонид и другие великие два старца: схимонах Феодор и иеросхимонах Антиох, пребывание которых в Свирском монастыре и было одной из главнейших причин к переходу отца Илария из Соловецкого монастыря, так как он уже и прежде знавал этих старцев. В то время Свирский монастырь состоял еще в Санкт-Петербургской епархии, потому и был отец Иларий посвящен во диакона в Санкт-Петебурге, находившемся тогда за сбором в России греческим митрополитом, а в 1828 году был отправлен в Киев за святыми мощами и в Москву за святым миром для вновь открывшейся Олонецкой епархии, и посвящен в иеромонаха преосвященным Игнатием (Семеновым), открывавшем эту епархию, бывшем впоследствии архиепископом Донским, наконец Воронежским, и умершем в 1850 году.

Схимонах Феодор, старец весьма преклонных лет, постриженник Афонской горы, где провел более 20 лет, был глубоко проникнут Афонским духом подвижничества. Он после того жил в Молдавском Нямецком монастыре, при настоятеле Софронии, преемнике великого и известного старца Паисия Величковского; потом пришел в Россию, где пребывал некоторое время в Валаамском монастыре, вместе со старцем Леонидом, и потом оба они перешли в Свирский монастырь, так как они не нашли на Валааме большого сочувствия к духу старчества, которым глубоко были проникнуты и которое им хотелось там водворить. Старец Феодор, весьма строгий к самому себе, был строг и к ученикам своим, которых, впрочем, имел немного. Пищу употреблял братскую единожды в сутки, чая никогда не пил; келии своей никогда не запирал, так как в

ней не было ничего крадомого: он имел только одну рубашку, которую и мыл дважды в год, и носил пока она совершенно не обветшает. Из платья у него было для келии всего только одна свитка из серого сукна, которой он прикрывался, когда спал, но для церкви он имел мухояровый подрясник, мантию и клобук. Приношений никаких и никогда он ни от кого не принимал, кроме книг, но их он тотчас отдавал в монастырскую ризницу и после того уже брал читать как казенные. Правило церковное он исполнял у себя в келии и постоянно занимался умной молитвой. За учениками он следил весьма строго и ежели замечал у которого-нибудь из них вещь, без которой можно обойтись, отдавал ее кому-нибудь на сторону, иногда заменял худшей; так, например, ежели видел у ученика своего хорошие четки, брал их, отдавал в монастырь кому-нибудь из братии, а взамен их давал вервицу с узелками. Нередко летом, по наряду монастырского начальства, в числе братии и его ученики были посылаемы в лес за ягодами, то ни который из них не смел съесть ни единой Ягодины, так как на то не было его соизволения; ежели же кто до трех раз ослушивался его в этом, такового ученика как ослушника он исключал из-под своего старчества.

Вот пример из его жизни, который может показать, сколь глубоко он был проникнут мыслью о важности и необходимости совершенного отсечения своей собственной воли, или правильнее, совершенное самообладание и подчинение духу всякого проявления веществеых пожеланий. Он сделался нездоров на третий день Святой Пасхи, и вечером ему захотелось молока, которое ему и незамедлили принести; на следующий день ему еще предложили выпить молока, и он согласился, но на третий день, хотя его болезнь и значительно усилилась, и ему предложили молока, так как он уже ничего другого употреблять не мог, он не принял предложения, опасаясь, чтобы это употребление молока не обратилось в привычку. Но опасения старца были совершенно излишни, ибо ему оставалось провести после того на земле всего только два дня. Из этого видно, сколь строг был он к самому себе, какое имел самообладание и как мало доверял он своим пожеланиям.

Иеросхимонах Антиох, сподвижник старцев, Феодора и Леонида, был в Свирском монастыре братским духовником, а также и для мирских богомольцев. Он пережил Феодора 14 годами и завещал, чтобы его схоронили с ним рядом. Когда стали копать для него могилу, то оказалось, что гроб отца Феодора, одежды и тело были совершенно такими же, как в самый день его погребения. Это сказание, очевидно, бывшего в то время иеродиакона Ионы, впоследствии наместника в Симоновом монастыре.

В одно время с этими великими старцами, истинными рабами Божиими, в Свирском монастыре жил в числе братии иеромонах Нафанаил Торик, постриженник Сергиевской Лавры. Он был в прелести, принимая за Ангела являвшегося ему беса и возвещавшего о многом, случавшемся в том или другом месте. Сколько старец Леонид ни старался доказать опасность верить подобным видениям, Торик был до того одержим духом прелести, что не хотел даже и отвечать на те вопросы, которые предлагал старец, и считал для себя оскорбительным слушать то, что не было согласно с его мнением. По внушению того же духа он считал излишним вычитывать правило, положенное для служащих, и ограничивался прочтением 50 псалма во время, когда он из келии шел на служение в церковь. Когда Торик опасно занемог, к нему был приставлен для хождения за ним послушник, который и жил в келии рядом с ним, и в один день больной так страшно и дико захохотал, что послушник в ужасе выбежал из кельи, что случилось в то самое время, как братия выходила из трапезы, и когда на его призыв некоторые из братии вошли к больному, застали его уже отходящим.

Дмитрий Александрович Брянчанинов, тот самый, о котором я уже говорил выше. Окончив свое учение в Инженерном училище, он вступил в действительную службу, но послужив весьма недолго, задумал поступить в монашество. Несмотря на все препятствия со стороны начальства и сопротивления родственников, он все-таки достиг своей цели следующим образом: Брянчанинов и товарищ его, тоже молодой офицер, Михаил Васильевич Чихачов (о котором говорено выше), часто посещали Невскую Лавру, где в то время был свечником

Иоанникий, постриженник Валаамский и ученик отца Леонида. Часто посещая его, молодые люди черпали из его слов сведения о монашестве. Он ознакомил их со старцем Леонидом, жившим уже тогда в Свирском монастыре, и Брянчанинов, не зная его, вступил с ним в переписку, которая и привела его к тому, что он оставил службу и на 23-м году от рождения, в 1828 году, в офицерском еще мундире, приехал в Свирский монастырь. Роста он был высокого, весьма стройный, с продолговатым лицом; глаза его были умные, живые и очень приятные; борода только что начинала пробиваться; в целом лицо его было очень красиво и привлекательно. Настоятелем в то время был в Свирском монастыре архимандрит Варсонофий, а казначеем – Андроник, ризничим – отец Иларий. Получив соизволение настоятеля на поступление в число послушников оного монастыря, снял свой офицерский мундир и облекся в послушническое одеяние. Первое послушание ему было назначено находиться на поварне. Хотя Свирский монастырь и был общежительный, но при оном находились штатные служители, из числа которых и были всегда избираемы повара, и они не очень уважительно обращались с монашествующими. В первый же день вступления Брянчанинова на послушание случилось, что нужно было идти за ржаной мукой. Повар сказал ему: «Ну-ка, брат, пойдем за мукой!» и бросил ему мучной мешок, так что его всего обдало белой пылью. Новый послушник взял мешок и пошел в амбар, и когда нужно было насыпать муку, то, растянувши мешок обеими руками, для того чтобы удобнее было всыпать муку, послушник должен был один из краев прихватить зубами. Я слышал впоследствии от Брянчанинова, что никогда, во всю свою жизнь, он не ощущал такого странного усладительного чувства и такого восхищения, какие он ощутил в это мгновение. Он вполне подчинился руководству отца Леонида, который, желая узнать его истинный нрав и непритворность смирения, подвергал всевозможным старческим испытаниям, которые послужили для него твердым основанием всей монашеской его жизни. Здесь и познакомился отец Иларий с послушником Дмитрием Брянчаниновым.

Старец Леонид и Брянчанинов из Свирского монастыря переехали в Площанскую пустынь, а из нее в Козельскую Введенскую Оптину пустынь, где отец Леонид основался, а в 1841 году скончался в схиме, переименованный Львом. Брянчанинов возвратился в Вологду, был приписан к братству Глушицкого Сосновенского монастыря, и в 1830 году, июня 28, пострижен преосвященным Стефаном*[31] в Вологодском кафедральном соборе.

Проживши до 1830 года в Свирском монастыре отец Иларий поступил, по желанию своему, в Оптину пустынь, где и находился до декабря месяца 1833 года. Когда познакомился я с ним, ему было около сорока лет: роста он был довольно высокого, черноволосый, лицо имел белое и глаза приятне, держал себя весьма скромно и смиренно; с мирянами разговаривал неохотно, а с женщинами и вовсе не умел вести разговор. Он был человек воздержный и глубоко проникнутый духом монашества; память имел обширную; много читал отеческих книг и сохранил в памяти немало рассказов и сведений и назидательных слов известных и богомудрых старцев и подвижников нашего отечественного монашества.

Возвращаюсь теперь опять к моему рассказу о нашем путешествии из Вологды в Москву. Пробывши несколько дней в Малоге мы спешили в Москву, опасаясь, чтобы не рухнулся путь, так как уже наступал март месяц. Мы приехали в пяток на Сырной неделе и остановились в Зарядье, на постоялом дворе. Мы отправились в Знаменский монастырь, где я и пристал у иеромонаха Иринея, а отец Иларий поместился в Чудове монастыре, согласно предписанию митрополита Московского Филарета, находившегося в то время в Санкт-Петербурге. Наместником Чудовским был тогда архимандрит Феофил, переведенный вскоре после того в Боголюбов монастырь, а на его место поступил отец Иоанникий, эконом Чудовский, а экономом сделан иеромонах Константин, бывший впоследствии архимандритом Серпуховского Высоцкого монастыря.

В Знаменском монастыре я пробыл с пятка Сырной недели до вторника второй недели, (то есть до 13 марта), и этим воспользовался и побывал во всех Московских монастырях.

Для памяти перечислю настоятелей, где какой находился в 1834 году:

1. Новоспасский архимандрит Поликарп, ректор Академии, где и умер*[32].

2. Заиконоспасский архимандрит Исидор, ныне владыка Новогородский, митрополит Санкт-Петербургский.

3. Донской архимандрит Феофан, скончался в Макарьевском Калязинском монастыре*[33].

4. Симоновский архимандрит Мелхиседек, скончался в Новом Иерусалиме.

5. Высокопетровский архимандрит Гавриил, благочинный Московских монастырей, впоследствии Андрониевский, где скончался.

6. Андрониевский архимандрит Гермоген, где и скончался, член консистории.

7. Знаменский архимандрит Иоаким, впоследствии переведен в Коломну, где и скончался.

8. Богоявленский преосвященный Дионисий, бывший епископ Пермский, управлял обителью с 1828 года и получал пенсии 3 000 рублей, а скончался на покоев 183… году*[34].

9. Златоустовский архимандрит Даниил, начальник Пекинской миссии; переведен после того в Казань.

10. Покровский архимандрит Амвросий, где и скончался.

11. Даниловский архимандрит Платон, впоследствии благочинный, скончался в Андроньеве монастыре.

12. Сретенский игумен Сергий, впоследствии архимандрит Николо-Пешношский, где и скончался.

Исчислив настоятелей Московских монастырей, исчислю и загородных:

1. Волоколамский архимандрит Гавриил, там и скончался.

2. Лужецкий архимандрит Агапит, впоследствии (и поныне 1876) Новоспасский.

3. Коломенский Троицкий Ново-Голутвин архимандрит Иосиф, там и скончался.

4. Серпуховский Высоцкий архимандрит Амвросий, там и скончался.

5. Николо-Пешношский строитель, старец Максим, скончался там на покое.

6. Николо-Берлюковский строитель Венедикт, скончался там архимандритом.

7. Старо-Голутвинский строитель Назарий, скончался там игуменом на покое.

8. Екатерининский строитель Мелхиседек, там и скончался на покое.

9. Давыдовский строитель Иоанникий, скончался на Пешноше на покое.

10. Троицкий Белопесоцкий строитель Афанасий, переведен в казначеи в Лужецкий монастырь, там и скончался.

11. Бобренев находился под ведением Старо-Голутвинского строителя Назария, а управляющим был иеромонах Арсений.

Глава VII. Угрешские игумены: Ионафан и Амвросий; Израиль и Аарон

Прежде чем начну подробно говорить об Угрешском монастыре и в каком состоянии я его застал, думаю, не излишним упомянуть о двух его настоятелях последнего времени, Иоанафане и Амвросии, наиболее принесших пользы монастырю своим настоятельством, и о двух последних предместниках Илария, игуменах Израиле и Аароне, которых настоятельство, наоборот, и в нравственном и вещественном отношении довело обитель до самого плачевного положения. Первых двух знаю по документам монастыря и понаслышке от старожилов, которые их лично знали, а последних двух: Израиля я знал еще в Вологде, где он находился в Семигородной пустыни, а последний, Аарон, многократно бывал при мне в Угрешском монастыре.

До 1764 года обитель Угрешская имела более 3 700 душ крестьян, рыбные ловли на Волге, соляные варницы в Тотьме, две приписных пустыни, а впоследствии времени и Кременской посад, не говоря уже о лесных дачах, считавшихся верстами. С учреждением штатов монастырь лишился всего, и его владения ограничились землей, находившейся в черте ограды. Отец Иоанафан поступил в настоятели в 1791, находился до 1803 года; он своим неусыпным старанием умел возвратить монастырю из его отобранных земель до 40 десятин удобной и неудобной земли около самой ограды, и мы и по сие время, благодаря ему, пользуемся землей, при нем возвращенной. Говорят, недешево обошлось ему это; ибо едва не поплатился он жизнью, радея монастырю: крестьяне тех селений, к которым отписаны были монастырские владения, сильно озлобившись на него, грозили убить его.

Игумен Амвросий, сперва правитель, а потом настоятель, с 1804 по 1821 год, был весьма любим и уважаем блаженной памяти митрополитом Платоном. Что особенного сделал он для внешнего благосостояния обители мы не видим, но я знаю, какую прекрасную память оставил он по себе; потому что,

будучи сам монахом, он действительно радел о внутренном, нравственном благосостоянии обители. Я застал еще старожилов, которые его помнили и с похвалой о нем отзывались и, кроме того, я лично знал двух из его Угрешских постриженников, архимандрита Феофила, бывшего настоятелем Тверского Отроча монастыря, и Пахомия, иеромонаха, находившегося впоследствии в Симоновом монастыре.

Преемником отца Амвросия, которого перевели архимандритом в Серпуховский Высоцкий монастырь (где он впоследствии и скончался) был отец Израиль. Он поступил из Московского Сретенского монастыря, где был настоятелем. При вступлении его на Угрешу казначеем был Варфоломей, всей братии было человек с 20, и когда они узнали о назначении его, старшие и лучшие братия по-разошлись в другие монастыри, и осталось всего только 12 человек, а отец Варфоломей как казначей только дождался, чтобы сдать монастырь и также не замедлил перейти в Московский Андроньев монастырь, где и был принят.

Наслышавшись об Угрешском монастыре, скудном средствами, но, сравнительно с прочими штатными монастырями, все-таки отличавшемся своими старцами и братией, отец Израиль, приехавши, не нашел ожидаемого и, к довершению всего, и казначей тоже вышел. Это его до крайности раздражило. Думая воспрепятствовать казначею переместиться в другую обитель, он вошел в Московскую Духовную консисторию с рапортом о неисправной сдаче казначеем монастырского имущества; в исчислении находилось показанным, между прочим, следующее: 1) кухонная посуда деревянная и глиняная битая; 2) чугун без ушков; 3) переломленная кочерга; 4) железный фонарь без дверок, изломанная лопата и т. п. мелочи. Это дело было оставлено консисторией, как не заслуживающее внимания без последствий, и уже гораздо спустя, именно в 1837 или 38 году, по поводу другого, дело было возобновлено и, по определению начальства, решено было взыскать за битые горшки и прочее 540 рублей ассигнациями, но только не с обвиняемого, Варфоломея, а с доносчика, игумена Израиля, коего уже

несколько лет и не было на Угреше, но деньги его (как я скажу далее) отобраны были конситорией, где хранились. Это неожиданное и весьма значительное вознаграждение было для Угреши при тогдашнем оскудении великим подспорьем; мы подивились премудрости судеб Божиих, что Израиль, нимало не имевший в виду выгод обители, но из личной неприязни преследовавший казначея, и совершенно неожиданно, но все-таки принеся пользу обители, и доносчик, вместо обвиняемого, поплатился из своих денег. Мы и радовались полученным 540 рублям и жалели, что отец Израиль не побольше насчитал всяких мелочей, которые так дорого оценились.

Возвращаюсь к Израилю. Он был из духовного звания Московской епархии, уроженец Дмитровского уезда. Кто был его отец, не сумею сказать, но знаю, что мать его была просфирницей при домовой церкви графини Варвары Петровны Разумовской, урожденной Шереметевой, жены графа Алексея Кирилловича; ее дом находился на углу Маросейки и Лубянки, тот самый дом с круглым углом, где ныне (в 1875 году) гостинница Еремеева и который напротив нашего монастырского подворья.

Отец Израиль получил образование в Духовной семинарии, но он не успел окончить своего учения, как рассказывали люди весьма коротко его знающие, потому что с ним был несчастный случай: он имел родного дядю, заштатного причетника, которого толкнул с крыльца, и тот, упавши, убился до смерти. Смущаясь совестью и опасаясь преследования, отец Израиль поспешил вступить в монашество. Вот что побудило его оставить мир; по мнению людей, он вступил на путь спасения во искупление, быть может, неумышленного греха, но «ин суд человеческий и ин суд Божий»; и последующая его жизнь вполне доказала, что человек, как бы ни избегал наказания за совершенное им зло, рано или поздно, все-таки примет от правосудия Божия правильное возмездие, ежели не искренне было его раскаяние, и отец Израиль под старость все-таки не миновал того наказания, от которого ему удалось избегнуть в молодости.

Он был настоятелем менее трех лет, с 1822 по 1825 год, но оставил по себе память на многие десятки лет, и к сожалению,

должно сказать, что эта память о нем весьма неодобрительна. Чтобы дать понятие о нем, приведем некоторые черты из его жизни, в которых выказывается человек. Я застал в Угрешском монастыре отца Сергия, иеродиакона, поступившего еще до 1812 года и умершего в 1837 году. Вот что он рассказывал об отце Израиле. Однажды посадили кого-то из иеромонахов в сторожку; отец Сергий шел мимо, сжалился над заключенным и принес ему винца. Отец Израиль узнал это и, чтобы наказать его за непрошенное участие, придумал весьма жестокое наказание: велел одеть его в подрясник и камилавку, руки связать назад и привязать изломанную церковную кружку, и так сопровождаемого четырьмя штатными с дубинами, велел вести в Московскую консисторию при рапорте. Можно себе представить, какое впечатление произвело подобное шествие по Московским улицам; народ толпился и бежал смотреть на связанного монаха. На Солянке народу собралось премножество, и случайно какая-то барыня, знакомая с покойным владыкой, проезжавшая в то время по этой улице, увидела это дикое зрелище. Пораженная тем, что видит, она остановилась, велела распросить в чем дело, и поспешила на Троицкое подворье к преосвященному Филарету, бывшему тогда еще архиепископом. Выслушав, владыка послал отыскивать Угрешского арестанта, которого между тем уже успели привести в консисторию, но так как там почему-то его не приняли, то и повели его в Чудов монастырь, где, наконец, и нашел его посланный от владыки.

Еще рассказывают, что однажды, в летнее время неизвестно что побудило отца Израиля отправиться в одно большое селение на границе Московской и Смоленской губерний, где была раскольническая молельня. Поехал он в большой коляске четверней, сопровождаемый четырьмя штатными, ехавшими по сторонам коляски верхами. На игумене, не имевшем наперсного креста, надеты были крупные перламутровые четки, на которые надет был большой серебряный крест. Это было днем, и хотя большая часть народа и была, должно думать, в поле, но и в деревне было народа немало. Игумен, поровнявшись с часовней, велел остановиться,

потом приказал вынести все иконы и после того скомандовал, чтобы часовню ломали. Народ оторопел и молча повиновался, воображая, что он действует по воле высшего начальства, и, когда часовня была разломана, отец Израиль отправился обратно. Гораздо спустя уже узнали жители упомянутого селения, что совсем не по воле начальства разломана их часовня, а просто игумен Угрешский, Израиль, по своему собственному усмотрению, заблагорассудил так сделать.

Еще много и много можно было бы о нем порассказать, но и мирскому человеку неприятно слушать о подобных сумасбродствах, а монаху и вовсе неприятно вспоминать; однако о некоторых чертах из его жизни все-таки упомяну.

В летнее время он дозволял себе снимать монашескую одежду и одевался в какое-то шутовское скоморошеское одеяние: голубые шаровары, шелковую рубашку с галунами, на голове бархатная феска, шитая золотом и таковая же золотом шитая обувь. В подобное же одеяние облечены были и приближенные его четыре рослых штатных, исправлявшие при нем должность телохранителей, потешников, которые едва ли не были сродни опричникам Грозного. Они его тешили и исполняли все его дикие прихоти, рассказ о которых покажется многим невероятным.

Разодетый в такой шутовской наряд, он выходил за святые ворота и ложился на проезжую дорогу, а потешники его стерегли проезжавших, и ежели кто проезжал мимо, они тотчас на него наскакивали под предлогом, что едва не задавил игумена или запылил его. Кто мог, откупался добровольно, а то и самовольно любимцы игуменовы любопытствовали, что у проезжих в карманах и шарили, нет ли чего годного для них на возах. Ежели тощ оказывался кошелек и скудна кладь, в вознаграждение себе за плохую добычу игуменовы защитники потешались, щедро наделяя неосторожных хорошими побоями и пеньками.

Слух о подобных вылазках Угрешского игумена и верных его спутников наводил такой страх на большую часть жителей околодка, что они, по возможности, избегали слишком близко подъезжать к Угреше, как будто обитель превратилась в вертеп

злодеев. И точно, не всем удавалось счастливо проезжать мимо. Так, однажды крестьянин из села Острова (принадлежавшего графине А. А. Орловой), ехал мимо; опричники игуменовы напали на него: «Откупайся!» – кричали они ему Но у бедного мужичка ничего не было ни в карманах, ни на возу, и потому решено было привязать его к дереву, продержав его целый день в таком принужденном положении и порядком помяв его, наконец отпустили.

Приближение покосного времени служило новым поводом к разным неистовствам. Отец Игумен не любил без нужды затрачивать лишнюю копейку по хозяйству, а потому и прибегал к следующему способу: он собирал помочь, и чтобы на угощение и попойку не расходовать своих денег, он предварительно говорил своим четырем клевретам: «Промышляйте, тогда-то будет помочь!» Они знали, что это значит и что нужно было делать: они самовольно загоняли в монастырь соседние стада, а ежели не удавалось, так отдельно где корову или лошадь, или овец и свиней, словом, они ничем не брезгали, и потом заставляли собственников загнанных скотин выкупать их, и на эту выкупную сумму делалось угощение. Само шествие на сенокос происходило следующим порядком: все приглашенные женщины собирались в монастырь. Игумен становил их в шеренгу попарно, они брали грабли на плечо и, предшествуемые игуменом и его ассистентами (в праздничных нарядах и с бичом на плече), при пении тропарей, выступали за ограду и шли на монастырский сенокос; обратное шествие совершалось тем же порядком.

О всех безчинствах отца игумена все рассказы об оных считаю излишним передавать, и потому, ограничившись рассказанным, перехожу к тому обстоятельству, которое решило навсегда судьбу его и положило преграду его дальнейшей настоятельской деятельности. Июля 1, 1825 года, игумен Израиль утром отправился в Москву. К поздней обедне приехало из Москвы четверо богомольцев, все неизвестные. По окончании литургии они просили отслужить им молебствие запрестольной иконе Божией Матери, и сказывают, что они весьма усердно молились и прикладывались к иконе. После

того они вышли за монастырь и неподалеку от святых ворот, где стояла их бричка, они расположились пить чай и закуской угощали некоторых из братии и при этом не забыли и монастырских штатных, которые были и привратниками, и караульными монастыря, и около полудня уехали обратно.

В тот же день, вечером, в обычное время чередной караульный, заперши ворота, отнес ключи казначею и, постучав в доску, пошел в обход. Когда пришел к собору, то увидел, что входной двери замок сшибен и дверь открыта. Он поспешил уведомить казначея, и по осмотру оказалось, что как у соборной двери, так и у ризничной палатки замки поломаны и обе двери раскрыты. Тотчас послали уведомить отца игумена в Москву. Он поспешил возвратиться и, приехавши, пошел осматривать ризницу один, не пригласив никого с собой, а вслед за тем донес формально, что расхищена ризница и что не оказалось 5 000 рублей ассигнациями монастырских денег. В то время обер-полицеймейстером был известный Шульгин, а сыщиком – Яковлев. Всех похитителей и вещи отыскали на четвертый день. В числе воров был купеческий сын, Масленников, и один чиновник, более года перед тем проведший под началом на Угреше, и так как он знал, что в ризнице есть 5 000 ассигнациями, то он этим и заманил прочих и, зная местность, указал им, как взяться за дело. Для того же, чтобы им еще лучше ознакомиться с местностью, они и придумали служить молебен запрестольной иконе.

При допросах во время следствия виновные во всем сознались и показали: 1. Что в 7 часов вечера они перелезли через ограду, и так как собор с трех сторон был окружен папертью и, кроме того, плодовитым садом, то им удобно было пробраться и совершить взлом, не будучи никем замечены. 2. Они сознались, что заранее у них было положено, ежели бы кто им стал препятствовать, положить на месте, что им нетрудно было бы, так как их было пять человек вооруженных кистенями и ломами, а братии всего-навсего десять человек, рассеянных по кельям. 3. Подробно рассказав все обстоятельства похищения, они все единогласно отрицали, чтобы похищены были ими 5000 рублей ассигнациями, сознаваясь

чистосердечно, что они за деньгами-то именно и шли но, не нашедши оных, от нечего делать уже, чтобы их труды не пропали, принялись за ризницу. Чистосердечное показание подсудимых убедило следователей, что похитители ризницы не воспользовались пропавшими деньгами, и это подало повод заподозрить игумена Израиля тем более что, возвратясь из Москвы, он почему-то один, не пригласивши братию, вздумал идти осматривать ризницу. Впоследствии было дознано, что деньги вовсе не хранились в сундуке, но лежали в камилавочнике, которого похитители не заметили, и потому не тронули, как показал ризничий, а после осмотра игумена камилавочник найден отпертым и пустым, и в довершение всего, для совершенного обличения игумена, случилось так, что один из братии, отец Нифонт, незамеченный игуменом, случайно был там и видел, как он открывал камилавочник и что-то из него поспешно сунул в карман. Несмотря на явные улики, игумен все-таки не сознался, был оставлен в сильном подозрении, удален от должности, запрещен в служении и послан на Переpву.

Побывши на Перерве недолгое время, переведен в Иосифов Волоколамский монастырь под особый надзор настоятеля, отсюда удалец в Вологодскую епархию, в Семигородную пустынь, где я и видел его в 1830 году, уже с запрещением в ношении монашества, а потом был отправлен в Спасо-Каменный монастырь, что на Кубенском озере, и там не знаю, за что именно, лишен в 1837 году монашества, сослан в Томск, где и умер, говорят, в 1860-х годах.

Так сбылось на отце Израиле слово Писания: кто в чем согрешает, тот тем и наказуется. Он имел большие деньги, соблазнился монастырскими пятью тысячами, за которые, без сомнения, так жестоко и пострадал. При отрешении его от должности настоятеля Угрешского монастыря, у него отобран билет суммой в 16 тысяч рублей ассигнациями и взят в обеспечение денег и вещей, похищенных у монастыря; кроме этого билета, у него оказалась еще значительная сумма, что и подало повод Духовному начальству допросить его, откуда мог он накопить такой капитал. Он показал, что ему

благодетельствовала графиня Варвара Петровна Разумовская, а так как ее в живых уже не было, то допросили ее управляющего, Ивана Ивановича Сырова, и тот подтвердил, что действительно, по приказанию графини, он много раз выдавал ему значительное количество денег, но, впрочем, не знает, кому были назначаемы: ему ли самому или монастырю.

Такова была жизнь отца Израиля в Угрешском монастыре, где он настоятельствовал неоступно три года, и ежели в это короткое время он успел наделать столько предосудительного, что же пришлось бы рассказать, ежели бы кто стал описывать его жизнь с самого начала? Вероятно, и в Сретенском и Чудове монастыре его пребывание ознаменовалось многими действиями, подобными описанным. Но всего страннее и удивительнее то, что, в сущности, он был человек от природы весьма неглупый, человек трезвый, а дозволял себе такие действия, которые несовместны с здравым рассудком, и не будь он одержим недугом сребролюбия, много объясняющим, то можно было бы подумать, что он не в здравом уме.

Отец игумен Аарон, преемник отца Израиля и предместник отца Илария, был из духовного звания; в 1794 году он поступил в Иосифов Волоколамский монастырь, где был пострижен; в 1800 году перешел в Московский Богоявленский, и в оном посвящен во иеродиакона в апреле 1805 года, а в мае того же года во иеромонаха и определен ризничим и казначеем. В 1812 году, во время неприятельского нашествия, архимандрит Богоявленский, Лаврентий, увозил ризницу в Вологду, а казначей оставался в Москве.

Так как в Богоявленском монастыре всегда было много помещений, занятых товарами, и различных складов, то в 1812 году, по выходе неприятеля из Москвы, казначей Аарон, говорят, воспользовался многим. Что он имел весьма значительную сумму, обнаружилось следующим образом. Когда после 1812 года было выдано от правительства более двух миллионов рублей ассигнациями для возобновления монастырей и вспомоществования духовенству, потерпевшим во время неприятельского нашествия, была учреждена комиссия под председательством преосвященного Августина, а после того

назначена ревизия, то и оказался недочет весьма значительный и в числе прочих был замешан секретарь консистории, Савва Васильевич... его имущество было описано, причем в числе его бумаг хранился и билет в 80 тысяч рублей ассигнациями, принадлежавший Богоявленскому казначею Аарону. Эти деньги и поступили в казну и как легко достались, так легко и пропали. Но эта потеря весьма значительная, хотя и была очень чувствительна для отца казначея, и он было сначала думал отстаивать свою собственность, но когда ему растолковали, что его деньги были приобретены неправильными путями, то он замолчал и стал даже отпираться от потери, опасаясь преследований со стороны начальства. Впрочем, его отчасти утешало в потере то, что это были не последние его деньги.

В 1818 году он был переведен настоятелем в Перервинский монастырь, потом был наместником Чудова монастыря; в 1826 году поступил на место выбывшего Израиля, где и находился по 1833 год. Отец Аарон принял Угрешский монастырь в весьма не цветущем положении и братство далеко неблагоустроенное.

Я стал знать его года три спустя по его выходе с Угреши, то есть в 1836 году; ему было тогда лет около 70. Роста он был высокого, плечистый, лицо продолговатое, не очень благообразное, черты грубые, большой нос, волосы, борода русая с проседью не очень великая, голос хриплый и басистый, правая рука в локте не гнулась; в одежде был весьма неряшлив и ни разу не довелось мне его видеть в клобуке: летом он носил шляпу, а зимой шапку.

В продолжение своего семилетнего правления он не только не исправил тех неустройств, которые он застал, но они еще более возрастали; ибо его предместник, Израиль, любил по крайней мере служить, и в церкви был порядок, а он, по болезни руки, не мог служить более 4 раз в год; Израиль был трезв и строго взыскивал за пьянство, а отец Аарон был весьма подвержен и этой слабости. Он имел страсть к рыбной ловле: возьмет с собой штатных служителей, боченок для рыбы и боченок с вином и на несколько дней отправится из монастыря в окрестные селения, где озера и реки, ловить рыбу, а монастырь между тем оставался без призора. Вообще он к

монастырю был весьма не расположен, а монашеством как будто бы даже и тяготился, потому что в монастыре никогда подолгу не оставался, но все более ездил по соседству. Имея большие деньги, нимало не помышлял о нуждах монастырских, но деньги отдавал в рост и должников своих часто посещал и считал себя членом их семейств. Я лично знал некоторых из них, заимообразно получавших деньги от Аарона, и все они разорились, их семейства расстроились, как будто эти игуменские деньги палили все дома, куда проникали. Так говорится в Отечнике, что «монашеское имение – огонь все попаляющий». Эти деньги не пошли впрок ни должникам, ни заимодавцу, потому что розданные им по рукам по большей части без расписок, распропали.

Мало, что отец Аарон был не расположен к монастырю, можно сказать без преувеличения, что он был и не вполне добросовестен относительно монастырского имущества, из которого старался при случае извлечь для себя выгоды. Так, например, в монастыре был старинный прекрасный каменный корпус длиной на 40 саженях, примыкавший к колокольне. Весь корпус был крыт тесом, и хотя кровли были ветхи, но сам корпус был еще весьма прочен. Все здание, которое было двухэтажное, и внизу и вверху, могло приблизительно совместить до 40 келий, но отделанных было только 11, прочие были без полов и без оконных рам. Вместо того, чтобы исправить здание, тем более, что монастырь имел нужду в кельях, отец Аарон в корыстных видах половину здания разобрал, что стоило монастырю до 2 тысяч рублей ассигнациями, без всякой прибыли, потому что продаваемый кирпич не записывал в приход, обращая вырученное в свою пользу. Впрочем, он имел еще и другую причину не отделывать порожних келий: он опасался, чтобы какой-нибудь настоятель не вздумал проситься на покой на Угрешу. Нерасположение его к обители простиралось и на московских богомольцев, хотя и редко, но все-таки от времени до времени посещавших ее, так что когда он видел несколько более значительных посетителей, то смущался, опасаясь (может быть, и не без основания), что

впечатления, вынесенные из Угреши, будут не в его пользу, и чтобы это какими-нибудь путями не дошло до владыки.

Он всячески старался не возвысить, но понизить обитель, и своим обращением отдалял тех, которые вызывались благотворить; так, например, графиня Орлова, тогда владевшая Островом, присылала к отцу игумену выразить желание быть храмоздательницей в Угрешской обители, но он графиню отклонил и напрямик отказал Ирининскому священнику, желавшему в колокольне, в пустой палатке, для церкви предназначенной, устроить церковь на свое иждивение.

Еще рассказывал мне священник села Копотни, Алексей Васильевич, что игумен Аарон всячески старался представить обитель начальству в таком виде, чтоб ее упразднили и обратили в приходскую церковь по причине ветхости зданий, скудости средств и по неустройству братии. Священник отговаривал его не начинать подобного дела, опасаясь, чтобы Угреша, обращенная в приходскую церковь, не сделалась селом вместо Копотни, и говорил ему: «Ну что тебе толку, что монастырь закроют? Тебя ведь попом не сделают, а мою деревянную церковь, пожалуй, снесут и переведут приход к вам, и я останусь без места!»

Это было в 1833 году; истекал седьмой год со времени вступления Аарона; а со времени вступления Израиля – десятый год, и в это последнее десятилетие обитель до того, и внешне и нравственно упала и была во мнении Москвы на таком дурном счету, что и само начальство затруднилось и пришло в недоумение, что делать с Угрешой, и не на шутку стали поговаривать, что Угрешский монастырь скоро упразднят.

В 1833 году игумена Аарона отрешили от должности и удалили в Московский Данилов монастырь с запрещением священнодействовать, а из числа Угрешской братии лишено монашества 7 человек. Аарон был переведен в Бер-люки, а потом в Екатерининскую пустынь, где он жил до 1840 года, но умер не в монастыре, а в Москве, в мирском доме, где смерть застала его неожиданно, во время его посещения, и был он погребен в Покровском монастыре, что на убогих домах. По смерти его у него ничего не нашлось, ни денег, ни вещей.

Описание жизни этих двух игуменов покажется, быть может, некоторым соблазнительным, и меня осудят, что я рассказываю подобные обстоятельства, и потому (прибавлю в свое оправдание), что не ради осуждения тревожу я память своих предместников, но ради назидания читающим, дабы показать в резких чертах, до чего может уклониться человек, в каком бы звании он ни был, ежели он не будет постоянно блюсти себя, и в особенности, ежели монах не будет непрестанно памятовать своих обетов. Вступление в монашество есть действие совершенно добровольное; произнесение нами обетов совершается по свободному нашему произволению; почему и должны мы неусыпно блюсти себя и всеми силами стараться оградить себя от вредного влияния страстей, дабы не допустить их воспреобладать над нами; ибо строго судит Господь и жестоко наказует Он инока, уклонившегося от правой стези.

Как отец Израиль, так и отец Аарон, вступивши в монашество, позабыли, как видно, какие они имели побуждения оставить мир и, добровольно избравши жизнь монастырскую, к сожалению, мало ею дорожили; произнесли обет нестяжательности, его не хранили; поддались страсти сребролюбия и всем ей жертвовали; и чем же окончилась их жизнь? Один вовсе лишился монашества, другой умер с запрещением в служении, оба умерли не в обителях монашеских, а в мирских домах, в бесчестии и почти в нищете, сугубо наказанные таким образом от правосудия Божия за то, что они бесчестили монашество, которым вовсе не дорожили, и лишась идола своего стяжания, на которое надеялись и которому всем жертвовали.

Глава VIII. Угрешский монастырь в 1834 году; состояние оного при поступлении отца Илария. Казначеи: Иоанникий, Филарет и Серафим; ксёндз Семашко; Макарий и разбойники, его два ученика. Кончина архимандрита Поликарпа. Поездка в Вологду в 1840 году; архимандрит Феофил; его рассказ; иеромонахи

По распоряжению епархиального начальства назначено было отцу Платону, архимандриту Даниловскому, ввести отца Илария в управление Угрешским монастырем, и они положили ехать туда 14-го марта, а меня отправили накануне, что пришлось в понедельник второй седмицы Великого поста, со Сретенским иеромонахом Викентием, временно заведовавшим обителью Угрешской.

Как сейчас помню, мы приехали в монастырь в 2 часа пополудни и прошли прямо в настоятельские келии, где жил один только послушник, Леонтий, которого вся братия называла Левушкой. Он был лет 25, невысокого роста и весьма белокурый, скудобрадый и маловолосый. Келии были почти пусты: едва-едва нашлось несколько столов, столь же плохих и ветхих, как полдюжины просиженных и негодных кресел и стульев, самовар и чайный прибор, и все было старо и никуда негодно. Должно думать, что во время отсутствия настоятеля все это было подменено. В 4 часа я стал ставить самовар, тоже изогнутый и еле-еле служивший. С самоваром мне пришлось идти мимо церковной двери. Это было время повечерия: в церкви шла служба и, идя мимо, я услышал сквозь двери пение, которое произвело на меня такое умилительное впечатление, что я и по сие время не могу позабыть тогдашнего ощущения, ни отдать себе отчета, что могло умилить меня до такой степени,

что я даже прослезился. Я поставил самовар на площадке сеней и стал прислушиваться к пению. Поющих было всего много-много, 4 или 5 человек, пели весьма посредственно, но мне казалось, что я слышу самое сладостное пение. Что это такое? Было ли это предчувствие, что этот монастырь будет во всю жизнь моим жилищем, и я радовался, что достиг мирного пристанища? Чтобы то ни было, но это воспоминание о пении в Угрешском монастыре, которое мне впервые пришлось мельком слышать сквозь двери, останется навсегда в душе моей неизгладимым. С тех пор прошло 40 лет, и я должен сознаться чистосердечно, что никогда, ни прежде, ни с тех пор, никакое пение не производило на меня такого сильного впечатления.

На следующее утро, часов в 10, прибыли отец Иларий, архимандрит Даниловский Платон и Сретенский игумен Сергий, который впоследствии был архимандритом Пешношского монастыря. Отслушав преждеосвященную обедню и потрапезовав в настоятельских келиях, отец Иларий начал принимать монастырь. Сдавал отец-игумен Сергий, а отец-архимандрит Платон только присутствовал. Церковная и служебная утварь была достаточная и ценная, но ризница обиходная была весьма скудна: самым лучшим облачением считалось белое парче-вое с золотыми разводами, но оно было уже очень ветхо, и как у ризы, так и у стихаря, были спереди заплаты из тафты, а галун был до того изношен, что только кое-где местами оставались еще признаки золота; ко всем облачениям для настоятеля был всего-навсего один только подризник, собранный из разной старой материи.

Успенская теплая церковь, какой я застал ее, была вполовину меньше теперешней: иконостас был простой, досчатый, белый, а карнизы и окаймления около икон золочены поталью; стены просто выбелены мелом; а так как для кадил горнила не было и ставилась жаровня с углями, то от копоти своды и стены были сильно закопчены и иконостас утратил свой первобытный цвет. Вход в Успенскую церковь был с наружного каменного крыльца, и дверь в верхние сени была там, где теперь окно, что возле свечного ящика. В теперешних церковных сенях с полуденной стороны одно окно выходило в

пригороженный чулан, принадлежавший к настоятельским кельям, и в нем хранились всякие съестные припасы; а где ныне изображение Страшного Суда, там была дверь в небольшую настоятельскую кухню, за которой была деревянная лестница и крыльцо, называвшееся задним.

Братская трапеза находилась там, где ныне келарская келия, а поварня, где теперь хлебная; и в той и в другой было по два окна; а где в настоящее время (1874 года) поварня, там были сени. Под настоятельскими кельями помещались погреба и мучные амбары, там где теперь просфорная.

Колокольня была всего в три яруса: два нижние, строенные в царствование Императрицы Елисаветы Петровны, остались и теперь без изменения, как были в то время, но третий, верхний ярус, который теперь снят, был весьма низок, некрасив и мало соответствовал двум нижним. Палатка на колокольне, где ныне церковь во имя Усекновения главы Предтечи и Крестителя Иоанна, была устроена, но церкви не было.

Братский корпус, двухъярусный и имевший в протяжении своем 21 сажень, с южной стороны примыкал к колокольне. В оном было 12 жилых келий; входных наружных дверей было три в нижний этаж, а четвертая на крыльцо, откуда была лестница наверх. Но были там и еще келии пустые, негодные для житья, потому что не имели дверей и в которых не было и полов. Каменная древняя около монастыря ограда, на протяжении 330 сажень (по описи 1763 года), была весьма ветха; башни, крытые тесом, имели остроконечные кровли до того изветшавшие, что птицы летали туда прямо.

Соборная церковь была тоже очень ветха; ее окружали с трех сторон паперти без сводов; крыши были на железных стропилах.

Колодезь был там, где ныне за собором крест под шатром.

От настоятельского крыльца вправо и от собора к водяным задним воротам тянулся деревянный палисадник, отделявший от монастыря плодовитый сад. Там, где оканчивался братский корпус, на протяжении 20 сажень, были высокие бугры щебня, поросшие травой и березками, остатки разобранных зданий,

равно и вся монастырская площадка была усеяна кучами старого мусора, давно поросшего густым дерном.

С северной стороны зимней церкви и колокольни, напротив настоятельских келий, была, говорят, прежде березовая роща, которую в 1820 годах игумен Израиль спилил на дрова, тут же при стене была и братская деревянная баня. Игумен Аарон (с 1826 по 1833 год), преемник Израиля перенес ее на другое место, а вместо березовой рощи, насадил яблоневый сад. Каменная стена ограды тянулась от беседки, что при настоятельских кельях, направо и налево, то есть на север и юг, так что нижняя роща и средний пруд были уже за оградой. От входных святых ворот по направлению к колокольне, с левой стороны (на том же самом месте, где и теперь) был конный двор, а где ныне иконная лавка, там была сторожка вратарей. Конный двор перегораживала на две части небольшая поперечная каменная стена, как бы на два двора: меньший был конным, а больший дровяным, или банным. На этом последнем, возле самой колокольни, в которую он упирался к востоку, был небольшой погреб, а рядом с ним каменное здание – прежняя кузница, впоследствии погреб, и возле деревянная баня.

В 1834 году гостиницы при монастыре уже не было, хотя в прежнее время, при царях, когда Угреша была часто посещаема боярами и вельможами, и даже впоследствии, как видно из старых описей, гостиница существовала и примыкала к одной башне, и как видно из надписи, изсеченной на каменной плите, вделанной в стену на лестнице, была строена при Патриархе Иове, следовательно, между 1589 и 1605 годами. Монастырь, пришедший мало-помалу в упадок, был уже очень редко посещаем, и потому, вероятно, эта гостиница как ненужная и была упразднена и обращена в конюшню, а верх – в сеновал. Когда случайным и редким посетителям нужно было пристать где-нибудь, то они останавливались у штатных служителей: эти имели три домика совершенно обветшавшие и покривившиеся, которые были через дорогу, напротив святых ворот.

Соответственно бедности монастыря было всего две лошади и две коровы. Одна лошадь гнедая, другая белая, очень престарелая, а должность кучера исполнял Матвей,

старый отставной солдат, имевший одну из рук разбитую параличем. Летний экипаж – была крытая повозка, нечто вроде коляски, с оглоблями, на рессорах только сзади, а спереди рессор не было; для зимы были санки с кожаной кибиткой: они были очень узки, так что и двоим сидеть в них было тесно. Коров было две только, но обе прекрасные – дар графини Анны Алексеевны Орловой; одна краснопегая, другая чернопегая; у первой было молоко очень густо, у второй пожиже; с новотела они давали молока ведра по три в сутки. Ходила за ними женщина из семейства штатного Василия Крутого; она казалась на вид не весьма опрятной. По недостатку людей в монастыре, я, хоть и был келейником настоятеля, но вместе с тем исправлял и должность трапезного, а потому заведывал и молоком. Весь удой приносили ко мне в монастырь, и я им распоряжался. По хозяйственной части мне много помогал старик Ефим Зиновьич, наемный повар. Я всегда вспоминаю о нем с особым уважением и благодарностью; он меня многому научил: и как обращаться с молоком, как приготовлять творог, сметану и как их хранить. Молоком я распоряжался года с полтора; вероятно, заведывал бы и долее, но вот какой случай избавил меня от излишних хлопот. Так как молока накоплялось иногда по несколько кринок и неудобно было носить их поодиночке, то я придумал ставить эти кринки на доску и так нашивал их с погреба на поварню. В один день, это было в Петров пост, игумен только что отправился в Москву, а я, управившись в келье, пошел в погреб, наставил на доску кринок и несу их на голове. В это время, приехавшая из Москвы, Авдотья Васильевна Аргамакова (одна из немногих наших посетительниц), попалась мне навстречу, посмеялась, что я исправляю должность молочницы, и вскоре после того прислала к нам из Москвы свою крепостную старуху, Минодору, которая и жила у нас за монастырем лет с 9 и весьма добросовестно исполняла возложенную на нее должность и здесь и умерла.

В следующие дни, по принятии монастыря, отец Иларий и я ходили осматривать все здания подробно, между прочим, лазили с фонарем и под собор и паперть, так как нижние окна

собора были засыпаны щебнем и заросли кустарниками. Привожу на память все эти мелочные подробности потому, что помню те впечатления, которые я ощущал; все, что я видел, монастырское было мне также близко и дорого, как будто оно было моей собственностью, родовым моим наследием, мною полученным. Последствие времени доказало, что действительно есть в душе нашей вещий глас, таинственно предвозвещающий нам о сокровенном грядущем…

На четвертой неделе я подал прошение о приуказке к монастырю и о причислении меня к братии. Я приехал из Вологды в подряснике из толстого черного сукна оптинского покроя и в кожаном поясе, какие известны под названием соловецких. Угрешские братия очень смеялись надо мной, говорили, что такого одеяния в штатном монастыре никогда и никто не носит и называли его кожухом.

Келейническое послушание при отце Иларии я исправлял в продолжение пяти с половиной лет; кельи особой у меня не было, и я жил в передней, за ширмами, которыми отгораживался угол и окно, что тотчас влево от входной двери, где теперь залавок, и тут прожил я первые пять лет моего пребывания в Угрешском монастыре.

По малочисленности братии, которая состояла всего из десяти человек, и за недостатком людей, я имел несколько послушаний:

1) я был келейником настоятеля, 2) трапезным, 3) погребничим, а за неимением другого келаря, и 4) свечником.

Так как по большей части келейником я бывал один, а послушания были очень разнородны, то для исполнения оных, я распоряжался в праздничные дни следующим образом: в то время, как настоятель готовился к служению (ибо до самого своего выхода к обедне он никогда не отворял своих дверей), я мог свободно отлучаться и распоряжался выдачей всего нужного для трапезы. По существовавшему издавна обычаю на Угреше, после обедни у настоятеля поставлялась закуска, которой озаботиться приходилось мне же. Сделав то и другое, я подготовлял самовар: наливал в него воду, всыпал уголья, клал лучину и даже серные спички и шел в церковь, где по должности

свечника приготовлял налепки, и когда отец Иларий уходил в церковь для служения, я запирал келью и отправлялся в трапезу набирать стол. Потом я снова возвращался в церковь и становился к свечному ящику для продажи свечей, и оставался там до причастного стиха, тогда я запирал свечной ящик и шел в келью, клал огонь в самовар и приготовлял чай для угощения братии. По окончании чая и закуски я оставлял в настоятельской передней кого-нибудь повернее из послушников, а сам спешил на поварню для того, чтобы распорядиться по трапезе. Эти закуски в праздничные дни продолжались несколько лет, но один неприятный случай положил им конец. Случилось именно вот что. Однажды, в какой-то праздничный день, один из иеромонахов и белый диакон (тогда живший в монастыре) пришли в трапезу уже довольно выпивши, а во время обеда, как говорится, вино их еще более разобрало, так что на возвратном пути дорогой они крепко поспорили и наконец подрались. Было сделано следствие, и так как они оба показали, что выпили вина только по две рюмки у настоятеля на закуске, то покойный владыка (митрополит Филарет) во избежание повторения подобных случаев, на будущее время и указал отменить эту праздничную закуску.

Первые из поступивших при нас в течение поста были два послушника из Новоспасского монастыря, родом из мещан Смоленской губернии, по имени Николай и Захарий: первый пел басом, второй – тенором; а перед Святой неделей к нам прислали под начало одного священника города Дмитрова, сына тамошнего протоиерея, Михаила Кузьмича. Страстная Неделя и первый день Пасхи прошли благополучно, но во второй день к вечеру эти трое перепились, повздорили не на шутку, подрались и выбили раму, вследствие чего послушники были высланы из монастыря, а священник, по распоряжению владыки, послан в Екатерининскую пустынь. Когда отец Иларий стал словесно докладывать об этом происшествии владыке, то он, припомнив священника, сказал: «За него будет отвечать отец его, потому что, когда он был еще студентом семинарии, до меня доходили слухи, что он ходит по трактирам. Я говорил об этом отцу его, но он меня уверил, что это несправедливо; на

чем основываясь, я и допустил его до священства». Действительно, в то время считалось зазорным, ежели молодой человек ходит в трактир.

В мае владыка, находившийся тогда на череде в Святейшем Синоде, возвратился из Санкт-Петербурга, и отец Иларий отправился представляться к нему и в первый раз явился с иконой и просфорой. Владыка очень обласкал его и заметил ему, между прочим, что он еще довольно молод, и спрашивал его, не найдет ли возможности устроить на Угреше общежития, которое могло бы послужить ко благоустроению обители, внутреннему и внешнему?

Несмотря на всю его монашескую опытность и расположение к старчеству, отцу Иларию не суждено было исполнить желания владыки и совершить этого преобразования на Угреше.

При нашем приезде казначеем монастыря был иеромонах отец Иоанникий, человек весьма неблагонадежный; почему отец Иларий и стал просить владыку уволить его от должности и удалить из монастыря, что и было сделано. Его послали в Белопесоцкий монастырь, под Каширу.

При этом отец Иларий сделал большую неосмотрительность: вместо того, чтобы предоставить самому владыке выбор нового казначея, он имел неосторожность предложить одного иеромонаха из Чудова монастыря, по имени Филарет, которого знал он весьма немного, познакомившись с ним во время своего пребывания в Чудове монастыре, где провел не более недели.

Когда отец Иларий назвал владыке иеромонаха, желаемого им в казначеи, владыка пристально на него посмотрел и спросил его: «Довольно ли хорошо ты знаешь того, которого избираешь себе в казначеи?» – «Как же, владыко святый, знаю!» – «Ну, коли знаешь, сказал владыка, так бери же его на свои руки!» Отец Иларий не понял всего смысла, заключавшегося в этих кратких словах, владыка, сам всегда весьма осторожный и осмотрительный в выборе должностных лиц, не любил, когда и настоятели действовали опрометчиво и сами по своему усмотрению избирали людей, а не ожидали

непосредственного назначения от него. Может быть, владыка и знал, что за человек отец Филарет, но, желая проучить отца Илария, он не противоречил ему, и в мае отец Филарет был определен к нам в казначеи.

Вскоре после того, июня 2 1834 года, скончался в Москве председатель Государственного Совета и канцлер, князь Виктор Павлович Кочубей. Тело его отпевали весьма торжественно в Чудове монастыре, а для сопровождения тела из Москвы в Сергиевскую пустынь (где семейный склеп Кочубеев в великолепной церкви, на их иждивение выстроенной), владыке угодно было назначить нового Угрешского казначея отца Филарета. От семейства покойного князя отец Филарет получил в благодарность за проводы золотые часы и сто рублей деньгами. Это обстоятельство весьма надмило отца казначея, и без того уже слишком склонного к превозношению; а так как отец Иларий не был еще совершенно утвержден в должности настоятеля, но только числился управляющим, то отец Филарет, надеясь на свои способности, на известность владыке как Чудовский иеромонах и возымел намерение перебить дорогу отцу Иларию, бывшему только внове настоятелем и не доказавшему еще своего умения в деле управления.

В первых числах сентября отец Иларий отправился в Москву по какой-то монастырской надобности, и совершенно для него неожиданно, 5 сентября, владыка посвятил его в игумена Угрешского на Троицком подворье.

После этого отец Филарет, отчаявшись быть настоятелем Угрешским, решился во чтобы то ни стало вытеснить отца игумена, хотя бы то было сопряжено даже и с собственной его погибелью. Но так как отец казначей имел слабость, то есть был подвержен нетрезвости, доходившей до исступления, то все его предположения и замыслы сами собой рушились. Вот что с ним случилось и было причиной печальной развязки его горестной судьбы: в день Пасхи 1835 года, напившись весьма сильно, он похвалялся при посторонних поджечь монастырь, и в глубокий вечер того же дня найден он на конном дворе возле крыльца на сеновале; неподалеку от него лежал подсвечник, взятый им в поварне, а свечка, выпавшая из оного, найдена на лестнице, как

это впоследствии открылось при дознании. Таким образом разрушились все его мечты. Он рыл яму отцу игумену, и сам в нее попал. По этому делу, производившемуся следственным порядком, он был запрещен в служении и в ношении монашеского одеяния, отправлен сперва в Екатерининскую пустынь, потом в Давыдову, а после переведен в Старо-Голутвин монастырь, где, проживши 18 лет, умер 68 лет, в марте 1857 года.

Преемником отца Филарета был отец Серафим, иеромонах Вологодского Прилуцкого монастыря; в 1838 году он был переведен в Московский Знаменский монастырь.

В 1836 году прибыл на Угрешу один из старинных знакомых отца игумена, живший с ним в Белобережской пустыни, отец Иоанникий, бывший игумен Небино-Троицкого Сергиева-Торопецкого монастыря[35], человек весьма умный, в монашеской жизни опытный и по строительной части очень искусный. Он был из купеческого звания, лет 50, черноволосый, худощавый. В бытность его на Угреше по его совету и чертежу вновь перекрыта башня, что при настоятельских кельях. Прежде она была с тесовой остроконечной крышей, от времени совершенно обветшавшей. При всем желании отца игумена Илария иметь при себе отца Иоанникия, он должен был воздержаться от определения его в число братства вследствие открывшихся недостатков.

До 1836 года монастырское подворье, что в Москве, на углу Маросейки и Лубянской площади, было в следующем виде: состояло из двух домов; на самом углу снизу была часовня, приносившая ежегодно сбору рублей до 200 ассигнациями или с чем-нибудь, а наверху были кельи для приезда настоятеля и братии. Часть, выходящая на Лубянскую площадь, была занята вверху трактиром, а внизу харчевней, которую более 30 лет содержал один крестьянин, по прозванию Максим Большая Закуска. Это прозвище было дано ему потому, что приходившим выпить он подавал закуску более обыкновенной. В ознаменование своей благодарности, что Господь благословил его труды, он поусердствовал слить колокол в 130 пудов в церковь, что рядом с подворьем, называемую Никола, что в

Клинниках (а настоящее название в Блинниках). Часть подворья, примыкающую к этой церкви, составлял небольшой двухэтажный дом; вверху жили шорники, а внизу – хлебники. Со всего подворья, кроме часовни, доходу собиралось не более 6 500 рублей ассигнациями. Вследствие обветшалости зданий разрешено было от епархиального начальства все перестроить по новому плану, и после того дом был отдан с торгов за 15 125 рублей ассигнациями (4 322 рубля серебром). При перестройке часовня упразднена, а иконы, в оной находившиеся, возвращены в обитель.

В 1836 году, в день памяти первосвятителя Московского Петра, день моих именин, отец игумен постриг меня в рясофор. В том же, 1836, году поступил к нам в число братства афонский иеромонах Серафим. Он был астраханский уроженец, лет 65, среднего роста и весьма благообразной наружности; имел наперсный крест; рясу всегда носил мухояровую, а при служении под ризу надевал аналав. По понедельникам молочного не употреблял. Келья, отведенная ему, находилась там, где ныне водяная башня, тогда еще не существовавшая; тогда были на том месте водяные ворота, а над ними вверху кельи. Отец Серафим жительствовал у нас около двух лет. Когда покойный владыка, временно пребывавший в Санкт-Петербурге, возвращался в Москву, он многократно докучал владыке своими сплетнями и доносами на всю братию и игумена. В жизни нельзя упрекнуть отца Серафима: он был весьма воздержен, но характер имел сварливый, раздражительный и неуживчивый, чем и вооружил против себя всю братию, и, окончательно лишившись доверия владыки, был уволен из Угрешского монастыря вследствие того, что однажды, во время служения, раздражившись на пономаря, он оставил служение литургии и разоблачился. Он поступил в Данилов монастырь, где также не ужившись, оставил Московскую епархию.

В 1837 году, по распоряжению начальства, к нам прислан был униатский ксендз Осип Васильевич Семашко, для увещания его в православии. Он был лет 50, среднего роста, приятной наружности и весьма обходительный и вежливый, но

упорный в своих убеждениях; он оставался непреклонным и, несмотря на все увещания в монастыре, в консистории и лично у самого владыки, успеха не было. Как человек, глубоко проникнутый духом фанатизма, свойственным латинству, и как человек знатного рода и имевший связи и большие средства, которые он употреблял во зло, вооружая свою паству (в Волынской губернии), против правительства, был сослан в Соловецкий монастырь на заточение, и что с ним после того сталось, мне неизвестно.

В начале марта 1838 года мои родители приезжали навестить меня и провели в монастыре две недели. Это было последнее мое свидание с батюшкой; ему был 77-й год, и в мае 17 числа того же года он скончался.

Марта 26 (того же года), в Лазареву субботу, я принял пострижение и из Петра переименован Пименом. По пострижении я целую неделю безвыходно находился в церкви, то есть до Великой Субботы. Осенью, в том же году, в должности игуменского келейника меня сменил послушник Александр Вертинский, а меня перевели в одну из братских келий. Я удержал за собой все прежние мои послушания, вместо же келейного занял должность клиросного и стал мало-помалу привыкать к чтению в церкви. Отец игумен по возможности старался водворить церковный порядок и установил на полунощнице читать утренние молитвы, чего дотоле не соблюдали, и это казалось братии нововведением, против которого они сильно восставали. Помню, что однажды, когда была моя череда читать сутки (а в то время отца игумена не случилось в церкви), и я начал читать утренние молитвы, служивший иеромонах Тихон, вышедши из алтаря, оттолкнул меня от аналоя с разными укоризнами. Несмотря на столь явное сопротивление воле игумена, он, однако же, поставил на своем и настоял, чтобы введен был надлежащий церковный порядок в отправлении служб согласно церковному уставу. Этот случай привожу, как доказательство, что не следует уступать препятствиям, которые всегда встречаются во всяком благом деле. Нет никакого сомнения, что ежели бы отец игумен сделал после этого послабление, то, конечно, водворение желаемого

порядка впоследствии сделалось бы немыслимым. Вот как настоятелю должно быть твердым в своей воле, когда он решился ввести что-нибудь полезное; уступчивость в подобных случаях весьма предосудительна; ибо явно влечет за собой неуважение власти и распущенность, и потому имеет самые вредные последствия.

Около этого времени, то есть в 1838 году, в конце августа, поступил к нам из числа оптинской братии монах Макарий. Он был родом из дворовых людей (не упомню теперь чьих господ) и, отпущенный на волю, поступил в 1812 году в Старо-Голутвин монастырь, где по прошествии семи или восьми лет после того был пострижен. В то время Голутвинским строителем был отец Самуил (Пешношский постриженник); при нем-то и поступил Макарий в Старо-Голутвин монастырь и, прожив в самом монастыре года три или четыре, следовательно, около 1816 или 1817 года, был послан жить в монастырскую рощу, находящуюся в 15 верстах от обители, около селения Дарищи. Сперва он жил там в мазанке, а после того выстроил себе сторожку и благополучно жил в ней до 1834 года, когда его постиг несчастный случай, который он сам впоследствии времени нам рассказывал и который, насколько упомню, здесь передаю, как весьма назидательный для монаха вообще, а для людей самочинных и стяжательных в особенности поучительный. Отец Макарий почитал себя учеником отца Самуила, но в сущности, как доказали впоследствии обстоятельства, он жил более по своей воле; а так как всякое самочиние не согласно с духом истинного монашества, то и уклонился он от истинного пути, впал в самомнение и заразился любостяжательностью, которая побуждала его общаться с мирянами и преимущественно с богатыми гражданами города Коломны, приносившими посильные лепты этому пустынножителю. Разошлась молва, без сомнения, преувеличенная о стяжаниях его, а приманила к его уединенной отшельнической келье людей неблагонамеренных, решившихся его ограбить. Это было в начале апреля 1834 года; ночь была темная и везде лежал снег. Отец Макарий и два его ученика, послушник Филимон, из коломенских мещан, лет 30, и брат его,

Левушка (мальчик лет 10), давно уже легли спать; в келии было темно. Вдруг под окнами послышался шум, топот лошадей, много голосов и стук в сенях. Макарий вскочил, выбежал и спрашивает: «Кто там?» – «Мы из Рязани, – отвечали голоса, – едем в Одессу, а к тебе заехали попросить хлеба». И при этом вошли в сени и в келью и стали просить огня. Макарий совсем растерялся и говорит: «Я оторопел, ничего не найду, не знаю, где что взять!» Неизвестные люди высекли огонь кремнем из огнива... «Давай свечей!» – кричали они. Макарий дал восковых свечей... Было шесть человек, с ружьями, с саблями и с преужасным кистенем, и у всех лица были обвязаны. «Подавай сейчас деньги! Где твои деньги? – кричали они. – Не то пришибем тебя сейчас, и дух вон!» «Какие деньги? – бормотал Макарий. – Откуда деньги; у нас денег нет, родные мои!!!» Разбойники всех перевязали. Филимона и брата его посадили на лежанку, а Макария повалили на пол и стали жечь на нем сено, допрашивая его, где его сундуки? «У меня сундуков нет, а есть ларь с бельем; что там есть, все берите!» Несчастного потащили, все повышвыряли из ящика; нашлось одно белье. Филимон между тем как-то сумел развязать руки и, выскочив в окно, бежал в лес, а Левушка забился подлавку. Долго терзали грабители Макария, опять его жгли сеном; вытащили и Левушку из под лавки и, разложив его на полу в одной рубахе, стали жечь сено на его животе; но странно, что мальчик остался почти невредим, как будто не был он подвергаем такой жестокой пытке. Долго свирепствовали разбойники и, не нашедши денег, кроме рубля, бывшего где-то на полке, связали Макария по рукам и ногам, заперли его и удалились. Макарий мужественно вытерпел все истязания и муки, но не ради Бога, а корысти ради, и не побежденный разбойниками, был побежден собственным своим сребролюбием. Однако не на пользу послужили ему и не пошли впрок деньги, из-за которых он претерпел такие ужасные мучения и пытки. Напуганный и застращанный случившимся, он возвратился жить в монастырь и, поживши там с год, переместился в скит Оптинской пустыни, куда с ним перешли Филимон и Левушка. Он дал Оптинскому настоятелю отцу Моисею до 700 рублей ассигнациями для

построения ему кельи и поселился в ней со своими учениками. Привыкнув жить по своей воле, он не мог уже преодолеть себя, имея более 56 лет от роду, и подчиняться уставу Оптинского скита. Проживши там не более трех лет, он перешел к нам в монастырь, оставив при себе Филимона, а Левушка возвратился в Старо-Голутвин монастырь. Но, живя и на Угреше, он не успокоился: сребролюбие и здесь не дало ему покоя; он начал скорбеть о деньгах, потраченных им на построение кельи в Оптинской пустыни и, надеясь возвратить их, стал просить отца Моисея, но, конечно, получил отказ. Не удовольствовавшись этим, он обратился к Калужскому епархиальному начальству, которое точно также ему отказало. Видя и тут неудачу, он вздумал было утруждать владыку, расчитывая на его заступление, но в этом ошибся, и возвращения им потраченных денег не последовало. Да как владыка стал бы вступаться в дела монастыря не подведомственной епархии. Он намеревался войти с прошением прямо в Святейший Синод. Не могу сказать утвердительно, привел ли он в исполнение это намерение и что воспоследовало, потому что он, проживши у нас до 1845 года, возвратился опять в Старо-Голутвин монастырь, и там умер в 1855 году. Живя у нас, послушаний он никаких не исправлял; церковь посещал редко, братской трапезой оставался всегда недоволен, но, имея средства, что-то такое у себя стряпал, с братией не мирствовал, и вообще можно сказать, что он был в тягость себе и другим. Умирая, он все свое достояние передал ученику своему, Филимону, в 1840 году постриженному у нас на Угреше и переименованному Феодосием, который впоследствии был посвящен во иеромонаха и определен правителем Бобренева монастыря. По неисследимым судьбам Божиим и Феодосию не суждено было попользоваться наследством Макария. Сколько именно досталось ему по смерти того, неизвестно, но много ли мало ли, он носил доставшиеся ему деньги зашитыми в нагрудник, думая чрез то их лучше сберечь. Побыв недолгое время управляющим Бобреневым монастырем, он лишился рассудка и вместе с тем и всего своего достояния, отвезен в одну из Московских

больниц и, не пришедши в лучшее состояние, в совершенном помрачении ума там умер в убожестве.

В первые годы нашего жительства на Угреше неоднократно посещал ее отец архимандрит Поликарп из Новоспасской обители, бывший перед тем ректором Московской Духовной Академии, и с ним вместе не раз приезжал и протоиерей Феодор Александрович Голубинский. Отец Поликарп был тогда лет 60, роста среднего, довольно полный; волосы имел светлорусые с проседью. Он был человек весьма ученый и предобрейший, готовый сделать для каждого, что только он мог. В последнее время своей жизни он весьма ослабел здоровьем и, когда был уже на смертном одре, дня за два до его кончины, ему явился в сонном видении святой великомученик Димитрий Солунский и сказал ему, «что он послан от Бога возвестить ему кончину», и назначил день и час смертный. Потом святой великомученик сказал ему: «Ты поручен мне от Господа, и хотя ты великий грешник, но Господь прощает тебе, так как за тебя много молящихся. Какое имеешь достояние, распорядись им». Отец Поликарп поспешил исполнить сказанное и действительно в назначенный день и час скончался*[36].

В последующем, 1839 году, февраля 23, в церкви Шереметевской больницы, что в Москве, преосвященный[37] Виталий рукоположил меня во иеродиакона. С ним служащими были Новоспасский архимандрит Аполлос и Андроньевский Гермоген. Об этом дне у меня осталось в воспоминании, что когда мне нужно было говорить ектению: «Прости приимше», в то время стоял у дверей диакон-старичок, который из алтаря дал мне тон, как будто угадывая мое внутреннее смущение, и я сказал ектению весьма спокойно.

В марте того же года, по предписанию епархиального начальства, я вступил в исправление казначейской должности, а в 1840 году, по собственному благоусмотрению владыки, я был посвящен в иеромонаха.

К 1840 году относится устроение новой церкви в палатке на колокольне, издавна для того предназначенной, но где по недостатку средств храма не было еще устроено. Эту церковь пожелали устроить Пятницкие, Иван Петрович, московский

купец, и жена его, Анна Андреевна. Иконостас белый с золотом. Устраивать церковь начали в июне, а октября 22 дня совершено освящение.

В том же году, осенью, будучи уже иеромонахом, я отпросился у отца игумена побывать на родине. Батюшки уже не было в живых, но матушка и оба брата мои были еще живы. Жители Вологды мне весьма обрадовались, потому что меня знал почти что весь город.

В Спасо-Прилуцком монастыре в то время жительствовал на покое бывший Иркутский архиепископ преосвященный Ириней, родом серб, по фамилии Нестерович*[38]; прежде он был архимандритом Толгского монастыря, хиротонисан во епископа Пензенского, потом был Иркутским архиепископом, а в 1830-х годах поступил на покой с пенсией 1 200 рублей. Впоследствии, в 1848 году, он получил в управление Толгский монастырь, что возле Ярославля. В 1840 году ему было около 60 лет, был высокого роста, волосы и бороду имел черные; вел жизнь самую подвижническую и много лет никуда не выходил за ворота своей обители. Он был весьма нестяжателен, всю свою пенсию раздавал нуждавшимся и помогал приходящим к нему не только лептой, но и врачеванием; вся Вологда почитала его праведным. С 1834 года по 1844 Толгским монастырем управлял пребывавший там на покое, бывший епископ Ярославский, Авраам, который в 1844 году скончался. Наместником в Толгском монастыре был хороший мой знакомый, отец Сергий, из иеромонахов Сергиевской пустыни: в 1833 году мы с ним жили вместе в Новоезерском монастыре.

В Вологде в 1840 году епископом был все тот же преосвященный Стефан, которого я с детства там всегда помнил. Я к нему явился и получил благословение служить в некоторых церквах. На следующий год преосвященного Стефана перевели архиепископом в Астрахань, где вскоре после того он скончался, а на его место поступил преосвященный Иннокентий, впоследствии епископ Харьковский, потом архиепископ Херсонский и Таврический, бывший столь известным проповедником.

В 1840 годах (но в котором именно, определительно сказать не сумею), в летнее время заезжал к нам на возвратном пути своем из Воронежа настоятель Тверского Отроча монастыря, Угрешский постриженник, отец архимандрит Феофил. На вид ему могло быть лет 60; роста он был среднего, довольно полный, седовласый, очень ласковый. Он рассказывал, между прочим, следующий случай, бывший в Угрешском монастыре: в 1821 году, при игумене Амвросии (он был уже в то время казначеем Иосифова Волоколамского монастыря), ему, Феофилу, довелось быть на Угреше, когда привезли новый колокол и напротив соборного алтаря случайно попали на такое место, где колесо глубоко врезалось в землю и как будто что продавило. По осмотре оказалось, что на том месте была плита, от времени вросшая в землю, а под ней склеп над могилой преосвященного Иосифа IV, архиепископа Коломенского, пребывавшего на Угреше на покое и скончавшегося июля 29 дня, 1682 года. Когда для возобновления склепа, с разрешения владыки Московского Серафима, приступили к разборке оного, оказалось, что верхняя доска гроба была повреждена, и надлежало ее переменить, почему и пришлось крышу снять, и увидели тогда, что святительские одежды остались совершенно целы и свежи и тело нимало не повреждено от времени, несмотря на то, что протекло без малого 140 лет со дня кончины преосвященного Иосифа. Упомянутый колокол, как значилось в надписи на оном, был слит апреля 30 дня 1821 года, а владыка Московский, митрополит Серафим, был переведен из Москвы в Санкт-Петербург в конце июня 1821 года; ибо июля 3, того же года в Москву был уже назначен на его место архиепископ Ярославский Филарет (Дроздов); следовательно, это событие, случившееся над могилой преосвященного Иосифа, могло быть в мае месяце, или в первой половине июня.

В непродолжительном после того времени в селении Лыткарине, находящемся от монастыря верстах в четырех, появилась повальная горячка на детей, опустошавшая это селение, и в то время одной матери явился во сне некий благообразный старец в иноческом одеянии, который ей сказал,

чтобы она шла в Угрешский монастырь и отслужила бы панихиду по архиепископу Иосифу, взяла бы персти с его могилы, и что Господь всех их помилует. Эта женщина поспешила исполнить все ей сказанное, и действительно болезнь мгновенно прекратилась. В память этого события и из благодарности к милостивому предстательству святителя Иосифа, лыткаринские поселяне возымели желание поставить над его могилой памятник, сделанный из гранита, добываемого в их каменоломнях, существующий и поныне. В день преставления преосвященного Иосифа, июля 29 дня, обыкновенно совершается панихида над его могилой.

В заключение этой главы, говоря о некоторых из братии, находившихся в Угрешском монастыре при моем поступлении э оный, упомяну еще о двух иеромонахах того же времени: отце Иоасафе и отце Иларии, братском духовнике. Иеромонах Иоасаф был родом малороссиянин, начало полагал в Площанской пустыни, где был и пострижен, посвящен в иеродиакона в штатном Лубенском Преображенском монастыре (Полтавской епархии), там прожил он 18 лет и почему-то, вышедши оттуда, определился в Угрешский монастырь, где был после того посвящен во иеромонаха. Так как он полагал начало в Площанской пустыни, общежительном и притом весьма благоустроенном монастыре, то отец игумен Иларий, думая найти в нем сочувствие к монашеству общежительному, однажды в разговоре с ним сказал ему, что хорошо было бы, ежели бы в Угрешском монастыре удалось устроить общежитие. Отец Иоасаф промолчал и не показал вида, что он этим смутился, но мысль о введении общежития его сильно встревожила, и на следующий день он не мог сдержать себя и не высказать своего раздражения в братской трапезе. Он до того взволновался, что вскоре после того занемог, был отправлен Москву, в Екатерининскую больницу, где и умер.

Отец Иларий, иеромонах, при поступлении моем на Угрешу в 1834 году, был более чем 70 лет, весьма дородный и, при нетрезвом поведении, буйного характера. Родом из духовного звания Калужской епархии, состоял некоторое время при архиерейском доме иподиаконом при преосвященном

Феофилакте (Русанове), находившемся в Калуге с 1799 года, епископом и архиепископом, потом с 1809 – Рязанским, впоследствии (1817 г.) бывшем экзархом Грузии, а с 1819 – митрополитом, скончавшемся в июле 1821 года. В 1812 году отец Иларий был иеродиаконом в Москве, в Богоявленском монастыре, а после того в Златоустовском монастыре, в котором, в его бытность, в 1819 году, случилось похищение: на 29 августа, между малой вечерней и всенощной, пропала с иконы святого Иоанна Златоуста митра, венец золотой с драгоценными каменьями и панагия с частью мощей святителя и жемчужный убрус с Тихвинской иконы Божией Матери. Пропавшие вещи стоили, говорят, до 4 000 рублей ассигнациями. При всех розысканиях виновные не были открыты, остались только в подозрении один послушник, исполнявший пономарскую должность и еще другой, но впоследствии времени подозрение стало падать на двух иеромонахов, Илария и Макария, потому что у них стали появляться деньги в значительном количестве. Впрочем, это были одни только подозрения, улик никаких не было. Под конец жизни отца Илария у него оказалось до 3 000 рублей ассигнациями денег, и розданные им по рукам не послужили на пользу ни ему самому, ни тем, которые у него их оттягали. Иеромонах Иларий умер в 1850 году. Его кончина была болезненна и весьма мучительна. Хотя его и напутствовали христианскими таинствами, он, однако, жестоко мучился в продолжение трех суток: глаза его мало-помалу совершенно вытекли; ему тягостно было, когда ему на грудь полагали крест; он все силился сдвинуть его и без креста ему становилось как будто лучше, дышал свободнее. После трех суток страшных мук он умер и оставил в моем воспоминании тяжелое впечатление о своей кончине.

К слову, скажу мимоходом и об его товарище, Макарии. За свое неисправное поведение он был удален в Белопесоцкий монастырь и там умер скоропостижно. По смерти его у него денег не оказалось, тогда как все знали, что он имел деньги. По прошествии немалого уже времени иеродиакон Иосиф, помещенный в его келье, долгое время был смущаем помыслом

доискаться в его келье, не осталось ли где денег, которые он, действительно, и нашел под полом в жестяном ящике, и воспользовался ими. Но, пользуясь неумеренно этими чужими деньгами, им присвоенными, он стал вести такую жизнь, что был лишен монашества, кроме того – судим светским судом, содержался в остроге, и там умер во время заключения.

Часть найденных денег по смерти Иосифа поступила брату его, которого конец был также весьма плачевен: он был найден удавившимся.

Отец Иларий (иеромонах) рассказывал, что когда он жил в Богоявленском монастыре, то слышал от старцев, что близ монастыря, на Никольской, прежде был огромный дом графа Шереметева Петра Борисовича, который в нем жил и в нем скончался 30 ноября 1788 года, и был последний схоронен в Богоявленском монастыре, в котором со времени чумы (1771–1772 гг.) никого уже не хоронили, но по просьбе семейства для Шереметева было дозволено Государыней Екатериной II схоронить его тело с телами предков там погребенных. Все, какие только нашлись в Москве в то время восковые свечи, и большие и малые, велено было купить и раздать их приходам и монастырям для поминовения графа. На похороны приглашены все преосвященные, все архимандриты и белое духовенство Москвы, и всем сделано новое облачение. После погребения графа его семейство уже не возвращалось более в дом, в котором он скончался, а по прошествии шести недель дом разобрали.

Глава IX. Обновление Николаевского собора; Авдотья Ивановна Рыбникова; две старые могилы; освящение собора митрополитом Филаретом в 1843 году

В1837 голу, с разрешения епархиального начальства, перестраивалось наше Московское Ильинское подворье. В то время я был еще послушником и келейником у отца игумена. К концу октября того же года подворье было вчерне достроено, но монастырь, не имея средств отделать внутренности здания, вынужден сделать публикацию, что сдает подворье внаймы с условием, чтобы годовая плата была внесена вперед. К этому пришлось потому прибегнуть, что не на что было отделать. Епархиальное начальство определило произвести торги на отдачу дома в монастыре, и в сам день переторжки (это было в осеннее время, в 9 часов утра, перед обедней), совершенно для нас неожиданно приехал покойный владыка митрополит Филарет, а вслед за тем съехалось и несколько купцов, желавших снять дом. Не могу сказать, известно ли было владыке по газетным объявлениям, что должно было происходить в этот день в монастыре, или это была случайность, но вышло очень хорошо, что приезд его совпал с этими торгами и, как бы с его благословения, торги были так удачны, что превзошли всякое ожидание: с 6 500 рублей ассигнациями цена вдруг возвысилась до 15 125 рублей ассигнациями, что при существовавшем тогда лаже составило почти около 20 тысяч рублей ассигнациями. Вероятно, это улучшение средств обители внушило владыке мысль о возможности обновить наш собор, который был действительно ветх, тесен и сыр. До этого посещения никогда не было и речи о соборе, но в этот раз владыка сказал игумену: «У меня во всей епархии нет беднее и хуже ваших церквей». И это было сказано с таким выражением, что после этого отцу игумену и оставалось только помышлять о возобновлении собора.

Сперва составили было план на трехпрестольный собор, но владыка плана не одобрил и благословил оставить собор без изменения; но отнявши старые низменные паперти, окружавшие его с трех сторон, пристроить, с западной стороны паперть, ту самую, которая существует и поныне. Губернский архитектор Дмитрий Фомич Борисов составил план. Владыка, предварительно рассмотрев его, представил в Петербург на утверждение; после чего завязалась продолжительная переписка, дело тянулось около трех лет, так что Высочайшее разрешение последовало уже только в исходе 1840 года.

Когда дело начиналось, я не мог в нем принимать участия, так как был еще только послушником; а когда пришлось приступать к постройке, то я был уже иеромонахом и казначеем, и волей-неволей, должен был приняться за дело, для меня вовсе чуждое. До этого времени у нас в монастыре никаких значительных построек не было; бывали только поправки и поновления, а тут приходилось строить вновь. Отец игумен, глубоко проникнутый духом монашества, любил жизнь келейную и, будучи строгим подвижником, мало заботился о внешнем благосостоянии обители. Кроме того, он был весьма несведущ во всем, что касалось хозяйственной стороны; в производстве и цене работ, в качестве и стоимости строительных материалов не имел ни малейшего понятия, и вообще уклонялся от всего, что касалось вещественных потребностей жизни. Об этом я могу судить лучше, чем кто-либо; ибо не только жил при нем 18 лет, но дело делал, и бывало когда приходилось мне или объяснять ему что-нибудь, или испрашивать благословение, то я помню, с какой осторожностью принужден я был действовать, опасаясь расстроить отца игумена, который терпеть не мог всех этих забот и хлопот хозяйственных, казавшихся ему обременительными и приходившихся ему не по сердцу.

Припоминая теперь все обстоятельства того времени, я сам себе нередко дивлюсь, как, по своей неопытности, я нимало не задумался и имел отважность решиться на дело весьма значительное и требовавшее и умения, и терпения. Хотя до этого времени я и не имел никаких особенно важных поручений от отца игумена, тем не менее по моему желанию быть

полезным для обители, я решился просить его мне дозволить заняться этим делом, и отец игумен со своей стороны, сознаюсь в этом, поступил весьма смело, так как нимало не испытав моих способностей, все-таки мне поручил такое дело. Вижу теперь, что он имел ко мне доверие больше, чем сколько можно было бы ожидать. Нимало не подозревали мы, какой подлежали ответственности, так как план был Высочайше утвержден; и точно по наветам недоброжелателей, мы подверглись следствию: для ревизии собора была наряжена коммисия, состоявшая из двух архитекторов и академика, нарочно для того присланного. Но оба мы действовали в простоте сердечной, и Господь, видя это, от того, вероятно, и благословил намерения наши, и привел видеть благополучное окончание начатого предприятия, и избавить нас от всяких неприятностей.

Вместо того, чтобы сдавать работу подрядчику, решено было у нас с отцом игуменом нам самим распорядиться работой, имея в виду не столько дешевизну, сколько прочность. Перед масленицей мы отправили для найма рабочих во Владимир весьма благонадежного человека, послушника Егора Егоровича (ныне отец архимандрит Галактион, наместник Саввы Сторожевского монастыря). Он нанял двенадцать самых лучших каменщиков на все лето, отчего они и называются «полетовщиками»; цена большой руки им была от Вешнего Николы и до осенней Казанской от 160 и до 175 рублей, а малой руки от 100 и до 130 рублей ассигнациями, на монастырских харчах. Кроме того, было выговорено еще пять недель работы во время Великого поста, за сколько, теперь не упомню. Рабочие пришли на второй неделе, погода была снежная и ветреная. Они начали подготавливать белый камень для цоколя, тесать его. Когда я пришел посмотреть на работу, время было ненастное и холодное, рабочие были одеты и грязно, и бедно, едва не в рубищах с заплатами, казались неуклюжими, речь их была грубая, ответы их были для меня на все дело, для меня вовсе чуждое, и я пришел в недоумение: неужели придется мне иметь дело с такими людьми и сумеют ли они что-нибудь сделать? Время сблизило меня с ними, я с ними свыкся;

мало-помалу, как будто стоявший туман стал рассеиваться, первое впечатление сгладилось, и то же самое стало мне казаться совершенно иначе. Эти оборванцы, как будто какие нищие и бродяги, к которым я не имел доверия, оказались не только работяжными и мастерами, но даже великими художниками в своем деле, в чем я впоследствии времени мог вполне убедиться, потому что никогда с тех пор, в продолжение более тридцати лет, я таких искусных мастеров не видывал. Эти-то оборванцы и были моими первыми учителями и наставниками и в строительном деле, потому что приглядевшись к ним и освоившись с ними, я наторел в распознавании работ и, мало-помалу ознакомившись с каменщиками, стал уже более сведущ и в других работах. Мы решили нанять полетчиков, имея в виду единственно прочность постройки; но мне никогда и не приходило на мысль, чтобы этот способ работы мог иметь для меня лично великую важность, потому что, изучая при этом работы, я приобрел некоторую опытность и, привыкнув уже действовать самостоятельно, впоследствии, когда 10 лет спустя после того мне пришлось обстраивать монастырь, я не чувствовал уже нужды прибегать к помощи архитекторов. По открытии весны в свое время приступили к работе. Когда паперти от собора отняли, то оказалось, что окна под собором были завалены мусором, отчего собор и был сыр. Отваливши весь этот сор и щебень, стали делать дознание, каково основание, и нашли два ряда больших диких камней, называемых валунами: верхний был в уровень с поверхностью земли, а второй ниже, оба ряда были залиты глиной, но без всякой пробутки; далее внизу были сплошные сваи; они были дубовые, длиной от 3 до 5 четвертей, или правильней сказать, тесаные чурбаки, к низу заостренные, толщиной вершков в 8 и более. Те из них, концы которых коснулись сырого грунта, уцелели, а все, что было выше, от времени совершенно истлело. Удивительно, на чем держался собор: основание было самое непрочное, стало быть масса, скипевшаяся, держалась сама собой. Стали по частям разбирать фундамент: дикие камни выбрали, заменили их белым камнем и заливали известью и, когда основание было

все совершенно исправлено, тогда приступили к исправлению самого собора. Правый столб за клиросом на два аршина от пола оказался ветхим, потому что известь вся иструхлявила. Мы весьма затруднялись, что нам оставалось делать, но недоумение наше разрешил один из числа рабочих (к сожалению, не припомню, как именно его звали): он подал весьма мудрый совет, указав на средство нисколько не затруднительное, именно: старый кирпич стали выбирать с угла не более четвертой части в ширину, и в вышину на четыре ряда, заменили новым кирпичем, а для кладки и заливки употребляли чистый алебастр, на горячей воде, без примеси извести, и так исправивши один угол, переходили к другому, третьему и далее, а в середине они сходились вместе и старого внутри ничего не оставляли. Так окончивши один ряд, переходили к следующему, и всю эту работу весьма быстро, без малейшей перебежки, окончили не более как в 3 или 4 часа. Потом собор опоясали в двух местах железными связями и, так совершенно укрепивши его, приступили к кладке паперти. Грунт оказался слаб и понадобилось вбивать сваи и, выкопавши земли на 3 аршина, вбивали 8-аршинные деревья.

Собор наш был весьма ветх, так что пришлось местами разбирать стены по причине трещин, но своды верхние оказались прочными, и потому переделывать их не предполагалось. Ветхость их обнаружилась совершенно неожиданно, и едва не поплатился я при этом жизнью. Это было в 1842 году, в летние месяцы, я осматривал работы и шел по своду, что над алтарем, вдруг моя правая нога провисла сквозь свод, а левая подогнулась и я упал на свод. Я встал совершенно невредим, не скажу даже, чтоб это меня очень испугало. Не прошло после того и трех часов, и весь свод над алтарем обрушился. К счастью, это случилось в то время, когда рабочих не было, а то многие бы пострадали. Это обстоятельство меня сильно потрясло, и я в продолжение двух недель опасался ходить по лесам. Старую штукатурку внутри обрубали и кирпич обтесывали топорами. В составе прежней штукатурки оказались какие-то волокна, что заставило меня задуматься и распросить у штукатуров, что бы это такое могло

быть. Рассмотрели и нашли, что это шерсть. Воспользовавшись этим неожиданным, но весьма полезным открытием, я велел класть рубленную паклю в штукатурный раствор, и этим способом оштукатурил всю внутренность храма.

Стоимость материалов в 1840 году была следующая: 1) кирпичи мы брали в Коломне и на Боровском перевозе с доставкой на место и платили 14 рублей ассигнациями; 2) известь брали в Мячкове по 3 рубля ассигнациями; 3) белый камень мячковский трехчетвертной по 20 копеек, а аршинный по 40 копеек ассигнациями. Решетки в окна куплены старые из дома Румянцева на Маросейке (ныне принадлежащего Каудину).

Главу переделали и украсили крестом с яблоком, звезды и прочие украшения медные золочены под кремень. Крест вызолочен в три листа, а звезды – в два трехчетвертным золотом. Работали мастера из села Преображенского, Битюгины, а деньги, по 1 000 рублей серебром, пожертвованы одной благочестивой старицей, Авдотьей Ивановной Рыбниковой. Я познакомился с ней в 1841 году, будучи уже казначеем. Она и сестра ее, Пелагея Ивановна (которой я уже в живых не застал), жили в своем собственном доме, неподалеку от Покровского монастыря. Авдотья Ивановна была лет 80, роста среднего, худенькая старушка, весьма умная, одаренная необыкновенной памятью и удивительным даром слова. Она очень любила потчевать меня сладким ржаным хлебом, который действительно был вкусен. Она и покойная сестра ее были ученицы отца Ионы, архимандрита Покровского монастыря, им восстановленного. Он заслужил благословение высшего начальства и был в свое время весьма уважаем всем городом. Авдотья Ивановна была расчетлива, вела жизнь самую простую, походившую скорее на деревенскую по своему складу, чем на городскую, и носила не платье, а сарафанчик. Она сама изъявила желание пожертвовать на обновление и украшение соборной главы, но деньги выдавала все понемногу, а не вдруг, по мере надобности. Однажды, выдавая мне деньги для уплаты мастеровым, она мне сказала: «Ты, батюшка, пожалуйста и не думай, что это ты у меня выпросил денежки; ан

нет: еще прежде тебя побывает у меня сам Никола Чудотворец, да постучит мне в сердечко и скажет мне: «Ты, Авдотьюшка, пожертвуй на обитель-то!» Вот ты и пришел уже за готовыми денежками; а кабы не это, ни копейки бы тебе не дала».

Насколько справедливы были слова старушки, известно только единому Сердцеведцу, но нельзя не соглашаться, что действительно, при ее особой расчетливости, доходившей до скупости, трудно было бы ожидать от нее какого-либо пожертвования без особого на то сильного побуждения.

Рассказывая о перестройке собора, упомяну о двух гробницах, выкопанных в то время, как рыли ров для бута под фундамент. Одна из них находилась возле входа на паперть. Гроб был совершенно истлевший, кости обнаженные, без малейших признаков одежды, ни обуви; ничего не сохранилось, но под костями найдены крест золотой шитый и такая же звезда, какие обыкновенно бывают на священнических одеждах, и около – остатки голубой шелковой клетчатой материи, не утратившей даже своего цвета. Как сохранились крест и звезда, и кругом материя, когда вся риза и все прочее истлело? Это была могила одного старца священника, пребывавшего на покое у нас в монастыре и умершего в 1805 году.

Другая могила была несколько далее. Над ней был сложен каменный свод, гроб был совершенно цел и прикрыт вместо крыши одной очень толстой доской, которая к гробу и не была прикреплена ничем; по снятии этой доски оказалось, что это был гроб монаха, потому что мантия и клобук из очень тонкого камлота были совершенно целы, на лице небольшой параманд черный с изображением креста; под клобуком камилавка бархатная и, должно думать, была не черная, но лиловая; вместо сандалий на ногах была обувь, похожая на коты, с прекрасной строчкой и с весьма острыми и загнувшимися концами (как это было в царствование царя Алексея Михайловича), под мантией подрясник такой же камлотовый, кожаный пояс и кости остова. Волосы уцелели: они были светлорусые, очень длинные, густые, волнистые, борода такая же русая, и усы и брови; судя по ним, можно думать, что этому монаху было лет около тридцати. Гроб был шире нынешних и

почти прямой, наподобие ящика, какие в употреблении были лет за двести тому назад. По оставшемуся небольшому лоскутку черной ткани видно было, что вся внутренность гроба была выложена черным. В изголовье лежавшая подушка, должно полагать пуховая, от долгого времени и сырости превратилась в несколько весьма тонких слоев, слипшихся вместе; внизу видно была подослана цыновка довольно сохранившаяся.

На паперти, над тем местом, где был погребен этот неведомый инок, на стене было написано изображение великого князя Владимира, а под оным стояла гробница из-под мощей благоверного князя Черниговского, Святослава-Панкратия Давыдовича, известного в иночестве под именем преподобного Николы Святоши. Должно полагать, что этот инок был схоронен еще в царствование царя Алексея Михайловича, судя по остроконечной его обуви, но после 1655, когда во время первого пребывания Патриарха Антиохийского Макария прежние камилавки с окруженным верхом были заменены по желанию Святейшего Никона Патриарха теперешними. По всей вероятности, этот инок был какой-нибудь весьма знатный родич, или очень значительное лицо.

Собор был окончательно исправлен не ранее, как в 1843 году. Иконостас, оставленный в прежнем его виде, весь вновь вызолочен; но стены паперти не были расписаны и оставались в таком виде до 1848 года. Икон не возобновляли, но выписали искусных иконописцев из Владимира, и они на месте иконы вычистили, олифу сняли и вновь покрыли. И владыка за это похвалил, прибыв в монастырь для освящения собора сентября 2 дня поутру. По приезде прошел прямо в собор, все подробно осмотрел и весьма остался доволен. Вышедши из собора, он спросил: «Какова лестница на колокольню?» и ,узнав, что она хороша, пошел осматривать новую церковь Предтеченскую, которую еще не видал; и, несмотря на то, что она была очень проста, похвалил ее. Всенощное бдение слушал у себя, в игуменских кельях. На следующее утро совершено было освящение. С владыкой в служении участвовали: 1) благочинный, архимандрит Высоко-Петровский Гавриил; 2) архимандрит Знаменский Митрофан; 3) игумен Перервинский

Пармен и 4) игумен Угрешский Иларий. Игуменов владыка в этот день наградил палицами; по случаю обновления храма говорил слово. Откушав в кельях, перед вечером уехал в Перервинский монастырь.

Глава X. Поездка в Вологду в 1847 году; Сергиевский архимандрит Игнатий в отпуске живет в Бабаевском монастыре; мое пребывание в Вологде; архимандрит Вологодский Иона

В 1847 голу посетил Угрешу Сергиевский архимандрит, отец Игнатий Брянчанинов, который, как я уже говорил, прежде был назначен на Угрешу игуменом и вместо того, по воле Государя Императора Николая Павловича, был вызван в Санкт-Петербург и сделан архимандритом Сергиевским, так что он и не побывал в том монастыре, куда назначался.

В 1847 году отец Игнатий, по расстроенному здоровью, стал проситься у Святейшего Синода на покой в Костромскую епархию, в Николо-Бабаевский монастырь, но вместо совершенного увольнения получил только временный отпуск. Проездом через Москву он и заезжал к нам и прогостил у нас несколько дней. В это время приезжала к нам графиня Шереметева Анна Сергеевна (первая жена графа Дмитрия Николаевича), весьма расположенная к отцу Игнатию. В Москве он останавливался в доме Ивана Акимовича Мальцева, возле Рождественки, в Варсонофьевском переулке. В Москве ему сделан самый лестный и радушный прием. Он многократно бывал у владыки, который также не раз его посещал, однажды делал для него обед, на который пригласил все московское почетное духовенство, и вообще владыка обошелся весьма ласково с архимандритом Игнатием.

В 1848 году, на третьей седмице великой Четыредесятницы, я отпросился У отца игумена побывать на своей родине, в Вологде, и по пути заезжал к отцу Игнатию, пребывавшему в то время в Бабаевском монастыре. Эта обитель находится почти в равном расстоянии как от губернского города Костромы, так и от Ярославля, в 35 и в 30 верстах, на самом берегу Волги при впадении в нее реки Солоницы. Существует местное предание, что основателями Бабаевского монастыря были иноки

Угрешские. Верстах в полуторах от Бабаевской обители находится посад Большие Соли, некогда город Повольск (то есть по Волге, Поволжск), и с его землями граничила земля Угрешская. Это были пожни на берегу Волги и Солоницы. Монахи Угрешские, посылаемые для управления имением и называвшиеся поселыциками, жили в Больших Солях, где имели свой двор, или подворье. Деревня, принадлежавшая нашему монастырю, называлась Пахомова; она была на Егорьевской стороне, от посада вниз по реке Солонице. По ревизии 1744 года в этой деревне числилось дворов… а душ 13, которые платили по 1 рублю с души и пользовались всей землей. Около 1500 года Большие Соли были разорены и Угрешские монахи построили себе небольшое убежище на берегу Волги из леса, который им пожертвовали Усольские лесники, сплавлявшие лес вниз по Солонице в Волгу. Это временное местопребывание Николо-Угрешских иноков и послужило основанием Николо-Бабаевского монастыря. При царе Алексее Михайловиче в монастыре было уже более 60 человек братии.

Я пристал на гостинице, которая от монастыря саженях в двадцати; она каменная, двухэтажная, весьма хорошая и просторная. Западную сторону монастыря составляет длинное здание, лицом обращенное к Волге, и в оном совмещались в то время: архиерейские покои, кельи настоятеля, братская трапеза, братские кельи, просфорня, поварня, пекарня и прочее. С остальных трех сторон монастырь окружен каменной оградой, очень небольшой, с маленькими по углам башенками. В то время (в 1848 году) игуменом был отец Феоктист, бывший эконом московского Троицкого подворья. Церквей в монастыре было всего только две: первоначальная каменная, строенная, по всей (вероятности, в царствование царя Алексея Михайловича, двухэтажная, большая, пятиглавая, вторая новейшего построения и, судя по внешности, Александровских времен.

Монастырь был общежительный, братии числилось человек до 60, пение введено было столбовое.

Отец Игнатий помещался над настоятельскими кельями, в весьма небольшом домике, аршин на 12, не более, и для того, чтобы по возможности распространить помещение, придумали пристроить к горенке наружную лестницу с крыльцом. Отец Игнатий мне обрадовался и принял весьма радушно. Погостивши у него двое суток, я отправился через Ярославль в Вологду. Это было вторичное мое посещение моей родины со времени вступления в Угрешский монастырь.

В то время Вологодским епископом был преосвященный Евлампий*[39]; он поступил из епископов Орловских в 1844 году.

Впоследствии был архиепископом Тобольским и, уволенный на покой в 1856 году, пребывал в Успенском первоклассном монастыре в городе Свияжске Казанской губернии, где и скончался в 1862 году. Этот преосвященный имел особенность в служении – необыкновенную медлительность, так что, начав литургию в обыкновенное время, он оканчивал ее весьма неопределенно, иногда в первом часу пополудни, во втором и даже позднее, что было для сослужащих с ним чрезвычайно утомительно, и на него за это очень роптали. Чтобы испросить благословение на служение я являлся преосвященному. Выходя от него, я встретился с отцом игуменом Ионой, настоятелем Глушицкого монастыря. Он был человек весьма замечательный происхождением из крестьян деревни Боршовой, на берегу Кубенского озера. Его семейство издавна занималось перевозкой через Кубенское озеро в Спасо-Каменный монастырь на расстоянии 8 верст. В этом монастыре и видел я его в первый раз в 1830 году. Он в то время был еще иеродиаконом, лет 35. По наружности весьма непредставителен он и в обращении своем был неповоротлив и неуклюж, как вологодский крестьянин. Как сейчас помню, что в ту пору как я пришел в Спасо-Каменный монастырь, там был разносчик с красным товаром, и у его воза стоит отец Иона и торгует себе мухояр к ряске на рукава. Должно быть денег-то у него не было, то он все и набивался заплатить овсом; разносчик, помнится мне, просил полторы меры, а отец Иона давал только меру. Не знаю, поладили ли они и чем кончился у них этот торг, но это мне показалось забавным и врезалось в память, что было в

1830 году, а 18 лет спустя встретил я его уже игуменом. Впоследствии я слышал, что он был архимандритом, благочинным монастырей и имел орденские знаки. Все вологодские епископы имели к нему особенное расположение и доверие и считали его одним из лучших настоятелей их епархии, и не без основания оказывали ему уважение. Все эти отличия он стяжал своей безукоризненной жизнью, нестяжательностью и воздержанием. Он точно был монах в полном смысле, и за то Господь, видимо, и споспешествовал начинаниям и наградил его редкой способностью устроять и зиждить обители, чего, казалось бы, глядя на него, невозможно было и предполагать в его грубой оболочке. Он полагал начало в Спасо-Каменном монастыре; и когда его из иеромонахов сделали настоятелем в этом монастыре, он устроил его и привел в лучший порядок. Приписную к Спасо-Каменному монастырю Белавинскую пустынь восстановил. Также ему обязана своим восстановлением и другая упраздненная пустынь Успенская Куштская, основанная в начале XV века, по желанию князей Заозерских преподобным Александром Куштским; постриженником Спасо-Каменного монастыря при преподобном Кассиане. Эта Обитель, упраздненная в 1764 году, была с тех пор приходской церковью, но отец игумен Иона возобновил ее, воздвиг новую церковь, обнес оградой и собрал братию. В этой обители почивают под спудом мощи преподобного Александра Куштского: она находится в 8 верстах от Спасо-Каменного монастыря, при впадении реки Кушты в Кубенское озеро. В трех верстах от обители, напротив села Ила, существует древняя часовня, построенная, как думают, на том месте, где некогда была усадьба и терема князей Заозерских.

Переведенный в Сямский монастырь, находящийся также близ Кубенского озера и в 60 верстах от Вологды, отец Иона восстановил и обновил его. Дотоле он находился в заведывании экономов архиерейского дома, которые довели его до совершенного упадка. Отец Иона обеспечил монастырь и на будущее время, приведши в известность его средства и лишив таким образом возможности во зло употреблять оные.

Отсюда отца Иону перевели в Сосновецкий Глушицкий монастырь, которому он оказал еще большую услугу, чем предыдущим обителям: она была доведена до крайности; но Иона в короткое время обновил его, и также восстановил когда-то приписной к оной Глушицкий Покровский Старый, превращенный в приходскую церковь. Этот монастырь был основан преподобным Дионисием Глушицким на берегу реки, именуемой Глушицей. В прежнее время он был обширен и так многолюден, что именовался даже Лаврой, но впоследствии, при нашествии Литвы, он дважды горел и пришел в совершенное запустение, так что от прежнего его величия оставалась только одна древняя двухэтажная церковь, под которой почивают под спудом мощи преподобных игуменов: Макария, Тарасия и Феодосия. В этой обители после преподобного Дионисия игуменствовал преподобный Амфилохий; здесь жительствовал преподобный Григорий Пельшемский и принял иночество преподобный Стефан Комельский. Тщанием и старанием отца Ионы воздвигнут новый прекрасный каменный храм, построены кельи, уже не существовавшие, монастырь обнесен оградой и собрано братство. За все таковые услуги и был сделан отец Иона архимандритом, благочинным и награжден орденскими знаками.

Вот что значат природные дарования: хотя человек и не получил образования и с первого взгляда не представляется, чтобы он был одарен какими-нибудь отличительными способностями, но рано или поздно природный ум все-таки возьмет свое и, как светильник под спудом, обнаружит свое присутствие.

Из Вологды я ездил на своих лошадях в Горицкий женский монастырь, где находилась моя сестра, в иночестве Арсения, и отправился в Новоезерский монастырь, где в то время настоятелем был игумен Феофан Комаровский, о котором уже я упоминал выше. На обратном пути я в Горицком монастыре служил 25 марта. По возвращении моем в Вологду я провел в ней немного дней, потому что приближалась уже шестая неделя Великого поста, и я спешил возвратиться в свой монастырь к Страстной седмице. Перед отъездом назначил себе целый день

для прощания со всеми родными и знакомыми. Я отправился из дома поутру в 10 часов, и во всех домах, где только я был, начиная от первого до последнего, было угощение совершенно одинаковое (хотя бы я пробыл в гостях самое короткое время): чай, рубник и круглый сладкий пирог. Таковы были еще в то время обычаи Вологодского хлебосольства. Дорога начинала очень портиться, и я с великим трудом возвратился в монастырь в Лазареву субботу.

Глава XI. Начало знакомства с Александровыми, придел Марии Египетской; Успенская церковь; свидание митрополита Филарета с П.М. Александровым; освящение Успенской церкви; игумен Иларий просится на покой, уволен на Пешношу; мое последнее с ним свидание; рассказ его о послушнике Савваите; рассказ преосвященного Игнатия

Мая 9-го, 1849 года, день был жаркий и прекрасный, и перед обедней приехала к нам Марья Григорьевна Александрова, жена мануфактур-советника, Павла Матвеевича. Она приехала со своей родственницей, старушкой Елисаветой Ивановной, в дормезе в шесть лошадей, и так как гостинницы тогда не было, то она остановилась у меня в кельях. Марье Григорьевне тогда могло быть лет с лишком 50; роста она была среднего, довольно тучная, черты лица имела некрасивые. Отец ее, Григорий, был персянин, мать София, русская; они имели сына Андрея и трех дочерей. Жена Григория, София, вскоре умерла. Старшую дочь свою, Татьяну, он выдал за штатного служителя Богоявленского монастыря, а вторую, Марью, 13 лет от роду, за сельского причетника Звенигородского уезда; он был лет 40, высокого роста, рыжий, второй раз вдовый и имел человек 5 детей. Он был весьма добрый человек. Пожив с ним не более года, Марья овдовела и возвратилась жить в Москву. Здесь она познакомилась с Александровым, московским купцом, весьма достаточным и прекрасным, который вознамерился было жениться на ней, но его мать препятствовала этому браку, и он осуществил свое желание уже гораздо позднее, после ее смерти, и Марья Григорьевна стала,

наконец, его женой. При всей благодарности моей за ее благодеяния обители, не могу скрыть истины и не сказать, что она имела характер весьма крутой и недоверчивый. Помню, что в день приезда Александровой после обедни, едва крестный ход вышел из церкви, как в трапезе из поваренной трубы выкинуло и повалил густой и черный дым, но это не имело последствий. Марья Григорьевна обедала в своей келье, а после того просила меня, чтобы я ее всюду выводил. Я повел ее в теплую церковь, так как еще некуда было и вести. «А где же у вас бывают ранние обедни?» – спросила она меня. Я на это ей ответил, что еще теплого у нас придела нет. «Ну, а это-то что же такое?» – спросила она, указывая на дверь с левой руки. Я отговорил – это был дровяной чулан. «Нельзя ли вот здесь сделать престола?» – спросила она меня снова. – «Да отчего нельзя», – отвечал я, нимало не сообразив, что в чулане было едва ли более четырех аршин ширины. Александрова пригласила меня к себе в Москву, и у нас пошли переговоры об устроении нового придела. Бывая у нее, мужа ее я ни разу не встречал и к нему приглашаем не был. Они более 20 лет нанимали дом Касаткина в приходе Косьмы и Дамиана в Певческой, что между Ильинкой и Никольской. Главную половину, то есть парадные комнаты, занимала Марья Григорьевна, а муж ее занимал 2 комнаты: одна была спальная, другая контора, и прислуга также была у каждого своя. Это продолжалось до осени. Между тем решено было, что Александрова устроит у нас на свой счет придел во имя преподобной Марии Египетской, и определила на это до пяти тысяч рублей серебром. Составлен был план и представлен владыке на рассмотрение, и он его утвердил. После того стали заготовлять материал.

Однажды, в начале зимы 1850 года, вечером я сидел у Марьи Григорьевны. Приходит человек и зовет меня от имени Павла Матвеевича, которого я еще не видывал. Я пришел к нему: комната была довольно просторная о двух окнах, вся мебель красного дерева, кровать также красного дерева с высокими щитками; кроме того, была еще конторка и шкаф, стол и два или три стула. Я нашел Александрова сидящим в

кресле (старинное белое с золотом, что ныне в настоятельских кельях на Угреше), и в этом кресле он сидел более 17 лет. Ему было тогда около 60 лет: роста он был среднего, весьма полный, лицо имел белое и круглое, брови нависшие, волос на голове очень мало. Более десяти лет уже находился он в совершенном расслаблении; однако сначала его еще водили в обеденное время к столу, но впоследствии и это сделалось для него тягостным. Несмотря на таковое свое состояние, он ездил два раза ежегодно в Брынь Калужской губернии, Мещовского уезда, где в поместьях Александра Андреевича Рябинина он имел суконную фабрику. Сукно у него вырабатывалось исключительно для Китая, а в Москве поступал в продажу один только брак. Количество сукна, ежегодно отправляемого им в Китай, простиралось до 20 тысяч половинок, что составляло почти треть всего вывоза из России в Китайскую Империю. Александров не раз испытывал превратности в своих торговых оборотах, но силой воли и деятельностью своего природного и обширного ума он умел выходить из самых затруднительных и стесненных обстоятельств.

Говоря о Павле Матвеевиче, нельзя не упомянуть об его матери, которая была тоже весьма умная и деятельная женщина. Ее звали Параскева Федоровна. Овдовевши и оставшись с малолетним сыном, она вела торговлю красным товаром. В то время была в большом ходу торговля через разносчиков, ходивших по домам и ездивших по городам и ярмаркам, называвшихся ходебщиками. По обширности своих торговых оборотов она держала таковых до 70 человек. Она погребена в Москве на Дорогомиловском кладбище, и на помин ее души Павел Матвеевич впоследствии времени воздвиг там на свое иждивение каменный храм с колокольней и колоколами. Мая 1-го, 1850 года, совершили закладку храма преподобной Марии Египетской, в течение лета выстроили вчерне и к декабрю покрыли. Декабря 1 приехал Павел Матвеевич в Угрешский монастырь в первый раз, осмотрел церковь и остался всем доволен, и тут же в церкви сказал жене: «Ну, благодарю тебя, друг мой: ты сделала свое дело, а теперь уж

позволь распорядиться и мне самому!» И с этого дня он стал благодетельствовать нашей обители.

В 1851 году, сентября 16 совершено освящение храма преподобной Марии Египетской владыкой, Московским митрополитом Филаретом. С ним при этом служили тогдашний благочинный монастырей архимандрит Андроньевский Платон и наш отец игумен. На освящение стеклось множество народа, погода была превосходная, на монастыре были расставлены столы и трапезовавших было до 8 000 человек; конечно, издержки на это были сделаны на счет Павла Матвеевича Александрова, который сам того пожелал. К освящению были устроены ризы серебряные на три местные иконы и на икону Иверскую. Служебная утварь вся новая и бархатных малиновых пять облачений. По освящении придельного храма Павел Матвеевич выразил свое желание обновить и Успенскую церковь. В каком виде я застал ее, я описал уже выше, потому повторять не стану, скажу только, что она была и ветха, и бедная, а от времени сделалась даже очень черна.

В продолжение года в ней работали, так что к августу 1852 года она была уже совсем готова, и владыка назначил для освящения 10 число августа. Он прибыл накануне 9 числа, к литургии, осмотрел Успенскую церковь, остался всем чрезвычайно доволен и сказал: «Это совершенный раек».

Отделка храма, необыкновенное приготовление к освящению и к угощению посетителей на счет храмоздателя, подавали владыке повод думать, что Павел Матвеевич не ограничится одним только благолепным украшением храмов, но поглубже заглянет в нужду убогой обители, к которой, по-видимому, имел расположение. В тот же день около полудня приехал на Угрешу и Павел Матвеевич; его привели в Успенскую церковь, и он спросил узнать, может ли он принять благословение владыки. Когда об этом доложили владыке, он сам пошел в Успенскую церковь, зная, как для Павла Матвеевича, по его болезни, было затруднительно хождение с места на место. Обоим подали кресла, и когда они сели, Александров первый сказал владыке: «Благодарю Вас, владыко: Вы нам оказали доверие в устройстве обители». На

что владыка отвечал: «Меня благодарить не за что, а мы обязаны молить Бога за ваши благодеяния: Вы не только исправили нужды монастырские, Вы сделали из Угреши вторую Лавру». После того, во время разговора Павел Матвеевич спросил: «А что, владыка святый, может ли здесь быть общежитие?» – «Да почему же не может быть? – отвечал владыка. – Я даже, кажется, именно с этим намерением и определил сюда отца игумена; но почему-то это не состоялось, я не знаю?»

После этих слов отец игумен, тут же находившийся, подошел к владыке, поклонился ему и сказал: «Ваше святейшество! Я два раза докладывал Вам и Вы ничего не сделали; я даже, признаться, на Вас за это сердит».

Владыка улыбнулся и сказал, указывая на игумена: «Вот, я думал, что он виноватый, а по этому выходит, что это я».

Возвратившись в кельи, владыка потребовал игумена, и когда он пришел, то спросил его весьма ласково: «Ну, что, покоен ли ты теперь?» Игумен отвечал довольно отрывисто: «Я подал уже прошение на покой, и потому не намерен продолжать более служения!» – «Ну, хорошо, – сказал владыка тихим голосом, – как хочешь, я тебя уволю».

На следующий день, августа 10, день был ясный, теплый, и владыка совершил освящение при великом стечении народа. В сослужении с ним были: благочинный архимандрит Платон, игумен Иларий и монастырские старцы. Такое множество народа было не без причины: еще до освящения Павлу Матвеевичу пожелалось, чтобы через сотских было оповещено, что будет раздача денег, и что все присутствующие приглашаются трапезовать. По всему монастырю были расставлены столы, обед был изготовлен из Москвы кондитером, и обедавших оказалось до 12 000 человек, а денег было роздано не менее 1 000 рублей серебром; ибо Павел Матвеевич обделял серебряной монетой.

К освящению были сделаны серебряные вызолоченные ризы на местные две иконы, на Святителя Николая и на икону Угрешской Божией Матери. Старинные царские врата обложены новой серебряной басмой, а над оными устроена, наподобие

Киевской, икона Успения, которая окружеца серебряным сиянием весом в 53 фунта, и в положенное время она также спускается вниз. Хоругви серебряные золоченые весом в 32 фунта, новую серебряную служебную утварь, пять серебряных глазетных облачений и местную серебряную церковную утварь во всей церкви, работы Ивана Григорьевича Макарухина, а серебряная утварь Егора Антипьева. Владыка освящением и всем остался доволен и в прекрасном расположении духа, поблагодарив еще Александрова, к вечеру уехал из монастыря.

Следовало бы мне теперь сказать, что побудило Павла Матвеевича спросить владыку о возмозжности общежития, но для большей ясности рассказа и для последовательности возвращусь к отцу игумену Иларию и прослежу жизнь его до самой кончины, и потом уже стану говорить об Александровых и об общежитии.

После освящения, хотя отец игумен и говорил владыке об увольнении, однако остался на Угреше и продолжал настоятельствовать до половины ноября. Самый ничтожный случай окончательно подвиг отца Илария оставить Угрешу, именно: пропали сушеные белые грибы. Так как монастырь наш был штатный и игумен не участвовал в братской трапезе, то и готовили ему кушанье на особой поварне, находившейся в связи с его кельями, и для него особо закупали съестные припасы, между прочим было куплено на Успенский пост сколько-то грибов. Наступил Рождественский пост; отцу игумену вздумалось заказать себе грибную кашицу, стали искать оставшихся грибов, и не оказалось. Отцу игумену представилось, что грибы украли, тогда как впоследствии оказалось, что кулек с оставшимися грибами (которых и всего-то было не более полуфунта) завалился за шкаф. Это ничтожное обстоятельство до того расстроило отца игумена, что он тут же немедленно отправился в Москву и, явившись к владыке, стал усильно проситься на покой, и владыка, не удерживая его более, согласился, принял его вторичное прошение, а исправляющим должность настоятеля назначил меня, казначея Угрешского. Это было 16 ноября 1852 года.

Отцу игумену предоставлено было избрать для жительства Пешношский монастырь или Берлюковскую пустынь. Он избрал первый. Не откладывая своего отъезда, он тотчас собрался и ноября 19 уехал. В день его отъезда, после трапезы, вся братия, которой было всего только 17 человек, собралась в теплую Успенскую церковь, куда пришел и отец игумен. После молебствия Святителю, приложившись к святым иконам, он стал прощаться с братией, и при этом весьма расстроганный, горько плакал. Отцу игумену было в то время около 56 лет, но с виду он казался моложавей, хотя здоровьем начинал уже ослабевать видимо. Управлял он обителью в продолжение 18 лет; так как он полагал начало и провел большую часть своей жизни в общежитиях, то весьма несочувственно отзывался о штатных монастырях и, поступив в Угрешский монастырь, по этой причине мало входил в нужды и положение братии. Он неоднократно говаривал, что общежитие – учреждение Божественное, а штатные монастыри – человеческое.

Отец игумен Иларий всегда имел свои кельи затворенными, постоянно занимался чтением отеческих книг и преимущественно на славянском языке, а не в переводе, следуя в этом внушениям старца своего, Феодора, при котором он находился в Свирском монастыре. Отец Иларий, сделавшись уже и настоятелем, нисколько не изменил против прежнего своего образа жизни. В келейном своем уединении время он определял так: к утрени и к прочим службам он ходил всегда; утреня была в 4 часа, вычитывали все неспешно, но Пролога и Благовестника не читали; обедня была только одна, в 9 часов, вечерня в 4 часа, и читали только канон из Октоиха, а акафист только в пяток и субботу. Отец игумен служил в праздники, но не во все воскресные дни, и всегда без встречи. В трапезу по будням не ходил; кушанье стряпал ему келейник, а поваров не было; по понедельникам в обители Угрешской, как и вообще в штатных монастырях, пост не соблюдался. Когда приходили у него в келье топить печь, келейник только приносил дрова, и он сам (ежели особенно не был чем занят) клал дрова и, ежели в то время прилучалось кому-нибудь из монашествующих быть у него в келье, он говорил ему: «Благослови, отче!», а ежели

послушник, и даже ежели б и его келейник: «Благослови, брате!» Без молитвы он не дозволял ни себе и ни кому не топить, ни закрывать печи, ни вообще делать какое-либо дело. Это общее монашеское правило напоминает мне следующий случай. В последний год моего келейничества был у меня помощник, кто-то из послушников; однажды, в зимнее время приехал к отцу игумену строитель Екатерининской пустыни, отец Мелхиседек. В то время, как они сидели в гостиной на диване, возле которого была печь с топкой из той же комнаты, послушник принес дрова и при постороннем посовестившись, по принятому обычаю, сотворить молитву, стал прямо в печь класть дрова. Тогда отец-строитель, обратившись к нему, спросил его: «Давно ли ты, раб Божий, живешь в монастыре?» Он отвечал: «Недавно». Строитель снова спросил его: «А почему же у тебя так длинны волосы, коли ты здесь недавно?» Он тихим голосом отвечал: «А я начало полагал в Оптиной пустыни и жил там около 3 лет». – «Что же ты под старцем жил, или нет?» – «Под старцем». – «Что же, как у вас старцы учат, например, печь топить с молитвой, или без молитвы?» Он стал просить прощения, и отец игумен остался весьма доволен этим случаем вразумления келейника и благодарил за то строителя.

Когда случалось, что у него обветшает белье, или чулки, или платье, то он всегда сам чинил, нимало не стесняясь. Были случаи, когда расстраивалось печение просфор, тогда он, как бывший когда-то в Свирском монастыре просфорник, сам пек просфоры, научал как их печь. До открытия общежития в Угрешском монастыре просфор не было для продажи, а были только для своего обихода.

Так как отец игумен с самого своего вступления в монастырь преимущественно вел жизнь келейную, а прежде того всегда находился под руководством старцев, и по тем послушаниям, которые он проходил, ему мало случалось быть в непосредственных соотношениях с людьми, то и не имел он той наглядности, которая приобретается опытом, и более чем кому-либо необходима настоятелю для умения различать людей. И вследствие этого недостатка, он весьма легко поддавался влиянию людей хитрых, далеко не благорасположенных к нему,

но умевших пользоваться его слабостью. Так иеромонах Филарет, не расположенный к нему, но видя слабость его характера, недостаток в умении управлять и, надеясь со временем занять его место, решился быть Угрешским казначеем, и ежели бы только не ускорил своего падения, то нисколько не удивительно было бы, что он действительно достиг бы своей цели и сделался его преемником.

Отец игумен поехал на Пешношу; но так как приезд его был неожиданным, то архимандрит Сергий и братия приняли его довольно холодно; дали келью неуспокоительную, и Пешношская обитель игумену не приглянулась во всех отношениях, особенно по духу монашества, и он пробыл там только 38 дней.

Отец игумен Иларий избрал было для места своего жительства Пешношский монастырь потому, что он пользовался в свое время особым уважением. Восстановленный в 1770 годах покойным митрополитом Платоном, этот монастырь духовно усовершился во время 23-летнего настоятельства мудрого и блаженного старца Макария, умершего в 1811 году. В 1821 году, при вступлении своем в управление Московской епархией, покойный владыка наш, митрополит Филарет (тогда еще архиепископ) нашел монашество весьма распущенным, в особенности же в штатных монастырях, и вследствие этого загородные монастыри были тогда наполнены подначальными, от которых не избавлен был и Пешношский монастырь, где и посеяли они первые семена смут. В то время Пешношским монастырем управлял строитель, отец Максим, старец весьма строгой подвижнической жизни, но не имевший ни деятельности, необходимой для правителя, ни той твердости духа, которой отличался восстановитель обители, Макарий. И, к сожалению, должно сказать, что предшественник отца Максима, отец Пахомий, в непродолжительное время своего настоятельства успел ослабить тот стройный порядок, в который обитель пришла было при отце архимандрите Макарий, так что при всей своей благонамеренности, отец Максим, по недостатку твердости характера, как он ни усиливался, не мог уже вполне возвратить обитель на ту степень, на которой она осталась

после кончины отца архимандрита Макария. Чувствуя, что бремя правления не по его силам, он добровольно сложил с себя настоятельство, остался жить на Пешноше и прожил на покое более, нежели сколько настоятельствовал. Обитель была в то время колеблема внутренним нестроением, разномыслием и несогласием братии, и так как они не пожелали из среды своей избрать настоятеля, то покойный владыка и должен был назначить туда строителя из чужой обители, и был прислан из Москвы, из Сретенского монастыря, игумен Сергий, при котором покойный наш игумен, отец Иларий, и отправился жительствовать на Пешношу.

Отец игумен Иларий, возвратясь в Москву, жил в Покровском монастыре, где провел не более двух месяцев и поступил на жительство в Гефсиманской скит, и здесь прожил 11 лет до самой своей кончины. Он несколько раз приезжал в Угрешский монастырь гостить, и однажды прогостил около года. За несколько лет до своей кончины постригся в схиму с прежним именем своим Илии, а в 1863 году, июля 9, скончался и погребен в Тарбеевской пустыни.

Последнее мое свидание с ним было 3 и 5 июля 1863 года. Июля 3 он был слаб, но еще ходил; келейника на этот раз в келье не случилось, и мы с ним ставили самовар вместе, и при этом он мне говорил: «Вот месяца с три я чувствую себя гораздо спокойнее; прежняя раздражительность от меня отошла, келейника нет, и я покоен, а по-прежнему я непременно бы раздражился». Когда мне нужно было отправляться в Москву, я зашел к нему 5 числа проститься с ним, и нашел его уже в постели: он не мог вставать. Прощаясь со мной, он предчувствовал, что мы видимся в последний раз, благословил меня иконой Владимирской Божией Матери и при этом меня спросил: «А как ты думаешь, до смерти начальствовать или сложить с себя эту обузу раньше?» Я ответил ему на это, что я об этом ничего не думал, и будет, как Бог даст. Но он сказал опять: «Я тебе не советую начальствовать до смерти: я благодарю Господа, что я на покое, и хотя об этом тогда скорбел, но теперь скорблю о том, что скорбел». Спустя 4 дня он скончался.

По предложению отца наместника Троицкой Лавры, я отпевал его в Скитской церкви и похоронил в Тарбеевской пустыни, в нижней церкви Параклита, на правой стороне.

Когда в последний раз отец игумен гостил у нас на Угреше, он рассказывал о своем келейнике, послушнике Савватии, следующее. Савватий, прислуживавший отцу игумену, был крепостной человек Василия Дмитриевича Олсуфьева. Будучи уволен, он вступил в Гефсиманский скит, когда ему было около 20 лет от роду; он был от природы скромный, честный, грамотный, жил под старчеством отца Илариона. Прислуживая отцу игумену, он имел и другие послушания, и когда он сделался болен, его отправили в Лаврскую больницу, где, после непродолжительной болезни, он умер, исполнив, как следует, весь долг христианский. В последний день его жизни у него был скитский монах, с которым он послал всем старцам и братиям поклон, хотя, по-видимому, ничего предсмертного в нем не было заметно. Немного времени спустя монах опять зашел к нему, но нашел его уже умершим. Так как он был из скита, то его наскоро положили в гроб и отправили в скит. Когда для того, чтобы его опрятать, открыли гроб, на всех пахнуло благоуханием; многие из старцев усомнились, но когда, желая убедиться, они посетили его, то действительно должны были убедиться, что от тела его исходило благоухание. Отец игумен, рассказывавший мне это обстоятельство, говорил мне, что когда ему рассказали, что Савватий умер, привезен в скит и что от его тела кипарисное благоухание, он долго не хотел верить и пошел уже тогда, как один из скитских старцев стал упрекать его в неверии, и тем убедил его сходить. Пришедши, он положил земной поклон, чтобы испросить прощение в своем неверии, но все еще не вполне убежденный, он положил в гроб свой платок, который тотчас стал пахнуть кипарисом, и это благоухание сохранял долгое время, так что, будучи принесен им в келью, он не утратил своего благоухания. Этот молодой послушник особыми подвигами не отличался, но при отсечении воли жил в беспрекословном послушании и имел всегдашнюю устную молитву. Таковые проявления очевидно свидетельствуют о богоугодности подобных подвигов. В наше время многие

отрицают пользу монашества, а между монашествующими есть люди, которые отрицают пользу подвигов: им-то Господь и посылает подобные знамения, верующим во утверждение, а неверующим во осуждение.

Вот еще и другой подобный случай, рассказанный мне покойным (преосвященным) Игнатием Брянчаниновым. В Площанской пустыни (где он был послушником), в то время, в числе братства, был один молодой послушник, который в продолжение нескольких лет был анархистом, проходил и другие послушания и жил под старчеством в полном отсечении воли, и за свой кроткий характер и беспрекословное послушание всем монастырем был любим. Он был болен и, после краткой болезни, исполнив весь христианский долг, скончался. Время его кончины совпало с утренней трапезой, братия выходила из трапезы, все услышали пение и приостановились послушать, где поют, и были в недоумении, так как церковь была уже заперта. Решили, что верно соборуют больного, и направились к нему. Подходят к сеням. Точно услышали пение, открыли дверь, вошли и никого не нашли, кроме самого больного, который испускал уже последнее дыхание… Все убедились, что слышали пение нечеловеческое.

Глава XII. 1852–1853 гг.; я сделан управляющим монастырем; являюсь к владыке; его разговор со мной об учреждении общежития на Угреше; сочувствие этому преобразованию; П.М. Александров; приезд викария преосвященного Алексия; советы Троице-Сергиевского наместника – архимандрита Антония; открытие общежития и посвящение меня во игумена; продолжение рассказа об Александровых

Проводивши отца игумена, отправившегося на покой в Пешношский монастырь, два дня спустя, то есть ноября 22, я поехал в Москву к владыке с донесением о принятии мной монастыря. Он принял меня в 10 часов утра, взял от меня бумаги, и ничего на них не сказавши мне, приказал мне явиться к нему снова в 4 часа того же дня. Эти часы ожидания, с утра и до вечерень, были для меня томительным временем. Я воображал, что владыка станет меня в подробностях распрашивать о принятии монастыря. На деле вышло совершенно иначе. Когда в 4 часа я к нему явился, он принял меня и тотчас же приказал мне сесть, чего прежде никогда не бывало. Минуты с две продолжалось молчание, я сидел и с трепетом ожидал вопроса. Владыка пристально глядел на меня, потом сделал мне вопрос для меня неожиданный:

– А можешь ли ты открыть у себя в монастыре общежитие?

Я поклонился и отвечал: «Ежели Богу будет угодно и Вашему Высокопреосвященству, я готов стараться».

– Что касается до меня, буду помогать во всем, что от меня зависит, – сказал владыка.

О принятии монастыря не было и речи.

Вышедши от владыки, я немедленно поспешил к Павлу Матвеевичу, чтобы передать ему о желании владыки.

Павел Матвеевич, выслушав мой рассказ, весьма обрадовался и со слезами сказал мне: «Ну, стало быть, Богу угодно, чтобы исполнилось давнишнее мое желание устроить общежитие».

Прежде чем стану говорить далее, скажу о том, что предшествовало и почему Павел Матвеевич так обрадовался сказанному владыкой. Более чем за год до этого, во время зимы 1851 года, как-то раз я был у Александрова, и он сказал мне: «Какое бы мне доброе дело сделать? Подумай хорошенько и в следующий раз, как ты у меня будешь, скажи мне!»

При первом моем с ним после того свидании я сказал ему:

– Вы, Павел Матвеевич, желаете доброе дело сделать и поручили мне придумать, какое именно. Вот что я придумал…

– Ну-ка!

– Ежели устроите больницу, исполните заповедь Христову: иметь попечение о болящих: «болен бех, и посетисте мя» . Но спросите болящих, добровольно ли они вступают во врачебницу? Желают ли они подольше пробыть в ней или поскорее выйти?

– Уж, конечно, каждый скажет, что желал бы никогда и не бывать в ней, – заметил Павел Матвеевич.

Я продолжал: «Ежели вы сделаете богадельню, тоже будет по заповеди Евангельской: «странен бех, и введосте мя». Но раздумайте, кто именно поступает в богадельню. Те люди, которые потеряли всякую возможность снискивать себе пропитание, по болезни, по старости, по бедности и немощи. И как думаете вы, остались ли бы они в богадельне, ежели бы им открылись средства жить безбедно?»

– Ну, кто их заставит тогда там оставаться?

И, помолчав немного, Павел Матвеевич спросил меня: «Так что же остаетея после того делать? Стало быть, все богоугодные заведения вовсе не нужны?»

– Нет, – сказал я, – нужно так сделать, чтобы и заведение было Бога ради, но чтобы и вступающие в него шли не по

немощи или недостатку, а добровольно, не по нужде, а по свободному произволению, Бога ради.

– Так какое же это такое заведение, – спросил он, – в которое вступают не по необходимости, а для Бога? Ну-ка, скажи!

– Вы устройте, Павел Матвеевич, общежитие в монастыре, на Угреше, тогда все будет сделано Бога ради и с той и с другой стороны. Вы Бога ради тем упрочите обитель, и приходящие в нее, и пользующиеся вашим благодеянием будут вступать совершенно добровольно, жительствовать в ней не по необходимости, но Бога ради, для спасения души, тогда все будет Бога ради, и тем, кто совершит благодеяние, подастся Бога ради, и тем, которые оным воспользуются, приимется Бога ради, и призревающий и дающий кров, и входящий под оный работать Господеви, а не себе, а не мирови.

Павел Матвеевич ничего не сказал и задумался; видно было, что он недоумевал, что и сказать мне, так как это было для него совершенно новое.

После этого я бывал часто у него, но об общежитии не было и речи.

Перед освящением он сделал вопрос владыке, как я уже упоминал: «Может ли быть открыто на Угреше общежитие?» И хотя ответ владыки был утвердительный, но, при свидании со мной после того, опять не было и помина об общежитии, пока я, сделавшись управляющим обителью, не передал Александрову слов владыки. В этот раз Павел Матвеевич высказался вполне. Видно, что его мысли созрели и, зная мнение владыки, он решился осуществить свое намерение. В этот раз он мне сказал: «Тебе одному я бы не поверил во всем, что касается до общежития, но моли Бога за Святогорца: я прочитал все его книги и убедился вполне, что общежитие действительно душеполезно. И теперь готов начать это дело с полным усердием. С этого времени у нас пошли переговоры об устроении общежития.

Владыке угодно было, чтобы я представил ему докладную записку о существующем в Угрешском монастыре порядке и о том, что я полагаю полезным ввести вновь. Когда я ему

представил оную, он сказал мне, что потребует мнение Лаврского наместника, отца Антония, для общего обсуждения, и поручил мне объявить братии Угрешской, что воля правительства такова, чтобы в Угрешском монастыре было открыто общежитие; кому не угодно оставаться, чтобы не понуждать их, но о не желающих донести владыке. Всей братии было всего 17 человек; желающих выйти не оказалось, и все бывшие в монастыре изъявили свое согласие на общежитие. Это заявление, однако, было не искренно, тайно в сердце своем не сочуствовали общежитию, но видя, что это желание владыки, опасались у него быть на замечании как люди противящиеся его воли и не упускали ни малейшего случая, чтобы изобрести способ и не высказать своего враждебного чувства к общежитию.

Памятно мне посещение викария Московского, преосвященного Алексия*[40], так как оно подало повод братии к сопротивлению против вводимого мной порядка перед открытием общежития, но обратилось только к посрамлению противившихся и послужило для меня поощрением и подкреплением.

Июля 2, 1853 года мне понадобилось отлучиться из монастыря, съездить на Перерву посмотреть барку, которая продавалась и которую я желал приобрести для монастырских построек. Я выехал рано утром, а между тем совершенно неожиданно приехал к нам в монастырь преосвященнейший Алексий. Это посещение было для обители событием небывалым, потому что преосвященные викарии с незапамятных времен, забывши о нашей обители, никогда в ней не бывали. За мною послали, а преосвященный пошел между тем в церковь, так как поздняя обедня еще не начиналась. Преосвященный стал в алтаре. В то время у нас начинало вводиться столбовое пение, более употребительное в общежитиях, чем в штатных монастырях, и потому приходившееся очень не по сердцу старшей Угрешской братии. В этот день во время чтения часов вышел спор между старшей братией, не любившей столбового пения, и клиросными, желавшими оного. Со времени моего вступления в управление

обителью, вновь приходивших в монастырь я принимал уже на общежительных правах, с ними-то и не ладила прежняя братия. Тогдашний ризничий, отец Сергий (ныне архимандрит Ново-Голутвинский), видя это несогласие, во избежание дальнейшего спора, пошел и доложил преосвященному, что у нас исполняют и столбовое пение, и спросил его, как он благословит? Преосвященный приказал петь столбовым напевом, а по окончании литургии, когда стал благословлять братию, похвалил столбовое пение и не велел петь придворного. Этим прекратились постоянные пререкания, выходившие из-за пения, между старшей и младшей братией.

Я возвратился домой, как только был уведомлен, и застал еще преосвященного. Я был ему весьма благодарен, что он поддержал меня и заградил уста недовольных. Нимало не зная моих намерений, он как будто предугадал их и сам по себе действовал согласно со мной. Впрочем, не одно только пение встречало сопротивление от прежней братии, но и все новое, вводимое по церкви и по монастырю, дотоле не бывалое на Угреше. Думаю, что эти блюстители прежнего порядка имели двоякую цель: или попрепятствовать водворению общежития, или, в случае неудачи в этом, охладить меня при самом начале, дабы, видя их несочувствие, действовал я уже не так ревностно.

Сознавая свою неопытность в деле правления, и в особенности при таком важном и существенном преобразовании обители, и потому не вполне доверяя умению своему учредить общежитие, я поехал в Лавру посоветоваться с отцом наместником Антонием. Хотя я и полагал начало в общежительном монастыре Новоезерском, при старце Феофане, но так как после того я провел 18 лет в штатном (Угрешском) монастыре, то и боялся, что, с одной стороны, не утрачено ли что из усвоенного мной в общежитии, а с другой стороны, не вкрались ли в меня какие из навыков монастырей штатных?

Выслушав, отец наместник дал мне совет:"Вымести метлой всю прежнюю братию и набрать вновь, хотя бы даже опять из этой же братии, тогда только будет водворен надлежащий

порядок; потому что ежели оставить из прежней братии, то останется прежняя закваска, которая повредит всему порядку».

Сожалею, что не последовал я тогда совету отца наместника, потому что через это избежал бы я многих скорбей и неприятностей, которые я имел впоследствии. Как только было решено владыкой о преобразовании Угрешской обители, у нас с Павлом Матвеевичем пошли переговоры о всем нужном, и он определил на содержание 30 человек, по 50 рублей ежегодно, 1 500 рублей, и единовременно пожелал приготовить на них все нужное и одеяние. Так как в то время недостаточно было келий для 30 человек и места в монастыре нигде не было, кроме башни над Святыми воротами, то я и предполагал отделать там 8 келий.

И когда все было приготовлено, владыка назначил день, 16 октября. Октября 15 утром прибыл в монастырь московский владыка, Высокопреосвященный Филарет. Всенощное бдение владыка служил соборно в Успенской трапезной церкви; в числе служащих был и благочинный, архимандрит Андроньевский Платон. Приготовленные для общежительного братства одежды положены были в алтаре близ престола. При окончании служения владыка, по тайной молитве, благословлял и окроплял святой водой каждую одежду, подносимую ему мной. Наутрие, облекшись в эти новые одежды, все общежительное братство явилось к божественой литургии, которую также соборно совершал сам владыка, и меня посвятил во игумена. Перед окончанием литургии владыкой произнесена была беседа, и перед выходом из храма мне вручен был игуменский посох.

По окончании литургии общежительное братство со своим настоятелем, в преднесении панагии (или Пречистой, просфоры в честь Пресвятой Богоматери), из храма направилось к трапезной палате; за братией шествовал владыка и разделил с иноками их братскую трапезу, продолжавшуюся при безмолвном слушании чтения из житий святых (мученика Лонгина Сотника и преподобного Евфимия) и заключившуюся совершением установленного чина Панагии. В тот же день владыка оставил обитель, благословив всю братию.

Через неделю по открытии общежития я поехал с иконой и просфорой благодарить владыку и, по старой привычке, надел прежний свой креповый клобук. Когда я явился к владыке, он зорко посмотрел на меня, и хотя мне не сказал ни слова, но я понял, что он заметил, что на мне не тот клобук, который он благословлял, посвящая меня во игумена, и с тех пор крепа более никогда не ношу.

По открытии общежития Павел Матвеевич в память своих родителей, пожелал устроить в (старой) братской трапезе храм во имя святого апостола Матфея и мученицы Параскевы Пятницы, и в это же время Марья Григорьевна пожелала выстроить для их приезда небольшой деревянный дом. На придел и на дом Павел Матвеевич назначил по 3 000 рублей серебром, казалось бы, дело кончено, но вышло не так.

Некоторые из лиц, его окружавших, которые пользовались его доверием и не упускали из вида собственных своих выгод, когда увидели, что Павел Матвеевич не ограничивается открытием общежития в Угрешском монастыре, и, кроме того, еще намеревается благотворить обители, старались всеми мерами отклонить его от этого и представить ему, на сколько это было только возможно, современное монашество с самой невыгодной стороны. Они его стращали еще и тем, что опасно иметь дело с монахами, которые выпросят, де, на что-нибудь тысячу, а потом, гляди, втянут в расход, где и несколькими тысячами не отделаешься. Но все эти препятствия оставались для меня тайной, потому что окружавших Павла Матвеевича я считал также благорасположенными к обители, как и его самого. И их-то влияние было причиной медленности в деле устройства придела и постройки дома, хотя собственно пугала их не трата этих 6 000 рублей, но, зная характер Павла Матвеевича, они боялись, что ежели только им не удастся охладить его при самом начале и он втянется, то после они будут уже не в силах остановить его.

С того времени, как Павел Матвеевич вызвался на устроение придела и дома, прошло уже почти около года времени, но он не только ничего сам не поминал, но даже и мне

запретил ему поминать; из этого видно, каков был успех тайных недоброжелателей.

В одно из моих посещений Павел Матвеевич стал мне рассказывать, что накануне у него долго сидел новый строитель Мещовского Георгиевского монастыря и очень горевал, что монастырь бедный, а братские кельи все развалились. «Я и сам знаю, что они ветхи (сказал мне Павел Матвеевич); да я бы не пожалел их выстроить, но вот что: вижу, что отец строитель-то неспособен, не сделать ему этого дела». Сказавши это, он замолчал. Помолчал и я немного, и потом спросил: «Так у вас вчерашний день был Мещовский строитель?» Ответ был: «Да». Я снова спросил: «И говорил вам о ветхости братских келий?» – «Да», – ответил мне Павел Матвеевич. «Вы и сами сознаете, что ветхи кельи, и вы бы не прочь выстроить их, но признаете, что отец строитель неспособен к этому делу, и потому оставили?» – «Да», повторил Павел Матвеевич. После этого я опять сказал ему: «Вы, Павел Матвеевич, для Мещовского монастыря готовы были пожертвовать, но признаете неспособность отца-строителя, и потому оставляете это дело так. Вы в этом деле правы. Теперь я у вас спрашиваю: почему же вы не строите в Угрешском монастыре ни придела, ни дома, когда сами же говорите, что признаете настоятеля способным?» От этих моих слов Павел Матвеевич, видимо, встревожился и, обратившись к бывшему при нем человеку, Дмитрию, сказал: «Вот как я попал, вот попал!» И потом сказал мне: «Ну, поди, поздравь жену!» И после этого я приступил к устроению храма и дома, и в 1855 году, 26 октября, храм освящен и дом выстроен. Но о прочих постройках монастыря не говорил ни полуслова и, как видно, он все был еще под влиянием недоброжелателей наших и оставался при своих мыслях, как и прежде. Между тем монастырь, по открытии в нем общежития, был вовлечен в различные необычные расходы, которые я дозволил себе, надеясь, что будет помощь от Павла Матвеевича, как он обещал, но он упорно молчал, и я решительно не знал, что мне делать. В моем затруднении я однажды стал объяснять покойному владыке мое недоумение, на что он мне и сказал, что «мы не имеем права подводить благодетелей ни под какие

условия, ни расписки, а должны за них молить, чтобы Господь продлил их жизнь и утвердил их намерения». Но это все-таки меня ни к чему не подвинуло; я чувствовал, что стою между двух огней: с одной стороны, был владыка, который по своему доверию ко мне, основываясь на моих словах, разрешал мне постройки и другие расходы по общежитию, с другой стороны – Павел Матвеевич, обещаниям которого верил я, но обещания не исполнялись, и я чувствовал, что есть какое-то препятствие, что-то на моем пути, но что именно, никак не мог разгадать, и наконец решился открыться Павлу Матвеевичу и высказать ему мое тяжелое положение. После чего Павел Матвеевич назначил мне день для решения этого дела. Эти немногие дни, пока я дожидался рокового дня решения, показались мне весьма продолжительными, и чего я не передумал, ежели мое ожидание не осуществится! Я думал и о том, как я буду оправдываться перед владыкой, которому передавал я обещания Павла Матвеевича. Владыка давал каждому моему слову веру, и все, наговоренное и обещанное мной, вдруг окажется как будто бы ложь, или с моей стороны – пустой мечтой. И точно, зная характер владыки, я чувствовал, что мое положение было весьма опасным, и потому без преувеличения скажу теперь, что я тогда действительно трепетал. Но этого мало: меня мучила еще и та мысль, что, собравши братию, мне придется опять уменьшить ее; какие я делал распределения по церкви и по монастырю, все изменять и, соответственно скудости тогдашних доходов, я должен буду, ограничив себя, прийти снова в то стесненное положение, из которого я силился вывести обитель.

Наступило время, пришел означенный день, и теперь нужно мне передать, что я чувствовал тогда. Ждал я или поражения, как будто дело касалось собственно меня, или великой радости, ежели после испытанного мной томления последует благополучное решение.

Когда я к нему вошел, то застал его сидящим. Увидев меня, он мне прямо сказал: «Ну, молись Богу, дело уже кончено». И потом весьма растроганный и почти плача, он стал мне рассказывать, что с ним случилось в тот день: «Сегодняшнюю

ночь я всю не спал, меня тревожили мысли и, когда после обеда меня стали укладывать спать, я в то время думал: «Ну, хорошо: я обстрою монастырь и келии, а где же он монашков возьмет? так как теперь, говорят, больше из монастырей вон идут, а не в монастыри вступают»; и только я это подумал, как вдруг вижу, что я как будто совсем здоров и стою на какой-то площадке, передо мною луговина и вся трава покрыта густой росой, которая серебрится точно иней, а из-за меня вперед, справа и слева, вижу летят не очень высоко птицы, для меня совсем незнакомые, которые как будто стремятся к одной цели. Птицы крупные, какие – не знаю, и должно думать, что близко ко мне, потому что я слышал, как они машут крыльями. Я гляжу на них, да и думаю себе: что такие за птицы, и куда же это они летят, но слышу, что кто-то говорит: «Они летят на Угрешу». Я очнулся, велел себя поднять и стал спрашивать у моих двух людей, которые меня укладывали: «Что они меж себя говорили?» Но они меня уверяли, что между ними никакого и разговора не было». Тогда я рассказал им, что я видел».

Это виденное им решило всю судьбу будущности Угрешской обители, и он остался в том убеждении, что это знамение воли Божией.

С этого времени Павел Матвеевич возымел особое усердие к обители и, казалось, вполне уверенный в богоугодности своих начинаний, не стесняясь, благодетельствовал ей, и, хотя тайные недоброжелатели наши не могли явно препятствовать, то по крайней мере старались замедлять, чтобы двух дел вместе не делалось, а потому многое и не успели довершить до смерти Павла Матвеевича.

Это свидание меня вполне успокоило, рассеяв все мои сомнения. Мне казалось, точно как будто я переродился и, в преизбытке радости, я поспешил отправиться к владыке и подробно передал ему все обстоятельства сегодняшнего моего с Павлом Матвеевичем свидания, на которое я столько полагал надежды для будущности обители.

Глава XIII. Обновление Угреши; приезд владыки; Заиконоспасский архимандрит Леонид; мое посвящение во архимандрита; посещение мною Александрова; его подарки; покупка дома для монастыря; мое последнее свидание с Александровым; его кончина и погребение; его завещание

Однажды, будучи у владыки при разговоре, я сказал ему: «Павел Матвеевич желал бы видеть архиерейское служение». Владыка посмотрел с удивлением и спросил меня: «Да разве он не видывал?» – «Он неоднократно бывал на архиерейских служениях, – сказал я, – только не обращал внимания, а теперь ему желательно было бы видеть»... Я этим воспользовался и стал просить владыку посетить обитель и взглянуть на все строения, которых он еще и не видал, и он согласился. Мая 28 (1858 года) он прибыл на Угрешу поутру; слушал в соборе позднюю литургию, после того, откушав чай, спросил обед, и в 2 часа пожелал обозреть весь монастырь. Из верхних келий он осматривал только две, а нижние пожелал обойти все, и видно, что был в недоумении, отчего в здании, выстроенном в 1857 году, нет признаков сырости, и что через год уже можно жить в оных. Ему было неизвестно, что мы сырости избежали, обшив стены предварительно тесом, и штукатурили уже по тесу, а не по кирпичу. Обошедши келии, владыка спросил меня: «А кто у тебя был архитектором?» Я отвечал: «Никого, Ваше Высокопреосвященство». Тогда он сказал: «И ты решился на такое дело?» Причиной, что я решился строить без архитектора было то, что Павел Матвеевич отказался от приглашения архитекторов, так как потерял к ним всякое доверие после того, что выстроенные им церковь и колокольня при его фабрике в

Брыне и стоившие ему более 200 тысяч рублей серебром, упали.

Идя по направлению к колокольне и поравнявшись с сосной, на которой икона Спасителя, владыка остановился и, не оборачиваясь назад, сказал мне, показывая на здание которое, у него за спиной: «Воля ваша, а эта фасада тяжела; вот эта (прибавил он, указывая направо, на братский корпус) хороша, а эта (больничный корпус) курьезна» – и сказав это, пошел далее. Посмотрев всю обитель, он возвратился в келии в лучшем расположении духа. Между прочим разговором речь дошла и до столбового пения, которым, как заметно, он был весьма доволен. Я пользовался этим случаем и просил дозволения представить ему регента, Николая Егорова, и головщика, иеромонаха Геронтия, чтобы принять от него благословение. Похвалив пение вообще, он сделал им некоторое замечание насчет ударений при пении: «Господи, помилуй!» – и за всенощной в этот день пели уже согласно указанию владыки, чем он остался весьма доволен .

Всенощное пение владыка совершал в Успенской церкви с монастырской братией. На правом клиросе были митрополичьи певчие, а на левом – монашествующие. По благословении хлебов владыка пожелал собственноручно передать хлеб Павлу Матвеевичу, который, сидя в креслах за правым клиросом, напротив иконы Святителя, слушал всенощную, а после величания владыка вторично подошел к нему и помазал его святым елеем.

После всенощной, едва владыка возвратился в келии, как ему доложили, что Павел Матвеевич желает его посетить. Как привели его, владыка не видел, потому что вошед в комнату нашел его уже сидящим, но он содрогнулся и душевно соболезновал, когда после краткой беседы они простились, и он увидел, что четверо едва могли с великим трудом вести его и поддерживать. Владыка советовал ему, чтобы он велел носить себя на креслах, что для него было бы легче, но тот никак не мог на это решиться, и так до конца жизни его все водили под руки, а ноги ему переставляли.

На следующий день литургию владыка служил в Успенской, церкви, потом совершено было молебствие с многолетием присутствовавшим ктиторам обители, Павлу Матвеевичу и Марии Григорьевне. Откушав и отдохнув перед своим отъездом, владыка посетил Павла Матвеевича в его новом жилище, в деревянном доме, который он выстроил для своего приезда, напротив святых ворот, где ныне летняя гостиница. Владыка очень благодарил его за все его пожертвования монастырю и снова повторил: «Что он сделал из Угреши вторую Лавру». Это было последнее свидание владыки с Александровым: знали ли они тогда, что одному из них оставалось пожить только 9 месяцев, а другому еще 9 лет?

В тот же день владыку проводили и, как, по-видимому, казалось, он оставлял Угрешу вполне довольный своей поездкой, всем что прибавилось в течение шести лет со времени его последего посещения.

Дом, выстроенный Александровым для их приезда, недолго просуществовал после них, потому что через год после смерти Марьи Григорьевны он сгорел. В то время была одна только гостиница и за недостатком помещения был занимаем и этот дом, и случилось, что одну мать семейства, жившую там, задержала болезнь детей, для которых делались горячие ванны, и по неосторожности дом сгорел.

Занимавшая дом и считавшая себя отчасти виновницей в неосторожности людей своих, совершенно добровольно вызвалась пожертвовать в пользу обители 4 тысячи рублей серебра, о чем и представлено от ее имени заявление владыке; и за таковое усердие последовало благословение Святейшего Синода. Она получила его совершенно туне, ибо прежде, чем она успела осуществить свое благое намерение, ее денежные дела расстроились, и она осталась с предвосхищенным благословением, а обитель без дома и без пожертвования в вознаграждение за утрату.

В этом 1858 году, в августе, я был посвящен во архимандрита. Этому посвящению предшествовали обстоятельства, которые мне подавали повод думать, что я получу какую-нибудь награду, но что именно меня ожидал новый

сан, я этого никак не предвидел, зная, как владыка был воздержен на подобные повышения. В конце июля в какой-то из Царских дней после соборного служения благочинный наш, отец архимандрит Платон, прямо из собора заехал к Павлу Матвеевичу и передал ему, что владыка поручил ему сделать представление о всех пожертвованиях Павла Матвеевича Угрешскому монастырю. Выслушав это, Павел Матвеевич тут же сказал отцу благочинному: «Вы, пожалуйста, предупредите владыку, чтобы он не вздумал представить меня к какой награде: я бы счел это для себя за обиду, но ежели он желает сделать мне приятное, так прошу его вместо меня перенести это на лицо отца игумена Пимена». Как принял это владыка и что он сказал при этом благочинному, я не знаю.

После Успеньева дня ко мне приехал тогдашний ректор Московской Духовной Семинарии, настоятель Заиконоспасский, отец архимандрит Леонид (ныне преосвященный архиепископ Ярославский), и пригласил меня с ним вместе съездить в Давыдовскую пустынь, находящуюся в расстоянии верст 100 от Угреши, в Серпуховском уезде, от города верстах в 20.

Пробывши в Давыдовской пустыни двое суток и побывавши в Серпухове, посетив там Владычный и Высоцкий монастыри, мы возвратились через Екатерининскую пустынь обратно на Угрешу; это было августа 22. На следующий день после обеда отец ректор и я сидели и читали в гостиной книгу, и в это время мне принесли повестку, присланную с нарочным, чтоб я в тот же день явился к владыке на Троицкое подворье к 4 часам.

Я тотчас собрался и отправился в Москву, а отец-ректор остался на Угреше и уговорил меня взять с собой его человека и кротко сказал мне: «Чтобы я, в случае, ежели мне что понадобится, отнесся в его монастырь и потребовал оттуда все нужное». Предусмотрительность отца-ректора избавила меня от великого затруднения, потому что, как только я явился к владыке, он мне приказал готовиться на следующий день к посвящению во архимандриты; и точно я должен обратиться в Заиконосспаский монастырь, откуда и получил все, что требовалось для посвящения.

На утро следующего дня, день празднества первосвятителя Московского митрополита Петра и день моих прежних именин, я явился на Троицкое подворье. Владыка служил с подворенной братией и меня посвятил во архимандрита.

После служения, вручая посох, владыка сказал мне назидательное слово, и когда я пришел благодарить его, он предложил мне остаться для встречи Государя Императора августа 26-го. Прямо с подворья я приехал к Павлу Матвеевичу, который меня уже поджидал, потому что Марья Григорьевна, бывшая на подворье, возвратилась и возвестила обо мне. Павел Матвеевич обрадовался и, растроганный, поздравлял меня и плакал; но так как это было время его отдыха, то пригласил меня приехать к пяти часам, время, в которое он пил чай. Тут Павел Матвеевич вполне высказал свое удовольствие тем более, что он и себя считал в этом торжестве и участником, и виновником, и потому он и в расположении к обители более утвердился. Желая выразить свое удовольствие и вместе с тем одарить меня, он поручил мне заказать на его счет золотой крест с брильянтами ценой от 600 до 700 рублей, две митры, одну бархатную, шитую золотом, а другую золотую, шитую жемчугом, не ограничивая цены, и малиновое бархатное облачение, шитое золотом, ценой от 1 000 до 1 200 рублей серебром.

Первое мое архимандритское служение с владыкой было в Сретенском монастыре в день празднования иконы Владимирской Богоматери, августа 27, вместе памяти преподобного Пимена Великого, день моих именин. На другой день погода была ненастная, но я отправился поутру в монастырь, и мне была сделана встреча у Святых ворот. Я совершал литургию в соборе, а на следующий день у праздника в Предтеченской церкви, что под колокольней.

Павел Матвеевич, видимо, все более и более располагаясь к обители и тревожась, что он еще не выполнил своего обязательства обеспечить обитель, дабы и после него все учрежденное было поддерживаемо, решил на определенные им на это 80 тысяч купить доходный дом, так как по

существовавшим в то время банковым установлениям с монастырских капиталов получалось только полтора процента.

Из продававшихся в Москве домов поручено было коммиссионерам присматривать, но как-то все или по цене, или по местности не представлялось ничего подходящего.

Декабря 21, 1858 года, один из приказчиков Павла Матвеевича приехал за мной на тройке в Угрешу, чтобы при мне решить покупку дома Колесова для монастыря за 100 тысяч рублей. На следующий день Павел Матвеевич уполномочил меня о покупке дома доложить владыке, и когда я доложил владыке, что дом куплен, у кого, для какой цели и за какую цену, он сказал: «Ну, хорошо, Бог благословит, молись Богу!» Потом и замолчал, как будто он считал дело конченным. Когда я это заметил, то решился сказать ему: «Не благоугодно ли будет Вашему Высокопреосвященству благословить Павла Матвеевича иконой?» Владыка сказал: «Теперь нет причины благословлять иконой; дело только начинается; дело другое ежели бы все покончили…» Но когда я стал настаивать, он как будто не хотел, но, однако, уступая моей настойчивости, сказал: «Подожди!» – пошел в моленную и вынес оттуда икону Святителя Николая за стеклом, а отдавая мне, с улыбкой сказал: «Вот он ваш будет помощник и покровитель!» И эту икону я и передал Павлу Матвеевичу. После нового года (1859 год) Павел Матвеевич благодарил владыку за присланную икону и в письме, между прочим, весьма подробно объявил о покупке дома для монастыря у Колесовых. Это письмо впоследствии послужило после смерти Павла Матвеевича главным основанием для укрепления дома за монастырем, Павел Матвеевич поспешил сколько возможно укрепить за монастырем, но встретились препятствия: Колесовы много лет владели домом, но введены не были, и потому потребовалось отложить дело на продолжительное время.

Пока Колесовы хлопотали об устранении препятствий к продаже дома, Павел Матвеевич на этом не остановился, и как будто предчувствуя свою близкую кончину, спешил еще что-нибудь сделать для обители, почему я и решился ему предложить нашу колокольню надстроить и привести ее в тот

вид, в каком она ныне находится. По окончании по сему предмету с ним переговоров я отправился к владыке за разрешением, и когда я ему доложил о желании Павла Матвеевича надстроить колокольню, то он сказал: «Бог благословит и усердствующего, и дело». И когда я просил его дозволить представить ему план, он сказал мне: «Я плана утверждать не стану». И тут же спросил меня: «А разве тебе не нравится модель, которую ты мне показывал?» Я отвечал: «Нет, владыка святый, она мне нравится». – «Ну так по ней и делай».

Наступил март. Около 10-го числа Павел Матвеевич услышал, что в Москве есть привозная из Тулы мелкая живая карпия для прудов, и он распорядился, чтобы купили пудов 30 для угрешских прудов и угрешский эконом, иеромонах Нил, привозил показывать ему. Он очень этим занялся, принимая живое участие даже в мелочах, относившихся к монастырю, любовался рыбой и, смеючись, говорил: «Ну, вот вам будет рыба, и уха будет, и жаркое, а рыбка будет гулять в пруду, а вы будете любоваться». Это было утром. К вечеру Павел Матвеевич сделался нездоров. Я был у него 11 числа, и 12 утром он был слаб, говорил невнятно, но опасности в его положении не было заметно. От него я отправился к владыке с просфорой, и владыка спросил: «Что это такое?» Я отвечал: «Завтрашний день исполнится 25 лет со дня моего поступления на Угрешу». Он благословил меня и высказал мне свои благожелания. При этом я за нужное счел сообщить ему, что Павел Матвеевич сделался нездоров. Владыка приказал молиться о нем на ектениях, и чтобы старались, чтобы он был напутствован Святыми Таинствами. От владыки я снова заехал к Павлу Матвеевичу ненадолго: мне хотелось на него взглянуть, он ничего не говорил, но на вид был покоен. Вышедши от него, мне стало невыразимо грустно: я как будто предчувствовал, что более не увидимся. Я отправился обратно в монастырь. 13-го числа было соборное служение и по окончании литургии благодарственное молебствие за то, что Господь, приведший меня в Угрешский монастырь, сподобил меня принять в нем монашество и неисходно провести двадцать пять лет, и за все те благодеяния, которыми не по достоинству моему я постоянно

пользовался со дня моего вступления в убогую и скудную обитель, в то время уже возродившуюся и начинавшую процветать. Но как радостны ни были тогда чувствования моего сердца, безотчетная грусть тяготила меня, и мне было прискорбно, что главный виновник благосостояния обители в этот день не участник в нашем духовном торжестве, но он болен и не может видеть всю искренность нашей признательности, и как будто какое смутное предчувствие предвещало мне, что этим для меня знаменательным днем окончится и содействие Павла Матвеевича для благосостояния обители. К несчастью, предчувствие не обмануло меня. По окончании братской трапезы, беспокоясь о здоровье Павла Матвеевича, я немедленно отправился в Москву. На полдороге меня встретил нарочный с печальной и роковой вестью о кончине Павла Матвеевича. Я тотчас возвратился в монастырь, чтобы сделать нужные распоряжения, снова поехал в Москву, куда прибыл уже весьма поздно вечером.

Это было 13 марта, в пяток, на Крестопоклонной неделе.

Павел Матвеевич скончался на 68-м году от рождения. Последние три или четыре года он жил на Поварской, в доме Демидова, и потому его отпевали в приходской церкви Ржевской Божией Матери.

По желанию его отпевание должны были совершать настоятель Угрешского монастыря и два священника, что и было исполнено при служении литургии, но на самое отпевание собралось очень много священников, которые пожелали участвовать. По окончании отпевания все присутствовавшие трапезовали в доме, а между тем гроб был поставлен в футляр, и когда мы вышли из-за стола, облачились и двинулись в путь. Погода была хорошая, и хотя путь уже тронулся, но с утра захватило морозом, и дорога была хорошая; похоронное шествие следовало с Поварской на Воздвиженку и Охотным рядом по Солянке и Таганкой в Спасскую заставу. За колесницей следовало более двадцати карет и столько же троечных саней, нанятых для сопровождавших тело в монастырь. Я провожал до заставы Мешком, сел в карету и поехал вперед, чтобы встретить. Во всю дорогу попеременно

сопровождали тело четыре иеромонаха и два иеродиакона. Из Москвы отправились в исходе третьего часа, а в исходе восьмого печальная колесница, запряженная четырьмя лошадьми в ряд, но с простым ямщиком на козлах, не в траурной ливрее, приблизившись к монастырю, остановилась против дома, где, после литии, снят был гроб, и на руках понесли его к Святым воротам. Между тем мы все в облачении ожидали в Святых воротах и встретили гроб благотворителя земным поклоном. По благословению владыки встреча была с хоругвями и со звоном, все присутствовавшие были с зажженными свечами, и тело понесли в Успенскую церковь, затем начали заупокойную всенощную. На следующий день после литургии, совершенной мной соборно, в сослужении 12 человек, совершена панихида и в сопровождении крестного хода тело было отнесено в усыпальницу, что под алтарем трапезной церкви во имя апостола Матфея и мученицы Параскевы, и там предано земле. Для братии поминовенная трапеза была в трапезной палате, а для родственников и приезших на гостинице, также в 9-й и 40-й дни кончины и до 40-го дня совершалась особая заупокойная литургия.

В тот год, в конце марта, был ужасный снежный ураган, и снега намело столько, что в 9-й день приезжавшие для поминовения въезжали на двор гостиницы в туннель, прорытый в снегу.

Возвращаюсь ко дню похорон. Когда по окончании трапезы я пришел в свою келию, глубоко огорченный и расстроенный, тогда Петр Иванович Куманин сказал мне: «Не скорбите: все, что Вы потеряли в покойнике, Вы найдете во мне». Но о Куманине буду говорить после. При погребении Павла Матвеевича колокола уже были сняты, и так как собирались разбирать колокольню, то они висели на деревянных столбах. В мае приступили к разборке колокольни, то есть верхнего яруса, потому что два нижние остались в том виде, как были прежде. В течение лета колокольню надстроили всю вполне. Может быть, я на это и не решился бы, ежели бы во время постройки владыка не спросил меня однажды: «А что вы нынешним летом колокольню докончите?» – «Нет, владыка святый», – отвечал я.

«А почему же нет?» – вопросили он снова. Я промолчал, но ободренный вопросом владыки, решился довести дело до конца. Из слов его я заключил, что он желал видеть окончание, и потому уже ничего более не опасался.

При кладке колокольни, во избежание осадки (как это незадолго перед тем случилось с Симоновской колокольней), я наблюдал, чтобы кирпич мочили, чтобы ряд клали в густой известковый раствор, заливали чистым алебастром и после того все излишнее счищали дочиста, через каждые два аршина клали длинное железо в переплет для связи. Этот способ кладки оказался вполне успешен. Кирпичная работа продолжалась менее 4-х месяцев и выведено вверх более 12 саженей, и не оказалось ни малейшей трещины и не было осадки.

Сентября 30-го того же года, в четыре часа пополудни, вся кладка колокольни была окончена. Начали благовестить в большой колокол, вся братия собралась в Успенскую церковь, и мы совершили благодарственное молебствие. К24-му октября покрыта глава и поставлен крест.

Этот же самый день, в который обитель украшалась новой колокольней и колокольня осенилась Животворящим Крестом, ознаменовался достопамятным для обители событием, именно: в это же самое число Государь Император соизволил утвердить за монастырем пожертвованный Александровым дом в Таганке, стоивший 110 000 рублей серебром.

Прилагаю при сем извлечение из духовного завещания Павла Матвеевича Александрова, из которого видно, на каких условиях пожертвован им дом нашей обители. В то время дом приносил доход 7 000 рублей серебром, и этот доход по воле завещателя предназначался: 1) На содержание 30 братий устроенного при его содействии на Угреше общежития. 2) На богадельню для десяти престарелых и немощных старцев. 4) На странноприимный при монастыре дом.

5) На служение ранних заупокойных литургий в приделе Марии Египетской.

6) На служение заупокойных литургий в трапезном храме во имя апостола Матфея и мученицы Параскевы. 7) и 8) На свечи,

лампадное освещение и на поддержку монастырских зданий. 9) и 10) На совершение заупокойных служб в определенные поминовенные дни по родителям завещателя и жены его, а по их кончине и по них самих.

В пункте 11 – м сказано: «Что предоставляются на усмотрение настоятеля изменения или ограничения в распределении сумм на все означенное в 10 пунктах завещания».

В пункте 12-м, который выписываем вполне, сказано, что «так как он, Александров, наследников по себе, которые бы наблюдали за точным исполнением сего завещания, не имеет, то и возложил наблюдение на настоятелей обители и просит все вышеозначенные желания его, Александрова, исполнять непременно во всей точности, с полным усердием, так как он, завещатель, от полноты усердия своего ради Бога жертвует в святую обитель достояние свое в вечное пользование». Далее сказано: «Да будет им, настоятелям обители оной, собственная их совесть судией, и да воздадут они отчет в день Суда Страшного Мздовоздаятелю Христу». В заключение Александровым было выражено: «Не выводить никуда архимандрита Пимена, а оставить его до смерти настоятелем Николо-Угрешского монастыря».

Это завещание было Высочайше утверждено.

Глава XIV. Освящение больничной Скорбященской церкви; начало скита; П.И. Куманин; закладка скитского храма и освящение; кончина Александровой и погребение; ее рассказ из прошлой жизни; 1 мая 1862 года, сильное наводнение на Угреше, повреждение плотины и прудов; поручение мне от владыки в 1863 перестроить Вознесенский Московский монастырь

В 1860 году к июлю церковь во имя иконы Всех скорбящих Радости, что при нашей монастырской больнице, была совершенно готова. Совершить освящение угодно было самому владыке, и для сего он приехал накануне определенного дня, то есть июля 23-го, и в этот раз, как и во все прочие разы, он прибыл в утреннее время, передлитургией. Во время всенощной выходил на литию и величание, а на утрене совершено освящение, и после литургии роздано до тысячи небольших финифтяных икон, заказанных еще при жизни Павла Матвеевича, по его собственному желанию, но которые пришлось раздавать уже после его кончины. При освящении в сослужении с владыкой участвовали благочинный отец Паисий, архимандрит Покровский, я и еще два из монашествующих. В Скорбященской церкви обе местные иконы, храмовая Божией Матери и Спасителева из келейных икон Александровых, храмовая пожертвована Марией Григорьевной, которой она принадлежала и которая считала ее чудотворной, но не могу сказать, по какому именно чуду, от нее совершенному. Икона местная Нерукотворенного Образа весьма древняя, и полагают, что она работы известного Андрея Рублева, жившего в конце XIV и начале XV века.

К освящению было сделано вновь: 1) вся церковная утварь золоченая серебряная; 2) хоругви, шитые золотом по серебряному глазету, и 3) девять соборных облачений из алого атласа, затканного золотом.

Владыка обошел все больничные палаты, аптеку, келии смотрителя, служителей и кропил их святой водой. В этот же день открыта была и богадельня для престарелых на десять человек, устроенная по воле Александрова.

Владыка в этот раз был в особенно веселом расположении духа и, пришедши в настоятельские келии, когда я ему поднес чай, он спросил меня: «А много ли лет, что ты здесь живешь в монастыре?» Я отвечал ему, что 27 лет и на это он опять мне сказал: «А я думал, что гораздо более»; пожелал мне жить еще много лет и говорил мне много лестного и отрадного, чего прежде я никогда от него не слыхивал. Когда подали закуску, владыка спросил: «А где же кулебяка?» Я говорю: «Простите, владыка святый, кулебяки нет». – «Ну, какой же это праздник, когда нет пирога?»

Накануне освящения, обозревая монастырь, владыка осматривал между прочим и новую скитскую церковь, которая отделывалась и была близка к окончанию. Вышедши из церкви, он пожелал видеть настоятельскую келию и, идя дорогой, спросил меня: «Как вы это место называете?»

Я отвечал: «Простите, владыка святый, я не называю никак, а другие почему-то назвали Скитом».

На это он заметил: «Некоторые выстроят и дадут громкое наименование, а живут как придется, а самое лучшее название, когда братия живет хорошо».

Упомянувши о скитской церкви, считаю теперь своевременным рассказать как образовался скит, хотя это и было гораздо ранее.

В 1855 и 1856 годах, когда монастырь обносили новой оградой, я повел ее с западной стороны по меже монастырской земли и потому оба пруда и березовая роща остались в черте монастырской ограды. На той местности, где теперь скит, была топь, где между кочками, покрытыми мхом, росли ольхи и стояла вода желтая, как ржавчина. Когда для ограды

заготовлялся материал, привезено было множество большихдиких камней, которые там и складывали. Это было в зимнее время. При построении ограды каменщики преимущественно выбирали те из камней, которые были не так громоздки, а самые большие все обходили. Я на это не обратил внимания пока строилась ограда, но когда она была докончена и излишние камни, лежавшие не у места, я вздумал убрать, оказалось, что они самые большие, и, чтобы свезти их, с меня просили большие деньги. К счастью, в числе землянников нашелся добрый человек, который посоветовал мне не свозить их, а втопить на месте, что, конечно, было сделать гораздо удобнее. Я последовал этому доброму совету, велел камни вкапывать и таким образом случайно, очень удачно, положено начало укреплению этой топкой местности; а сверх камней сделана значительная насыпь земли, и эта местность теперь совершенно суха и тверда, нимало и не походит на то, что там было прежде. Тут же была изба, выстроенная для работавших ограду. По миновании надобности она осталась порожней; ломать ее мне было жалко, и я вздумал обратить ее в келию. После того, как ее отделали, ее облюбовал часто приезжавший тогда к нам и подолгу гостивший у нас ректор Московской Семинарии отец архимандрит Леонид. Ему-то и обязан скит своим духовным началом, а в материальном отношении много содействовал московский купеческий сын, Григорий Андреевич Павлов, который первый пожертвовал 2 000 рублей серебра, и так мало-помалу образовался скит.

В то время у нас гостил отец игумен Иларий около года и жил в скиту, церкви еще не было, а службу совершали в трапезе, вечерню, утреню и часы. В это же лето (1859 года) Петр Иванович Куманин приехал к нам со своими знакомыми большим обществом. Мы пошли гулять и во время прогулки, идя мимо пруда, спросил меня: «Ну, а что церковь?» (В то время одна из московских купчих хотела было выстроить у нас церковь, но это дело не состоялось. Зная это намерение, Куманин спросил меня). Я отвечал ему: «Постройка церкви не состоялась». Нимало не задумываясь, он спросил меня в полголоса, так чтобы шедшие за нами гости не слыхали: «А что

Вы думаете выстроить деревянную или каменную?» Я отвечал: «Деревянную», – «И я тоже думаю, что деревянную лучше», – сказал Куманин и прибавил: «А сколько Вы полагаете на это нужно?» Я отвечал: «Тысяч семь». – «Ну, с Богом начинайте!» – сказал мне вполголоса Куманин и, переменив разговор, мы пристали к гостям.

Не откладывая дела в долгий ящик, я озаботился составлением плана и представил его владыке, он утвердил, и мы приступили к делу. Закладку мы совершили той же осенью: октября 18, 1859 года. Это был день недельный и, не смотря на позднюю осень, день был ясный и жаркий, во время закладки солнце пекло и в скитской рощице птицы пели и щебетали. Накануне погода была пре-ненастная, и Куманин не совсем хорошо себя чувствовал, почему ему и не советовали ехать: «Во чтобы то ни стало, но я сказал, что поеду, и поеду».

И погода разгулялась и была прекрасна.

Осенью мы успели вывести фундамент и цоколь, зимой срубили стены, весной покрыли, и весь храм совершенно был готов к сентябрю. На церковную утварь и на освящение Куманин дал две тысячи рублей серебром; сделали утварь серебряную вызолоченную и девять облачений атласных василькового цвета, затканных золотом. Паникадила и подсвечники пальмовые точеные монастырской работы. Изразцы печей сделаны по образцу находящихся в Романовских палатах.

Когда храм был совершенно готов, я отправился к владыке за благословением пригласить на освящение преосвященного Леонида, но прежде еще чем я успел высказать это владыке, он решил тем, что сам будет совершать освящение. День был назначен 15-го сентября.

Владыка приехал 14-го числа, в 4 часа пополудни, вышел из кареты у колокольни и мимо собора прошел садом в скит и остановился в настоятельской келии. Всенощную служил в скитской церкви, лития была на воздухе, в палатке, которая на этот случай была устроена от церковного крыльца до ограды и внутри было повешено паникадило.

Наутро совершено освящение, а за мощами крестным ходом владыка сам ходил в соборный храм. По окончании

литургии владыка возвратился в скитскую свою келию, куда были приглашены Куманин и прочие гости, подавали чай и к закуске не забыли приготовить и кулебяку. В этот приезд владыка по монастырю никуда не ходил и в 4 часа, севши в карету у скитских ворот, прямо из скита поехал в Москву. Это было его последнее посещение.

На следующий день приехал в скит преосвященный Леонид, совершал всенощное бдение и литургию. Три дня скит оставался открытым для женщин, а на четвертый день после вечерни его затворили.

В 1862 году, апреля 5, скончалась в Москве Марья Григорьевна Александрова.

После кончины своего мужа, проживши еще несколько месяцев в том же доме Демидова, она переехала в Замоскворечье, в приход Воскресения в Кадашах. Живя здесь, она купила домик для племянника своего у Риз Положения на Донской улице, и сама туда переехала. Овдовевши, она совершенно изменилась в своем характере и из женщины раздражительной и сварливой сделалась замечательно кротка и благодушна. При жизни мужа ей трудно было в чем-либо угодить, и она редко бывала чем-нибудь довольна; тут, напротив того, при средствах весьма ограниченных (так как по завещанию мужа ей оставлено было всего 20 тысяч рублей), она вела жизнь чрезвычайно умеренную, которую невозможно и сравнить с прежним ее изобилием и роскошью обстановки, и всегда всем была довольна. Монастырь она посещала, но не особенно часто и живала не подолгу. Ее здоровье стало, видимо, ослабевать, хотя, впрочем, ей было с небольшим 60 лет. В последнее время она сделалась особенно откровенна, разсказывала из своей прошлой жизни весьма многое и не очень назидательное, но были и такие черты в ее жизни, которые достойны замечания. Так, между прочим, она рассказывала, что, будучи уже замужем за Александровым, она ездила на богомолье в Новый Иерусалим; неподалеку оттуда находилось то село, в котором первый муж ее был причетником: она пожелала туда заехать и отслужить панихиду на его могиле. Между селом и дорогой из Нового Иерусалима был глубокий

овраг, который, видно, или приходилось объезжать далеко, или, быть может, тесен был путь для большой кареты в шесть лошадей, не сумею сказать почему, но Марья Григорьевна велела остановиться карете у оврага и пошла в село пешком. Много лет прошло с тех пор, как молоденькая жена бедного причетника оставила это убогое село и из неизвестной причетницы сделалась женой богатого человека и приобрела все приемы и обхождение знатной барыни. Она послала вперед своего лакея просить священника, чтобы он велел отпереть церковь и отслужить ей панихиду... Трудно передать, что перечувствовала путешественница, проходя селом. Она взглянула на убогое жилище, где прожила недолгое время с человеком добрым, но обремененным большим семейством, и едва-едва имевшим достаточное пропитание. Церковь была также, и дом священника, несколько покачнувшийся стоял в тени когда-то знакомых деревьев.

«Кто же это госпожа?» – вполголоса спрашивал старичек-священник у человека. «Александрова», – кратко отвечал лакей.

Сельскому священнику редко приходилось видать таких гостей и служить панихиды знатным господам. С трепетом и страхом встретил он незнакомую ему барыню и не без замешательства спрашивал ее: «По ком угодно будет ее милости служить панихиду?»

Александрова узнала священника: тот же самый, но из пожилого он стал уже престарелым.

«Помните, батюшка, – говорила она ему, – здесь был причетник Иван, вдовый, женатый в третий раз». – «Как же матушка, помню», – не без удивления отвечал старичек, посматривая на заезжую барыню.

«Так вот по нем и отслужите панихиду!»

Панихиду служили в церкви, а потом пошли на могилу, которую едва отыскали, и то не священник, а барышня, и когда она положила земной поклон, священник еще более изумился.

Узнал ли священник или нет – неизвестно; по крайней мере он не подал виду, что узнает.

«Не пожалуете ли ко мне откушать чайку, сударыня?» – сказал потом священник. Александрова пошла к нему. «Так вы

хорошо помните покойного причетника?» – спрашивала она дорогой.

– Ну, как же, матушка, кому же и помнить, как не мне: сколько годов живу в этом селе; со мной долго жил, добрый был человек, вдовый был, с большим семейством…

– Первую его жену вы помните, батюшка? – спросила барыня.

– Помню, сударыня, хоронил ее.

– А вторую?

– Вота, и венчал, и хоронил ее…

– Ну, а третью его жену помните? – неожиданно спросила гостья. Священник взглянул из-под лобья на свою собеседницу, кашлянул и пошел вперед.

– А третью? – снова повторила та, настаивая на своем вопросе.

– Третью, третью, – твердили священник, как будто себя вопрошая или стараясь припомнить... – Третью? Да разве он три раза был женат?

– Да как же? – подхватила Александрова. – Три раза, и третья-то жена была я: помните, Машутка?..

Священник робко взглянул на барыню: «Стар, матушка, становлюсь: все, что давно было, помню, а что вечером случилось, сегодня забыл».

– Да ведь это я, – твердила барыня, – я самая эта Машутка, что Вам и белье стирала и полы мыла, ну, вспомнили ли?

– Совсем, сударыня, память потерял, скоро забуду, как меня зовут.

Как ни билась и ни усиливалась Марья Григорьевна напомнить священнику о последней жене причетника, ни он, ни попадья, вспомнить не могли... И муж и жена все знали, все помнили, а как дело доходило до Машутки, они приходили в тупик... – «Старость, сударыня, память отшибла», – твердил старичек.

Ясно было, что он все помнил, но боялся оскорбить богатую барыню, и, можеть быть, и хорошо делал старичек, что с разбором умел помнить и забывать.

Александрова его щедро наградила, звала к себе в Москву, сделала пожертвования в церковь, помогала старику и детям его и очень его ласкала.

Она не забыла и детей своего первого мужа, и Павел Матвеевич много им делал добра.

Я рассказал этот случай из жизни Марьи Григорьевны потому, что считаю достойным уважения, когда человек возвысившись, не гнушается воспоминанием своего прежнего убожества, и этим еще более доказывает, что он благодарен Богу и достоин его благодеяний.

До самой ее кончины между нами сохранились самые дружественные отношения, и хотя она вещественно ничего не могла уже сделать для обители, но по своему характеру, совершенно изменившемуся, и по своей скромной обстановке она невольно заставляла уважать себя. Всякий раз, когда я бывал в Москве, я старался бывать у нее, и после мирной и тихой беседы мы расставались довольны друг другом. Вскоре после нового года, в январе 1862 года, я посетил ее; она была несколько слаба, но, впрочем, ходила и выезжала, и почему-то в этот раз вздумала отдать мне на хранение свое духовное завещание, точно будто предчувствовала, что мы более не увидимся. В продолжение Великого поста я был уже раза с два, но она меня принять не могла по своей болезни. Я намеревался после Святой опять ее навестить, и между тем получил известие, что апреля 15, которое пришлось в понедельник Фоминой недели, она скончалась. Я тотчас отправился в Москву и на 4-й день, 18 числа я ее отпевал у Риз Положения с несколькими протоиереями и нашей братией.

По благословению владыки проводы из Москвы, встреча в монастыре и погребение совершились тем же порядком, как и для Павла Матвеевича.

Покойница должно быть давно помышляла о смертном часе, потому что задолго до кончины, еще при жизни мужа, сама выбрала для себя парчу на покров и приготовила платье и платочек для головы.

По духовному завещанию она оставила нашему монастырю на поминовение 2 000 рублей серебра и столько же на

похороны. Кроме того, на 11 000 было распределено по монастырям и церквам.

По смерти Александровых, которые оба не имели детей, близких родственников не осталось. Наша обитель, всем обязанная их благодеяниям, изо всех прочих, ими облагодетельствованных, более всех получившая и, вероятно, более других пришедшаяся им по сердцу; ибо ей именно предоставили они попечение покоить их тела и завещали молиться о их душах и о родителях их, памятуя их щедроты, доколе она существует, немолчно и непрестанно должна возглашать им вечную память.

В 1862 году, в конце апреля, я был нездоров и никуда не выходил. В то время в монастыре постоянно находился медик Казицын, молодой человек, весьма усердный к своему делу. Мая 1-го погода была ненастная, а с 2 часов пополудни пошел дождь и без перемежки продолжался до 6 часов. Поднялся сильный ветер, и разразилась гроза. Так как земля была уже достаточно сыра, то и не могла впитывать более воду, с гор и отовсюду текли потоки, и наш верхний пруд, что за монастырем, переполнился, и плотина в то время, хотя и давнишняя, но была сделана весьма непрочно из одной земли без свай и даже фашинника.

В 7-м часу вечера монастырский эконом, иеромонах Нил, пришел ко мне и стал мне говорить, что на верхнем пруду вода пошла уже через плотину и сделала большую промоину. Я на это ему сказал весьма спокойно, что рабочих много, чтобы их созвали и поспешили укрепить. Отец Нил ушел. Около 10-ти часов вечера он опять пришел весьма встревоженный и сказал мне, что вода так усилилась, что верхний пруд спасти невозможно и что сделались ужасные промоины и провалы. В этот вечер я себя чувствовал весьма нехорошо и лежал в постели, но после сказанного экономом я не вытерпел, оделся и пошел, чтобы самому видеть, что делается. Я отправился сперва осмотреть средний пруд; он был весьма спокоен; у середины плотины был садок, полный рыбы; жалею, что мне не пришло и на мысль отвести его в сторону, потому что мне и в голову не могло прийти, что минут через двадцать его разобьет

и не останется следов. Я вышел за ворота, и тут мне представилось ужасное зрелище: была темнота, небо было в черных тучах, ветер выл и бушевал, вода ревела и клокотала, более ста человек суетились около плотины и пруда, крик, гам, бегали с фонарями, народ кричал с каким-то отчаянием. Я потихоньку с келейником дошел по плотине до самого провала, посмотрел на все, что было перед моими глазами, и убедился, что действительно никакие усилия пруда не спасут; и сказал только казначею и эконому, чтобы они берегли себя самих и народ, и обратно пошел в келию. Мне сделалось дурно, я послал за врачом, тот тотчас пришел и не успел еще мне дать лавровишневых капель, как раздался ужасный удар, так что стены задрожали и задребезжали рамы. «Какой сильный удар грома!» – воскликнул врач. Но я убежден был, что это был не громовой удар, но или прорвало плотину, или опрокинуло ограду. Мы оба бросились к окнам моего кабинета и увидели, что под окнами мгновенно сделалось озеро. Я тотчас послал келейника сказать, чтобы немедленно открыли задние ворота, так как вода ворвалась в монастырь. Спустя десять минут пришел казначей, отец Сергий, и успокоил меня, что никто не погиб, объявив мне, что верхнюю плотину прорвало, ограду повалило на протяжении 12 саженей вышиной в 13 аршин и опрокинуло одну башню, вот отчего и произошел сильный удар, который мы слышали. На среднем пруду (где я ходил за двадцать минут перед тем и видел садок) плотину снесло, садок разбило. Вода, опрокинув ограду с северной стороны, хлынула на средний пруд, снесла плотину и понеслась нижним прудом, сделала напор на ограду с полуденной стороны и, повернув налево, по склону земли устремилась к задним воротам, у которых едва успели открыть одну половину, а другую уже вода не допустила открыть, и через несколько минут вода нашла себе выход, для обители менее разорительный, по прямому направлению, напротив нижнего пруда; от сильного напора в ограду она прорыла под ней землю на 16 аршин в ширину и на 9 в глубину. Причиной того, что вода нашла себе исход именно в этом месте, была слабость земли, и так как тут за оградой начинается овраг, отчего стена и построена на арках,

то она в него устремилась и вышла на луг к Москве-реке, увлекая за собой все, что разрушила, кирпичи, камни и прочее. Все это продолжалось не более часа, а принесло обители убытка по крайней мере на 6 000 рублей серебром, не говоря уже о множестве рыбы, которая была в обоих прудах, которую вынесло за ограду и на утро ее находили на лугу. На малом пруду приготовленный для дня Преполовения Иордан остался цел и невредим, но множество всякого сора, ветвей, мочал и прочего прибило волнами к столбам.

Во время суматохи, когда собирали камни и всякий материал, надеясь отстоять плотину, один из рабочих с лошадью находился неподалеку от ограды, около моста, и когда ограда рухнулась, лошадь с телегой от испуга бросилась и убежала, а рабочего напором волны приперло к одному из каменных столбов моста, и таким образом он спасся, иначе и его бы увлекло, и он погиб бы в этом ужасном водовороте. Но это не единственный случай сего вечера, ибо во многих местах земля обвалилась большими глыбами и никто не погиб.

Памятен мне этот ужасный вечер 1-го мая по непредвидимому событию, страшному в своих подробностях, но по милости Божией и за предстательство его великого Угодника явная опасность, которая угрожала жизни многих людей, миновала без всякого несчастного случая.

1863 год для Угрешской обители не ознаменовался никаким особым событием, но мне он памятен потому, что по воле владыки на меня возложено было поручение заняться перестройкой Вознесенского Девичьего монастыря, что в Москве. Он находится в Кремле. С восточной стороны одна из церквей и келии соприкасаются Кремлевской стене, что возле Спасских ворот. С южной стороны теплый собор монастыря (во имя святой великомученицы Екатерины) обращен лицом на Царскую площадь. Собор этот замечателен как по своей внутренности, так и по внешнему зодчеству, напоминающему известный Миланский собор, и другого храма, подобного этому, нет не только в Москве, но и во всей России. С этой же стороны Святые, въездные ворота и передняя сторона настоятельских трехэтажных келий, а боковая сторона их и других построек

выходят частью на двор малого Николаевского дворца, частью же на смежный двор Чудова монастыря. Наконец, четвертая сторона обители, обращенная к северу, находится на расстоянии десяти саженей от громадного и прекрасного здания, построенного для сената, а ныне совмещающего судебную палату, окружной суд, межевую канцелярию и прочее. Это здание было проектировано известным архитектором Баженовым при Императрице Екатерине II; оно расположено треугольником, заключает в себе несколько дворов и в окружности имеет без малого полверсты. Вознесенский монастырь основан в конце XIV века супругой великаго князя московского, Дмитрия, Евдокией Дмитриевной, в иночестве Евфросинией, которой и мощи почивают под спудом в Вознесенском большом соборе.

Вознесенский монастырь от многократных переделок и поправок и корпуса келий приведен был, наконец, в такое беспорядочное состояние и так обветшал, что недоумевали, что удобнее: вывести ли сестер в иное место, или приступить к возобновлению зданий. Настоятельницей в это время была игуменья Паисия Нудольская, прежде того уже бывшая настоятельницей в трех монастырях: Страстном, Алексеевском и Новодевичьем. Она была весьма хорошей жизни и опытная в правлении. Владыка учредил комитет и от него, а равно и от настоятельницы, потребовал мнения: «Что удобней, исправить ли здания или перевести сестер на иное место?» Мнение комитета и игумении было, что удобнее перевести монастырь на новое место, нежели исправить. Владыка, основываясь на общем мнении, дозволил приискивать место. Избрано было единогласно, как самое удобное во всех отношениях и выгодное, предместье Бутырки; но так как монастырь был исторический, то владыка не мог примириться с мыслью перенести его в другое место. Было сделано более точное обозрение и, по рассмотрении дела и исследовании подробностей, действительно оказалось много неудобств и препятствий к уничтожению монастыря. Мнение существовавшего комитета не согласовалось с образом мыслей владыки. Почему комитет и был упразднен, а владыка

представил мнение свое, что монастырь переносить не видится никакой надобности. Это окончательное мнение владыки было утверждено и Святейшим синодом. Игумения Паисия, сроднившаяся с мыслью о перенесении монастыря на Бутырки и мечтавшая об основании его там на началах общежительных, приняла это решение с глубоким негодованием.

В августе 1863 года я получил указ из Московской Духовной консистории, который сообщил мне, что учрежден новый комитет по случаю перестройки Вознесенского монастыря, и что я назначен председателем комитета. По этому случаю я явился к владыке, и когда он мне и словесно повторил то же, что находилось в консисторском указе, я просил его дозволения осмотреть монастырь и ознакомиться со всеми его обстоятельствами, и сказать ему мое мнение. По осмотре я нашел следующее: 1) Что на перестройку нужно не два года, как сказано в Указе, но всего три или четыре месяца. 2) Что нет надобности выводить из монастыря 70 сестер за неимением помещения (как гласил Указ), но что я нахожу возможность всех их оставить в монастыре, увеличив число келий, что считаю удобным, сделав вместо двух этажей три. Докладывая владыке, я сказал, что так как я нахожу возможность оставить в монастыре 70 человек, которых предполагалось вывести, то по этому случаю и должна быть передержка против сделанной сметы; а по смете, за убавлением 70 человек, назначено было 62 тысячи на расход. Так как переписка о перестройке монастыря длилась более трех лет и владыка был запуган всеми мнимыми трудностями возобновить монастырь, то, когда он выслушал меня, видно было, что он колебался, верить ли ему мне вполне или нет. Когда владыка дал мне окончательно свое благословение, то приступили к делу в первых числах сентября, а в конце декабря того же года все было окончено, все сестры опять разместились по келиям. Комитет для обревизирования отчетов по постройке закрыт, так что четвертого генваря 1864 года не осталось ничего неоконченного, ни построек, ни расчетов.

Во все время перестройки я постоянно жил в Москве, на Саввинском подворье, у преосвященного Леонида, приезжая в

монастырь только на воскресные и праздничные дни и, переночевав, я снова на следующий день, на рассвете, возвращался в Москву.

Обедал я поочередно у преосвященного и у Петра Ивановича Куманина и изредка у Вознесенской игумении Паисии. В Вознесенский монастырь я каждый день приезжал на рассвете, приходил в келию старицы казначеи, где у меня было мое рабочее платье, в котором я ходил по постройкам. Вечером я опять надевал платье, в котором приезжал, а рабочее оставлял у казначеи, и благодаря ее заботливости я находил его на следующий день высушенным и вычищенным. Успешность и быстрота работ происходили частью от того, что у меня не было задержки ни в материалах, ни в количестве рабочих, так что работали иногда по две и по три артели, частью и от того, что, несмотря на столкновение со старицами, весьма неохотно выбиравшимися из своих келий, я прибегал к понудительным мерам. Именно, не раз случалось мне для ускорения дела, видя сопротивление монахини, заставлять вынимать у них рамы из окон и снимать двери, и волей-неволей приходилось старицам перебираться в иное место.

Архитектором при постройке был А. С. Каминский, а товарищем моим по комитету священник – В. С. Антушев.

По смете значилось, что, за выводом из монастыря 70-ти человек, вся перестройка будет стоить до 62 тысяч, сверх сметы сделано вновь 18 каменных погребов и кладовых, и помещений на 70 человек, назначенных, к выводу, и на все это издержано около 40 тысяч рублей. Времени на перестройку предполагалось до двух лет, а все было окончено в течение четырех осенних месяцев.

Глава XV. П.И. Куманин; его болезнь, кончина, погребение, пожертвования

Я упоминал уже о Петре Ивановиче Куманине, рассказывая о похоронах Александрова и о построении скитской церкви; теперь расскажу о нем подробнее; ибо и ему, как и Александрову, хотя не в такой мере, обитель наша обязана многим.

На третий день после смерти Павла Матвеевича, марта 15, в воскресенье, после панихиды, за которую клали во гроб тело, Петр Иванович Куманин, видя мою глубокую скорбь, отнесся ко мне с искренним участием: он увез меня к себе, и с этого дня между нами установились искренне дружественые отношения. Он говорил мне: «Не скорбите, батюшка, что Вы потеряли в Павле Матвеевиче, я постараюсь то восполнить». И на самом деле он оправдал это; и с этого времени, бывая в Москве, я непременно бывал у него и, согласно его желанию, преимущественно обедал у него, и я не ждал приглашения, но когда располагал быть, то накануне о том только извещал его, и я был уверен, что буду принят с удовольствием.

Он был уроженец Переяславля Залесского, жил в мальчиках у Константина Алексеевича Куманина. Потом был приказчиком, в продолжение многих лет ездил в Кяхту; телосложения был очень здорового, был красив и очень умен, был весьма воздержен и театров, и собраний не любил. По времени был коммисионером чайных торговцев и, наконец, сделался сам одним из самых значительных чайных торговцев и имел дело прямо с Китаем.

Жена его, Анна Ивановна, умерла весьма задолго до него. У него был единственный сын, женатый на Усачовой; детей у них не было; это супружество не принесло никому радости, ни той, ни другой стороне; они жили вместе недолго. Петр Иванович, видя неодобрительный характер сына, должен был, для спокойствия своего, удалить его от своего семейства; по прошению отца Правительство удалило его сперва в Одессу, потом в Киев и в Вологду, где жил до кончины Петра Ивановича.

В 1865 году Петру Ивановичу Куманину делали операцию (разбивали камень). После первой и второй операции он чувствовал себя довольно хорошо и мог еще ходить, но после третьей уже не вставал и не ходил, и это продолжалось до 26-го мая, дня его кончины. Года за два до своей кончины Петр Иванович Куманин жил в Сокольниках, на даче. Я однажды приехал к нему и застал его читающим бумагу, которую при моем входе он положил, и когда я стал извиняться, что ему помешал, он сказал мне: «Ничего, батюшка, это я переписываю духовную в третий раз, а первая у меня была еще в 1835 году, обстоятельства с тех пор переменились, нужно было переменить и духовную».

Немного помолчавши, он прибавил: «Я надеюсь, что у меня будут остаточки; для Вашего монастыря что-нибудь сделаю, мы с Вами посоветуемся».

После этого разговора прошло около двух лет, в продолжение которых не повторял он мне о своих намерениях, и видя, что он молчит, ничего не говорил и я, пока не представилось удобного случая. После третьей его операции, однажды, как я посетил его, а он был уже слаб и не вставал с постели, он меня спросил:

– А где вы, батюшка, похороните меня?

– Под алтарем Скитской церкви, – отвечал я ему.

– Ну, хорошо, батюшка, мне больше ничего не нужно, хотел только знать, где буду лежать.

При этом случае мне пришло на мысль напомнить ему о тех «остаточках», о которых он сам говорил мне однажды по поводу духовного завещания.

– Да, – сказал он, – я это помню: ну что же нужно для Вашего монастыря сделать?

– Вы, Петр Иванович, обещали на ограду 10 тысяч рублей

– Ну хорошо, а еще?

– На отделку заднего корпуса 8 тысяч рублей.

– Это значит 18 тысяч; еще что?

– На богадельню 2 тысячи рублей.

– Это выходит 20 тысяч рублей; еще что?

– На перестройку настоятельского корпуса 15 тысяч рублей

– Это 35 тысяч; ну, еще что?

– Выстроить новую гостиницу 13 тысяч рублей.

– Это уж 48; ну еще что?

– Колокол в 700 пудов 12 тысяч рублей.

– Выходит 60 тысяч рублей; еще?

– Дорогу устроить от монастыря до Кузьминского леса 6 тысяч рублей и ограду покрыть – одна тысяча рублей.

Дошедши до 67 тысяч рублей, он остановился и сказал: «Да, что тут, батюшка, считать, напишите, что Вам нужно; я надеюсь, что у меня на все станет. Я пришлю к Вам Матвея Ивановича с Александром Ивановичем, и Вы эту записку отдайте им!»

Все упомянутое мной Петру Ивановичу я переписал на записку, и когда Соколов и Сапожников приехали в монастырь, я им передал.

Через несколько времени, чтобы в назначенный день быть у Петра Ивановича Куманина, я приехал в Москву, и не успел я отправиться к Петру Ивановичу, как Александр Иванович Сапожников, один из душеприказчиков, зашел ко мне на подворье и сказал мне: «Мы записку Вашу прочитали Петру Ивановичу и разделили ее на три части: первую исполнить – сделать ограду, задний корпус отделать, на богадельню и покрыть ограду – всего 21 тысяча; а прочее все признали для монастыря ненужным и для души Петра Ивановича бесполезным. Я сказал ему: «Для чего это Вы так сделали, разделили на части, и умирающего человека от доброго дела отводите?» Потирая руками, он ответил мне с самодовольством: «Ну уж так сделали».

Когда я пришел к Петру Ивановичу, он спросил меня слабым голосом: «Что Вы, батюшка, слышали?» – «Да, Петр Иванович, слышал и очень сожалею». Он сделал знак рукой и сказал: «Это, батюшка, дело уже кончено». После краткого молчания он мне сказал: «Я им, батюшка, поручил на словах кое-что сделать для Вашего монастыря, и я надеюсь, что они выполнят мою волю».

Так говоря, Петр Иванович подразумевал душеприказчиков Соколова и Сапожникова, и когда немного спустя они вошли в

комнату, он повторил им те же слова, который говорил мне. На что они отвечали: «Помилуйте, Петр Иванович, как это только можно подумать, чтобы не сделать!» Петр Иванович заключил словами: «Я надеюсь на них, батюшка, как сам на себя».

Но что именно Петр Иванович поручил исполнить после себя, осталось для нас неизвестным, знали только одни душеприказчики, но они никогда о том сами и не упоминали. Когда же, по прошествии 4-х лет, я напомнил им об этом обстоятельстве, они пришли в сильное раздражение, и все-таки дело осталось для нас необъясненным: тайну об этих поручениях Петр Иванович унес с собой в могилу.

После один из душеприказчиков, Александр Иванович Сапожников, сказал Петру Ивановичу: «Вы хотели батюшке что-то сказать». «Я, батюшка, хочу Вам сделать гостинчик, – сказал Петр Иванович, – подарить Вам 2 тысячи рублей».

Я поблагодарил его и сказал ему:

– Я денег не возьму, никогда не собирал, и не для чего мне собирать.

– Вы этим можете Петра Ивановича оскорбить, – сказали душеприказчики в один голос. – Ежели не хотите взять для себя, то можете распорядиться ими.

Я на это согласился и сказал: «А ежели так, то если милость будет, отдайте их лучше в Горицкий монастырь, о котором я Вас просил».

– Я уже для Горицкого монастыря 5 тысяч рублей написал, – заметил Петр Иванович.

– В таком случае попрошу Вас, чтобы и эти две тысячи рублей причислить к ним, и так как в том монастыре моя родная сестра, то пусть она пользуется пожизненно процентами с этих двух тысяч рублей.

Так и было сделано.

В продолжение болезни Петр Иванович несколько раз приобщался Святых Таин, но накануне своей кончины, мая 25, он пожелал еще раз приобщиться и особороваться, и прочитали ему отходную. Он весьма ослабел, говорить более не мог, по желанию вслух читали возле него Евангелие, что продолжалось

до самой его кончины. К утру он тихо скончался на 72 году от рождения.

Он жил на Знаменке, в доме князя Сергея Ивановича Гагарина, и потому его отпевали у Знамения Пресвятой Богородицы, что на Знаменке, мая 29-го. И в тот же день, к 8 часам вечера, тело повезли в Угрешский монастырь. Встреча была торжественная в Святых воротах, я с монастырскими старцами и белым духовенством служили литию; тело поставили в Николаевском соборе, совершено заупокойное всенощное бдение; на следующий день, 30-го мая, после соборно совершенной литургии и панихиды (с Чудовским хором певчих), тело усопшего благотворителя торжественно проводили в скит, где в склепе, под алтарем, и предали земле. День был ненастный.

В день его кончины душеприказчики по телеграфу известили его сына, жившего тогда в Вологде, и последовал ответ, что он по болезни быть не может. Когда после похорон душеприказчики возвратились в Москву, нашли его уже приехавшим. Ясно, что он не поспешил на похороны совсем не по нездоровью, а по нежеланию. Он был вообще к отцу не в хороших отношениях, и даже, скажем, оказывался весьма неуважительным.

Проживши в Москве немалое время, он не заблагорассудил съездить на Угрешу, на могилу отца.

Когда родные советовали ему ехать в монастырь, он отвечал им: «Зачем поеду? Отец не желал меня видеть при жизни, так что же мне смотреть на мертвого?»

Мне однажды случилось видеть Петра Петровича Куманина в Московском Опекунском Совете. Думаю, что это было в 1850 или 1851 году. Он был очень небольшого роста, худенький но приятной наружности, одет весьма щеголевато: на нем было, так называемое, пальто пальмерстон с бархатным подбоем. Но в особенности я обратил внимание на этого щеголька, видя множество брильянтовых колец, нанизанных у него на пальцах. Он ходил взад и вперед, дожидаясь чего-то от экспедитора, подпрыгивал и помахивал тросточкой. Я и другие, сидевшие со мной казначеи, единогласно решили, что это должен быть какой-нибудь парикмахер или сиделец с Кузнецкого моста, и

что, вероятно, для пущей важности у него на пальцах нанизаны стразы, но предположения наши оказались далеко неосновательны; ибо не прошло десяти минут, как к нему с подобострастием подошел экспедитор и пригласил его получить некоторые из приготовленых билетов. Все билеты были двадцатитысячного достоинства, а таковых было несколько, и то еще, как видно, не все. Глядя на пачку таких билетов, приходилось поверить, что не стразы блистали на его пальцах. Когда этот франтик ушел, я стал спрашивать, кто это, и узнал, что это Петр Петрович Куманин.

По духовному завещанию отца он немедленно получил 100 тысяч рублей и отправился в Петербург, а по прошествии нескольких дней через Москву проскакала за ним из Вологды какая-то барыня, а как по фамилии, не упомню. Потом они отправились во Францию, где он после того и умер и, вероятно, что эта сопутница воспользовалась всеми его деньгами. Так окончилась его неудавшаяся жизнь. Он был дурной сын почтенного отца, дурной муж весьма хорошей и уважаемой жены, и не умел воспользоваться двумя огромными капиталами, которыми владели отец его и жена, тогда как он мог бы и на этом свете пожить приятно для себя и с пользой для ближнего, и после смерти своей оставить по себе память, перед которой бы все благоговели, памятуя его благодеяния: но он жил и умер, не принесши пользы ни себе, ни добрым людям.

По открытии духовного завещания Петра Ивановича Куманина оказалось, что в пользу Угрешского монастыря им отказано, именно:

1) На разные постройки	21 000 рублей
2) На обеспечение скита	40 000
3) На обеспечение богадельни	40 000
4) На разные предметы	7 000
	108 000 рублей

В течение 1865 года отделан душеприказчиками склеп под Скитским храмом, где погребен Петр Иванович Куманин, церковь обшита тесом, поставлен памятник работы Кампиони. В это же лето отделали и склеп, где погребено тело Павла Матвеевича Александрова.

Глава XVI. Пятидесятилетнее празднование святительства владыки 5 августа 1867 года; внезапная кончина его и погребение

Августа 5-го, 1867 года должно было исполниться пятидесятилетие святительского служения митрополита Московского Филарета. Всеобщее уважение, которым он пользовался, любовь, которую он стяжал, внушили мысль торжественно праздновать день его пятидесятилетнего юбилея.

Когда дошло до его сведения о приготовлениях, которые делались к этому дню, он сильно смутился и намеревался, было, вовсе уклониться от празднования, но, узнавши, что и Государь Император на то соизволил, он подчинился всеобщему желанию. До того времени владыка пребывал в Гефсиманском скиту, а ко дню юбилея он прибыл в Лавру.

Я приехал туда накануне, августа 4-го, поутру, и по распоряжению монастырского начальства Лавры мне отвели для помещения келью гробового иеромонаха Иоасафа. Всенощное бдение совершалось в Троицком соборе, служил Лужицкий архимандрит Виктор.

На следующий день, августа 5-го, были два архиерейских служения. Владыка сам в этот день нигде не служил: он слушал литургию в 8 часов в своей крестовой церкви и приобщался Святых Таин.

В 9 часов ударили в самый большой колокол, называемый Царь-колокол (весом в 4 000 пудов), и первый пришел архиепископ Ярославский Нил (ныне покойный) со звоном. Сопровождаемый всеми служащими, он сперва прошел в Троицкий собор, дабы приложиться к мощам Угодника, а потом тем же порядком со звоном отправился в Успенский собор, где ему была встреча, и тут он

совершал литургию. В числе служивших с ним находился и я. Между тем благовест все продолжался.

Немного спустя, тем же порядком, при таковом же звоне Тверской архиепископ Филофей (ныне митрополит Киевский) пошел в Троицкий собор, где ему также была встреча, и он там служил.

Когда окончилась обедня, в Успенском соборе молебна не было, а все преосвященные и мы все собрались в Троицкий собор, где по окончании литургии совершено было благодарственное молебствие о здравии и спасении торжествуемого иерарха. Кроме означенных двух архиепископов, прибыли еще: Владимирский архиепископ Антоний, Нижегородский епископ Нектарий (после архиепископ Харьковский, уже скончавшийся), Калужский епископ (ныне архиепископ) Григорий, Тульский епископ (ныне архиепископ) Никандр, Симферопольский епископ, (ныне Туркестанский) Софония, Полоцкий (ныне Харьковский) епископ Савва и преосвященный Леонид, епископ (ныне архиепископ Ярославский) Дмитровский, викарий Московский. Преосвященный Игнатий, епископ Можайский, не присутствовал, так как он оставался в Москве для служения в день торжества.

Всех присутствовавших архимандритов упомнить не могу, потому что их было более 30, но вот некоторые из них: 1) наместник Невской Лавры, 2) наместник Киевской Лавры, 3) наместник Почаевской Лавры, 4) архимандрит Феоктист, эконом архиерейского Софийского дома в Новгороде, 5) ректор Вологодский, 6) Ярославский и многие другие, а всех депутатов от духовенства было столько, что я их и считать не мог, и теснота и давка были ужасные. Из Троицкого собора мы все отправились в митрополичьи палаты, на колокольне продолжался звон; владыка находился в большой зале, у правой стены. Он был в светло-лиловой ряске, во всех своих орденах и с алмазным крестом на клобуке. Он стоял, опершись рукой на большой стол, покрытый зеленым сукном, находившийся перед ним. По левую руку от него: отец наместник Антоний и лаврский ризничий. На лице владыки, обыкновенно столь величественно спокойном, выражалось его внутреннее волнение и как будто изумление, что он видит перед

собой такое неимоверное стечение людей, собравшихся приветствовать его, что исполнилось 50 лет его святительского служения. Прежде всех, приблизившись к владыке, стал напротив него у стола господин обер-прокурор Святейшего Синода, граф Дмитрий Андреевич Толстой, и звучным, и громким голосом, ясно и внятно прочитал Высочайший рескрипт, в котором, между прочим, было упомянуто о Всемилостивейшем предоставлении ему права употреблять при служении предносной крест и крест наверху митры. После того господин обер-прокурор передал ему Царские дары: драгоценную панагию, с правом совокупного ношения оной не взамен архиерейской, и три настольных императорских портрета, соединенных вместе и осыпанных крупными бриллиантами. Они овальной формы, длинной вершка в полтора каждый, в середине изображение Государя Императора Александра Николаевича, а по сторонам – покойных государей Александра и Николая Павловичей. Это тройное изображение было ему прислано в воспоминание того, что он святительствовал при трех государях.

Выслушав Высочайший рескрипт и положив на стол принятые им Царские дары, он отвечал довольно краткой устною речью и вслед затем господин обер-прокурор стал читать грамоту Святейшего Синода. Владыка опять в кратких словах благодарил и передал преосвященному Леониду свою письменную речь для прочтения.

Вслед затем стали подходить преосвященные: каждый подносил икону и приветствовал, и владыка всех благодарил и всем кратко отвечал. За нами следовали депутаты Академий – Московской, Киевской, Санкт-Петербургской и Казанской, подносили иконы и читали адреса. Преосвященный Леонид читал адрес московского духовенства и вместе представил депутата от московских общежительных монастырей, потом следовали все прочие депутаты, и от духовных и светских учебных мест и разных заведений. Каждую подносимую икону владыка принимал сам и, приложившись к оной, передавал потом отцу наместнику, а адреса и письменные поздравления клал на стол.

По окончании приема у владыки, он сам и все прочие пошли в большую Лаврскую трапезу и сели за стол. Во время трапезы чтения не было, а Лаврская братия пели концерты, на колокольне трезвон не умолкал. По выходе из трапезы все участники юбилея последовали за владыкой в его покои, где было угощение кофеем. Перед уходом, когда с владыкой стали все прощаться, он благословлял преосвященных и весьма немногих светских высших сановников иконами.

На следующий день праздника Преображения в Троицком соборе служил Владимирский архиепископ Антоний, в Успенском – преосвященный Нектарий Нижегородский, а в Вифании – преосвященный Филофей. В заключение об юбилее не могу не сказать с сожалением, что полноте торжества много по-препятствовали непростительная непредусмотрительность распорядителей и невнимательность наблюдавших за порядком, и потому на приглашенных гостей и депутатов было произведено неприятное впечатление. Палаты владыки были наполнены посторонними зрителями, мешавшими участникам торжества, а в трапезе, при входе, приглашенные нашли множество народа, самопроизвольно усевшегося за стол, так это тут только лаврское начальство, увидав свою ошибку, стало распоряжаться, и пришлось кого просить, а многих и силой выводить из-за столов, но за всем тем многие из депутатов не нашли себе места и остались без обеда.

Владыка оставался в Лавре до половины октября. В течение этого времени видел сон: его отец явился ему и сказал: «Блюди 19 число!» Первое после этого 19 число он приобщался Святых Таин и, когда наместник Троицкий спросил его: «Что это, владыка святый, вздумали Вы сегодня приобщаться в простой день? – он отвечал ему: я видел сон, что 19 число надобно блюсти». Наместник сказал: «Да с каких же пор это стали Вы, Высокопреосвященнейший, снам верить?!» Владыка отвечал: «Ведь отец являлся мне и велел блюсти 19 число».

Ноября 13-го я был у владыки по двум делам: 1) чтобы просить разрешения на построение часовни на новом братском кладбище, на что и получил благословение, и 2) чтобы представить владыке на утверждение программу нашего

училища. Просмотрев ее, он сказал: «Слишком обширна», – но, возвратив мне бумагу, прибавил: «Посоветуйся об этом с преосвященным Леонидом!» Вслед затем он сказал: «К чему много учить крестьянских детей? Для них достаточно было бы знать грамоту и уметь писать. У нас может быть то же, что и во Франции: там весь народ сделался ученым, и никто не хочет нести черных трудов, все желают быть приказчиками или мастеровыми, но не земледельцами».

Думал ли я в этот день, оставив владыку, что уже более не суждено мне видеть его живым!

Печальная весть об его кончине достигла нашего монастыря 19-го числа, к вечеру; но так как незадолго перед тем были уже подобные слухи, то я и не обратил внимания на этот говор. Я тем менее верил этому потому, что казначей наш, отец Нил, был в это время в Москве; я и думал, что если бы это было справедливо, то, конечно, он бы поспешил меня или уведомить, или возвратился бы сам. Так я и оставался в неведении до малой вечерни 20 числа под праздник Введения. За малой вечерней я начал читать акафист Божией Матери, во время акафиста принесли в монастырь газету с известием о кончине владыки; но я продолжал читать, не зная этого, и догадался только уже как увидел, что приготовляют черный панихидный столец. По окончании акафиста мне показали газету, и я распорядился, чтобы тотчас служить панихиду. На следующий день, по окончании праздничной службы, я отправился в Москву, где и пробыл до 30-го числа. 21-го числа, вторник, я застал тело владыки еще на Троицком подворье, но уже положенное во гроб, который был кипарисный, внутри не был обит ничем, подушка была белая атласная. Еще задолго до своей смерти владыка приказал для себя сделать простой гроб, но наместник сделал кипарисный, облачение белое, глазетовое, и белая митра, Евангелие и крест серебряные золоченые, сверху была накинута мантия, гроб был осенен трикириями и рипидами, тело стояло в церкви против царских врат, которые во все время до выноса тела были открыты. Стечение народа и днем и ночью было неисчислимо и непрерывно; потому была теснота и давка и на Троицком подворье жара в церкви и в

сенях было более 30°, но тело от жара только желтело, но не разлагалось, а как будто сохло.

22-го, среда. Литургия на Троицком подворье началась в 8 часов утра, совершал митрополит Киевский Арсений, Владимирский архиепископ Антоний и Тульский преосвященный Никандр; из архимандритов были Даниловский отец Иаков и я, и два иеромонаха. За литургией следовала панихида. При этом, замечу, что от жара и духоты в церкви до того все вспотели, что носильное платье, подризники и даже оплечья на ризах были мокры, несмотря на то, что на дворе было несколько градусов холода; по окончании всей службы тело понесли и никто не переодевался, потому что, когда владыке Киевскому предложили переменить одежды, он отказался, сказав: «Надеюсь, что за архипастырские молитвы Господь нас сохранит». И действительно, все мокрые вышли на холод, шли до Чудова монастыря более четырех часов, платье на всех просохло и, слава Богу, никто не простудился.

В 11 часов тело вынесли на крыльцо, ударили на ближайшей колокольне у Троицы в Троицком и мгновенно по всей Москве разлился заупокойный перезвон, который продолжался, пока тело не внесли в церковь Чудова монастыря. Во время шествия, которое следовало с Троицкого подворья по Самотеке, Садовой улице к Старым Тверским воротам и по Тверской, у всех церквей телу была встреча и лития.

Прежде всех шли: 1) причетники в стихарях попарно, за ними 2) диаконы, 3) священники и протоиереи, 4) хор Чудовских певчих, 5) архимандриты, 6) хор Синодальных певчих, 7) владыки с посохами, 8) несли фонарь, хоругви, запрестольный крест и икону и предносной крест владыки, лампаду и ордена, 9) предгробную икону – изображение Московских Святителей, 10) гроб несли 8 архимандритов до Самотеки. Сверх святительской мантии был парчовый покров. На Самотеке архимандритов сменили протоиереи и священники и (меняясь) несли до Иверской часовни. Здесь архимандриты приняли гроб, внесли его в часовню и поставили перед чудотворной иконой Иверской Божией Матери, и хор певчих пропел: «Высшую

Небес». По окончаний этой песни, архимандриты опять понесли гроб до Чудова монастыря. Во всю дорогу от Троицкого подворья и до Спасских ворот певчие пели: «Помощник и Покровитель», а когда вошли в Спасские ворота запели: «Свете Тихий», и в это самое время, так как день был ясный и небо чистое и безоблачное, видно было, как погасали последние лучи светила небесного, в последний раз озарявшего это, также яркое, светило, более полвека сиявшее в Православной Церкви и также склонившееся к своему западу.

По внесении тела в Чудов монастырь, в храм святителя Алексия, оно было поставлено в трапезе, на уготованном катафалке. Во все время, со дня кончины и до погребения, московское белое духовенство над телом читало Евангелие. В 7 часов пополудни заупокойное всенощное бдение ежедневно совершалось над телом, а накануне отпевания было всенощное бдение по всей Москве с заупокойным перезвоном. Вся дорога от Троицкого подворья до Чудова монастыря была усыпана можжевельником; но где тело было пронесено, то сзади шедшие подбирали из усердия можжевеловые ветви и ничего не оставляли.

Был учрежден погребальный Комитет под председательством митрополита Киевского Арсения; участвовали в оном еще: преосвященный Леонид, наместник Лаврский Антоний, наместник Чудовский Вениамин, благочинный архимандрит отец Иаков. Для погребения разрешено 0ыло из Перервинских сумм израсходовать 10 тысяч рублей серебром.

23-го, четверток. Служение было архиерейское: в этот день прибыл из Санкт-Петербурга на погребение владыки Его Императорское Высочество, великий князь Владимир Александрович, вследствие чего в 5 часов пополудни, по поручению преосвященного Леонида, я ездил в большой Кремлевский дворец с малого подъезда и передал письмо графу Перовскому, сопутствовавшему великому князю. Ответ был словесный, что великому князю угодно быть в Чудове монастыре за панихидой в 8 часов вечера и что после того там же Московское духовенство может ему представиться. К

назначенному времени в Чудове монастыре собралось духовенство, и Киевский митрополит, и все было в готовности, а в 8 часов, по прибытии великого князя, началась панихида, по окончании же оной владыка Киевский поднес великому князю икону с изображением святителя Алексия и от лица всего духовенства благодарил великого князя, что он в скорби посетил столицу и принял участие в ее утрате; после того представлено было ему все белое духовенство.

24-го, пятница. Служил преосвященный Владимирский архиепископ Антоний и два архимандрита, из коих один был я. В 6 часу вечера я ездил по поручению преосвященного Леонида с пригласительными билетами на погребение к Т. С, обер-прокурору Святейшего Синода, графу Д. А. Толстому, к князю Николаю Ивановичу Трубецкому и С. П. Шилову, а наместник Саввинского монастыря, отец Галактион, развозил приглашения преосвященным. Содержание приглашений было следующее: «Преосвященные викарии и все московское духовенство покорнейше просят Вас пожаловать завтра, 25 числа, на отпевание тела в Чудов монастырь, в 10 часов, и по русскому обычаю хлеба-соли откушать, помянуть новопреставленного митрополита Филарета, в Мироваренную Палату».

25-го, суббота. В 10-м часу в Чудове монастыре собралось все духовенство. Литургию совершали: 1) Киевский митрополит Арсений, 2) Ярославский архиепископ Нил, 3) Владимирский архиепископ Антоний, 4) Калужский епископ Григорий, 5) Тульский епископ Никандр и 6) епископ Можайский Игнатий. Кроме того, 4 архимандрита: наместник Лаврский отец Антоний, Чудовский Вениамин, архимандрит Лужицкий Виктор, я и два иеромонаха. Проповедь говорил во время причастного стиха протоиерей от Черниговских в Москве чудотворцев И. Н. Рождественский (и в это время гроб перенесли на другой катафалк, приготовленный в Алексеевской церкви, где и оставалось до выноса).

Во время литургии и отпевания присутствовал великий князь и все высшие сановники Москвы. В отпевании участвовали: преосвященный Евгений, в то время пребывавший на покое в Донском монастыре, современник и соученик

владыки, и преосвященный Леонид, а архимандритов было более тридцати.

По окончании отпевания тело владыки маслом не поливали, землей не посыпали и не закрывали крышей, потому что оставили народ прощаться с ним, и это продолжалось до литургии следующего дня. По окончании всей службы все приглашенные отправились в Мироваренную Палату к обеденному столу. На литии (перед обедом) присутствовал и великий князь, вкусил от поднесеного ему колива, но трапезовать не остался. В этот день, в обычный час, всенощная была воскресная.

26-го, воскресенье. В Москве литургии были порану, а в 8 часов все духовенство собралось в Чудов монастырь и началась литургия, которую совершал Киевский митрополит Арсений, Ярославский архиепископ Нил, Владимирский архиепископ Антоний, Калужский епископ Григорий, Тульский епископ Никандр и Преосвященный Леонид, Лаврский наместник Антоний, ректор Духовной Академии протоиерей Горский, Чудовский наместник Вениамин, я и два иеромонаха. Проповедь говорил ректор Вифанский, архимандрит Сергий. В панихиде, кроме означенных, участвовали архимандриты, бывшие при отпевании, при литургии и на панихиде присутствовал великий князь.

По окончании панихиды с гроба сняли мантию и покров, и тело покрыли белой кисеей. Митрополит Киевский прочитал молитву, возлил елей, посыпал землей, последний раз осенил свечами и погасил их над гробом, который и закрыли крышей.

Когда все было готово к шествию, архимандриты приняли гроб, все старшее духовенство направилось к выходу из церкви, великий князь и прочие стояли на своих местах, вправо от гроба.

Когда гроб подняли и нужно было повернуться с ним, не знаю отчего, по тесноте ли церкви или по чему другому, случилось замешательство, которое умел весьма удачно скрыть Лаврский наместник отец Антоний. Он первый запел: «Помощник и Покровитель», за ним подхватили другие, и замешательство стало не столь заметным.

Никто не разоблачился, но все владыки пошли с посохами, гроб понесли архимандриты, вышли из Кремля в Никольские ворота, у Казанского собора гроб понесли протоиереи, шествие совершилось тем же порядком, как и в день перенесения тела, и по всей Москве во все время шествия был красный звон. За гробом верхом следовал великий князь Владимир Александрович, московский генерал-губернатор князь Долгорукий и свита. Против церквей и монастырей были встреча и лития. Шествие было по Никольской улице в Старо–Никольские ворота, по Лубянской площади, по Мясницкой, мимо Красных ворот до вокзала Троицкой железной дороги. Здесь великий князь сошел с лошади, простился с покойным и, приняв у владык благословение, ожидал, чтобы тронулся поезд, и тогда возвратился в Кремль.

Гроб был поставлен на катафалк, приготовленный на открытой платформе, на четырех углах развивались 4 хоругви. Перед гробом на аналое читалось Евангелие, первым начал читать преосвященный Леонид.

Для всех сопровождавших тело владык, архимандритов, духовенства и прочих были приготовлены вагоны, обитые черным, в которых все и разместились, не разоблачаясь.

Все вагоны были приготовлены и обиты черным от общества Ярославско-Троицкой железной дороги. На всех церквах, которые были в виду, был трезвон. На пути первая остановка была на Пушкинской станции, куда собралось духовенство из многих сельских церквей с иконами и хоругвями, и здесь была лития. Вторая встреча была на Хотьковской станции, куда вышло из монастыря духовенство с хоругвями и крестами и игумения с сестрами, а по окончании литии пели ирмосы: «Помощник и Покровитель» и в это время монашествующие и прочие подходили и прощались. Когда поезд достиг Лавры, совершенно уже стемнело. От железной дороги до Святых ворот гроб несла Лаврская братия. Когда с прочим старшим духовенством я взошел в гору и приостановились мы против часовни, поджидая, чтобы несшие гроб приблизились, я взглянул под гору – и невольно был поражен необыкновенным чудным зрелищем, которое

представилось мне: весь путь от железной дороги был освещен особенными, почти сплошными фонарями и большими ручными свечами, ярко блиставшими среди ночной темноты и при совершенной тишине в воздухе все пространство до Святых ворот было занято бесчисленным множеством народа с горевшими свечами в руках; и среди всего этого потока народного, озаренного тысячами огней, виднелся несенный гроб, покрытый серебряным блестящим покровом, сопровождаемый множеством огней, осененный хоругвями, предшествуемый духовенством с кадилами и свечами. Гудели Лаврские и посадские колокола, от которых дрожала земля, слышались тысячи голосов, сливающиеся в один непонятный и неясный гул, походивший на шум ревущей волны, и все это покрывалось трогательным пением трех хоров певчих, неумолкаемо певших: «Помощник и Покровитель». И действительно, зрелище было торжественное, производившее на всех одинаковое впечатление, и при этом Киевский владыка выразился так: «Видимое нами не походит нисколько на погребение: это что-то совершенно особенное. Много на своем веку видал я погребений, но ничего подобного я еще не видывал». У Святых ворот была встреча и лития, и гроб понесли в Троицкий собор на приготовленное место, затем следовала краткая лития, после которой бакалавр Академии, архимандрит Иоанн, сказал речь, и потом владыка Киевский со всеми прочими сослужившими с ним вошел царскими вратами в алтарь, и владыка прочитал молитву «Ныне отпущаеши раба Твоего...» и сделал отпуст литургии, совершенной в Москве. Едва ли это не единственный случай в жизни человека, что столько иерархов служили литургию в Москве, совершили 70 верст, и сделан был отпуст в Свято-Троицкой Лавре. Разоблачившись, все разошлись: владыки по своим келиям, прочие прошли в трапезу, где им предложены были похлебка и каша. В 7 часов было заупокойное всенощное бдение с архиерейским служением.

27-го, понедельник. Это был 9 день со смерти владыки, и потому погребение было отложено до следующего дня; литургия была в 9 часов, совершал ее Киевский митрополит

Арсений и все прочие владыки, прибывшие в Лавру и 4 из архимандритов, в том числе и я, и 2 иеромонаха. Облачение на всех было голубое. За литургией следовала панихида, на которую вышла вся Лаврская братия, а после того прошли в братскую трапезу, где был соборный стол, к которому был приглашен и московский генерал-губернатор, князь Долгорукий, прибывший в этот день к обедне, Андрей Николаевич Муравьев и прочие. В 7 часов вечера всенощное заупокойное бдение служил митрополит Киевский с двумя преосвященными и с прочим духовенством. Преосвященный Леонид*[41] пожелал провести последнюю эту ночь у гроба владыки, и потому, по окончании всенощного бдения, оставшись в церкви, неисходно пребывал при гробе до ранней литургии, то сам читая Евангелие, то слушая, как читали его другие, сидя на ступенях катафалка.

28-го, вторник. В этот день во всех Лаврских церквях было соборное служение по особому расписанию, а архиерейское только в одном Троицком соборе. Мне было назначено с двумя священниками, родственниками владыки, служить обедню у преподобного Никона, в 5 часов утра, а при гробе – соборную панихиду. По окончании мной панихиды служили ее старцы Московского Единоверческого Николаевского монастыря. Поздняя литургия началась в 9 часов в Троицком соборе; совершал ее Киевский митрополит*[42] и все прочие владыки, 4 архимандрита и 2 иеромонаха; облачение на всех было белое. Во время причастного стиха проповедь говорил Университетский протоиерей Сергиевский. После литургии была панихида, на которую вышло более 100 человек служащих, и все были в белом облачении, и во все время служения панихиды ударяли редко в Царь-колокол. Перед самым выносом тела инспектор Московской Духовной Академии, архимандрит Михаил, встал на ступеньки катафалка и произнес прекрасную речь «О монашестве», обращенную к покойному владыке.

После того Лаврская братия подняла гроб и, обошедши с оным около Троицкого собора, принесла в строившийся придел во имя праведного Филарета (что при храме во имя Сошествия

Святого Духа). Во все время несения тела и погребения был красный звон на Лаврской колокольне и во всем Посаде. Могила приготовлена сзади правого клироса, в стене, выложенная кирпичом и, кроме того, в склепе был поставлен большой дубовый гроб, в который и опустили гроб владыки и, закрыв дубовой крышкой, свершили свод. Сделав над могилой последний поклон, все подходили к столику, на котором и находился древний серебряный вызолоченный стоянец с коливом из пшеницы, растворенной сытой и смешанной со сластями, вкушали, поминая новопреставленного и, разоблачившись, пришли в митрополичьи покои. Здесь была приготовлена поминовенная трапеза человек на 40 для владык, монастырских властей и почетного белого духовенства, и по выходе из трапезы все стали собираться в обратный путь в Москву.

На 30 число князь Владимир Андреевич Долгорукий пригласил к себе в генерал-губернаторский дом всех владык и некоторых из нас, архимандритов, в том числе и меня, к поминовенному столу, который он делал в память покойного владыки и с этого дня стали мы с князем знакомы. А поводом к нашему с ним знакомству было наружное сходство, которое он нашел между мной и покойным владыкой. Так как во все время до выноса тела владыки я неупустительно бывал на всех панихидах, также как и князь Долгорукий, то, заметив меня, он и спросил одного протоиерея: «Кто этот архимандрит, который по наружности так напоминает владыку?»

Этим днем закончились все печальные торжества, продолжавшиеся с самого дня смерти владыки.

Глава XVII. Приезд нового владыки, посещение им Угреши; первая моя поездка в Санкт-Петербург; назначение меня в должность благочинного; прежнее распределение монастырей, новое; численность монашествующих; вторичный приезд владыки; вторичная моя поездка в Петербург

Со дня кончины владыки до дня назначения нового митрополита временное управление Московской митрополией Высочайше поручено было преосвященному Леониду, епископу Дмитровскому, викарию Московскому. Дела епархиальные, приостановленные на некоторое время, потекли снова прежним порядком, потому что преосвященный Леонид был вполне проникнут духом и образом мыслей в Бозе почившего святителя.

В конце декабря того же года преосвященный утвердил программу нашего вновь открытого училища и в начале января 1868 года разрешил построить в Угрешском монастыре архиерейский дом для приема владык, во время их посещения, с домовой крестовой церковью во имя Преподобного Сергия.

1868, мая 25, как только сделалось известно, что на Московскую митрополию назначен 5 января Высокопреосвященнейший Иннокентий, архиепископ Амурский и Камчатский, по распоряжению преосвященного Леонида предписано было во всей епархии на службах возносить молитвы о благополучном прибытии нового архипастыря нашего. До Казани владыка ехал в черном клобуке, а по прибытии в этот город он получил Высочайший рескрипт и возложил на себя присланный ему белый клобук и отсюда продолжал свое путешествие митрополитом Московским. В Москву прибыл он по Нижегородской дороге мая 25. Его

встретили преосвященные викарии Московские, настоятели обителей и почетное духовенство. Преосвященный Леонид поднес ему икону и говорил приветственное слово. С железной дороги владыка проехал прямо к Иверской, а все встречавшее его духовенство между тем отправилось на Троицкое подворье и, когда он прибыл на подворье, преосвященный Леонид представлял ему настоятелей монастырей, которые ему подносили иконы, и прочее Московское духовенство. В день, назначенный для первого служения, владыка прибыл в Казанский собор, где облачился, и сопровождаемый крестным ходом, шествовал в Успенский собор, в котором была ему торжественная встреча, совершил литургию и после того произнес речь к Московской пастве.

При первом своем посещении нашей обители владыка Московский, митрополит Иннокентий, прибыл из Перервинского монастыря 17 июля в 5 часов пополудни; у Святых ворот ему была торжественная встреча: я и братия все стояли под сводами башни, в которой Святые ворота; я подал крест. Владыка приложился и возвратил оный и, надев мантию, предшествуемый мной, всем братством и крестным ходом, направился к собору, где прикладывался ко святым иконам, и после ектении и возглашения многолетия, благословив всю братию и многое множество народа, прошел в мои настоятельские келии. Всенощное бдение слушал в Успенской церкви, в алтаре; 18 числа совершал литургию в соборе; с ним служили: я, строитель Старо-Голутвина монастыря Сергий и протоиерей Гавриил Вениаминов (сын владыки). Владыка осматривал монастырь и входил в братские келии, посетил также скит, был в церкви и в келиях, переночевал и 19 числа утром уехал, выразив мне свою благодарность за обитель.

Владыка между прочими разговорами выказал свое особенное сочувствие к обителям общежительным и рассказывал, какое глубокое впечатление произвел на него Иркутский Вознесенский монастырь, в котором почивают мощи первосвятителя Сибирского Иннокентия. Монастырь этот, штатный, был известен владыке: там не было ни чина, ни порядка, братства мало, и то не было прилично одето. В

проезд, в последний раз в Москву, владыка нашел монастырь совершено в ином порядке: 70 человек братии, все в одинаковой одежде, чин, порядок, благолепие, так что владыка изумился, и когда спрашивал преосвященного Парфения о причине такой перемены в столь короткое время, он ответил ему, что всей этой переменой монастырь обязан учреждению общежития. Благотворное влияние и действие устава общежительного несомненно. Вознесенский монастырь, основанный в 1672 году, существовал около 200 лет и пришел в совершенный упадок, пока не обратил на него внимание преосвященный Парфений, назначенный на Иркутскую епархию в 1860 году. Преосвященный успел в короткое время восстановить эту обитель, потому что при проезде своем через Иркутск в Москву, в 1868 году, владыка Московский, Высокопреосвященнейший Иннокентий, нашел монастырь уже совершенно благоустроенным. Следовательно, перемена эта вершилась менее чем в 8 лет. Что же было причиной этого изменения к лучшему? Средства обители не увеличивались, условия местные остались совершенно те же, но обитель обновилась. Причина же такой перемены лежала в перемене управления и в уставе общежительном. Не столько важны тут вещественные средства, сколько нравственные начала, лежащие в основании монастырей общежительных и в различных местностях действующих совершенно одинаково. В подтверждение этого приведу наш Угрешский монастырь, также некогда славный и богатый, находящийся вблизи столицы и в 1833 году пришедший в такое оскудение, что шла уже речь об упразднении его и о приписке к церкви села Капотни; со времени же учреждения в нем общежития он обновился и, по милости Божией, почитается ныне благоустроенным; в 1833 году в нем находилось братии 10 человек, в 1853 – 17, а 1873 году более 100. В 1833 году он получал дохода немного более 4 000 рублей сереребром, в 1853 году около 8 000 рублей, а в 1873 году более 30 000 рублей серебром. Таково же было действие устава общежительного и на Вознесенский Иркутский монастырь, восстановленный в весьма короткое время; одна обитель находится на севере, в четырех верстах от Иркутска, в

местности не весьма многолюдной, другая – в местности многолюдной столицы; следовательно, условия обителей совершенно различные, но и та и другая, будучи штатными, пришли в одинаковое состояние упадка и обнищания, и как скоро учреждено и в той и другой общежитие, и та и другая, как прежде одинаково оскудели, так теперь одинаково обновились, благоустроились. Очевидно, что тут повлияло не увеличение вещественных средств или изменение условий местных, но вследствие внутреннего устроения возрасли и вещественные средства и, несмотря на совершенно различное положение свое по местности, могут в равной степени служить очевидным доказательством явного превосходства устава общежительного перед уставом штатным.

В 1868 году, в начале декабря, я испытал продолжительную болезнь – сильное воспаление в ухе с поражением правой стороны головы, и мне грозила опасность, ежели бы своевременно не приняты были меры к предупреждению, потерпеть и поражение мозговых органов. Не могу забыть попечений преосвященного Леонида, в которых вполне высказалось его искреннее ко мне расположение.

Так как моя болезнь требовала тщательного лечения и ежедневного посещения врачей, то я и должен был переехать в Москву; но преосвященный пожелал, чтобы я остановился не на нашем подворье, а у него, на Саввинском подворье, где я и поместился у него в нижнем этаже. Я приехал в Москву совершенно больной и прожил в доме владыки с 8 декабря 1868 года по 8 генваря 1869 года. Эта болезнь, за молитвы владыки, при помощи врачей прошла без особых последствий. В течение этого времени преосвященный имел обо мне совершенно отеческое попечение, и не проходило дня, чтобы он не посетил меня, а иногда по несколько раз в день.

В марте 1869 года, когда я почти уже совсем оправился от моей болезни с благословения преосвященного Леонида, в отсутствие владыки, управлявшего Московской епархией, я собрался ехать в Петербург хлопотать по монастырским делам, именно: 1) об увеличении штата монашествующих в Угрешском монастыре; 2) о покупке дома Лаврентьевых, смежного с

монастырским подворьем, что на Маросейке, у Ильинских ворот и 3) о пожаловании монастырю лесной дачи для нашего народного училища и для богадельни.

Я отправился по железной дороге марта 21, и в том вагоне, в котором ехал, совершенно случайно познакомился с одним очень любезным господином (И.Д. Делянов), который оказался товарищем господина министра народного просвещения, содействию которого отчасти обязаны мы успешностью в хлопотах о лесе.

Приехали в Петербург марта 22 поутру. Я отправился прямо с железной дороги на Троицкое подворье к владыке нашему. Он обошелся со мной весьма милостиво, благословил меня и принял письмо от преосвященного Леонида и бумаги, которые я ему представил касательно моих хлопот. Я доложил ему о причине моего приезда, и он благословил меня начать хлопотать и обещал содействовать и сделать все, что будет от него зависеть.

Пробывши у владыки более часа, я отправился искать себе гостиницу поблизости от Троицкого подворья и поместился в гостинице «Москва», на углу Невского проспекта и Владимирской.

Немного времени спустя, я поехал в консисторию и в канцелярию господина обер-прокурора прописать свой паспорт.

Отсюда я поехал в Казанский собор. Он крестообразный и весьма обширный, построенный сходственно с храмом апостола Петра в Риме, но не имеет церковного характера и потому человека, привыкшего к Византийскому зодчеству храмов, не поражает величественностью ни внутри, ни снаружи. Чудотворная икона Божией Матери та самая, которую, по повелению Иоанна Грозного, взяли из Казани, она в золотой ризе, богато украшенной, в особености много драгоценных камней пожертвовали Императрицы Мария Феодоровна и Елисавета Алексеевна; говорят, что ризу с ее украшениями ценят более чем в 100 тысяч рублей серебром. В соборе множество военных знамен, взятых в разное время у неприятеля. При входе погребен князь Кутузов-Смоленский; над ним – знамена, взятые у неприятеля в 1812 году.

Из Казанского собора я направился к Зимнему дворцу. Обширен, хорош; не понравились мне только статуи языческих божеств, которые его украшают, впрочем, это был вкус того времени. От дворца я пошел пешком к адмиралтейству и в Исакиевский собор. Его наружность действительно поражает громадностью целого и великолепием, и размерами бесчисленных цельных колонн из гранитного порфира, величиной фронтонов, дверей и окон. Внутренность, удивительно изящная по искусству и исполнению малейших подробностей, заключающая такие сокровища, мрачна только от недостатка света, так что все это прекрасное исчезает в полумраке, и глаз не может обозреть разом того, что передним открывается при входе. Мозаические иконы очень хороши, но их увидишь только подошедши к ним весьма близко. Вообще внутренность хороша в целом и мало располагает к молитве, то ли дело наши древние московские храмы, с которыми свыкся наш глаз и сроднилось наше сердце! Они и менее обширны, но величественны, и, входя в них чувствуешь, что входишь в чертог Царя Небесного: они своеобразны, не столь изящны, и за всем тем приходишь в умиление и молишься усерднее. Великолепен Исакиевский собор, но он не имеет того древнего церковного благолепия, к которому мы с детства привыкли и, глядя на эту базилику, не думается, что стоишь перед православным храмом в одном из царственных градов России. В наше время поняли, что эта западная римская архитектура никогда не привьется у нас и стали возвращаться к тем древним церквам, в которых маливались наши деды.

Возвратившись домой и пообедавши часа в 3, я отправился в Александро-Невскую Лавру, отстоял великое повечерие, которое было не весьма продолжительно, так как не было ни канонов, ни акафиста, и после того пришел к отцу наместнику, архимандриту Ювеналию (Половцеву), с которым я не был еще знаком и тут познакомился. Он принял меня приветливо. На вид ему лет 40 с небольшим. По наружности он совершенный монах; речь умная, скромная, и из разговора видно, что он жил под старцами и многое от них усвоил. Наш разговор сперва шел довольно туго, но когда мы коснулись Оптиной пустыни, где он

полагал начало, и старцев, отец наместник воодушевился и разговор наш стал гораздо живее. В то время шла речь в Святейшем Синоде о преобразовании всех монастырей в общежительные. Заговорив об этом деле, весьма близком для монашества, я ожидал, что встречу большое сочувствие в отце-наместнике, но, к крайнему удивлению моему, оказалось на деле совершенно иное, и он сказал даже, между прочим, что он считает устав общежительный не современным. Беседа наша длилась довольно долго, мы слегка возражали друг другу, но, впрочем, ни один из нас слишком не настаивал на своем мнении.

В этот день я к владыке не являлся, так как было уже довольно поздно, и отложил до следующего дня.

На следующее утро я снова поехал в Невскую Лавру. О внешнем виде скажу про Лавру, что она, по расположению и по наружности своих построек и церквей, не столько походит на монашескую обитель, сколько на какое-нибудь казенное заведение.

Кладбище не находится в черте ограды самого монастыря, но окаймляет ее с северной стороны и дорогой, ведущей в монастырь, разделяется как бы на две половины, направо и налево, и обнесено каменной весьма невысокой стеной. Едва ли с каждой стороны есть по три десятины земли, и на всем этом пространстве близко теснятся один к другому пышные памятники. Я прошелся между рядами этих могил и читал надписи на мраморе и бронзе под гербами и княжескими, и графскими коронами, и подумал: «Сколько сильных и славных земли, которых посещение для Лавры было, быть может, торжеством и праздником: для них все были открыты двери, все склонялось перед ними, они умерли и прах их смиренно покоится вне врат монастыря!»

Благовестили к обедне, и потому собор, где почивают мощи благоверного великого князя Александра Невского, был отперт, и я входил прикладываться к мощам. Собор очень хорош и величествен, строен при Императрице Елисавете Петровне, которая достраивала начатое при ее отце. Обедня была в Сошественской церкви; при входе моем только что начали

читать часы, и я послал своего келейника осведомиться, принимает ли владыка, то есть митрополит Исидор? Здание, в котором митрополичьи покои, весьма великолепно строено также при Императрице Елисавете, и говорят, что приемные комнаты (которых я не видел) сохранили свой первобытный характер. Владыка принимал в маленькой гостиной, которая не обширна, но очень хороша. На нем была коричневая ряса с двумя звездами и бархатная камилавочка, он стоял у стола. Он меня спрашивал, зачем я приехал, где остановился, где обитель и прочее, и затем благословил меня*[43].

В этот же день я посетил графа Сергея Дмитриевича Шереметева и не застал его. Отобедав дома, около 4 часов я поехал к Петру Ивановичу Соломону, сенатору, который мне весьма обрадовался и принял как родного, и после того во все время моего пребывания в Петербурге я бывал у него почти через день и не раз обедывал. Жена Петра Ивановича, Поликсена Васильевна, сама по себе Головина, дочь адмирала и сестра бывшего министра народного просвещения. В этот же вечер я посетил Воскресенский женский монастырь, первоначально устроенный при Императрице Елисавете Петровне на том месте, где ныне Смольный монастырь, или Институт, и упраздненный при Екатерине II, он не существовал, но при Императоре Николае, в 1845 году, восстановлен, но уже совершенно на другом месте, и в учредительницы новой обители была вызвана из Горицкого монастыря Феофания Готовцова (о которой я говорил) и сделана игуменьей. Так как был уже вечер, я ограничился обозрением только главной церкви: она очень хороша, везде все в порядке и у икон лампады, что теперь отменили почему-то во многих новых церквах. Пока я осматривал храм, заблаговестили ко всенощной; я намеревался, достояв до кафизм, уехать, но игуменья, узнавши, что я в церкви, прислала просить меня пройти в алтарь, где я уже остался до конца всенощной и после того пошел к игуменье. Она преемница матери Феофании, которую я лично знал и которую все уважали за ее строгую и примерную жизнь. Игуменья чтит память своей предшественницы и хранит порядок, ею заведенный. Она мне

говорила, что намеревается выстроить при монастыре гостиницу и что хочет сделать два выхода, один снаружи, а другой на монастырь.

Когда она спросила мое мнение, то я не советовал ей делать выхода на монастырь, потому что это могло бы иметь для обители неблагоприятные последствия, и сказал ей, что из желания угодить людям она может сделать неугодное Богу.

В другой раз я был еще в этом монастыре у обедни и, чтобы не возвращаться вторично к тому же предмету, расскажу теперь же и об этом втором посещении. Я приехал во время преждеосвященной литургии. Пение превосходное. Церковь в одной связи с покоями настоятельницы и с келиями сестер, и монастырскими, и прочими принадлежностями, отчего весь монастырь имеет вид скорее какого-нибудь института или казенного заведения, чем монастыря. Весь монастырь совмещается в одном трехэтажном весьма длинном корпусе, посередине которого находится церковь, почти квадратная. Она слишком низка относительно длины здания и снаружи обозначается огромной приплюснутой главой, и от этой несоразмерности неприятно даже и смотреть на нее. Внутренность очень хороша; есть хоры; расположение внутренних покоев и келий – видно, что сделано по образцу иностранных женских обителей. С восточной стороны от монастыря огромное пространство земли, обнесенное частоколом, – это кладбище.

В следующие дни я осматривал Петропавловскую крепость, бывший Смольный монастырь, Покровскую общину на Васильевском острове и Часовню в домике Петра Великого.

В Петропавловскую крепость я отправился в 9 часов утра; повезли меня на Николаевский мост, на Тучков и парком, что вышло очень далеко, а прямо, по случаю весенней дурной дороги, езды не было. Подъезжая к крепости, я ожидал, что увижу высокие стены, огромные башни, казематы и прочее. Спрашиваю извозчика: «Да где же крепость?» И он мне отвечает: «Вот это-то и есть самая крепость!» Мы въехали в ворота... Думаю себе: «Верно внутри будут эти крепостные постройки и бастионы». Окинул глазом кругом, ничуть не

бывало; в середине – церковь, а поодаль, около нее в неравном расстоянии, раскинуты небольшие каменные домики, одноэтажные и двухэтажные, о трех и пяти окнах, а кругом, вместо ограды, одноэтажное низменное здание с толстыми железными решетками в окнах. Искал того, что рисовало мне мое воображение, и ничего подобного не нашел: вместо крепости мне представилась как будто внутренность монастыря. Говорят, что много помещений для заключенных находится очень глубоко под землей: там-то настоящая крепость, но этого посторонний посетитель не только не видит, даже и угадать не может.

Церковь одноэтажная, огромная, заложенная Петром I в 1712, но достроенная и освященная уже 20 лет спустя при Императрице Анне. Колокольня весьма высока и шпиль на оной почти такой же, как и самая колокольня. Если я не ошибаюсь, вся вышина со шпилем включительно составляет 60 саженей. Наружностью своей храм напоминает отчасти нашу Московскую церковь, что на Басманной Никиты-мученика. Иконостас весьма высокий, в несколько ярусов, внизу сплошной вызолоченный, а вверху прорезной, украшенный множеством резных изображений святых апостолов, ангелов, архангелов и херувимов. Алтарь открытый. Украшения совершенно своеобразные, каких я никогда нигде не видывал, и хотя тяжеловаты, но в целом, при обширности храма, хороши.

Обедня началась в половине одиннадцатого, окончилась в час. Пели солдаты, и очень хорошо. Так как это была Крестопоклонная неделя, то служивший протоиерей Полисадов говорил проповедь о Кресте, говорил без тетради, плавно и хорошо. У него та особенность, что говоря, он делает телодвижения и руками, и головой.

Более всего привлекали мое внимание царские гробницы: они все из белого мрамора с изображением креста сверху и с бронзовыми двухглавыми орлами древнего изображения по углам, в возглавии каждой гробницы заложена бронзовая дщица с именем погребенного лица. Всех гробниц я насчитал 25. С правой стороны, впереди, погребены Петр I и Екатерина II, а с левой стороны – Император Павел и прочие из его семейства.

Все пространство от иконостаса до задней стены с левой стороны занято, а направо, в заднем углу, только один чей-то памятник.

Нигде ничтожество человека так не поражает, как в виду этих царских гробниц. Невольно подумаешь: как велики, могучи и славны были те, прах которых покоится под этими памятниками! Между гробницами ходит дежурный солдат, который стирает с них пыль, и посетителям, желающим того, объясняет.

На памятнике покойного Государя цесаревича Николая Александровича венок и пучок цветов под стеклянной покрышкой; на гробнице Государыни Императрицы Александры Феодоровны также засохший пучок цветов под стеклом, вероятно, какое-нибудь особое воспоминание.

Осмотревши церковь и вышедши, увидел, что возле одного из зданий ходит взади вперед часовой, и я направился к нему с мыслью спросить, нельзя ли посмотреть на какой-нибудь каземат; но едва я сделал несколько шагов по направлению к нему, как он мне крикнул, чтобы я не ходил далее. Из этого я мог понять, как строго смотрят за теми, которые в заключении. В этот день я обедал у Петра Ивановича Соломона, который живет на Ивановской улице, везли меня на Семеновский мост и на Литейный.

Марта 24. Я отправился поутру, в 10 часов, к министру А. А. Зеленому, но не застал его уже дома: он поехал во дворец с докладом к Государю. От него я поехал к господину товарищу министра народного просвещения Ивану Давыдовичу Делянову. Живет он на Невском проспекте в доме Армянской церкви. Он принял меня весьма приветливо и ласково и обещал содействовать нам для получения лесной дачи для нашего училища. В этот день я был у вечерни на Троицком подворье.

Марта 25. В праздник Благовещения Пресвятой Богородицы я служил с владыкой у него на подворье. Во время моего отсутствия в это утро у меня был Н. Н. Грён, служащий у Трепова. Брат его, Феодор Николаевич (впоследствии Флавиан), был у нас в монастыре иеродиаконом. Вечером я был у него; жена его урожденная княжна Долгорукая.

Грён как состоящий при Трепове заведует каким-то кварталом, и в его ведении часть Невского проспекта. Он, между прочим, рассказывал, говоря о населенности Петербурга, и о громадности домов, что в доме, принадлежащем католической церкви, живет до 28 тысяч жителей.

Марта 26. Поутру, в 10 часов, я был у министра государственных имуществ А.А. Зеленого. Он принимал. Приемная комната большая, и просителей было много. Министр сам не выходил, но ему докладывал дежурный чиновник о каждом после, и, когда дошла очередь до меня, и обо мне было доложено, минут через пять отворилась боковая дверь и выглянул из нее небольшого роста седенький старичок, который пригласил меня войти. Когда я вошел, то этот старичок попросил меня сесть на кресло, а сам он сел на диван… Я понял, что передо мной сам министр.

Я передал ему письмо, которое у меня было к нему от преосвященного Леонида, дружески с ним знакомого, так как они прежде служили вместе. Когда он прочитал письмо, в котором шла речь о испрошении Высочайшего пожалования лесной дачи нашему монастырю для училища и богадельни, я объяснил еще кое-что словесно. Он выслушал меня весьма внимательно, обошелся ласково, обещал сделать все, зависящее от него, и действительно, как доказало нам последствие, он сделал все, что только мог сделать.

От министра я отправился на Васильевский остров, в Покровскую общину сестер милосердия, учрежденную игуменией Серпуховского Владычнего монастыря, матерью Митрофанией. В миру она называлась Параскева Григорьевна, баронеса Розен, дочь известного барона Розена, который был некоторое время главнокомандующим на Кавказе. Она была фрейлина и, лишившись отца и матери, вступила в монашество. Полагала начало в Московском Алексеевском монастыре при игумении Паисии; потом она перешла в Серпуховской монастырь, где была пострижена в монашество и впоследствии сделана игуменией. Эта община на краю города, на весьма обширном месте, обнесенном деревянными заборами: посредине возвышается храм, не очень большой, но веема

красивой архитектуры. Все прочие здания заведения примыкают к церкви. Иконостас мне весьма понравился: он лаковый и расписан, как расписывают русские деревянные чаши. Я приехал к концу часов и прошел в алтарь. Пели сестры милосердия, и очень хорошо; пономарил мальчик лет 8, а выносившие свечи были, я думаю, не более как 6 лет.

По окончании обедни игумения Митрофания повела показывать мне все заведение. Внутренность расположена весьма удачно и удобно. В то время всех детей было до 170, и больших, и малых. В одном отделении помещены грудные дети и кормилицы их, и няньки, одетые весьма прилично. В другом отделении дети лет 8; их заставили пропеть «Верую во единаго Бога» и еще какое-то стихотворение, очень длинное и весьма приятное для слуха, но что такое это было, я не спросил, а теперь не упомню. Для забавы детей сделана деревянная гора, с которой они катаются. Пришли мы в рухлядную, где хранится платье и белье; там шкафы не со стеклами, но с медными сетками. Мне показывали 11 перемен белья разных цветов на каждого ребенка, а их всех 170 человек; следовательно, для них около 2 000 рубашек. Все мне весьма понравилось в этом заведении, я порадовался и пожелал, чтобы оно утвердилось на прочном основании, оставаясь в таком виде, как теперь.

Сергиевская пустынь. Я отправился в Сергиевскую пустынь в карете и приехал туда в 5 часов. Извозчик привез меня прямо в Слободу, потому что монастырская гостиница, сгоревшая летом, не была еще отстроена. Я пошел в монастырь пешком. Повечерие уже началось; я стал около свечного ящика. Так как служба была великопостная и пения было немного, я не мог сделать о нем своего заключения. По окончании службы я спросил, как пройти мне к отцу архимандриту, и пошел из церкви. Подхожу к крыльцу, и в это же время подходит и еще другой монах в бельчей ряске с тростью в руке. Я спросил его: «Вы здешний?» – «Да, здешний», – был ответ. «Сюда ли я иду к отцу архимандриту?» – спросил я опять. Вместо ответа монах сказал мне: «А Вы, батюшка, откуда?» – «С Угреши», – отвечал я и назвал себя. «Так Вы отец Пимен, – сказал монах, – я все воображал себе, что Вы толстые и высокого росту, а Вы вовсе

маленькие». Это был настоятель, отец архимандрит Игнатий; мы вошли в келию и сели в стеклянном фонаре, на балконе; подали нам чай. Отец Игнатий роста среднего, приятной наружности, очень приветлив и общителен; ему, полагаю, лет около 60. Он петербургский уроженец, из купеческого звания, по прозванию Макаров, полагал начало при архимандрите Игнатии Брянчанинове, прошел все монастырские послушания и, когда отца архимандрита хиротонисали во епископа Кавказского и Черноморского, он был сделан настоятелем на его место. Вместе с ним и его два брата поступили в монашество и были весьма почтенные старцы, с пользой потрудившиеся для обители. Они оба теперь уже умерли. Отец Игнатий весьма искусен в живописи: у него много прекрасных икон и картин его работы. Побеседовав в келии, мы пошли походить по монастырю. Все церкви были уж отпертыми я их все осматривал. Кочубеевская и Кушелевская церкви обе теплые, их семейная усыпальница весьма хороша и изящна и как по своему расположению, так и по своей отделке мне очень понравилась. В Воскресенской церкви также погребаются; весь пол, устланный чугунными плитами, начиная от солеи и до выходной двери, заранее разгорожен и выложены могилы, в некоторых местах чугунные плиты с именами погребенных, а остальные просто чугунные с узором. Над святыми воротами церковь, ежели я не ошибаюсь, во имя святого Саввы, не была еще освящена. Есть и еще две церкви, где склепы. Прекрасная базилика в связи с трапезой и настоятельскими келиями. На кладбище много отдельных часовен больших и малых. Очень хороши склепы Полторацких, Нарышкиных и весьма замечательна усыпальница семейства принца Ольденбурского: она сделана наподобие стеклянного фонаря, какие делаются при оранжереях, и вся наполнена цветами. Пока мы ходили уже стемнело. Вечером отец архимандрит пригласил к себе схимонаха Михаила (Васильевича) Чихачова, с которым вместе мы были некоторое время послушниками в Новоезерском монастыре в 1833 году. Ночевал я у архимандрита и на следующий день возвратился в Петербург, еще походивши везде и поблагодаривши гостеприимного настоятеля за его

радушный прием и за предложенный хлеб-соль перед моим отъездом.

О местности Сергиевской пустыни много говорить не могу потому, что везде еще лежал снег; одно меня чрезвычайно удивило, что я никогда дотоле ни от кого не слыхивал, чтобы в Сергиевской пустыни вовсе не было ограды. Действительно, у нас в России есть монастыри, не имеющие оград, но на то есть причины, зависящие от местных условий. Так, например, есть в Вологодской губернии Спасокаменный монастырь, который точно без ограды. Но отчего это? Он находится на маленьком острове среди обширного озера, расстоянием от материка, в наиближайшем месте в 4 верстах, а с других сторон в 8, в 20 и, наконец, в 40 верстах. Естественно, что при таком положении монастырь не имеет нужды в ограде, но и со всем тем это отсутствие весьма ощутительно для монашествующих в зимнее время. Говорю это не в укоризну, но потому, быть может, что мы, русские монахи, сроднились с мыслью, что монастырь непременно должен быть окружен оградой. Думаю, что в настоящее время это внешнее ограждение еще нужнее, чем когда-либо; ибо ежели и в древнее время, когда монашество изобиловало строгими и великими подвижниками, которые созидали обители в местах, отдаленных от обиталищ человеческих, и все-таки ограждали себя вещественным оплотом от соблазнов житейских, нам ли, окруженным мирскими жилищами, при удобопоползновенности наших нравов, пренебрегать этими предосторожностями, признанными на самом опыте за необходимые, присвоенными монашеству как его существенная потребность и запечатленные давностью времени.

В Сергиевской пустыни есть только невысокая гранитная сквозная оградка со стороны Петергофского шоссе и по бокам святых ворот часовни; все это сделано художественно и красиво. Вообще посещение мое этой пустыни оставило мне самое приятное воспоминание как о радушном приеме, так и всем, что я там видел великолепного и изящного.

В Петербург я возвратился уже далеко за полдень, ни к кому не ездил, но, желая иметь понятие о Петербурге при

газовом освещении, велел себя провезти по Невскому проспекту и по Морской; и точно был ослеплен этим освещением магазинов, о каковом мы не имеем и понятия в Москве.

Марта 28. В этот день я расположился побывать у Арсеньева, для которого у меня было письмо от преосвященного Леонида. Он состоит при великом князе Сергии Александровиче. Я отправился в 10 часов утра в Зимний дворец к Салтыковскому подъезду; обо мне доложили и Арсеньев (Дмитрий Сергеевич) меня принял. Я сам лично с ним знаком не был и видел его в первый раз. На вид ему невозможно дать более 24 или 25 лет, но, вероятно, в действительности ему гораздо более. Лицо его самое приятное и привлекательное и вообще вся наружность чрезвычайно представительная.

Я вручил ему письмо преосвященного, он прочитал его, очень любезно извинялся, что, будучи занят, не может оставаться долго со мной, но звал меня приехать к 12 часам, ко времени, в которое великие князья завтракают, и когда он, следовательно, свободнее.

Я поехал в Казанский собор к обедне, и к 12 часам опять возвратился во дворец, и так как знал, как мне пройти, прошел без провожатого и вошел без доклада в ту комнату, где меня принимал Арсеньев. Я сел на диван в проходной комнате и подождал не более четверти часа; все было совершенно тихо вокруг меня. Вдруг слышу детские голоса, и в комнату вбежали два мальчика: впереди бежал мальчик лет 7 в красной шелковой рубашке, а за ним другой, лет 10, в курточке. Первый промелькнул мимо меня не останавливаясь, а второй, увидавши меня, приостановился и, сделав мне поклон, продолжал догонять младшего. Вслед за ними шел молодой офицер с белыми эксельбантами, весьма привлекательной наружности, и, увидевши меня, также несколько приостановился и, сделав мне поклон, прошел далее… Минуты две спустя в противоположную дверь вышел ко мне навстречу Арсеньев и с ним мальчик в курточке. «Это великий князь

Сергий Александрович, – сказал Арсеньев, – так вот извольте лично передать Его Высочеству поклон преосвященного!»

(Арсеньев это сказал мне потому, что, передавая ему письмо от преосвященного, я ему сказал, что преосвященный кланяется ему и великому князю и посылает благословение.)

Я благословил великого князя, и мы поцеловали друг другу руки. После того я ему сказал: «Преосвященный Леонид поручил мне, ежели я буду иметь честь видеть Ваше Императорское Высочество, передать Вам его благословение и поклон».

Немного ближе к двери стоял молодой офицер, прошедший мимо меня. Арсеньев подсказал мне, что это великий князь Алексей Александрович, и позвал меня. Великий князь подошел под благословение, мы поцеловались рука в руку, и он мне сделал несколько вопросов. «Из Москвы ли я, давно ли приехал, сколько времени пробуду, по делам ли?» И, наконец, спросил меня: «Вы каждый год бываете здесь?» На что я ему отвечал: « Напротив того, я бываю только в особых случаях».

После этого великий князь обратился к каким-то двум мужчинам во фраках, стоявшим возле него, и стал разговаривать с ними по-французски. Великий князь Сергий Александрович подошел к дивану и сел, а я, по приглашению Арсеньева, сел напротив него, на кресло. Великий князь наклонил несколько голову и сказал мне: «Поклонитесь и от меня преосвященному и просите его благословения».

Потом Арсеньев спросил у великого князя: «Помните ли Вы, как Вы были на Угреше?» Он отвечал: «Нет». Арсеньев стал потом расспрашивать, давно ли существует наш монастырь и прочее.

На столе, возле которого мы сидеди, лежала карточка. Великий князь взял ее и передал Арсеньеву, который подал мне ее и сказал: «Великий князь кланяется преосвященному Леониду, благодарит за поклон и просит благословения».

В тот же день (марта 28) я вторично посетил графа Шереметева (Сергея Дмитриевича) и в этот раз познакомился и с его женой. Она урожденная княжна Вяземская, внука известного писателя, Петра Андреевича; он женился в это лето,

и свадьба его совершалась в подмосковном селе графа, Останкине. Я приехал к ним и не застал их дома, но меня велено было принять, и меня провели в гостиную. Они вскоре приехали, очень приветливо меня приняли и, когда просидевши у них около часа, я собрался уезжать, графиня проводила меня до лестницы, и пока я надевал шубу, все стояла на верхней площадке и смотрела вниз через перила.

От Шереметева я проехал мимо Летнего сада и новой Александровской часовни (выстроенной в память события 4 апреля 1866 года) на Миллионную, к Татьяне Борисовне Потемкиной, к которой у меня было письмо от преосвященного Леонида. Татьяна Борисовна (урожденная княжна Голицына) из самых приближенных к покойной Императрице Александре Феодоровне, в свое время весьма уважаемая всем двором, всем городом и всем духовенством, потому что она была благочестива и щедра для храмов Божиих, много делала добра, кому только могла, и в особенности монастырям и монашествующим. В имении своего мужа, в Харьковской губернии, недалеко от города Изюма ее старанием восстановлена Святогорская обитель, когда-то существовавшая в их владениях на вершине меловой горы. Обитель эта, неизвестно кем основанная, в конце XVII века была упразднена при Императрице Екатерине по желанию князя Потемкина-Таврического, а в 1844 году, по желанию потомка князя Таврического, Александра Михайловича Потемкина, бывшего в продолжение долгого времени Санкт-Петербургским губернским предводителем, возобновлена и ныне находится в самом цветущем состоянии*[44].

Дом Потемкиных выходит главным фасадом на Миллионную улицу и наружностью своей нисколько не хорош, как-то мрачен и старообразен, а внутри сохранился в том виде, в каком был первоначально отделан в 1820 годах, и очень роскошный и великолепный в то время, ныне может назваться только устарелым, не будучи стариной и далеко отставши от современного. Но за всем тем носит на себе вполне отпечаток вельможественности. В доме есть домовая церковь, но мне ни разу не довелось в ней побывать.

Татьяна Борисовна вышла меня встретить в первую комнату и приняла меня весьма ласково. Она была лет 60, весьма стройная, видно что смолоду была хороша, одета весьма просто и без подражания моде. Она пригласила меня к себе в кабинет и, когда мы сели, сперва прочитала письмо преосвященного и потом поручила мне передать ему словесно, что она благодарит его за участие в деле, о котором она его просила, а потом обратилась ко мне с вопросом: «Далеко ли Ваша обитель от Москвы?» Я отвечал ей. Тогда она снова сказала: «Так Вы из того прекрасного монастыря, о котором я столько слышала?» И стала меня расспрашивать о давности обители, о числе братии и прочее, и по всему видно, что она была весьма знакома с внутренним бытом монастырей; она хотела побывать когда-нибудь у нас, но не удалось ей этого осуществить: она скончалась в то же лето, в начале июня.

Возвратившись, домой я застал у себя Яковлева Павла Петровича, послушника Сергиевской пустыни, давнего моего приятеля, вместе со мной бывшего послушником в Новоезерском монастыре в 1833 году, о котором я говорил выше.

Вечером я был у князя Ал. В. Шаховского, жившего в то время возле Литейной. Я с ним познакомился у преосвященного Леонида; он камергер и служит во II отделении собственной Его Императорского Величества Канцелярии; ему лет около 40, весьма словоохотливый, любезный и общительный человек. Живет он вдвоем со своей мачехой, второй женой его отца, которую он чтит и уважает как родную мать; и она также к нему весьма привязана: трогательно видеть их взаимное расположение. Вдовствующая княгиня сама по себе урожденная графиня Реймон-Моден; ее отец был посланником.

Когда я собрался уезжать, она вошла в комнату, познакомилась со мной и звала меня на следующий день к ним обедать. Я и был у них и после обеда оставался весьма долго и провел часть вечера в приятной беседе.

Марта 30. Я служил на Троицком подворье с преосвященным Василием Полоцким*[45]. Он постоянно пребывает в Санкт-Петербурге, заседает в Святейшем Синоде,

имеет Владимира I степени, Александра Невского с алмазами. Преосвященный старичек небольшого роста, весьма благообразный, говорит по-русски не совсем чисто. У владыки после обедни пили чай, Тут был Аскоченский, редактор «Домашней Беседы». Он рассказывал, что его дедушка был священником и имел одиннадцать сыновей и четырнадцать дочерей; отец его был младший сын.

Марта 31. В последний день моего пребывания в Петербурге я был в Спасской часовне, при домике Петра Великого. Икона Спасителя итальянской живописи вершков в 10. Спаситель изображен в терновом венце, как принято изображать на Западе лик Спасителев на убрусе. От времени краски весьма потемнели, но лик от этого как будто и лучше выступает. Риза осыпана драгоценными каменьями, которые сияют и светятся от множества свечей, непрестанно пылающих перед иконой. Во всякое время дня и летом, и зимой часовня, говорят, наполнена богомольцами. Домик длиной в 15 аршин, шириной в 10. Сени разделяют его на две половины: налево – часовня, направо – большая комната, в которой хранятся вещи, принадлежавшие Петру I; местами несколько стульев с высокими резными стенками и большой темного дерева шкаф. Домик деревянный, крытый черепицей, но чтобы предохранить его от разрушения, над ним сделан большой шатер с навесами со всех сторон, так что можно обходить кругом. В окнах рамы свинцовые с мелким переплетом, вместо стекол слюда.

Рядом с домиком хранится известная лодка, служившая забавой во время детства Петру I и приохотившая его к морю, и потому этот ботик называется «Дедушкой Русского флота». Везли меня с Владимирской улицы на Литейный мост; лед на Неве взломало, но он еще не прошел.

Отправляясь на железную дорогу, я заехал проститься с семейством почтенного Петра Ивановича Соломона и, позавтракавши у него, поехал на Московскую станцию железной дороги. Тут были: сын нашего владыки, протоиерей Гавриил Иванович, архимандрит из Алтайской миссии Владимир и Семен Григорьевич Котов, приехавшие проводить меня.

В июне того же года владыке благоугодно было избрать меня в благочинные над монастырями на место отца Иакова, архимандрита Даниловского, вызванного в Санкт-Петербург для присутствования в консистории и более года там находившегося. При этом сделано преобразование: прежде было четыре благочинных: 1) архимандрит Богоявленский отец Никодим, 2) наместник Лаврский отец Антоний, 3) архимандрит Даниловский отец Иаков и 4) архимандрит Иосифо-Волоколамский отец Гедеон. Из числа упомянутых отец-наместник Антоний и отец Гедеон отказались от благочиния, но им предоставлено было право остаться благочинными над своими монастырями. Тогда владыка разделил все монастыри Московской епархии между двумя благочинными. Штатные монастыри поступили в ведение отца Никодима, а общежительные мне. У отца Никодима в благочинии находились штатные монастыри, мужские II класса: 1) Андроньевский, 2) Богоявленский, 3) Лужицкий близ Можайска; III класса: 4) Знаменский, 5) Златоустовский, 6) Данилов, 7) Покровский, 8) Перервинский, 9) Сретенский, 10) Борисоглебский (в г. Дмитрове) и 11) Высоцкий (в г. Серпухове). Женские I класса: 1) Вознесенский, 2) Новодевичий; II класса: 3) Алексеевский, 4) Рождественский и 5) Брусенский (в г. Коломне); III класса: 6) Никитский, 7) Страстной, 8) Зачатьевский и 9) Владычный (в г.Серпухове), а всего в его благочинии 20.

У меня монастыри общежительные: II класса 1) Троицкий Новоголутвин (в г. Коломне), III класса 2) Угрешский, и пустынные: 3) Николаевский-Пешношский, 4) Старо-Голутвин (в г. Коломне), 5) Бобренев (в г. Коломне), 6) Белопесоцкий (близ Каширы), 7) Берлюковская пустынь, 8) Давыдовская пустынь, 9) Екатерининская пустынь и 10) Гуслицкий. Женские II класса: 1) Бородинский, и пустынные: 2) Аносин Борисоглебский, 3) Зосимова пустынь, 4) Спасо-Влахернский и 5) Крестовоздвиженский в селе Лукине. У Лаврского наместника остались в ведении: мужские II класса: 1) Спасо-Вифанский, и пустынные монастыри: 2) Гефсиманский скит, 3) Параклит, 4) Пещеры, 5) Филиппова Киновия и 6) Махра. Женский II класса – Хотьков монастырь.

У архимандрита Гедеона его монастырь, Иосифов Волоколамский. Троицкая Лавра и Чудов монастырь, как подведомственные владыке, благочинных не имеют. Саввинский в ведении епископа Дмитровского, преосвященного Леонида: Высокопетровский находился тогда в ведении епископа Можайского, преосвященного Игнатия, а ныне (в 1875), вместо Высокопетровского в его управлении Богоявленский, а в Высокопетровском живет благочинный архимандрит отец Григорий, поступивший на место отца Никодима, рукоположенного в епископа Старо-Русского, ныне викария Дмитровского, на место преосвященного Леонида.

ИТОГО
ВМОСКОВСКОЙЕПАРХИИ
ЕПАРХИАЛЬНЫХМОНАСТЫРЕЙ:

В ведение благочинных мужских 27
женских 16
В ведении митрополита 2
В ведении архиереев 2
Новоблагословенных 2
Всего 49
Синодальных. 5
Греческих 1
Всего в Московской епархии монастырей 55

Упомянувши о распределении монастырей по благочиниям и исчисливши их, уместным считаю упомянуть о приблизительной численности оных, ибо число бельцов и белиц весьма непостоянно.

В архиерейских монастырях: Чудове, Саввино-Сторожевском
и Богоявленском монахов и бельцов 120
В Троицкой Лавре и зависящих от оной 6 мужских
Монастырях 650
В Хотькове монахинь и белиц 300
В Иосифове монастыре 30
В ведении благочинного над штатными монастырями
в 11 мужских монашествующих и бельцов 250
В 9 женских монахинь и белиц 1670

В моем благочинии: в 10 мужских общежитиях
монашествующих и бельцов 710
В 5 женских монахинь и белиц 720
В двух новоблагословенных монастырях:
в мужских 40
в женских 170
В синодальных мужских около 185
Следовательно, во всех мужских монастырях
находится около 1985 человек,
а в женских около 2 860 человек.
А всего 4 845.

Августа 9–11. Владыка Московский, митрополит Иннокентий, во второй раз посетил нашу обитель. Намерение владыки было посетить наш монастырь в день празднования явления иконы Святителя, но задержанный в Екатерининской пустыни (за Каширской дорогой, в 12 верстах от Угреши), прислал известить, что будет 9 числа к вечеру. В третьем часу пополудни с высокой монастырской колокольни, завидевши издали приближение владыки, ударили в большой колокол и стали благовестить на всех монастырских колокольнях; при приближении владыки начали звонить во все колокола. Я соборне в облачениях с крестным ходом, сопровождаемый всей братией, встретил владыку у святых ворот и поднес ему крест; приложившись ко кресту и возвратив его мне, владыка облекся в поданную ему мантию и с посохом в руке, предшествуемый мной, братией, крестным ходом, диаконами с кадилами и свещеносцем, направился к соборному храму, где прикладывался к местным иконам и к иконе Святителя. По окончании литии и возглашении многолетия благословил всю братию и великое множество народа, наполнявшего храм, и путь до настоятельских келий, по которому ему надлежало идти. День был субботний. В 7 часов ударили ко всенощному бдению; я служил в соборе, а владыка слушал всенощную в Успенской церкви (без звона), стоя в алтаре. Наутрие в неделю владыка совершил литургию соборне в Николаевском соборе; в служении с ним были: наместник Чудова монастыря, архимандрит Вениамин, отец протоиерей Гавриил (Вениаминов,

сын владыки) и случайно приехавший наместник Саввинский Сторожевский, игумен Галактион. Владыка пожелал почтить своим присутствием братскую трапезу, и после краткого отдыха в настоятельских келиях он и все прочие возвратились в собор, откуда, в предношении панагии (или Пречистой) и святой иконы при колокольном звоне пошли в новую трапезную палату; по окончании трапезы возвращение было тем же порядком. Вечером владыка посетил строящуюся при монастырской богадельне Казанскую церковь, новую деревянную часовню на братском кладбище и строящиеся архиерейские палаты и все одобрил. В понедельник (11 числа) после ранней обедни владыка ходил в скит, входил в церковь и в одну из братских келий. В первом часу пополудни вся братия собралась в соборный храм, потом пришел владыка; он прикладывался ко святым иконам и благословил всех; его проводили за колокольню, он сел в карету и поехал при колокольном звоне.

Дела, начатые мной в марте, оставались без движения; по крайней мере о них не было ни слуху ни духу и потому волей-неволей пришлось мне опять ехать в Петербург, и я отправился ноября 21. Преосвященный снабдил меня письмом к графине Муравьевой, а графиня Панина Александра Сергеевна вызвалась мне дать письмо к ее родному племяннику Юрию Васильевичу Толстому, господину товарищу обер-прокурора Святейшего Синода в случае ежели понадобится мне быть у него. Разумеется, и понадобилось, скажу более, оказалась необходимость лично объяснить некоторые подробности нашего дела.

В тот год сгорел на Николаевской железной дороге мост через реку Мету, один из самых больших и важных мостов. Вследствие этого поезда переменились: приходилось путникам пересаживаться и потому приноравливали так, чтобы оба поезда, по возможности, приходили одновременно к сгоревшему мосту. Я отправился из Москвы в 5 часов пополудни, к сгоревшему мосту поезд наш приблизился часов в 7 утра, но было еще очень тепло, и когда стало несколько светать подоспел петербургский поезд, и мы стали перебираться. Временный мост был устроен на лодках,

приходилось спуститься с горы крутого берега, перейти через мост и снова подниматься берегом в гору. Впрочем, все это было весьма удобно устроено, погода была теплая по времени, и этот переход не был утомителен. Можно было бы ожидать суматохи и толкотни, но от этого как-то управление железной дороги сумело избавить своих путешественников.

В Петербург поезд пришел в исходе третьего часа дня, и начинало уже видимо темнеть. Местность города я отчасти уже знал и нашел для себя удобным снова поместиться в гостинице «Москва» на Владимирской улице. В этот день было повечерие дня памяти благоверного великого князя Александра Невского; я слышал, что этот день торжественно празднуется в Лавре и, немного освежившись с дороги, тотчас отправился туда к всенощному бдению. Служил преосвященный Тихон, викарий Санкт-Петербургский*[46], и с ним четыре лаврских архимандрита и два иеромонаха. На следующее утро я отправился опять туда же к поздней литургии. Совершал ее владыка Новогородский, Высокопреосвященнейший Исидор, с обоими викариями, 6 архимандритами и двумя иеромонахами. В этот день и на следующий я повидался кой с кем по монастырским делам и, воспользовавшись письмом графини Паниной, был у господина товарища обер-прокурора Святейшего Синода, потом вторично я посетил его. Прием мне был сделан самый благосклонный, чем обязан, конечно, письму, а деятельному содействию Ю. В. Толстого обязана наша обитель успешностью и скорым окончанием своего дела. Дай Бог ему доброе здоровье!

Дело об испрошении нам лесной дачи, начатое через епархиальное начальство, поступило в канцелярию господина обер-прокурора Святейшего Синода и оттуда было своевременно препровождено в министерство государственных имуществ, и там с марта и по ноябрь оставалось без движения, пока через письмо от преосвященного, через мою личную просьбу и через докладную записку мою, врученную господину министру А. А. Зеленому, при посредстве покойной графини Муравьевой Пелагеи Васильевны, не двинули его вперед. В несколько дней это дело подвинулось более, нежели в несколько месяцев. Это весьма естественно: в министерствах,

где столько сотен, а, пожалуй, можно без преувеличения сказать, столько тысяч дел поступает ежедневно вновь, невозможно ожидать, чтобы в равной мере все дела шли и двигались вперед; конечно, те, о которых помнит министр сам или ему напоминают, текут быстрее. Напрасно обвиняют министерства и их чиновников: вини каждый сам себя, ежели его дело плохо двигается вперед, следовательно, ты сам плохо за ним следил. Дело требует хождения: проси, справляйся, напоминай настолько, насколько нужно, чтобы про твое дело не забыли, вот это-то и есть искусство хождения по делам; уразумей сию меру и ты будешь успешно действовать. Как бы там не было, графиня Муравьева лишний раз попросила министра и напомнила ему и тем ускорила дело. Дай ей Господь Царство Небесное за ее помощь обители нашей!

Во время вторичного моего пребывания в Петербурге я снова посетил соборы, крепость, монастырь и общину, но повторять об этом не стану. В этот раз я вновь видел один только Смольный монастырь, то есть главный его собор, который действительно замечательное произведение зодчества. Он был начат при Императрице Елисавете по проекту знаменитого художника-архитектора графа Растрелли, вызванного в Россию графом И. И. Шуваловым, основателем Московского Университета. Высокая пятиглавая церковь находится в середине обширного двора, заключенного со всех четырех сторон зданиями той же прекрасной архитектуры, как и церковь, которая весьма велика и просторна: вышиной она, говорят, превосходит Ивана Великого, Киевскую и Троицкую колокольни и может вмещать до 6 000 человек. Внутри шесть огромных столбов поддерживают своды. Вся внутренность храма белая, все три престола в ряд; алтари на возвышенной солее, имеющей 12 ступеней, и я нахожу, что это слишком высоко, довольно было бы и шести; вдоль солеи прекрасная хрустальная балюстрада, весьма изящная, когда смотришь на нее вблизи, но совершенно не имеющая того вида, когда стоишь далее. Храм этот, начатый при Елисавете Петровне в конце 1740 годов, оставался недоконченным до 1834 года; тогда его отделали и освятили. Он во всех отношениях замечателен, и не

знаешь, что лучше, внутренность или внешность. Когда смотришь на его наружность, думаешь, что невозможно, чтобы и внутренность соответствовала этой величавой красоте внешности: войдешь в него и забудешь, что видел снаружи, и восхищаешься тем, что и видишь внутри величественность, обширность размеров, соответственность частей, красоту, изящество, благолепие, изобилие света, словом сказать, что затрудняешься решить, что изящнее и величавее: внешность или наружность.

Сперва тут был дворец, построенный Петром I для царевны Елисаветы Петровны, на месте прежде там находившегося селения, называвшегося Смольным, от бывшего в оном смоляного и дегтярного завода. Императрица Елисавета пожелала учредить тут женскую обитель, которая и названа была Воскресенским Смольным монастырем. При Императрице Екатерине II монастырь был упразднен и преобразован в Институт для девиц, здания обращены в помещение для воспитанниц. Сохранилось только название монастыря и прежнего селения Смольного. По наружности церковь и все окружающие оную здания не похожи ни на дворец, ни на Институт, но сохранили отпечаток прежнего своего названия монастыря.

Весьма сходственна с храмом Смольного монастыря, и хотя в уменьшенном размере, церковь Владимирской Божией Матери, отчего и улица, где она находится, называется Владимирской. Ежели это не произведение Растрелли, то, конечно, подражание его архитектуре. Не оттого же ли так изящны постройки времен двух наших императриц, Елисаветы и Екатерины, что тогдашние наши зодчие были под влиянием великого и даровитого итальянца графа Растрелли.

Зимний дворец, Царскосельский дворец и дом графа Строганова у Полицейского моста носят отпечаток того же характера и восхищают своим изяществом. Смольный монастырь я посетил дважды: один раз я был у всенощного бдения под воскресенье, другой раз в будни, у поздней обедни. Хорош и величествен храм в вечернем полумраке, но еще великолепнее при дневном сиянии.

Ноября 24, в день святой великомученицы Екатерины происходила закладка памятника Императрицы Екатерины II на площади напротив императорской публичной библиотеки.

Ноября 26 я служил с владыкой на подворье у него раннюю обедню: это день празднества святителя Иннокентия Иркутского, именины владыки, и вместе день памяти великомученика Георгия, и в этот день был кавалерский праздник и столетний юбилей со дня установления Георгиевского ордена в 1769 году. В этот день долженствовало быть торжественное молебствие, совершаемое всеми тремя митрополитами во дворце, и перед дворцом на площади происходил смотр войскам, всем угощение и обеду Государя. Стечение народа на параде было неимоверное, и это отозвалось и для других жителей ближайшей местности: я куда-то ехал в карете по Невскому проспекту и нужно мне было повернуть влево, но куда ни подъедет извозчик, нигде не пропускают, так что пришлось ехать опять назад и объезжать весьма далеко.

Декабря 6 я опять служил с владыкой на Троицком подворье; грустно мне было, что в день нашего праздника я далеко от обители, но мне хотелось дождаться решения наших дел. Так я промедлил еще до 10 числа и, узнавши, что покупка дома рядом с нашим подворьем Высочайше разрешена, я отправился обратно в Москву, и 14 декабря благополучно прибыл в монастырь.

Эта вторичная поездка принесла пользу; ибо мы получили все, о чем просили: 1) штат монастыря разрешено было увеличить: к определенным по прежнему штату 12 монахам мы просили прибавить еще 40 человек, и определено было разрешить нам, кроме 40 монашествующих, иметь еще 40 указных бельцов; следовательно, штат братии вместо 12 человек быстро возрос до 92; 2) дом Лаврентьевых разрешено монастырю приобрести и 3) по ходатайству Святейшего Синода и по представлению господина министра государственных имуществ Высочайше пожалована монастырю для училища и богадельни лесная дача, называемая Савеловская, в

количестве 238 десятин, расстоянием от Троицкой Лавры в 18 верстах, на границе Александровского уезда.

Этими хлопотами и заключился 1869 год вполне для нас благополучный.

Глава XVIII. Архиерейский дом; освящение Казанской церкви; кончина Коломенского архимандрита Тихона; преобразование Ново-Голутвина монастыря в общежительный; приезд преосвященного Леонида в Коломну, торжество открытия общежития

В 1870 году, за несколько дней до нашего праздника, мая 9, было совершенно докончено устроение новых архиерейских хором, выстроенных для приезда владык. В прежнее время, когда приезжали к нам в обитель цари и патриархи, для них существовало особое помещение, о котором упоминается в последний раз в описи 1763 года; оно названо Государевы палаты и Патриаршие келии. Где они именно были, мы с достоверностью теперь указать не можем; должно предполагать, что нынешние настоятельские келии составляли часть Государевых палат, но более мы ничего не знаем. При частых посещениях царей необходимы были для них и особые покои, которые впоследствии времени за излишеством, а может быть, и за ветхостью перебраны или разобраны вовсе.

При покойном владыке, когда он посещал нашу обитель, я обыкновенно выбирался из своих келий на время его пребывания и помещался в маленькой келейке моего келейника, но для сопровождавших владыку помещения возле него не было. Вообще помещение владык в моих келиях без всякого удобства для них было сопряжено с великими хлопотами и неудобствами для меня. Чувствуя это, я намеревался перестраивать свои келии и покойник Куманин хотел было пожертвовать на это известную сумму, но так как ему помешали исполнить его намерение, а может быть, и не исполнили заповеданное им, то я и оставил свои келии в первобытном их виде.

В 1866 и в 1867 годах продавались на слом разные строения в селе Остров, и я купил манеж, кухню, ограду и графские хоромы. Это приобретение мне подало мысль устроить для приезда владык совершенно отдельное помещение со всеми возможными удобствами для их временного пребывания и с комнатами для их прислуги.

Дом, купленный в селе Остров, начали разбирать осенью 1868 года, а с весны 1869 года начали ставить на избранном для него месте, между монастырем и скитским садом. Во время второго посещения нашего владыки (митрополита Иннокентия) в августе 1869 года дом был уже вчерне готов, и владыка пожелал осмотреть его, одобрил, и ему весьма понравилась широкая галерея, которая около всего дома. Она существовала и прежде, и я ее оставил. Дом значительно убавили и приспособили к удобнейшему помещению владык, почему смежно с залом была устроена и домовая крестовая церковь.

Графский дом в Острове был двухэтажный, низ каменный, верх деревянный, из толстого соснового леса.

Перевезши в монастырь, я выстроил весь дом из дерева и сделал его двухэтажным, снаружи оштукатурил. В нижнем этаже, из сеней направо и налево, по несколько комнат для приезжающих с владыкой. Лестница, ведущая вверх, широкая, дубовая, переделана из прежней. С верхней площадки открываются трое дверей: налево на галерею, окружающую дом, прямо – стекольчатая сдвижная дверь в крестовую церковь, направо – в зал. Стены верхних сеней, где лестница, сосновые, филенчатые в елку, крытые лаком, потолок узорчатый, сосновый, лаковый, около стен и по лестнице дубовые панели, коробки окон, подоконники, наличники, двери, все дубовое, лакированное, заимствованы из островского дома. Стены в церкви и потолок также сосновые, узорчатые, лаковые. Иконостас вышиной аршина в два с половиной из темного дерева прорезной, сквозной, устроен по подобию находившегося в прежней церкви до ее переделки в Вифанском митрополичьем доме, с той разницей, что тот золоченый, а этот полированный. Церковь во имя Преподобного Сергия. Запрестольная сторона алтаря из белого кипариса с

углублением для горнего места, над оным – деисис, направо и налево по две иконы, внизу и наверху, и все иконы Фряжского пошиба на золоте нового письма. Из алтаря задвижная дверь в зал и дверь с верхней площадки лестницы, служащей как бы притвором для храма. Зал в четыре окна, стены и потолок сосновые с узорами, полы сосновые штучные, двери, панели, косяки окон и лавки около стен – все дубовое, лакированное. В гостиной, в которой два окна и дверь на галерею, стены такие же, равно и около двери панели. Кругом широкие скамьи с прислонами и высокие дубовые стулья, обитые шелковой куфтерией дымчатого цвета. За гостиной небольшая столовая в одно окно, кабинет в два и за ним направо дверь в опочивальню. Эта последняя комната из липовой облицовки по стенам и потолку филенками в елку; дерево не лакировано. К нижнему этажу примыкает крытый переход, ведущий в кухню, погреб и дровяник.

Таков архиерейский дом. Первым посетителем в оном был наш московский градоначальник князь Владимир Андреевич Долгорукий. Он никогда еще прежде не бывал у нас в обители, но в этот год ему пожелалось посетить ее, и для этого он избрал день нашего храмового праздника, 9 мая. Он приехал перед обедней прямо к архиерейскому дому, по указанию встречника, высланного к нему вперед. После того присутствовал при божественной литургии, участвовал в крестном ходу около монастыря и пожелал трапезовать вместе с братией в большой братской трапезе. Затем, побывши немного в архиерейском доме, собрался в обратный путь в Москву, и на дороге повстречался с преосвященным Леонидом, который ехал к нам. Преосвященный прогостил у нас дня три или четыре; однажды служил в это время и наградил Николо-Пешношского строителя Дионисия набедренником. К концу августа того же года поспела новая церковь при нашей богадельне во имя Казанской Божией Матери, устроенная по усердию московским купцом Дмитрием Павловичем Рогаткиным и другими вкладчиками.

Когда все было готово к освящению, я отправился к владыке просить его освятить церковь, и он был так милостив, что не отказался, и назначен был на это день 6 сентября.

Владыка приехал 3 сентября, перед вечером, прямо к архиерейскому дому. Большой встречи себе он не приказал делать, а со всей братией я встретил его у западных ворот. Он вышел из кареты, всех благословил, и вошли в палаты. Обошедши везде, он остался всем доволен, и в особенности опять хвалил галерею около дома. На следующие два дня, четвертого и пятого, владыка ходил в 7 часов утра через скитский сад в скит к обедне. После обеда пятого числа владыке угодно было посетить село Остров, и мы туда с ним поехали. У церкви ему была встреча с крестом и с трезвоном. Возвратившись, он осматривал Казанскую церковь и богадельню. Малая вечерня была в Казанской церкви, я читал акафист, но владыка не был, он и всенощное бдение слушал у себя, в крестовой церкви, а я слушал соборно в Казанской. Сентября 6, день был ненастный, и владыка ехал в церковь в карете при колокольном звоне; у крыльца ему была встреча. За святыми мощами ходили крестным ходом в собор. В служении со владыкой был его сын, протоиерей отец Гавриил, я и игумены Перервинский, Староголутвинский, Белопесоцкий, Бобреневский. После освящения владыка возвратился к себе, потом ездил в трапезу, и в 3 часа пополудни возвратился обратно в Москву.

К концу сентября подоспела и другая церковь к освящению, крестовая. Вторично звать владыку я не решился, но просил у него благословения пригласить преосвященного Леонида, который и прибыл 24 числа перед вечером. Всенощное бдение совершал в крестовой церкви сам преосвященный соборно со мной и монастырской братией. В день праздника последовало освящение храма, за святыми мощами преосвященный ходил крестным ходом через сад в скитскую церковь. После освящения преосвященный трапезовал с нами в братской трапезе и провел у нас в монастыре еще несколько дней.

В октябре того же года я отправился в Берлюковскую пустынь и повез туда нового настоятеля, нашего бывшего казначея, отца Нила, назначенного туда строителем. Когда в исходе 3-го часа мы стали с ним подъезжать к монастырю и нас увидели, ударили в тысячепудовый колокол. У Святых ворот

была большая встреча, и мы направились к храму. После литии и многолетия мы ввели нового настоятеля в настоятельские келии. В 7 часов было всенощное бдение, которое соборно совершал новый настоятель; наутро торжественная литургия и праздничная трапеза для братии, затем последовала передача новому строителю всего церковного и монастырского имущества.

Февраля 7, 1871 года скончался в Коломне Новоголутвинский настоятель архимандрит Тихон, весьма долго управлявший обителью. День кончины его совпал с прощальным воскресеньем на сыропустной неделе, а погребение совершено в среду первой седмицы Великого поста. По должности благочинного я приехал в монастырь в Чистый понедельник, и монастырь был в совершенной скудости; а так как на погребение ожидали преосвященного Игнатия, епископа Можайского, то я весьма затруднился в денежных средствах, но совершенно неожиданно мы были выведены из затруднения. Соборный церковный староста принял на себя все церковные расходы, как-то: плату за освещение, певчим и прочее, а потомственный почетный гражданин Гурий Федорович Ротин вызвался заплатить за обеденный стол и прочие похоронные издержки, и погребение вышло великолепное. По смерти отца архимандрита Тихона монастырь, которым он заведывал почти 25 лет, остался в совершенном упадке и нищете во всех отношениях: монастырской суммы оказалось налицо до 15 рублей серебром, а в ризнице не нашлось даже и приличного воздуха, чтобы покрыть лицо усопшего. Собственно у него оказалось всего имущества менее чем на 100 рублей. Покойный отец архимандрит был безукоризненной жизни, и при том даже и хороший монах, но не имел способностей, отличающих опытного правителя, и при всей своей доброте и приветливости не умел расположить граждан коломенских к обители Новоголутвинской. Впрочем, главная причина запустения обители не столько зависела от личности настоятеля, сколько от самого устройства чиноположения монастырского; ибо, хотя монастырь и существовал в городе 70 лет, но так как был штатный, то и никогда не приходился по сердцу жителям

Коломны. Это вполне выразил Гурий Федорович Ротин, когда после поминовенной трапезы я как благочинный стал благодарить его, что он выручил нас из беды, щедрой рукой снабдив всем нужным для погребения, которого сама обитель, по скудости своих средств, не могла бы сделать, то он мне на это сказал: «Я бы всегда готов был поддержать нашу обитель, но по милости штатного положения, она дошла до того, что ее, как я слышал, хотят закрыть. Ежели бы духовное начальство согласилось вместо того, чтобы совсем упразднить, сделать из нее общежитие и отца игумена Сергия из Староголутвина монастыря перевести к нам в Троицкий монастырь, я бы в этом с радостью принял участие, да еще отдал бы и дом, который у меня в Коломне». Я на это и сказал ему: «Я уверен, что ежели бы только доведено было до сведения епархиального начальства, и оно бы уверилось, что Вы не измените своих намерений, то без сомнения Ваше желание могло бы осуществиться». Пошли переговоры. Владыка наш, вполне сочувствующий общежитиям, весьма порадовался столь неожиданной помощи к преобразованию монастыря, обреченного на упразднение.

Вскоре после того в Троицкий Новоголутвин монастырь и был перемещен отец Сергий, который, согласно желанию благотворителя подготовил оный к открытию в нем общежития. Это совершилось ноября 26, 1871 года вдень празднества святого Иннокентия, Иркутского чудотворца, вместе с тем и день тезоименитства владыки нашего, который при самом своем вступлении в управление новой своей епархией высказал преимущественное свое расположение не к штатным обителям, но к общежитиям. Вот как совершилось открытие этого нового общежития в присутствии преосвященного Леонида, епископа Дмитровского. Он прибыл из Москвы 25 числа в 4 часа пополудни и прямо с железной дороги проехал к собору, где при колокольном звоне был встречен всем коломенским духовенством. По выходе из собора он направился к Святым воротам Троицкого Новоголутвина монастыря; здесь ему была такая же встреча от игумена и братии. В 7 часов вечера, во время всенощного бдения, на литии и величании с

преосвященным служили отец-игумен Сергий, Берлюковский строитель, отец Нил, Староголутвинский строитель, отец Варлаам и монастырские старцы. Пели монастырские братья, и хотя бдение, совершаемое по уставу, и было продолжительно, однако оно своей торжественностью и благолепием не утомило, а порадовало благочестивых жителей Коломны.

На следующий день литургию соборно совершал преосвященный с теми же, что и за всенощным бдением. Преосвященный говорил слово, в котором в кратких чертах изобразил всю прошедшую жизнь преобразуемой обители. На молебствии первосвятителю Иркутскому Иннокентию собралось и все городское духовенство. За многолетием, провозглашенным Государю Императору, Царствующему дому и владыке Московскому, Высокопреосвященнейшему Иннокентию, последовало многолетие и виновникам торжества – обновителям обители, рабам Божиим Гурию и Екатерине, которым преосвященный выразил благодарность владыки Московского и благословил их иконой Живоначальной Троицы и Преподобного Сергия. После краткого отдыха в архиерейских палатах преосвященный торжественно ходил в братскую трапезу, по установленному чину носили Пречистую; вместо поучения, во время трапезы, читали слово, говоренное в 1853 году покойным митрополитом Филаретом при открытии общежития в нашем монастыре.

В искреннем и теплом участии, которое принял Гурий Федорович Ротин в судьбах Новоголутвинской обители, выразились, я полагаю, не столько его собственные личные чувства и убеждения, сколько вообще сочувствие русского православного люда к уставу общежительному. Это весьма естественно, ибо жизнь общежительных монастырей, не утратившая духа первобытно-древней простоты и основанная на взаимном доверии и совершенной покорности младших старшим, ближе к понятиям и нравам русского народа, нежели те натянутые отношения, которые были вымышлены для монастырей штатных. Поэтому-то она и находит сочувствие большинства, как нечто родное и близкое сердцу русского человека. Да и самые даже образованные люди, хотя и вовсе

не проникнутые монашеским духом, но имеющие о монашестве неискаженное понятие, чистосердечно сознают, что те высокие христианские дрбродетели смирения, нестяжания и чистоты сердечной, без которых монашество немыслимо, несравненно скорее приобретаются и лучше сохраняются в уединении обителей общежительных, чем среди суетливой и рассеянной жизни, сложившейся в штатных монастырях, по большей части окруженных мирскими жилищами. Вот почему и Троицкий Новоголутвин монастырь, целые 70 лет существовавший в Коломне, был предметом всеобщего сожаления и, предоставленный своим собственным средствам, едва существовал, но преобразованный в общежитие, воскрес из развалин, так быстро обновился и пришел в цветущее состояние.

Глава XIX. Богадельня в селе Остров, освящение при оной храма, открытие; Московская Чернорабочая больница, игумен Антоний Бочков

Декабря 11, 1871 года владыка наш посетил нашу обитель в четвертый раз, так как на следующий день назначено было освящение церкви во имя первосвятителя Московского Петра, митрополита и святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского в здании вновь устроенной богадельни в селе Острове. Сперва предложено было святить храм в самый день памяти святителя Иркутского, вместе и день тезоименитства нашего владыки, но по необычному разлитию Москвы-реки в столь позднее время года, освящение пришлось отложить, пока не установится зимний путь. Владыка прибыл к нам около полудня, проехал прямо к архиерейскому дому, где мы все его встретили. На всех колокольнях был звон, за холодом же торжественной встречи не делали. В одно время с владыкой прибыл и преосвященный Игнатий, а к вечеру преосвященный Леонид, и остановились в скиту. На всенощное бдение в Остров из владык никто не ездил: они слушали бдение в крестовой церкви; служил монастырский казначей и Московский соборный протодиакон, к вечеру съехались еще некоторые настоятели, приглашенные владыкой: Богоявленский архимандрит отец Никодим (ныне викарий Дмитровский), Спасо-Андроньевский архимандрит Модест, игумен Перервинский Никодим, Давыдовский Иосиф и многие из московских протоиереев и члены Островского комитета. На следующее утро преосвященные и мы все отправились в Остров, в 8 часов утра, и к 9 часам прибыл туда и владыка. В служении с ним участвовали оба преосвященные, я и протоиерей И.Н. Рождественский, от Черниговских чудотворцев, что в Москве, на Пятницкой, и еще два протоиерея. Во время причастного стиха проповедь говорил протоиерей Капустин, в Басманной, от Никиты-мученика. Пела наша угрешская братия, и весьма

изрядно. После литургии владыка и мы все вслед за ним пришли в трапезную палату, где были уже приготовлены столы для живущих в богадельне; владыке поднесли хлеб-соль. Священник Антушев читал отчет о построении вновь учрежденной богадельни, о средствах к содержанию и прочем. После того владыка пожелал осмотреть все здание во всех подробностях, всем остался доволен и благодарил меня за устройство богадельни.

После сего владыка и все мы поехали в монастырь прямо к новой трапезной палате. В продолжение трапезы один из братии читал толкование на Евангелие в Неделю праотец, на колокольне во все время был красный звон, и протодиакон провозглашал многолетие Государю Императору и всему Царственному дому, Святейшему Синоду и члену и оного, Высокопреосвященнейшему владыке нашему, господину обер-прокурору графу Толстому, господину министру государственных имуществ Зеленому, преосвященным и прочим, и пили за их здравие. Протоиерей, сидевший за первым столом напротив владыки, вставал при каждом провозглашении и произносил краткие речи, а под конец и сам владыка сказал довольно краткое и прекрасное слово, которым он благодарил всех содействовавших ему при устроении Островской богадельни, и заключил словами, которые глубоко врезались в моей памяти: «Напрасно приписываете вы мне более, нежели сколько я сделал. Вы говорите, что я устроил, что я учредил: это не совсем верно, мне принадлежит начинание, но что бы мог я сделать, ежели бы не имел деятелей, не имел сотрудников, которые бы мне споспешествовали? Итак, не говорите, что я устроил богадельню, что я открыл ее, а скажите лучше, что она открыта при мне, что было это сделано в мое время, и это будет вернее. Итак, благодарю еще всех, содействовавших мне и всех, принимавших участие в этом деле».

После трапезы все принимали благословение владыки, и он поехал в архиерейский дом, а, отдохнув там, отправился в обратный путь, в Москву. Этот день останется приснопамятным для обители нашей, которая никогда в продолжение более двух столетий не видала в стенах своих трех владык вместе при

таком собрании настоятелей и высшего белого духовенства. А в монастырской трапезе, можно смело сказать, не трапезовали никогда три святителя и столько духовенства, и Бог знает, повторится ли еще когда-нибудь подобное посещение.

Да и при царе Алексее Михайловиче, в 1668 году, июня 11, когда у нас в обители были три Патриарха, они только посещали соборный храм, но после литургии поехали в Остров кушать у Государя, а в монастыре не трапезовали.

Нельзя не подивиться странному сближению судеб села Острова и нашей обители. С самых давних времен, когда великие князья московские езжали в Остров, они заезжали и в Угрешский монастырь; бывали ли они у нас, посещали тогда и Остров, существовавший уже при Калите, деде великого князя Дмитрия Ивановича Донского, основавшего Угрешскую обитель. Может быть, даже этому соседству и обязана отчасти обитель наша своим существованием, потому великий князь Дмитрий Иванович, весьма вероятно, оттого и расположился тут станом, что близко было его потешное село. Царь Алексей Михайлович потешался охотой в Острове, он прихаживал помолиться на Угрешу. Когда он угощал в Острове Патриархов, они посещали и нашу обитель. Впоследствии, когда, оставив Москву, Государи перестали бывать в нашей обители, в одно время пришли в упадок и Остров, и Угреша. Остров предрешил основание Угреши, а в Угреше была решена последняя судьба Острова. Туда ехали святители на освящение и посетили Угрешу, которой отныне поручено блюсти за благостоянием богадельни в Острове. Действительно, можно сказать без преувеличения, что у нас в обители решилась судьба Острова, потому что когда во второе свое посещение, в послеобеденное время владыка прохаживался по площадке, окружающей угловую башню, что возле настоятельских келий и, обозревая окрестности, расспрашивал у меня название селений, я упомянул ему о селе Острове, то мне пришло на ум рассказать владыке, какие там есть прекрасные и обширные здания, давно уже совершенно пустые и которыми бы очень хорошо было воспользоваться для устроения богоугодного заведения.

Выслушав со вниманием мои слова, владыка спросил меня: «Да можно ли надеяться что-нибудь сделать?»

Я ему отвечал: «Попытка не беда, владыка святый; благословите разузнать!» Проводивши владыку, через два дня я отправился в Москву и прежде, нежели мне являться к нему на Троицкое подворье, я предварительно заехал в Палату Государственных Имуществ, где у меня был очень хороший знакомый, один из начальствующих. Я стал ему объяснять в чем дело, а он мне на это и сказал: «Да сделайте милость, избавьте нас только от хлопот по этому Островскому селу: мы Вам первые в ножки поклонимся». И тотчас велел приискать планы дачи и строений и мне их тут же передал. С этим неожиданным известием я поехал к владыке, который в столь успешном начале усматривая видимое благоволение Божие на успех задуманного дела, тотчас же вошел в сношение с министрами. Дело это тянулось довольно долго и доходило до Государственного совета, где обсуждалось в Общем собрании господ министров, и Высочайше решено было согласно желанию нашего владыки 8 мая 1870 года. Усадебная господская земля села Острова в количестве 32 десятин со всеми находящимися на ней строениями Всемилостивейше безвозмездно пожалована была Духовному ведомству Московской епархии, а в июне того же года была передана ему светским начальством. Вслед за тем, по благоусмотрению владыки, был учрежден комитет по устройству Островской владычной богадельни, а председателем оного угодно было владыке назначить меня.

С мая 1871 года приступлено к работам, окончившимся перед самым освящением.

Богадельня помещается в квадратном одноэтажном здании, в середине которого находится двор, две стороны здания по 50 саженей, а другие две по 40 саженей, а шириной 6 саженей 2 аршина.

Внутренность заведения распределена следующим образом:

1. С юго-восточной стороны – домовая церковь довольно просторная.

2. С противоположной, то есть северной стороны – общая столовая и поварня.

3. Больница и аптека – в средине здания.

4. Кладовые и погреба.

5. Баня и прачечная.

6. Отдельных помещений для 90 семейств, то есть более чем для 250 человек, а в 1875 году отделан еще новый корпус на 30 семейств, так что можно считать призреваемых, в сложности больших и детей, до трех сот человек.

Для домашнего обихода богадельня имеет свой огород и свой сенокос.

Так учредилось это вполне благотворительное заведение, более походящее на семейный приют, нежели на богадельню; ибо она назначена для призрения бедных вдов и сирот, немощных и престарелых из белого духовенства. И учредилось на суммы, пожертвованные монастырями, земля и здания Высочайше пожалованы Государем Императором, а для содержания призреваемых, по воле владыки, положена главная капитальная сумма от Перервинского монастыря и от различных монастырей производятся ежегодные взносы в определенном количестве, неизменно, на вечные времена[47]. Будет ли еще когда-нибудь подобное сему благотворительное учреждение, нам неизвестно, но мы, не обинуясь скажем, что еще не было по сие время.

Это тихое пристанище и прибежище нищеты и убожества благосердный владыка наш воздвиг себе несокрушимый памятник, который увековечит его память в отдаленнейших поколениях; он останется вместе с тем и назидательным примером для монашества, которое заступит наше место, и ныне и после будет всегда служить самым очевидным опровержением для тех, которые, по предубеждению своему против монашества, отрицают пользу, приносимую обителями иноческими. Неоспоримо, что и в монашестве, как и везде, где есть люди, присуще зло, но оттого столь очевидное, что ожидают от монашествующих жития не человеческого, а равноангельского. Виновны, следовательно, не монахи, а люди, и чтобы зла не было, надлежало бы поэтому уничтожить не

монашество, а человечество. Но, взирая на одни только общечеловеческие слабости, привносимые из мира и во обители, мир не видит, потому что не хочет видеть тех великих заслуг, которые монашество в продолжение XVI столетий оказывало с любовью и полным самопожертвованием присно восстающему на него миру. Заслуг этих исчислить невозможно; иначе бы пришлось нам описывать всю историю человечества; ибо всегда и везде первый шаг делали монахи, и из глубины своих убогих келий просвещали мир, и нравственно и умственно ему благодетельствуя.

В июне 1871 года вследствие распоряжения епархиального начальства предписано мне было, чтобы подведомственные моему благочинию общежительные монастыри Московской епархии посылали по очереди по одному иеромонаху и послушнику для отправления треб в отделение Московской Чернорабочей больницы, что в Старой Екатерининской больнице. Таково распоряжение начальством сделано было вследствие вопроса, возбужденного бывшим тогда попечителем Московских Чернорабочих больниц Г. Ал. Нейдгардтом, как бы достичь того, чтобы требы в больнице исполнялись неопустительно, так как им замечено было, что для белого духовенства, заведывавшего отправлением треб, было это весьма неудобоисполнимо. Чернорабочая Старая Екатерининская больница была в ведении священников двух ближайших церквей: Троицы в Капельках и мученика Трифона. Оба священника, имея свои собственные обязательные требы, один по обширности своего прихода, другой по множеству ежедневных молебствий, затруднялись исполнением возложенной на них обязанности по больнице, находили возможным ежедневно уделять только весьма немного времени, тогда как больных бывает иногда более 1 000 человек. Духовное начальство сознало всю справедливость замечания господина попечителя и, не находя более удобного исхода из затруднения и расчитывая вместе с тем на готовность монашества на таковое самопожертвование, обратилось к монастырям общежительным, так как Московские монастыри уклонились от участия в этом деле.

На это предписание общежительные монастыри отозвались с сочувствием и с готовностью послужить на пользу ближнего, и потому, согласно воле высшего духовного начальства, я распределил так, чтобы Угрешский, Николо-Пешношский монастыри, Берлюкова пустынь, Староголутвин монастырь и Давидова пустынь высылали для отправления треб по одному иеромонаху и послушнику дважды в год сроком на один месяц, а Екатерининская пустынь и Белопесоцкий монастырь – по одному разу в год.

Нельзя не согласиться, что это нововведение должно принести великую пользу как для мирян, поступающих в больницу, так и для монашествующих, призванных послужить им. Первые, ежели сочтены уже дни их, не умирают, не очистив совести своей исповедью и не получив христианского напутствия, а ежели возвращаются к жизни, то несут с собой в мир благотворное впечатление о подвиге любви и самоотвержения, безвозмездно совершаемом слугами Христовыми, добровольно оставившими суетный мир. Эти же последние, постоянно имея пред очами умирающих и страждущих, даже и невольно побуждаются к непрестанному и спасительному памятованию о смерти, и сами для себя собирают сокровище духовное, которого бы, быть может, не стяжали, пребывая в уединенной келии, и потому или возвращаются в обитель свою обогащенные не гибнущими сокровищами, или с честью как истинно добрые воины Христовы умирают на поприще духовном, за ближних полагая души свои.

Наш монастырь как монастырь благочинного должен был показать пример и первый начать чреду на этом новом поприще.

Первый, поревновавший выступить на это новое поле делания духовного, был один из достойнейших старцев нашей обители, бывший игумен Череменецкого Богословского монастыря отец Антоний Бочков, жительствовавший у нас на покое. Как первый делатель, он установил надлежащий порядок при отправлении треб, и как добрый пастырь, а не как наемник, положил душу свою за ближних. Во время своего пребывания в больнице он заболел. Я предлагал ему возвратиться в

монастырь, но он не пожелал, говоря: «Что ежели такова воля Божия, то я желаю умереть на подвиге». Желаемое им исполнилось: он скончался апреля 5, 1872 года.

В мире он назывался Алексей Поликарпович Бочков, был сын весьма богатого Санкт-Петербургского почетного гражданина, родился в Санкт-Петербурге в 1803 году, марта 14 дня. Он был весьма молод, когда женился на дочери Санкт-Петербургского купца Прокопия Ивановича Пономарева, также весьма богатого человека, имевшего торговый дом. Алексей Поликарпович (судя по его наружности в последние годы), должно думать, был смолоду замечательно благообразен. Вскоре после наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге в 1824 году, молодая его жена умерла, оставив малолетнего сына на попечение тестя своего, Пономарева; вслед за тем и Алексей Поликарпович оставил мир и решился поступить в монашество. Будучи характера весьма нерешительного, он не скоро привел в исполнение свое намерение и долгое время жил во многих монастырях как богомолец, присматриваясь к монашеской жизни и, не находя того, чего ожидал и желал найти, переходил из одного монастыря в другой. Он был пострижен в Густынском монастыре Прилуцкого уезда, в 7 верстах от города Прилуки (на реке Удае), где он только числился, но в действительности он жил в архиерейском доме у преосвященного Гедеона, епископа Полтавского, которым и был совершенно пострижен в 1844 году. Впоследствии отец Антоний опять находился в числе братства в Сергиевской пустыни, был в Старо-Ладожском монастыре духовником, жил в монастыре Александра Свирского, в Оптиной пустыни, неоднократно путешествовал в Палестину и на Афон и оставил, хотя краткое, но весьма любопытное описание своего пребывания в Святой Земле, недавно напечатанное (в «Чтениях в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете»), и наконец, был произведен во игумена Богословского Черменецкого монастыря. Обитель эта при его поступлении была в крайнем упадке: имея хорошие средства, он обновил и благоустроил ее во внешнем отношении, но главного – внутреннего порядка он не мог вполне достигнуть по своей чрезмерной доброте и доверчивости; он не

имел людей, которые бы ему были преданы, а те, на которых он полагался, во зло употребляли его благорасположение. Чувствуя свою несостоятельность в деле правления, он тяготился настоятельством и по прошествии небольшого времени стал проситься на покой. Сперва он пребывал в своем монастыре, но потом, вследствие несогласия с своим преемником, оттуда удалился. Наша обитель, которую он и прежде не раз посещал, пришлась ему по мысли, и потому он изъявил желание поселиться у нас на больничной вакансии. Он прибыл к нам апреля 12 в 1871 году и пожелал находиться не в самом монастыре, но в скиту, где занял большую келию, строенную для покойного игумена нашего отца Илария, в схиме Илии.

Отец игумен Антоний был человек весьма тихого и кроткого характера, и с ним было бы жить весьма легко, ежели бы он сам имел поболее силы воли и не так легко смущался иногда весьма ничтожными обстоятельствами. Он был человек от природы весьма умный, начитанный, имел обширную память, был приятный собеседник, человек воздержный и любивший монашество (но мечтавший о невозможном, то есть о совершенной независимости монашества, как в первые века своего существования), и потому провел все время своего иноческого жития в отыскивании несуществующего и в стремлении к недостигаемому. Один из покойных владык Новгородских выразился о нем так: «Отец игумен Антоний сосуд драгоценный, но, к сожалению, совершенно разбитый». Он желал невозможного и никогда не умел пользоваться существующим в действительности, и потому не мог нигде найти постоянного места для своего жительства, ни свыкнуться с одними и теми же людьми*[48].

Глава XX. Новое монастырское училище; освящение храма в оном; акт открытия, речи, состав училища

Июня 3, 1873 года совершено освящение церкви в здании нового училища и открытие оного. Но прежде чем стану говорить об этом торжестве, расскажу о том, как началось у нас училище. Возвращаюсь к 1865 году. В то время в Московской Палате Государственных Имуществ служил советником Яков Иванович Попов, который неоднократно советовал мне открыть при Угрешском монастыре народное училище; но я нисколько не сочувствовал этому делу, не видя в нем пользы для обители и сомневаясь, чтобы и для окрестного населения оно оказалось полезным, и потому слушал советы Якова Ивановича, отнюдь не располагая им следовать. Однако Яков Иванович, нимало не смущаясь безуспешностью своих попыток, снова и снова с большими усилиями возвращался к тому, пока в 1866 году в апреле не достиг желаемого им. Он приехал 7 числа вечером, приступил ко мне и сказал, что не уедет без того, чтобы я не открыл училище. На этот раз я сделался уступчивее и согласился открыть училище в здании монастырского старого упраздненного постоялого двора в полуверсте от монастыря, думая про себя: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; когда еще что будет, и учеников не собрали, а что там выйдет – будет видно». Но я в своих соображениях обманулся. Якову Ивановичу недоставало только моего согласия, а все уже было им подготовлено, и едва успел он вымолить у меня согласие, как тотчас же разослал повестки по соседним деревням, чтобы все переписанные мальчики на следующее утро собрались в назначенный час. На другой день к поздней обедне в церковь собралось до 60 мальчиков, готовых поступить в наше училище. По окончании обедни понесли икону Святителя Николая, и я пошел с братией в будущее училище, где отслужили с водосвятием молебен. Итак, апреля 8 открылось монастырское народное училище. Но я сильно сомневался, чтобы это дело пошло успешно, потому что и

самый преподаватель, которому поручалось училище, Дмитрий Байков, один из нашей братии, хотя и находился уже около двух лет в монастыре, и по характеру и по поведению человек был одобрительный, но я не знал, имеет ли он достаточно познаний и способности, необходимых для хорошего преподавателя.

Из числа 60 мальчиков, первоначально записанных в училище, осталось менее половины, но впоследствии снова все обратились и оставались уже в нем не по принуждению, а по желанию. Вот каковы были начатки нашего училища, принявшего потом такие размеры.

Открытие нашего нового народного монастырского училища и освящение в нем храма во имя Сошествия Святого Духа совершилось июня 3, 1873 года. Владыка наш, которого я просил почтить своим присутствием это сугубое торжество, отказался по нездоровью своему и вместо него прибыл преосвященный Леонид. Он совершал всенощное бдение и освящение храма и литургию. Кроме меня, с ним служили два бывшие наши угрешские казначеи: отец Сергий, архимандрит Новоголутвинский и отец Нил, строитель Берлюковской пустыни, отец Досифей, преподаватель училища, который по моей просьбе и был награжден в этот день набедренником.

С вечера прибыли к нам князь Трубецкой, князь Туркестанов, состоящие в училищном совете Московского Земства и Александр Васильевич Краснопевков, инспектор Народных училищ Московской губернии. А поутру июня 3 приехал московский генерал-губернатор, князь Владимир Андреевич Долгорукий, который дожидался в соборе того времени, когда преосвященный крестным ходом придет туда за святыми мощами, и при обратном шествии и он присоединился к нам и шел за крестным ходом. Погода была превосходная, и потому народное стечение было весьма многочисленно, так что весь путь от монастыря до самого училища, вся площадка около него, пригорки, дорожки – все это было усеяно народом и издали казалось пестрым ковром. По совершении литургии преосвященный, все духовенство и все наши почетные гости, все мы пришли в посетительские комнаты, где несколько отдохнули и, напившись чая, опять сошли в шатровую большую

палату, где был поставлен длинный стол, покрытый сукном и расставлены кресла и стулья для присутствующих при акте открытия училища. Преосвященный первый сказал речь и от имени владыки нашего передал мне архипастырское благословение и признательность за основание училища. После того, приняв благословение преосвященного, я велел прочитать одному из братии составленный отчет о построении училища: 1) о стоимости зданий, 2) о подразделении учеников, 3) о предметах преподавания, 4) о преподавателях и 5) о целях устроения училища.

После прочтения отчета говорил речь господин Краснопевков, в которой высказал в прекрасных словах о заслугах обители в деле образования православного юношества. После того один из старших учеников, по имени Орлов, приблизившись к преосвященному, сказал ему речь, которую и переписываю вполне:

«ПреосвященнейшийВладыко, **милостивейшийархипастырь!**

Приходящие сюда просвещаться истинным просвещением, светом Христовым, всех просвещающим, мы просим благословения выразить Вам все, что у нас на сердце. Мы радуемся, что святый храм нашего училища освящен Вашим преосвященством.

Много благодетельствует обитель великого Угодника Божия и Чудотворца Святителя Николая: она дает приют немощным и престарелым, врачует недужных, питает странников и нищих и хлопочет еще о нас: вот уже восьмое лето, что она заботится о детях мирян, и как настоящая мать учит их, и питает, и одевает, и наставляет в Законе Божием. Мы должны чувствовать это благодеяние, а благодарность доказывать своим благонравием и прилежанием и стараться быть достойными нашего жилища, в котором храм во имя Святого Духа, чтобы нам и самим сподобиться быть живыми храмами Духа Святого, дабы Он обитал в сердцах наших. Но сколько бы мы ни старались сами по себе, мы ничего не сделаем, ежели не поможет нам великий Угодник, который пятьсот лет хранит свою обитель, созданную на месте, где чудесно явилась его святая икона.

Просим святых молитв Ваших, преосвященнейший владыко. Господь услышит их и призрит свыше на виноградник Свой, который насадила десница Его, и под кровом Святителя виноград процветет и умножится, и принесет изобильные плоды в возблагодарение обители за ее благодеяния, и все мы будем присно прославлять Господа за Его великие и богатые к нам милости».

После этой речи градоначальник Москвы пожелал сказать мне приветствие и слово поощрения, как он выразился, «на дело благое образования православного юношества». По окончании акта я просил преосвященного сойти в столовую училища, благословить ученическую трапезу. После того мы все возвратились в монастырь и собрались в Николаевском соборе. Сопровождаемый московским градоначальником и прочими именитыми посетителями, преосвященный, облаченный в мантию, с посохом в руке, в предношении Пречистой и святой иконы Сошествия Святого Духа, предшествуемый настоятелями и всей братией, при пении обычного псалма направился к большой монастырской трапезной палате, где и разделил с братией общую братскую трапезу.

После трапезы преосвященный и все мы ходили посетить князя Владимира Андреевича в архиерейские палаты, где он останавливался. Побыв еще не более часа у нас в обители, князь распростился со всеми нами и поехал обратно в Москву. При прощании я вручил ему в память посещения им нашей обители святую икону Сошествия Святого Духа.

На следующий день, по окончании литургии, в новоосвященной церкви преосвященный пожелал выйти на благодарственное молебствие, после которого он благословил меня святой иконой Казанской Божией Матери, и по своему ко мне архипастырскому благоволению говорил мне много назидательно отрадного и утешительного.

Так, по милости Божией, пришло к совершенному своему окончанию наше новое училище. Не могу не сознаться, что первоначально я нимало не сочувствовал этому предприятию, к которому и приступал весьма неохотно, потому что сомневался и в пользе, и в успехе, но время доказало мне ошибочность

моего мнения. Окрестное население с самого начала открытия училища поняло, насколько учреждение оного облегчит для небогатых родителей заботу о научении детей их грамотности, и потому с сочувствием отозвалось к этому совершенно новому делу, дотоле не входившему в круг деятельности нашего монастырского управления. Видя постепенно возраставшее число учащихся и зная ветхостное состояние здания, в котором училище могло находиться только временно, я должен был подумать о будущем и позаботиться о построении нового здания, о чем сделал в 1868 году доношение владыке, и, получив разрешение, приступил к делу. Но прежде всего нужно было избрать удобное место для предполагаемого училища, не слишком приближенного, но вместе и не слишком удаленного от обители; ибо местность прежнего здания нимало не представляла удобств, в особенности же по значительности наводнения, бывающего там во время весеннего разлития. Самым приличным местом показалась мне одна из гор, влево от монастырских гостиниц; но так как земля принадлежала гремячевским крестьянам, то и надлежало оную от них приобрести, чего достигли мы не без затруднения по обычной несговорчивости крестьян.

Все здание, построенное на полугоре, от самого этого представляется издали обширнее, нежели каково оное в самой действительности, и устроено так, чтобы в оном было удобное помещение, приблизительно для 200 учеников. Внутренность училища мы распределили так, что в верхнем ярусе помещается: 1) храм, 2) большая шатровая палата со створчатыми дверями, сопредельная с храмом, предназначенная для учеников 3 старшего класса, 3) три приемные комнаты для посетителей, 4) библиотека и 5) спальная; а в нижнем ярусе: 1) учебные комнаты первых двух младших классов, 2) столовая, 3) поварня, 4) умывальная и рухлядная, 5) комнаты для надсматривающего над зданием, 6) кладовые и прочие принадлежности.

На построение училища израсходовано:

А именно:

на материалы 25 663 руб. серебром

за работу 12 829 рублей
на обзаведение, то есть учебную мебель,
посуду, одежду, белье и прочее 2 300 рублей
Итого: 40 792 руб. серебром

Ученики подразделены на 4 отдела:

I. Полные пенсионеры монастырские, число которых, по соображению нашему, до времени не предполагается увеличивать более 50 человек. Они бесплатно пользуются помещением, пищей, преподаванием, и кроме того, еще одежду и обувь имеют от монастыря.

II. Полупенсионеры, число которых предполагается иметь не более 70 человек, отличаются от пенсионеров-учеников тем, что одежду и обувь имеют свои.

III. Своекоштные, число которых не ограничено, но коих в настоящее время около 50 человек, живут в училище и за пищу взносят 2 рубля серебром в месяц.

IV. Вольноприходящими называются дети окрестных населений, которые приходят поутру, присутствуют при преподавании, во время трапезы получают бесплатно хлеб и квас, а вечером расходятся по своим домам.

Объем преподавания, с некоторыми небольшими изменениями, почти такой же, как в приходских уездных училищах, а именно: предметы преподавания суть следующие: 1) начальная грамота, 2) объяснение молитв, 3) чистописание, 4) начало черчения, 5) Священная История, 6) упражнение в чтении гражданском и церковном, 7) арифметика, 8) катихизис, 9) изъяснение Богослужений, 10) языковедение, 11) история, 12) линейное черчение, 13) разбор рукописей по сборнику Золотова.

Главным и первоначальным преподавателем с самого открытия училища был отец Димитрий Байков, ныне иеромонах отец Досифей, доказавший свои способности по части преподавания; помощников у него ныне два, оба постоянно избираются из числа монастырской братии.

Всех учившихся в училище с 1866 по 1874 г. было более 750 человек; из них 250 человек кончили полный курс

преподаваемого учения; 330 человек вышли в разное время и 170 поступили в новое училище.

Вначале, весьма мало сочувствуя учреждению училища, я убедился впоследствии, что его польза очевидна и существенна: 1) для детей окрестных жителей, которые без больших пожертвований имеют возможность дать образование своим детям, 2) преподавание, находясь в руках монашествующих, будет проникнуто духом христианского благочестия, а не тем зловредным суемудрием и неверием, который все более и более овладевает миром, и добрые плоды, приносимые училищем нашим и теперь уже отчасти видимы, потому что те из наших учеников, которые поступили в Учительскую семинарию, находящуюся в ведений Московского земства, по отзывам своего начальства, не столько отличаются познаниями и успехами в науках, сколько духом христианского смирения и послушания.

Что же касается до существования училища при монастыре (но не в черте оного), то это нимало не есть отступление от устава монашеского жительства, потому что и в первые века христианства и зарождения монашества иноки, обращая мужей неверных в христианство, научали отроков и просвещали их светом Христовым. Мы видим, были и отцы Церкви, которые вместе с тем были и учителями юношества, как, между прочими, значится и в пространном житии Святителя Николая, имевшего попечение о научении детей грамоте; видим, что по примеру древнего христианского Востока и у нас в Отечестве в древности не миряне, но духовенство и монашество, как более грамотные, были наставниками, учителями и просветителями юношества.

Так как в числе преемников моих могут быть и такие, которые не будут сочувствовать училищу и Островской богадельне, и представлять, что они обременительны для монастыря, то, предвидя все это, обитель уже озаботилась достаточным для них обеспечением.

Успешность преподавания и состоятельность нашего училища с каждым годом все более подтверждается некоторыми учениками, которые, окончив курс учения,

поступили уже в высшие училища, так: два ученика приняты в Учительскую семинарию, четыре в Духовное училище, четыре в Фельдшерскую школу, и два в Ломоносовскую семинарию, что при Катковском лицее.

Глава XXI. Лето в Екатерининской пустыни; село Суханово; газетная обо мне сплетня; Берлюковская пустынь; письмо преосвященного Леонида

По расстроенному моему здоровью, по неоднократном совещании врачей: Новацкого, Гаага, Стуковенки, Басова и постоянного нашего врача Сергея Арсентьевича Тяжелова еще в конце прошлого, 1872, года признано было необходимым, для предупреждения опасных последствий, лечение водами; вследствие чего по моему прошению и был я уволен епархиальным начальством от управления монастырем с 13 июня сроком на два месяца. Я нашел для себя всего удобнее поблизости от Москвы и от Угрешского монастыря провести это время в Екатерининской пустыни и, поручив управление монастырем на время моего отсутствия казначею иеромонаху Мелетию и ризничему иеромонаху Валентину, я отправился туда 13 июня. Первые 30 дней мне предписано было пить горячие воды Карльсбад-мюльб-рунн, а другие 30 дней виши-гранд-гриль. Ежедневно я начинал пить воды в 7 часов утра, и после каждого стакана (которых было назначено 3) я шел гулять 20 минут, и после того мне давали легкий завтрак. Поместился я не в монастыре, но в старой гостинице, выстроенной в 1820 годах одной старушкой-госпожой, усердствовавшей к обители. Эта одноэтажная гостиница по своему расположению походит на дачный дом, деревянная и разделенная сенями на две половины, из которых я занял левую сторону, обращенную в рощу. Окрестности монастыря довольно низменные для прогулок, и я облюбовал полуденную сторону по направлению к селу Суханову, имению князя Волконского, внука известного князя Петра Михайловича, бывшего столько времени министром Высочайшего Двора. Почти от самого монастыря до села тянется длинный и прекрасный березовый проспект. Так как я ходил гулять преимущественно в эту сторону, то я заметил по часам и дошел до известного места, которое знал по одному

дереву, возвращался обратно, и эти два конца я делал в двадцать минут. Местность Суханова (куда я неоднократно ходил гулять, и однажды в подробности осматривал весь дом) не представляет ничего особенно привлекательного. Дом – в полном смысле жилище вельможи, парк старинный, прекрасно разбитый и хорошо содержанный, очень обширен; к дому примыкает церковь, которая служит как бы домовой; она позднейшего времени, а другая, также каменная, старинная, на некотором расстоянии с противоположной стороны парка, служит усыпальницей для рода князей Волконских. В доме меня особенно поразили две вещи: столовая, стены которой украшены фарфоровыми тарелками, составляющими сервиз, пожалованный покойным Государем Императором Николаем Павловичем князю Петру Михайловичу; на тарелках и блюдах изображение всех существующих в России военных мундиров, и живопись превосходная Императорской Александровской фабрики. Вторая вещь, которая может быть для каждого весьма поучительна, в кабинете князя в большой вечке под стеклом хранятся все орденские знаки: и русские, и иностранные, которые имел князь Петр Михайлович, и старушка-немка, смотрительница замка, водившая нас, показывала нам их, и их было более 70, кроме жалованных портретов и других царских пожалований. Какое поучение для всякого! Сколько величия! Много ли было, есть и будет людей, на долю которых выпадет столько почетных знаков, так трудно достающихся, которых многие домогаются, будучи готовы всем жертвовать, – и все это оканчивается со смертью, все суета суетствий, все тление! и проч., и проч.

Суханово было многократно посещаемо покойными Государями Александром и Николаем, Государынями Императрицами и другими членами Царственного Дома, и в нашу бытность в Екатерининской пустыни, говорят, Суханово посетил принц Лейхтенбергский СМ. Рассказывают, что покойной Императрице Елисавете Алексеевне очень нравилось Суханово и что она намеревалась избрать его себе местом пребывания, но смерть помешала ей осуществить ее намерение.

В 20 числах июня прямо из Москвы приехал преосвященный Леонид и провел несколько дней, в продолжение которых делал объезд по своей епархии и совершил освящение в соборном храме города Подольска. Преосвященный жительствовал в больших настоятельских келиях; утром или после своей трапезы выезжал в объезд, а к вечеру возвращался обратно. В один из дней я сопутствовал ему, и мы посетили, между прочим, и село Дыдылкино (верстах в пяти от Екатерининской пустыни). Оно окружено оврагами, когда-то было вотчиной Московского Вознесенского монастыря, и одна из игумений построила там деревянный храм, существующий и поныне. Этот храм, деревянный, холодный, весьма необширный и существующий почти без всяких изменений около 200 лет.

Накануне праздника святых апостолов Петра и Павла я проводил преосвященного к нам, на Угрешу, где в скиту в этот день храмовый праздник, а сам я служил и всенощное бдение и наутро позднюю литургию в главном храме великомученицы Екатерины, а у праздника, в приделе, что над теплой церковью, была ранняя литургия.

Так как я пил воды, то служил не часто, а только в большие праздники, как-то: в Преображение, в Успение и в день принесения из Бронниц чудотворной иконы Пресвятой Богородицы Иерусалимской, которую по усердию принимал у себя на даче Кононов, а от него понесли ее в Подольск. Это было в конце июля, 1-го Спаса я ходил на воду, на пруд, но не служил. Народного стечения большого не было. Вскоре после Ильина дня посетил меня преосвященный Кирилл, митрополит Пальмирский, который по расстроенному своему здоровью с 12 июля и по 9 августа временно пребывал на Угреше.

Он родом грек, купеческого звания, константинопольский уроженец. Приехал в Москву в 1870 году за сбором для Антиохийского патриархата, жительствовал на Антиохийском подворье, что между Ильинкой и Варваркой.

Владыка наш и преосвященные весьма полюбили его за благодушие, кротость и строго монашеское житие и часто

приглашали его к служению и трапезованию. При служении с преосвященными он первенствовал.

Ему было на вид лет около 45; весьма благообразен, худенький, небольшого роста; одежду сохранил по образцу греческих иерархов. Он вел жизнь весьма уединенную и скромную, большей частью ходил по Москве пешком, и когда приходилось ему ехать на служение, ему присылал карету кто-нибудь из владык. Нередко он бывал в крестных ходах.

Приехавши на Угрешу, он не пожелал пребывать в архиерейском доме, но предпочел мою скитскую келию. Ходил к службам по усмотрению, то в скитскую церковь, то в монастырь.

Пребывание у нас в монастыре ему принесло видимую пользу, так что не пробыв у нас месяца, он возвратился в Москву и вскоре, после – на родину.

Мое пребывание в Екатерининской пустыни подало повод к весьма смешной и странной сплетне, ни на чем не основанной, неизвестно кем распущенной и напечатанной в № 200 «Современных Известий» июля 23. Именно публиковано было, что я живу в Екатерининской пустыни под началом.

Это известие дошло до меня следующим образом: меня приехал навестить мой помощник по благочинию архимандрит Новоголутвинский Сергий; он привез разные бумаги и несколько номеров газет, положил их на мой стол, а сам отправился в церковь. Я просмотрел бумаги, принялся за газеты и, читая «Современные Известия», вижу, что напечатано: «Нас извещают, что настоятель Угрешскаго монастыря архимандрит Пимен, по распоряжению Святейшаго Синода, отправлен на покаяние в одну из Московских пустыней, за оскорбление действием иеромонаха Угрешскаго монастыря», прочитавши это, в первую минуту я нимало не смутился, но впоследствии времени действительно приходили мне возмутительные мысли, тем более, что много прошло времени, пока епархиальное начальство не опровергло печатно эту печатную клевету, именно октября 10 в № 254 «Московских Ведомостей», о чем скажу своевременно.

Многие из моих хороших знакомых, ожидавшие немедленного опровержения, видя, что его нет, сильно

негодовали, а другие соблазнились и приняли напечатанное за истину.

Немало, впрочем, успокаивало меня, что в действительности к этим печатным сплетням не было подано ни малейшего повода ни с моей стороны, ни со стороны монастыря; ибо, благодаря Господа, я могу сказать по совести, что во все время моего двадцатилетнего настоятельства я ни чем не заслужил, чтобы кто-либо счел себя вправе распускать обо мне подобные слухи.

Обстоятельства вынуждают меня при случае высказать, что покойный владыка, при всей своей точности относительно соблюдения обязанности подчиненными, оказывал мне лестное для меня доверие, в котором я вполне мог убедиться. Наилучшим доказательством его архипастырских милостей может служить преобразование Угрешской обители в общежитие и все сделанные при жизни его постройки и обновления, начатые и оконченные без всяких формальностей, по словесному его благословению. Во все время его жизни и до самой его кончины его доверие ко мне осталось неизменным, и едва ли еще кто-нибудь из настоятелей, ислючая Лаврского наместника, пользовался таким отличием. Что же касается до того милостивого внимания, которым я пользуюсь ныне от владыки нашего и преосвященного Леонида, то я и слова не нахожу, чтобы выразить вполне все чувства искренней моей благодарности. Некоторые из людей, расположенных ко мне, за меня негодовали и упрекали меня в беспечности, зачем я не возвращаюсь в монастырь и не спешу печатно ответить печатному, ежели уже начальство и само, затронутое и оболганное, так долго безмолвствует. Сознаюсь, что иногда, во время бессонных ночей (которые у меня бывали во время моего пребывания в Екатерининской пустыни), мне и самому нередко приходили черные мысли и негодование на начальство, что оно без защиты оставило меня на посрамление. Но в эти тяжелые часы раздумья я успокаивал себя, повторяя себе и другим, что клеветы бояться нечего, но что должно опасаться повода к справедливому нареканию. И что мне ни говорили, но я все-таки остался до окончания лечения, которое хотя завершилось

13 августа, но я пожелал остаться еще два дня, служил 15 числа у праздника Успения в приделе на хорах, а 16 в настоящей церкви соборного храма, отслужил благодарственное молебствие великомученице и, отобедав у себя дома и простясь со всеми, я приехал на Угрешу.

Переночевавши на Угреше, я наутро поехал в Берлюковскую пустынь, где прекрасная местность, так как врачи не дозволяли мне после лечения немедленно возвращаться к обычным моим занятиям.

Я этим воспользовался, чтобы подышать горным чистым воздухом, и 17 числа приехал в Берлюки и поместился в новой гостинице, в верхнем этаже.

По пути в Берлюки есть много хороших барских усадеб, в которых в особенности заслуживают внимания: 1) село Троицкое, вправо от дороги в полуверсте. Оно принадлежало знаменитому Румянцеву-Задунайскому и до сих пор посреди ближайшей деревни видна бронзовая во весь рост статуя Императрицы Екатерины II; в селе две церкви, господский дом и великолепные строения. 2) Сельцо Кучино, принадлежавшее недавно еще Н. Г. Рюмину, имевшему весьма большое состояние и в продолжение немалого времени бывшему одним из Московских хлебосолов. По смерти его имение куплено А. Вл. Алексеевым. В Кучине прежде был дом весь из стекольных рам, наподобие оранжереи, наполненный цветами; теперешний дом очень хороший, но обыкновенный; за селом на несколько верст парк с шоссейными дорогами. 3) Село Леоново-Пехорка на большой шоссейной Владимирской дороге, версты 4 за Кучиным; кому прежде принадлежало это имение, я не умею сказать, но ныне принадлежит Шалашникову. Как церковь, так и дом, и все прочие строения свидетельствуют, что их строила рука богатого вельможи.

Проехавши Леоново, вправо от шоссе, невдалеке от села Купавна, Ивановское тож, некогда имение князей Тюфякиных (давно угасших), а ныне обширная суконная фабрика Бабкиных (московских купцов), храмоздателей Всехсвятского великолепного храма за Рогожской заставой, обращенного ныне в женский новоблагословенный монастырь.

В этом селе – пространная церковь и колокольня весьма высокая; бывают базарные дни.

Не доезжая 12 верст до Берлюковской пустыни, сворачивают с шоссе влево, и путь лежит на Лосинный завод, заведенный при Петре I и существовавший до 1850 годов, следовательно, почти что полтора века. С виду это целый город, имеющий две старинные церкви, одну маленькую деревянную и небольшую каменную, а в другом месте – недавнего построения церковь каменная и с колокольней, весьма обширные.

Прежние здания упраздненного Лосинного завода распроданы в частные руки под фабрики, преимущественно суконные, одна из значительнейших Тюляева.

От Лосинного завода приходится ехать мимо села Глинищи, принадлежавшего знаменитому Якову Вильновичу Брюсу. Церковь каменная небольшая; в ней есть священные сосуды и дискос из чистого золота в несколько фунтов, жертвованные графом Брюсом. Дом господский каменный, двухэтажный с колоннами и не очень обширный, оставшийся в том виде, в каком был при известном Брюсе. Вероятно, он и остался неприкосновенным потому только, что во мнении народном и по сие время Брюс слывет все еще колдуном, и говорят, что в доме доныне живет нечистая сила. Владельцев много переменилось, но ни один не жил в Брюсовском доме, и теперешний владелец (фабрикант А.И. Колесов), неизвестно почему живет во флигеле, а не в доме, который превращен в склад товаров. Хотя Брюс был иноземец и иноверец, но он доказал свое расположение к Православной Церкви, пожертвовав драгоценные золотые сосуды, был русским подданным и, хотя занимался астрономией и астрологией, но из этого не следует заключать, чтобы он был колдуном, а просто ученым человеком.

Верстах в двух, не доезжая пустыни, очень близко от дороги сельцо, бывшее село Саввинское, принадлежавшее еще в начале нынешнего столетия Ивану Владимировичу Лопухину*[49], которого очень часто посещал преосвященный митрополит Платон, и отсюда он ходил гулять в упраздненную в то время

Берлюковскую пустынь. Говорят, что Лопухин много содействовал к восстановлению оной и пожертвовал в нее деревянную ветхую церковь со всей утварью*[50]. Теперь это имение принадлежит Охотниковой М. Арс, вкладчице Берлюковской пустыни.

Так как я перестал уже пить воды и силами поправился, то и служил три раза всенощную и литургию августа 26, в день коронации, 27 в день моих именин и 30 день тезоименитства Государя Императора. Отец-строитель Нил в день моих именин устроил для братии праздничную трапезу. В тот же день, к вечеру, приехал поздравить меня с Угреши отец-архимандрит Сергий, там служивший в моем отсутствии, Гуслицкий строитель Иероним и Угрешский казначей Мелетий, и привезли мне поздравительное письмо от преосвященного Леонида, которое списываю:

« Высокопреподобнейший
отец архимандрит!

Мир тебе, любителю монашества, ревнителю душеспасительнаго общежительства! Вот Вам, Авва возлюбленный, привет на день ангела, подсказанный мне св. Иларионом.

Вот вижу и Иларион идет на помощь и велит мне повторить и для себя, и для Вас, что сказал он некогда отцам на вопрос их: «Что мы сделали?» Авва отвечал: «Мы исполнили заповеди Божии». Когда спросили затем: «А что сделают те, которые будут после нас?» он сказал: «Сделают вполовину против нас». Когда же наконец спросили: «А что те, которые после них будут?» ответствовал Иларион так: «Люди века того ничего не сделают; но к ним придет искушение, и те, которые в то время окажутся добрыми, будут выше нас и отцов наших».

Вы не можете сказать, что ничего не сделали; но тем лучше для Вас, что и в нынешний век, когда ничего не делают мнимые подвижники, дал Вам Господь многое сделать во славу Его, и к тому присоединил поприще, на коем и они спастися могут. Пришли искушения: болезнь, клевета. Вы терпеливо переносите болезнь, не примечаете внешних знаков чести, в которых совсем не та похвала, что так была дорога Павлу; наконец и от

клеветы человеческой не потеряли мужества в хранении заповедей. Будет или не будет оказана обещанная защита, она не для Вас нужна, а для монашества и для Вашего делания, а наипаче для общественнаго тела, которое у нас часто поражают публично в самые нежные и жизненные органы. Может быть, Богу нужно в этом только испытание Вашего смирения и средство к Вашему совершению? Тогда ничего внешнего не возникнет. А может быть, что Богу угодно, да, послужив разными способами монашескому и не монашескому обществу, Вы и этим послужили Ему: тогда случай с Вашим именем не останется в забвении, и Господь, яко свет, изведет правду Вашу.

Мирствуйте же и поучайте нас опытом монашескаго духа в Вас!

27-го, аще Бог изволит, должен в ход, а там 29 и 30, поэтому ни на Угреше ни в Берлюках, не могу видеться. Желаю быть с Вами духом. Благословите!

Леонид Е. Дм.

25 августа, 1873.»

Погода была теплая, сухая, и я мог насладиться прогулками, да ктому же пошло много грибов, и я несколько раз ходил за ними в лес, и приносили мы немало. В первый раз довелось мне видеть здесь такое множество векшей, перескакивающих с дерева на дерево.

Поутру августа 31, хотя день был пасмурный, я, однако, решился ехать и возвратился на Угрешу.

Глава XXII. Приезд мой в Москву, опровержение газетной сплетни; операция, ход моей болезни: я близок к смерти; внезапная перемена; выздоровление; возвращение в монастырь

Возвратившись к себе, я чувствовал себя несколько лучше, но признаки прежней болезни все еще существовали, а на 18 число в ночь я себя почувствовал весьма дурно, так что утром, отправившись в Москву, я мог доехать с трудом. По осмотре, сделанном мне в Москве господами Новацким и Тяжеловым, оказалось сверх чаяния, что у меня камень, почему и признана была необходимость делать мне операцию. На следующий день я отправился к владыке объяснить о состоянии моего здоровья и принять благословение на совершение операции. Это известие, как видно было, произвело на него весьма неприятное впечатление.

Я с владыкой не видался с самого его возвращения из Петербурга в мае, и это было первое мое с ним свидание после моего лечения водами. Владыке угодно было первому начать речь о газетной сплетне. Из его слов я заключил, что он сперва нисколько не обратил внимания на клевету, помещенную в «Современных Известиях», полагая, что такая нелепость даже и не требует возражения, но впоследствии, видя, что это злоумышленный слух и уже слишком распространился и принят был многими за истину, владыка сознал необходимость опровержения и поджидал меня, чтобы знать мое мнение. Между тем и я с своей стороны, как только приехал в Москву, писал письмо к Гилярову, редактору той газеты-сплетницы, которая первая распустила обо мне этот ложный слух и которая, не в обиду ей сказано, вообще весьма лакома до всяких скандалов, которыми эти журнальчики и существуют. Но письмо мое Гиляров не заблагорассудил отпечатать: правда

глаза колет. После нашего разговора с владыкой и была напечатана в «Московских Ведомостях» в № 254 октября 10 статья такового содержания: «Мы получили от Московскаго Епархиальнаго начальства следующее сообщение. В № 200 «Современных Известий» напечатано, будто бы Николо-Угрешскаго монастыря архимандрит Пимен, по распоряжению Святейшаго Синода, отправлен на покаяние в одну из Московских пустынь за оскорбление действием иеромонаха Угрешскаго монастыря. Известие это совершенно ложно, никакого указа или распоряжения Св. Синода не было, да и быть не могло; ибо никаких жалоб к духовному начальству на архимандрита не поступало и никакого дела не возникало. Архимандрит Пимен был с января болен и лечился, не оставляя ни одного из многосложных своих занятий; летнее же время, по причине болезни, провел, с совета врачей и разрешения начальства, в пустынях Екатерининской и Берлюковской, а в сентябре возвратился в монастырь. Болезнь между тем достигла зрелости и привела к серьезной операции, исполненной на днях известным хирургом, Иваном Николаевичем Новацким. Архимандрит Пимен, как монах, не вступился за себя; но как клевета, распространенная через печатание во многих газетах, возымела свое ядовитое действие на репутацию оклеветаннаго, то ему как лицу начальственному, коего влияние как благочиннаго, распространяется на все общежительные монастыри Московской епархии, молчать было невозможно, и он написал в редакцию «Современных Известий» письмо, которое просил напечатать, но сие требование, даже повторенное, не было, вопреки ожиданию, удовлетворено редакцией».

Поговорив о газетных толках, владыка опять заговорил о моей болезни и, помолчавши, сказал мне: «Уж ежели нельзя обойтись без операции, то положитесь на волю Божию!»

Операцию делали в два приема: в первый раз, 2 октября, два дня я отдыхал, а 5 числа делали вторично, и назначено было делать еще в третий раз, 12 числа. Хлороформу я не принимал. Я чувствовал себя недурно и покойно ожидал 12 числа. На 10 число я провел ночь спокойно, встал в 7 часов

утра, умылся и оделся, и вдруг почувствовал себя весьма дурно: в несколько минут меня совершенно свалило. Меня раздели и положили в постель.

Новацкий приехал первый, а потом Тяжелов, и оба нашли меня в опасности: температура крови ровнялась 40% без 3/10, но беспамятства не было ни на одну минуту. Я был пятеро суток в одном положении. Октября 13 меня приобщали Святых Таин, а особоровать меня угодно было самому преосвященному Леониду, и с ним вместе участвовали в совершении Елеосвящения: отец архимандрит Новоголутвинский Сергий, строитель Берлюковский, отец Нил, Угрешский казначей Мелетий и духовник мой, иеромонах Саввинского подворья Сергий и все прочие были архиерейские.

После Соборования преосвященный, заметив мое смущение, спросил меня, что тому причиной? «Я одного еще не докончил, именно: не сделал духовного завещания». Преосвященный тотчас дал знать брату своему, Александру Васильевичу, который приехал в сопровождении нотариуса, и через час завещание было совершено. Свидетели были: Статский Советник Александр Васильевич Краснопевков, Коллежский Советник Симанский и духовник отец Сергий.

Я сделал это завещание для того именно, чтобы после меня никого не заподозрили и не искали каких-нибудь сокровищ или денег, которых я никогда не собирал и не имел, и потому я завещавал после себя не делить имущества и ничего не искать, считая все оставшееся не своим, а монастырским. Я всегда был того мнения, что ежели что нам дарят, то, конечно, не нам лично, а видя в нас настоятеля обители: мы умираем, а настоятель всегда существует; но сан настоятеля не освобождает от обетов монашеских, а для монаха первое богатство – не иметь ничего; следовательно, то, чем мы пользуемся, принадлежит монастырю.

Во время всей моей болезни я приобщался раз и два в неделю, один раз обеденными дарами: их везли в карете, а за ними следовал преосвященный.

В продолжение пяти суток не только не было перемены к лучшему, но оба врача и приглашенный по их желанию на

совещание О.В. Варвинский и хороший мне знакомый, служащий в Петербурге, Тайный Советник Иван Тимофеевич Глебов (некогда профессор медицинского факультета при Московском Университете, случайно бывший в Москве и посещавший меня неоднократно), все признали, что я находился в великой опасности. Это совещание врачей повторялось ежедневно, и несмотря на все средства, к которым прибегали, болезнь им не уступала.

На 16 число мне сделалось легче, жар стал уменьшаться, и вместо 40 температура крови спустилась до 30, а на 19 число ночью я почувствовал, что могу без помощи других привстать и сойти с постели. Это видимое облегчение порадовало врачей, но весьма ненадолго. У меня сделалось жестокое расстройство желудка с кровотечением. Я приписываю это употреблению винограда, который мне предписали для прохлаждения во время воспаления, а врачи объяснили это другими причинами, и так как я очень был слаб силами, то и эта болезнь угрожала мне не меньшей опасностью, чем воспаление, однако, наконец и она стала уступать: я начал чувствовать облегчение, но ненадолго, болезнь желудка не совсем еще прошла, а уже на смену ей явился у меня новый недуг, и сам в себе весьма опасный, но в той степени, в которой он проявился у меня, почитался врачами как один из весьма редких и исключительных случаев в истории медицины.

Этот мучительный недуг, о котором говорю, была непрестанная икота. Она продолжалась 12 суток; в первые четверо суток она давала мне роздыху только на полтора часа, а остальное время, то есть двадцать два с половиной часа, я икал непрестанно, так что в одну минуту я икал до 15 раз, что в сутки составляло более 20 тысяч раз. С самого начала и до конца икота была равномерна: раз вздохну и раз икну. С пятого дня икота стала давать мне с каждым днем все более и более роздыху, то есть сделались промежутки весьма неопределенные по своему времени и по продолжительности, но в сложности насчитывали, что было до 6 часов, в которые я не икал. Это непрестанное напряжение от икания до того утомило дыхательные органы и ослабило грудь, что при икании,

напоследок, было только видно одно судорожное вздрагивание, но испускать звука я не имел уже силы. Врачи (а в особенности Варвинский, так как это его специальность) нашли, что икота была пораждаема опухолью печени.

Между тем признано было, что в моем помещении, занимаемом на подворье, был нехорош воздух, слишком сперт по тесноте комнат и от нашего многолюдства в небольших трех комнатах, в которых, кроме меня, постоянно было человек 5 или 6, не считая посетителей, бывших во время дня. Мне советовали нанять квартиру, и в то время, как отец архимандрит Сергий и отец Нил усердно об этом хлопотали, Елена Осиповна Молчанова по своему ко мне расположению предупредила их и приехала меня известить, что нашла для меня весьма удобное помещение в одной гостинице на Лубянке, в доме Мосолова. Я туда переехал, и действительно, мне несравненно было лучше и покойнее и легче дышать. Со всем тем, однако, икота все еще продолжалась, нимало не ослабевая, и довела меня до совершенного изнеможения от упадка сил. Достойно примечания, что всякий раз, когда собирался я приобщаться, икота продолжалась до самого того времени, когда я принимал Святые Тайны, и вдруг прекращалась и давала мне некоторое время отдыха. Врачи приходили в совершенное недоумение, видя, что все их средства остаются недействительными, и предлагали пригласить вместо них других врачей; ибо они начинали сомневаться в самих себе. Я отложил это до послезавтра, а в этот же вечер, часу в одиннадцатом мне стало очень тяжело: я попросил горячего молока, и не выпил еще я чашки, как вдруг икота остановилась. Меня уложили в постель, и я в ту же минуту погрузился в сон и очнулся уже в 8 часов утра, а поутру встал как обновленный, но не без опасения, что икота возвратится снова, а вместо того она, слава Богу, совершенно прекратилась. По приезду врачей первым вопросом их у келейников было, что каково прошла ночь, и когда келейники сказали им, что я спал хорошо, икота прекратилась и я совершенно здоров, они верить не хотели, а я постарался выйти к ним навстречу.

С этого дня я перестал принимать лекарства, мне предписали только легкую и питательную пищу и прогулки в карете. Не могу не выразить искренней моей и душевной благодарности Е.О. Молчановой за ее обо мне попечение: она не ограничилась своей заботливостью о моей квартире, она ежедневно отпускала мне со своей кухни разные кушанья во все время моей продолжительной болезни, и предложила мне пользоваться для прогулок ее каретой.

Не могу не поблагодарить и всех моих хороших и близких знакомых, и даже малознакомых за их живое участие в моей болезни, которые сами меня навещали, и не раз, а другие присылали узнавать о здоровье. Такого всеобщего сочувствия я никак не мог ожидать, и не знаю даже, чем его объяснить. Быть может, немало содействовала этому и распространенная обо мне газетная клевета, которая подала повод многим совершенно незаслуженно обвинять меня. Не пожелали ли после того некоторые из этих лиц, осуждавших меня, успокоить свою совесть и, слыша, что я в безнадежном положении, спешили выказать мне свое сочувствие и примириться через то с самими собою?

Князь Владимир Андреевич Долгорукой, по своему обычному ко мне расположению, неоднократно присылал узнавать о моем здоровье.

В заключение о своей болезни я скажу, что на свое выздоровление я смотрел не иначе, как на великое чудо, совершенное Господом по Его милосердию ко мне, недостойному, и конечно, не иначе могу объяснить себе это незаслуженное мной благоволение Божие, как молитвами архипастырей. Преосвященному Леониду угодно было на его подворье и в Саввине монастыре, а равно и в обителях моего благочиния обо мне молиться во все время моей болезни. Благодарю и отца-наместника Троицкой Лавры, велевшего поминать на ектениях болящего Пимена.

Первый мой выезд для прогулки по моем выздоровлении был до церкви Смоленской Божией Матери, что близ Подновинского. Я доехал до церкви, не выходя из кареты помолился иконе и возвратился домой. На следующий день, в

11 часов утра я поехал к преосвященному Леониду благодарить его за все его особые ко мне милости, и ежели я могу так выразиться, не только архипастырское, но совершенно родственное расположение. Меня вышел встретить брат преосвященного, Александр Васильевич Краснопевков, и повел меня наверх по лестнице. Когда я вошел в гостиную, преосвященный стал меня обнимать и не раз повторял мне: «Не верю, не верю своим глазам, что опять Вас вижу у себя в доме. И повел меня к себе, в домовую церковь, из залы через свою моленную, которая примыкает к алтарю, и читал благодарственные молитвы. Я у преосвященного оставался недолго, потому что чувствовал еще себя слабым и спешил возвратиться домой.

Вечером того же дня я отправился на Троицкое подворье к владыке. Когда ему доложили, что я приехал, он не верил и переспросил у докладывавшего, думая, что тот ошибся. Когда я вошел в залу, владыка вышел ко мне навстречу, взял меня за руку и повел в гостиную, говоря: «Вот радость, вот радость!» И посадивши меня возле себя, опять неоднократно повторял: «Ну, слава Богу, слава Богу!» Я у владыки пробыл недолго, и он милостиво выражал свою радость о моем выздоровлении и признался, что не думал уже видеть меня в живых.

Вообще все мои знакомые встречали меня с особенной радостью как человека приговоренного к смерти и который внезапно воскрес.

Ноября 19, в день памяти кончины покойного владыки, я служил заупокойную литургию на Саввинском подворье, а преосвященный Леонид совершал поминовение в Чудове монастыре. В Екатеринин день меня пригласили на торжество в новую Екатерининскую больницу, но я литургии не служил, а совершал только молебствие. Декабря 3, в день преставления преподобного Саввы, я опять служил у преосвященного на подворье, и в этот день была праздничная трапеза, которую почтил своим присутствием сам владыка, кушал преосвященный Игнатий Можайский и еще несколько человек архимандритов.

Декабря 5 я простился с преосвященным после всенощной, так как на другой день неудобно было бы нам видеться: он должен был служить в Чудове монастыре, а я в его отсутствие на его подворье. Преосвященный напутствовал меня своим благословением и святой иконой преподобного Саввы и выразил всевозможные благожелания, доказывавшие все его ко мне расположение, и вполне разделял мое мнение, что возвращение мое к жизни было воистину великим чудом милосердия Божия за праведные молитвы многих обо мне молитвенников. Наутро, 6 декабря, отслуживши на подворье у преосвященного, я отправился на свою квартиру и, собравшись, в два часа поехал на Угрешу. По возвращении к себе я лекарств уже не употреблял, но согласно совету врачей должен был позаботиться о восстановлении сил посредством легкой и питательной пищи и, благодаря Бога, настолько подкрепился, что во всю великую Четыредесятницу я мог употреблять, по обыкновению, постную пишу и даже совершенно без масла, так как оно оказалось вредным для моего желудка, и как всегда, на Страстной неделе мог сам вычитывать Евангелистов и служить все службы до Фоминой недели.

Во время болезни, хотя по ночам у меня и бывала бессонница, но отсутствие сна меня не тяготило, а когда я стал поправляться, то меня начала одолевать скука, и преосвященный, по своей ко мне попечительности, придумал для меня средство, чтобы отогнать скуку, предложив написать мне «Мнение о современном состоянии монашества». Хотя преосвященный и давно предлагал мне заняться этим делом, но до этого времени не удавалось за него приняться, а тут я весьма обрадовался этому занятию как врачевству от скуки. Делал наброски, которые по приезде домой нужно было привести в порядок, и в таковом виде и поступили они в печать под заглавием «Монашество и современные о нем толки», в 1875 году[51].

Глава XXIII. Строение странноприимного дома; мое падение со стремянки; болезнь; письмо преосвященного Леонида; Саввин монастырь

Всю зиму (которая следовала за моим выздоровлением) я провел, не употребляя врачебных пособий; службу мог совершать без упущения и заниматься делами монастыря и благочиния без особого отягощения, по возможности избегая всяких выездов из монастыря, так как они мне вредны. С первых чисел мая я стал пить воды Киссинген, но, конечно, получил от них мало пользы, потому что не мог, как предыдущее лето, ехать куда-нибудь пить воды, будучи удерживаем дома предполагаемыми постройками. Обстоятельства вынудили волей-неволей строить новую гостиницу, так как существующие две и заключающие в себе до 80 номеров, не вмещают того множества богомольцев, которое стекается на Угрешу в летнее время. Приходится, по многолюдству, размещать богомольцев в монастыре. Кроме того, с весны 1874 года начались приготовления к устройству конно-железной дороги от Москвы до Угреши, и потому нужно было выстроить новую гостиницу на той местности, где находился деревянный странноприимный дом, существовавший более 20 лет. Следовательно, приходилось построить предварительно новый, на новом, более удобном месте, и тогда уже, по разборке старого, приступить к построению гостиницы.

Закладка странноприимного дома и другого корпуса для помещения рабочих и мастерских была совершена в начале апреля, каждый длиной в 10 сажень, а шириной в 4 сажени. И когда они были уже выстроены и покрыты, мая 24, в девятом часу утра мне нужно было сделать некоторые распоряжения в верхнем этаже строившегося странноприимного дома. Побывавши там, я спускался уже вниз по той же стремяни, по которой и взошел, как вдруг моя правая нога подскользнулась, рукой я не успел ухватиться за поручню и потеряв равновесие,

упал с высоты четырех аршин. К несчастью, внизу лежал четвероугольный чурбан, на который я упал правым боком и попал на самое острое место. За мной шли два рабочих, они меня подняли. Мне было очень тяжело дышать, но сознания я не потерял, из головы и из руки струилась кровь; меня повели домой, и я дошел с великим усилием. С меня сняли платье, ваточную ряску и ваточный подрясник. Верхняя моя одежда зацепилась за гвоздь и разорвалась, что при падении, может быть, несколько смягчило толчок. Меня посадили на кровать, и более всего я чувствовал стеснение в дыхании; пришли наши фельдшера, один из числа братии, а другой – находящийся при больнице, а между тем послали в Москву за доктором верхового и стали прикладывать салфетки со льдом к голове, боку и груди. И так я просидел шесть часов, беспрестанно меняя лед, и меня ужасно знобило, и пока не приехал доктор было так тяжело, что я и выразить не могу. В три часа пополудни приехал доктор наш, Сергей Арсентьевич Тяжелов, и сделал осмотр. Оказалось: 1) На голове значительная язвина без повреждения кости, была тронута только верхняя оболочка. 2) На левой руке, наверху кисти, глубокая царапина без повреждения костей и жил. 3) Совершенно неожиданно для меня нашли, что у меня в правом боку переломлены три ребра: 8, 9 и 10, и что 4) была вытянута жила, на которой печень, что причиняло такую сильную боль, которая заглушала даже самую боль от перелома. Когда нужно было пересадить меня с кровати на табурет, доктор долго затруднялся в способе, как это привести в исполнение, и не мог придумать лучшего, как прижать руку к сломанным ребрам. Пересадивши меня, поставили мне пиявки, что продолжалось очень долго, потом стали бинтовать меня в лубки и заклеили. Теперь нужно было меня уложить в постель, но это было для меня новой пыткой, но, наконец, уложили. Было уже около 9 часов вечера, следовательно, прошло более 12 часов со времени падения. Я был утомлен донельзя, и когда меня положили, то я почувствовал, что мне гораздо и гораздо лучше и легче. Доктор остался ночевать. Эту ночь я провел спокойно, наутро доктор ожидал лихорадки и опасался воспаления, но, по милости

Божией и за молитвы покровителя нашего и Угодника Божия Святителя Николая, не только не было воспаления, но даже не оказалось и признаков лихорадочных. Доктор приписывал это действию холодных компрессов, а я убежден, что это единственно по милости Божией. На следующий день должен был производиться у нас в училище экзамен, и потому к нам приехали: брат преосвященного Леонида Александр Васильевич Краснопевков, инспектор уездных училищ князь Туркестанов и князь Трубецкой; они все присутствовали на экзамене и меня посетили. На третий день приехал ко мне известный в Москве доктор – хирург Иван Николаевич Новацкий, тот самый, который мне осенью делал операцию; он снова подверг меня осмотру и делал новую перевязку. В продолжение 8 дней я должен был лежать, и на 9 день, по милости Божией и при помощи других, я мог встать; мало-помалу с каждым днем я стал менее чувствовать боли в груди, а боль от перелома в особенности отзывалась, когда меня подымали с постели; но когда я был поставлен на ноги, то я мог ходить, не чувствуя особенной боли, и в таком положении я находился 20 дней. Из келии я не выходил, а на 21 день после падения мне разрешено было все повязки снять, и я стал выходить на воздух. Июня 16 я мог, благодаря Господа, отслужить литургию и после того даже ходил крестным ходом на закладку новой гостиницы, где совершил молебствие. Второе мое служение было на праздник святых апостолов Петра и Павла в скиту, но в Москву я долго не мог еще ездить. В это время я получил письмо от преосвященного Леонида следующего содержания:

« Высокой преподобнейший
отец архимандрит!

Могу ли быть на Вашем, столь любимом мною, празднике, не знаю. Обстоятельства показывают, что, без крайней необходимости, не можно мне отдаляться от Москвы. 12 числа совершенно внезапно отправлен был я в Дмитров на погребение преосвященнаго Никодима; 23 еще более внезапно (если так выразиться можно) назначена была мне поездка в Ярославль, для погребения преосвященнаго Нила, и когда все было готово к отъезду, неожиданно отменена. Если

первоверховные апостолы устроят, то с утешением прибуду в пятницу, вероятно, незадолго до начала бдения.

Облегчению от болезни, Вас вновь постигшей, радуюсь; но дружески гневаюсь на Вас серьезно, и письмо Ваше нисколько ни меня не успокоило, ни Вас не оправдало.

Падение Ваше со стремянки не есть следствие послушания, а наказание Божие за непослушание. И владыка, к Вам так милостиво расположенный, и врачи и друзья Ваши, все в один голос, говорили Вам, что строительному Вашему деланию должен быть положен конец. Нынешнее лето, по-моему, следовало Вам (и без новой болезни) провести отдохновительно и лучше бы вдали от монастыря. Воздвигнуты Вы от осенней болезни чудом Божией благости, но чтобы, по возможности, изгладить ее следы, нужно, как и врачи говорят, летнее отдохновение. И министры, и Цари удаляются на время отдел, чтобы восстановить силы для дел. Заботы заочные не будут очень нас тревожить, если мы смирим себя и, предоставив Господу немощь свою, будем искать его силы, помощи и себя со всеми предметами своих забот предадим Господу.

Кто в Ваши лета потерпел болезнь, подобную Вашей, и, исцелившись, думает, что он тот же, что был до болезни, тот обольщает себя: жизнь его может продолжиться, и с пользою, даже до крайних пределов жизни человеческой, но с непременным условием большой осторожности, внимательности к здоровью и освобождения от всего того, от чего возможно, хотя бы с некоторою потерею для дела, уволить себя.

Когда Вы из развалин восстановляли Угрешскую обитель и, с тугою душевною устрояя в ней общее житие, большую часть года, с забвением о себе, проводили на постройках, и возникали из-под рук Ваших эти благолепные храмы, красивые домы, изящныя стены, разцветали сады, кто тогда мог восстать на Вас за то, что изнуряете силы свои? Ваша осенняя болезнь была, конечно, следствием многолетних чрезмерных трудов и самозабвения для службы Церкви и монашеству; но кто же мог

Вас укорить за нее? Все сострадали Вам, молили о Вас Бога и с трепетом ждали исхода необыкновенной болезни.

Увы! Теперешние Ваши страдания от переломанных ребр хотя не могут не возбудить к Вам сожаления, но тоже на всех устах производят улыбку, которую не хочется видеть, не хочется и растолковывать. Что это? Ослабление от болезни, душевных сил и впадение в ребячество, или страсть, с которою нет сил бороться, страсть, объявшая всю душу, изгнавшая все другия страсти, в их даже зародышах, и возобладавшая безраздельно человеком, так что он только тогда и покоен, когда ей предан? Честна для десятника плотников и рана, и смерть от падения со стремянки, но для архимандрита Пимена если не позор, то укор от всех любящих и уважающих его.

Есть у Вас, Возлюбленнейший, есть у Вас строительное дело по выше плотничьяго и каменникова – строение душ. Не велика важность, что от недостатка Вашего личнаго надзора здание будет менее красиво или даже менее удобно и прочно, что потратится поболее денег, а очень важно для здешней и будущей жизни и Вашей и многих сотен вверенных Вам душ, что Ваши болезни, совершенно произвольные, как сломание трех ребр, сокращают Ваше время, нужное для многих, и может быть, самую жизнь Вашу.

Владыку очень озаботила эта болезнь; он очень скорбел и если посмеялся, то горьким смехом. Он уважает монашество, но видит его только в общежительстве, и радовался, что все общежительное монашество собрано под одну Вашу руку и что вскоре можно будет указать на все его преимущества в преимущественном преуспеянии и благоустроении монастырей общежительных в его епархии, и видно, что Бог благоволил этому делу, когда, можно сказать, из гроба возвратил Вас к жизни и деятельности. Но Вы, радуясь, что духовныя силы Ваши не оскудели от болезни, а, может быть, и приумножились внутренним опытом, вообразили, что и физическия все те же, и, не подумав о лучшей части Вашего служения духовнаго, по-прежнему вообразили в себе и архитектора, и десятника, и полезли на какую-то стройку, и какую же? Храм ли это? или какое вековое великое сооружение? Утлая какая-то изба. Могло

ли это не поразить архипастыря? Себе вы ребра сломали, ему сердце надломили: у него и без этого ушиба оно довольно страдает и морально, и органически. А его Богадельня! С какою любовию и заботою он устроял это дитя своего сердца; но дитя было как-то хило. Нашелся, наконец, для него пестун – архимандрит Пимен. За ним можно быть спокойну, участь прекраснаго учреждения обеспечена, и даже души призреваемых хорошо направлены. Увы! Погодите. Отцу-архимандриту надобно вправлять ребра, сломанные при более важном деле, – при устроении избы. Могут быть случаи необходимости. Недавно и я лазил по лесам созидаемаго храма; да это было нужно для духовной цели, для умирения мятущагося прихода. Бог сохранил ногу мою от преткновения, не потому только, что леса хорошо устроены, а, может быть, и потому, что тут было мое место. Вас не поддержал ангел-хранитель, собственно, для того, чтобы показать Вам, что тут, на лесах, более не место для Вас, и если не хотели внять совету любящих Вас людей, которые дорожат Вами для себя, для монашества, для Церкви Божией, то, может быть, во внимании не откажите Господню уложению. Посмотрим, что касается до меня, то, признаюсь, мало имею надежды, чтобы рассуждение осилило привычку. Вы пользуетесь тем, что Владыка не любит действовать круто, предпочитает приказу убеждение, – плохое расположение воли к принятию его совета. Может быть, грешу, но я употребил бы иную меру: решительным словом начальника положил бы предел строительным наклонностям моего любезнейшаго отца-архимандрита. Посердились бы, да и покорились и были бы здоровы, и тысячи людей на многая лета благословляли бы и отца Пимена, и крутой нрав его архиерея, и иноки Угреши, и инокини всех общежительных обителей московских, и призреваемые в Острове, и дети училища Угрешенскаго, и больные в ограде и вне ея, и друзья и приятели Ваши, и все, кто ценит учреждения, вверенныя Вам благою волею архипастырей московских.

Вы пишете, что Вы ходили с крестным ходом освятить начало стройки гостиницы. Вот чем должно ограничиться Ваше участие в строительном деле – молитвою!

Когда Моисей строил скинию, Давид, Соломон – храм, стены в Иерусалиме, Бог не угрожает строителям, а когда Иезекиилю пророку поручает строение душ человеческих, как страшно гремят его прещения! Читая 3 главу Иезекииля, я благодарю Бога, что почти не имею душ, за которые я в прямом был бы ответе перед правосудием Божиим.

Если угодно, можно и на то обратить внимание, что для Вас не физический только, но и душевный напряженный труд вреден, тем более, что служба соединена с неприятностями. Если выносить труд и принять неприятности, то лучше при делах духовнаго зодчества, а не веществennаго.

Довольно ли сказано? Кажется, довольно. Письмо начато давно, оканчивается сего дня, и должен Вам сказать, что я не решился его послать к Вам прежде, нежели прочитал сначала моему строгому рецензенту, Александру Васильевичу, потом и самому владыке. И брат признал за полезное, а владыка, с самою благодушною улыбкою, изволил сказать: «Можно!»

Сердитесь не сердитесь, а я говорю от души, преданной Вам, и от убеждения, что Вы должны и можете стать выше привычек своих и, отстранив это падение, разумею, постройки Ваши, заняться делом, устройством разнообразных учреждений, вверенных Вам. Повторяю, занятие постройками почтенное занятие, но не для Вас, после болезни Вашей. В тот день(30 июня) мы с Вами были в Екатерининской пустыне. От чего бы Вам и нынче не удалиться хоть на краткий отдых?.. Господь Духом своим Святым да воспомянет Вам вся и да научит Вас всему, а я с любовию остаюсь и издали возношу о Вас молитвы.

Леонид.

П. Раз. 30 Июня, 1874.»

Прочитавши это письмо, я заставил себя поразмыслить о всем, написанном ко мне преосвященным, и сознал, что хотя как заслуженные приемлю упреки, относящиеся ко мне лично, но сознавал вместе с тем и то, что постройка, на которой я упал, была не прихоть, а необходимость – странноприимный дом; следовательно, я исполнял послушание, чему я и приписываю скорость моего восстановления, а падение было грех моих ради.

Первое мое свидание с преосвященным после моего падения было на Угреше августа 11; ибо, хотя я и был в Москве, но преосвященного не застал и свиделся с ним уже здесь. Первым моим долгом было испросить у него прощение, он прогостил у нас двя дня, а в конце августа посетил нас вторично, приехав к 27 августа, и пробыл также не более двух дней. Августа 12 прибыла ко мне и сестра моя, монахиня Горицкого монастыря, мать Арсения, с которой я не видался более 18 лет.

Преосвященный пригласил меня к себе, в Саввин монастырь, на праздник Рождества Пресвятой Богородицы, куда я и поехал. В Саввине монастыре я не был года с три; в продолжение этого времени я слышал, что там, благодаря усердию боголюбивого владельца тамошних мест, Павла Григорьевича Цурикова, благолепно возобновлен соборный храм и приведен, по возможности, в тот вид, в котором, согласно описанию, был при царе Алексее Михайловиче. Я все осматривал, и действительно, восстановление вышло удачно, паче чаяния и так хорошо, что на собор как внутри, так и снаружи, кажется, все глядел бы и не нагляделся, Саввин монастырь во всех отношениях один из лучших штатных монастырей Московской епархии. Местность монастыря очень хороша и в особенности вид на всю окрестность с верхнего балкона архиерейского дома. Монастырь на высоком холме, а в расстоянии полуторы версты далее, на другом холме, древнем, – собор некогда удельного города Звенигорода, в особенности процветавшего при сыне Дмитрия Донского, князе Юрие Дмитриевиче, благоговевшем пред преподобным Саввой, и его покровительству и щедротам и обязан Саввин Сторожевский монастырь своим первоначальным существованием. Назван монастырь Сторожевским потому, что на одном весьма высоком холме в древнее время, когда так часто повторялись у нас неприятельские набеги, существовал сторожевой столб, с которого открывалась взору необъятная даль. Таковых сторожевых столбов бывало прежде немало, на всех возвышенных местах, с которых можно было наблюдать в ту сторону, откуда преимущественно нам грозили нечаянные

нападения неприятеля – ордынцев, а впоследствии – крымцев. Этот сторожевой столб существовал близ того места, где находится пещера, в которую уединялся преподобный Савва и которая до 1860 годов была почти забыта. Усердием Павла Григорьевича Цурикова и старанием деятельного наместника (тогда еще игумена), отца Галактиона, над этой пещерой устроена скитская каменная, небольшая, но весьма изящная церковь во имя преподобного Саввы, а около выстроено несколько келий для братии этого скита; он кругом обнесен небольшой каменной оградой; братии человек до 16.

О соборе (города) скажу несколько слов. По наружности, несмотря на переделки, он сохранил вид древности, а внутри нет ничего замечательного, кроме остатков весьма древних фресок, писаных на столбах, застененных иконостасом. Возле собора обширная – площадка, на которой, говорят, существовал двор княжеский и вся княжая усадьба, но ныне не осталось ни следа, ни признака того, что там некогда существовало, кроме высокого вала, который окружает ее со всех сторон, и с одной стороны, где есть глубокие овраги, он порос лесом. До нас не сохранилось сведений о том, каков был в древности Звенигород, но ныне мы находим его расположенным по обеим сторонам Москвы-реки, и одна половина похожа на город, а другая, более обширная, совершенно как деревенская слобода, где избушки, крытые соломой, плетни вместо заборов и проч. К празднику съезжаются торговцы на ярмарку и располагаются поодаль от монастыря, по подгорью, с северо-восточной стороны, и это ведется с давних времен; торгуют красным товаром и сельскими произведениями. Ко всенощному бдению ударили в знаменитый колокол, имеющий 2 000 пудов весу – дар обители от царя Алексея Михайловича, особенно благоволившего к Саввинскому монастырю. В Москве есть колокола гораздо значительнее по весу, но нет ни в одном такого приятного звука. Существует предание, что обитель была в совершенном упадке и что однажды в дремучем лесу, который ее окружал, охотился на медведя царь Алексей Михайлович, что от него поотстали царские ловчие и стремянные, и в это время медведь, приблизившись к царю, угрожал ему

неминуемой опасностью. Царь оробел и не имел голоса, чтобы позвать на помощь. Как вдруг ему предстал благолепный старец и отогнал медведя. Царь, удивленный, стал спрашивать его, откуда он и как его зовут? Тот отвечал, что он из ближайшего монастыря, а зовут его Саввой, и после того скрылся. Царь поспешил в обитель, желая настичь старца, который, как он полагал, скрылся от него из виду. Можно себе представить, в какое смятение пришли все при появлении царя. Он стал спрашивать, который у них из старцев называется Саввой? На это ему отвечали, что с таковым именем нет ни одного. Тогда царь понял, что спасший его от неминуемой смерти был не иной кто, как сам угодник Божий, преподобный первоначальник обители, и с этого времени он возымел к нему особенное усердие и восстановил обитель.

После того обитель неоднократно приходила в упадок и опять обновлялась, а в последнее время, без преувеличения можно назвать обновителем Саввинского монастыря, Воскресенского и многих других монастырей и церквей Павла Григорьевича Цурикова. Нельзя не сказать к чести его, что он благодетельствует и благотворит не напоказ, не трубит пред собой и не домогается наград и почестей, которые сами на него сыпятся. Жена его, Анна Сергеевна, женщина высокой добродетели, достойная служить примером для многих по своей кротости и евангельской любви к ближнему. Эта благочестивая чета, пользуясь всеми временными благами, имеет в жизни только один недостаток: Господь не благословил их чадородием, но их благотворительность восполнила для них отсутствие естественных чад, соделав их родителями сирот и меньшей братии, которых они избрали себе в наследники своего тленного имущества, и через то сами, по слову Писания, соделаются наследниками благ вечных и сокровищ неиждиваемых.

Сколько бывало родов знатных и семейств многочисленных, обладавших великими богатствами, и многие роды совершенно угасли, из обширных семейств остались, быть может, немногие, и нет и следов тех наследств, которые от предков переходили из рода в род, но духовное потомство,

оставляемое нами в меньшей братии, никогда не пресечется, и наследие, расточенное на дела любви и милосердия, никогда не оскудеет и написано будет в книге живота.

На другой день праздника приехал архимандрит Нового Иерусалимского монастыря отец Леонид, по фамилии Кавелин, который, говорят, воспитывался в Московском Кадетском Корпусе, в молодых летах оставил светскую жизнь, вступил в монашество, в Оптину пустынь под руководство знаменитых старцев; впоследствии был при миссии в Иерусалиме, в бытность преосвященного Кирилла, также в Царьграде, и после того поступил в Ново-Иерусалимский монастырь настоятелем. Человек ученый и трудящийся: его исторические и археологические исследования помещаются преимущественно в «Чтениях в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете», коего он состоит самым неутомимым членом.

Он приезжал, чтобы пригласить преосвященного Леонида на освящение главного храма в Новом Иерусалиме после возобновления, сделанного на иждивение Павла Григорьевича Цурикова. Мне сказывали, что на это употреблено далеко за сто тысяч. Это освящение совершал сам владыка Московский с преосвященным Леонидом сентября 12 дня.

По благословению владыки сентября 24 я поехал на освящение в Бородинский монастырь.

Глава XXIV

В заключение моих записок помещаю краткий обзор всех общежительных монастырей, находящихся в моем ведении. По времени моего назначения благочинным, ему бы следовало находиться прежде, но так как мои объезды по монастырям совершались не в одно время и повторялись многократно, то и нашел я для себя более удобным собрать воедино все, виденное мной при многократных моих посещениях. Таким образом, избегаю повторений и отрывочности в изложении, и мое обозрение всех монастырей будет полной и живой картиной, в которой я пожелал, по возможности, передать в кратких чертах и те исторические сведения о каждой обители, какие мне известны, следовательно, всю жизнь, все возрасты обителей, с самого их начала и до нашего времени. Прилагаю при сем и статистическую таблицу для наглядного сравнения.

Обозрение всех общежительных монастырей Московской епархии: 1) Старо-Голутвин; 2) Бобренев; 3) Белопесоцкий; 4) Давыдова пустынь; 5) Берлюковская пустынь; 6) Пешношский монастырь; 7) Екатерининская пустынь; 8) Гуслицкий монастырь; 9) Ново-Голутвин; 10) Угрешский монастырь

Монастыри мужские

I. Богоявленский Старо-Голутвин монастырь

Этот монастырь, находящийся в 4 верстах от Коломны при слиянии Москвы-реки с Окой, основан, гласит предание, учеником Преподобного Сергия Радонежского в 1385 году. Известно, что великий ,князь Московский Дмитрий Донской просил Преподобного Сергия принять на себя посредничество для примирения его с Олегом Рязанским. Преподобный Игумен Троицкий во время Рождественского поста ходил в Рязань пешком и склонил Олега к примирению с Дмитрием, который, желая отблагодарить блаженного старца, спросил его, что может он для него сделать? Подвижник, носивший толстые рубы и довольствовавшийся гнилой мукой для своего хлеба, конечно, не пожелал ничего для себя, но ревнитель монашества, он просил великого князя дозволения возградить обитель на месте, которое он облюбовал близ Коломны, и князь с радостью на то соизволил и, вероятно, помог и казной при построении.

Один из учеников Преподобного, Григорий, был первоначальником обители, в которой и поныне, как святыня, хранится деревянный посох с клюкой, оставленный там при посещении Преподобным Сергием. Монастырь Старо-Голутвин существовал до 1800 года, но в это время он был назначен к упразднению. Блаженной памяти митрополит Платон перевел штат монастыря в Коломну, в архиерейский дом, также обреченный на запустение, а Старо-Голутвин оставлен на своих собственных средствах как заштатный.

По желанию владыки Московского, Пешношский строитель Макарий, благоустроивший уже свою обитель (также бывшую в запустении), отправился в Голутвин монастырь с иеромонахом Самуилом, которому препоручен монастырь, и он был сделан строителем. Отец Самуил, в миру Афанасий Колесницын, родился в Холмогорах Архангельской губернии в 1760 году. Он был родом из мещан. Отец послал его в Москву, где он и жил в мальчиках у одного купца. Когда ему наступил 22 год, он возымел желание идти в монастырь и вступил к Николе на Пешношу. В то время настоятелем там был строитель Игнатий. При пострижении Афанасий наименован Арсением, но почему-то при посвящении в стихарь ему переменили имя и назвали Самуилом. Преемник Игнатия, Макарий, был великий подвижник и богомудрый старец, бывший в духовном общении с молдавскими старцами Нямецкого монастыря, и Паисий Величковский, весьма любивший его, прислал ему в дар свой посох. При этом-то старце Самуил проходил духовное поприще. По примеру Пешнощского монастыря, он возобновил Старо-Голутвин и благоустроил его и внутренне и внешне, и по его прошению штат монастыря был увеличен: прежде в Голутвине, со строителем включительно, полагалось братии всего 6 человек, по его же прошению определено увеличить число братии до 30 человек.

Он скончался в 1829 году и на его место поступил строитель из Екатерининской пустыни отец Назарий. Он был родом из серпуховского купечества и назывался Николай Иванович Бордоносов. Начало своему монашескому житию он полагал в Орловской епархии, в Белобережской пустыни при строителе-отце Леониде (известном Оптинском старце). Потом он жительствовал в Старо-Голутвине монастыре при отце Самуиле, и в 1823 году был определен строителем в Екатерининскую пустынь, где и находился до смерти отца Самуила, то есть до 1829 года. Во время своего настоятельства до 1850 годов отец Назарий мудро правил обителью, но когда его здоровье начало слабеть и стали изменять ему силы телесные, то вместе с тем и обитель стала клониться к упадку. В 1853 году он был поражен параличом и вовсе уже

неспособный к управлению, он пожелал передать начальство монастырскому духовнику, отцу Авраамию, и последние 4 года своей жизни провел на покое, а скончался в 1857 году.

Преемник его, отец Авраамий, оказался не вполне искусным в правлении, и в преемники ему не нашлось никого из числа монастырской братии, почему по распоряжению начальства и был определен на его место Пешношский иеромонах отец Назарий II. Ему было более 70 лет, и он начальствовал всего только три года (с 1864) и скончался в 1867 году.

После его смерти предложено было братии приступить к избранию нового настоятеля. Вышло несогласие между братией, и хотя были люди достойные, но вследствие разномыслия братии никого не избрали. Тогда покойный владыка спросил преосвященного Игнатия, не имеет ли он кого, на которого бы мог указать для опредеделения в строителя Голутвинского? Преосвященный назвал владыке двух, и из них один был Угрешский казначей, иеромонах Сергий. Все это я узнал уже впоследствии. Владыка потребовал к себе отца Сергия. С трепетом и страхом явился он к владыке, совершенно недоумевая, зачем его требуют. Владыка, знавший его уже отчасти, бывая в нашей обители чаще сравнительно с другими, окинул его своим проницательным испытующим взглядом и спросил его: чем он занимается? Он отвечал, что по должности как казначей исполняет поручения настоятеля. Тогда владыка снова спросил его: «А в свободное время чем занимаешься?» – «Читаю отеческие книги», – отвечал казначей. Но владыка не удовольствовался этим общим ответом и снова спросил: «Какие?» – «Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника идругие», – отвечал отец Сергий. Владыка и тут пожелал удостовериться, действительно ли отец Сергий занимается чтением, и стал спрашивать его подробно, о чем говорится в такой-то степени, но отец Сергий отвечал удачно. «А в такой-то о чем речь?» Ответ и тут был удовлетворителен. Владыка помолчал несколько минут и сказал: «Ну, Бог благословит, идите!»

Вскоре последовало назначение отца Сергия в настоятели Старо-Голутвина монастыря, и 24 числа июля 1867 года он нас

(то есть Угрешу) оставил.

При своем поступлении он нашел обитель далеко не в цветущем положении: были значительные упущения и по церкви, и по монастырю, и несогласия в братстве. В продолжение своего трехлетнего настоятельства он привел обитель в надлежащее положение: порядок по церкви и по трапезе был восстановлен, храмы и строения приведены в исправность, внутренность монастыря облагоображена, келии настоятельские пришли в совершенно иной вид, словом, и внешне и внутренне монастырь значительно изменился, и построена небольшая, но весьма приличная гостиница, заведено при монастыре училище для приходящих, и ныне там обучается до 80 детей. В 1871 году, по желанию Коломенского почетного гражданина, Гурия Федоровича Ротина, владыка изъявил свое согласие на поступление отца Сергия в Ново-Голутвин монастырь, на место умершего архимандрита Тихона с тем, чтобы он преобразовал эту обитель в общежитие.

Старо-Голутвинская братия, более умиротворенная при отце Сергии, по его переводе действовала уже единодушно, и когда я приехал для присутствия при избрании в 1871 году, единогласно был избран Варлаам. Он пришелся братии по духу и настоятельствует, как примечается, не в ущерб для обители, ибо все восстановленное и учрежденное его предместником отцом Сергием, старается поддержать, и по своей рачительности и заботливости, должно думать, при помощи Божией, сумеет соблюсти вверенную ему обитель в надлежащем положении. По представлению преосвященного Игнатия, епископа Можайского, он награжден в 1875 году наперсным крестом.

II. Богородице-Рождественский Бобренев монастырь

Основан, как гласит предание, воеводой великого князя Дмитрия Донского Волынцем, по прозванию Боброк, около 1380 годов. Этот монастырь имел в прежнее время достаточные средства, так как в его владении было более 1100 душ крестьян. Он находился в ведении Коломенской епархии. Ныне в нем два храма: 1) Собор холодный старинного построения во имя Рождества Пресвятой Богородицы и 2) теплый и новейшего

построения, сооруженный усердием и иждивением Московского почетного гражданина, Давыда Ивановича Хлудова. Им же выстроен и большой каменный корпус, в котором настоятельские и братские келии, трапеза и прочее.

До 1850 годов эта обитель была приписная к Старо-Голутвину монастырю и имела весьма малое число братии, но в 1850 годах восстановлена и с тех пор стала благоустраиваться. В моем благочинии это самая скудная средствами своими обитель, но к чести настоятеля должно сказать, что сравнительно с прочими монастырями и по своим ограниченным средствам монастырь стал нисколько не ниже некоторых других обителей. Достойно сожаления только, что есть одно мирское селение, которое примыкает к обители, и это для нее причина неискоренимого зла. При монастыре есть народное училище для детей ближних селений, так как монастырь за рекой, которая отделяет его и от города и от Старо-Голутвина монастыря.

III. Белопесоцкий Троицкий монастырь

Он находится на левом берегу реки Оки, напротив города Каширы. Когда именно он основан, достоверно неизвестно, но весьма древний, он существовал уже в XV веке, во времена владычества татар и который-то из ханов давал ему льготные грамоты. В оном две церкви; из них холодная соборная весьма благолепно украшена московским купцом и фабрикантом Щербачовым. В прежнее время нравственному состоянию этой обители вредило, что она была ссыльная, но в 1840 годах был последний резкий случай при строителе Афанасии, который был настоятелем более 20 лет, и которого потом вывели в казначея в Лужецкий монастырь, где он и скончался. При его преемниках монастырь стал видимо улучшаться. На его место поступил иеромонах Высокопетровского монастыря отец Гедеон, бывший наместник Толгского монастыря. Впоследствии его перевели архимандритом в Серпуховской Высоцкий монастырь, а на его место – Саввинского монастыря наместника отца Николая, который умер в Москве в больнице. За ним следовал отец Сергий, из иеромонахов Белопесоцких, из чего можно усмотреть, что нравственно обитель очевидно улучшилась: он

начальствовал недолго и в обители умер. После него был избран монастырский иеромонах Иоанникий, ныне имеющий уже сан игумена.

В настоящее время эта обитель, благодаря деятельности настоятеля, несравненно улучшилась против прежнего тем более, что в числе братства осталось уже весьма немного подначальных. Служение церковное надлежащим образом исполняется по уставу, пение столбовое, хорошее. Трапеза и одежда достаточны. Церкви и строения содержатся в порядке; хозяйство ведется успешно, с выгодой для обители. Гостиница при монастыре деревянная, весьма хорошая и содержится очень исправно. Августа 29 бывает ярмарка.

Белопесоцкая обитель долгое время всего более страдала от подначальных, которые были присылаемы из всей епархии, и так как бывали в числе оных и люди значительные, имевшие прежде власть и сан, а нередко и немалые средства, то трудно было настоятелю бороться с ними. Впоследствии само начальство стало убеждаться в нецелесообразности этой меры, то есть в ссылке виновных монахов и белого духовенства в монастыри; ибо через это редко приносится польза людям, нравственно испорченным, но всегда причиняет великий вред обителям; это тлит нравы монашества вообще и вредит ему во мнении мирян, которые, видя бесчинства, творимые в обителях, и, не зная, от кого они происходят, осуждают все монашество.

Теперь епархиальное начальство пришло к тому заключению, что всего лучше виновного исправлять в том самом месте, где он провинился; ибо: 1) все знают, в чем его вина, и ему, следовательно, нельзя сказать, что он страдает невинно; 2) к его характеру приноровились и скорее найдут средства к уврачеванию язвы; 3) не заражаются нравственно неиспорченные от сопребывания с людьми зараженными и закоснелыми во зле; 4) легче искоренять зло единичное, нежели там, где совокупляется зло разнородное и 5) наконец, виновный скорее исправится в своем месте и не впадет в отчаяние. Нужно не утеснение человека, но исправление виновного.

IV. Давыдова пустынь

Эта обитель основана в 1515 году преподобным Давыдом, полагавшим начало в Пафнутиевом Боровском монастыре. Он пожелал большего безмолвия и удалился в Серпуховской уезд, где и поселился близ реки Лопасни, в 23 верстах от Серпухова. Местность весьма живописная, возвышенная и усеяна лесами и рощами.

Первоначально церковь во имя Вознесения Господня была деревянная, впоследствии за ветхостью снесена и на месте оной выстроена новая, каменная, весьма обширная и благолепная, но когда именно, достоверно неизвестно.

В 1744 году за этой пустынью числилось 613 душ крепостных крестьян.

При моем поступлении на Угрешу, в 1834 году, настоятелем там находился отец Иоанникий. В 1838 году, по сложившимся обстоятельствам, он был уволен от должности строителя и определено ему жить на покое в Пешношском монастыре, где и скончался в 1840 годах. Он жил на больничной вакансии и представлял себя в крайней бедности, так что должен был себе во всем отказывать, и не имел даже порядочного носового платка; но так как он был настоятелем в продолжение 15 лет или около того, и прежде, по-видимому, не терпел нужды, то Пешношский настоятель, не вполне доверяя нищете отца Иоанникия, нередко пропускал мимо ушей его требования, отчего старец и роптал на монастырское начальство.

В последние дни его жизни, когда он стал уже весьма слаб, его неоднократно посещали настоятель и духовник и спрашивали его, не желает ли он сделать каких распоряжений, но он постоянно твердил, что он ничего не имеет, что он так беден, что и распоряжаться ему нечем. После этого, ежели были какие сомнения у Пешношского настоятеля, они должны были рассеяться; волей-неволей приходилось верить умиравшему старцу.

Чувствуя и сам, что близок уже его последний час жизни, он стал просить послушника, прислуживавшего ему, чтобы тот, не раздевая его, положил его в гроб в том самом худеньком подряснике, который был на нем. Когда он умер и послушник передал настоятелю волю покойного, конечно настоятель велел

исполнить его желание. Но когда стали надевать на него мантию, то ощупали, что у него в кармане платок и что-то жесткое и, полагая, не бумаги ли какие, вздумали вынуть, вытащили платок, и что же оказалось? В платке были завернуты деньги, их сосчитали, денег оказалось 7 000 рублей ассигнациями!

Не наше дело рассуждать, какими средствами были приобретены такие деньги, но нельзя не пожалеть, что, будучи уже в весьма преклонных летах и живя в монастыре на больничной вакансии, он упорно терпел во всем нужду, имея возможность удовлетворить всем своим желаниям, и кроме того, еще роптал на монастырское начальство, и в предсмертный час, по-видимому, умышленно утаил свое достояние, распорядившись так, чтобы его деньги никому не достались. Допустив даже, что он совестился выказать, что у него были деньги, быть может, не все вполне благоприобретенные, но и это не может служить оправданием в его действии, слишком предосудительном, не только для инока и старца, но даже и для мирянина вообще.

Преемником его был иеромонах Геннадий, постриженик Пешношский. Вот, что он рассказывал о себе. «Когда я был послушником и проходил разные послушания, то желал получить только монашество, и был бы спокоен. Сделавшись монахом, я остался при тех же послушаниях, и все-таки недовольный, стал рассуждать: «Ну, вот меня сделали и монахом, так что же толку? Разве послушания-то не те же? Нет, уж ежели бы меня сделали диаконом, тогда я был бы покоен, доволен». Пришло время, был я посвящен и во диакона, но и этим не удовольствовался. «Вот уж ежели бы я был иеромонахом, тогда, конечно, бы вполне был доволен: зажег бы лампадку, прочитал бы правильце, помолился бы…» Сделавшись иеромонахом, стал я помышлять о том, как бы сделаться настоятелем: «Уж, как бы хорошо овечек попасти, и уж, конечно, стал бы распоряжаться не так, как распоряжаются другие». Достиг и этого, он был сделан строителем Давыдовой пустыни и, пробыв там несколько лет, был уволен, а при увольнении стал желать возвратиться в Пешношскую пустынь,

но этого не получил, а кончил жизнь в Екатерининской пустыни. Вот что значит, когда монах отступит от своей цели, от самоотвержения, и дозволит себе следовать своим помыслам. Я знал очень хорошо отца Геннадия и с очень хорошей стороны и думаю, что ежели бы он остался жить в Пешношском монастыре, то вероятно, впоследствии был бы настоятелем.

На его место поступил Афанасий, бывший наместник Саввинского монастыря. Он был жизни безукоризненной, но имел характер весьма строптивый и при том еще, как человек сварливый и притязательный, докучал владыке своими доносами, мелочными сплетнями и вследствие этого дошел до того, что ему приходилось служить самому, даже без диакона, так как по его жалобам иеромонахи и иеродиаконы его монастыря были под запрещением. Трудно определить, отчего у него сложился подобный характер, вследствие ли ревности не по разуму или оттого, что, не живши в общежитиях, не научился ладить с разнородными характерами, почему и приходил в непрестанное столкновение с братиями; а был он человек весьма неглупый и во время своего наместничества в Саввине монастыре с братией мирствовал.

Это может служить подтверждением дознанного по опыту, что насколько настоятель, питомец штатного монастыря, в общежитиях оказывается неискусным, настолько, напротив того, человек, проникнутый духом обители общежительной, для штатной приносит существенную пользу.

Владыка, по свойственной ему проницательности, не ожидая для обители ничего лучшего от его правления, вывел его в Чудов монастырь экономом, где он впоследствии и скончался.

На его место в Давыдову пустынь поступил отец Паисий, из казначеев Иосифова Волоколамского монастыря; родом он из дворян Тульской губернии, как по фамилии, не припомню. Его настоятельство ознаменовалось только построением колокольни, для которой все было заготовлено еще при его предместниках. После того он был переведен в Лужицкий монастырь архимандритом, был наместником Чудовским, Покровским настоятелем и благочинным, и там скончался.

На его место поступил Варлаам, Лаврский иеромонах, человек добродушный и гостеприимный, управлявший Гефсиманским скитом, где и скончался; а на его место поступил теперешний настоятель, отец архимандрит Иосиф из настоятелей Берлюковской пустыни.

В заключение о Давыдовой пустыни скажу свое мнение: 1) Местоположение обители самое удобное, в весьма благоприятной местности, на юг от Москвы верст на 100. 2) Церковное служение гораздо сокращеннее, чем обыкновенно принято в пустынных монастырях, а пение придворное, не вполне стройное. 3) Состояние и содержание как церквей, так и прочих зданий, сравнительно с другими обителями, далеко не соответствует тем средствам, которыми обладает пустынь. 4) На правах общежития братия, пользуясь всем содержанием от монастыря, сверх того, вопреки уставу общежительному, получают еще и деньгами (как они говорят) на карманные расходы. 5) Полевое хозяйство довольно обширное, не всегда приносит пользу обители. 6) О нравственном направлении братства много сказать нельзя, так как часть оного составляют приставные из чужих обителей, а другие живут более по своему собственному усмотрению, чем под руководством монастырского начальства.

Таковое состояние обители я объясняю себе тем, что целый ряд настоятелей, следовавших один за другим, поступали туда из штатных, и таким образом, при всей своей благонамеренности, может быть, совершенно неумышленно и бессознательно, ослабили устав общежительный.

V. Берлюковская пустынь

Эта обитель, как говорит предание, основанная около 1600 годов, во времена самозванцев и междуцарствия, никогда не была ни многолюдна, ни в цветущем положении, и можно сказать, что только еле-еле существовала до начала XVIII века. Во времена Императрицы Анны на нее воздвиглось гонение вследствие притязательности Феофана Прокоповича, и ее окончательно разорили. В 1780 годах ее восстановил блаженной памяти митрополит Платон, любивший восстановлять обители. Ему обязана Берлюковская пустынь своим существованием; она

была совершенно упразднена и обращена в приходскую церковь, из которой и священник даже бежал. Более же всего, после своего восстановления, обязана Берлюковская обитель своим теперешним благолепием отцу Венедикту, который настоятельствовал в ней более 25 лет, с 1829 по 1855 год. Он умер в сане архимандрита. Я знал его лично. Он был лет 60, весьма благообразный, роста не очень высокого, бороду и волосы имел небольшие с проседью. К посторонним он был весьма внимателен и приветлив, для обители неусыпно старательный, в управлении взыскателен и строг, впрочем, не без особых к тому причин: в то время все загородные монастыри были наполнены подначальными монахами, преимущественно московскими. По твердости своего характера он умел их обуздывать, хотя это и нелегко было и не обходилось ему без скорбей; за то он приобрел доверие владыки и был у него на весьма хорошем счету как один из самых почтенных настоятелей Московской епархии.

Преемником его был отец Парфений, поступивший в 1855 году. Сравнительно с другими обителями, Берлюковская пустынь при его поступлении была несравненно в лучшем положении, но почему-то установившиеся там порядки пришлись ему не по мысли. Он возымел намерение все преобразовать, переиначить и ввести свои новые порядки, и все это окончилось ничем. Он мало обращал внимания на существенные потребности обители, и во время своего настоятельства занимался составлением каких-то проектов и черчением совершенно бесполезных планов.

В 1859 на его место определен из просфоряков Троицкой Лавры иеромонах Иосиф, который начальствовал по 1865 год. В его бытность в большом холодном соборе, строенном при архимандрите Венедикте, сделаны нижние своды, отчего этот прекрасный храм, бывший прежде довольно сырым, осушился, и за это ему великое спасибо. Но за пещерную церковь поблагодарить его нельзя: лучше бы и вовсе не делал. Эти пещеры в Берлюковской пустыни образовались следующим образом. В 1829 году туда поступил крепостной человек Куманиных, по имени Макар. Он был дядькой при детях, а

впоследствии – поваром. Овдовевши, получил свободу, вступил в монашество и при пострижении был назван Афанасием. Он исправлял должность свечника, украдкой ходил в сосновую рощу и в горе копал пещеры, а в средине оных – колодезь. В 1841 году он пожелал восприять схиму, а при этом был снова наименован Макарием. Окрестное население имело великое доверие к старцу, и после кончины его (последовавшей апреля 1, 1847 года) посещают его пещеры и по своему усердию служат над его могилой панихиды. При этих-то пещерах отец Иосиф и вздумал выстроить церковь, которая и оказалась весьма неудачной. Она разрушается потому, что около оной идет кругообразный пещерный ход, над церковным сводом выведен весьма тяжелый верх, совершенно бесполезный и производящий только давление. Церковь крайне сыра и не совсем безопасна, и потому служения в ней не бывает. Для того, чтобы устроить церковь, пришлось тронуть и пещеры, выкопанные старцем, где их распространили, где продолжили или углубили; словом сказать, их испортили, и ежели не совсем уничтожили, то совершенно исказили.

На место отца Иосифа, которого в 1865 году перевели в Давыдову пустынь, Берлюковская братия избрала себе настоятеля из своей среды, иеромонаха Исаию. Он был родом из московского купечества, полагал начало в Берлюковской пустыни, куда поступил при отце Венедикте, при котором был пострижен и произведен во иеромонаха. Он был поведения трезвого и честного и знаком со всеми порядками обители, и думалось всем, что он будет весьма хороший настоятель. К сожалению, на деле вышло совершенно иное. Отрешившись от мира, он не сумел отрешиться от своей воли, не хотел подчиниться монастырским уставам, и это повело его к самочинной жизни. К тому же он имел еще и большие средства, оставивши у себя капитал. Это его надмевало: он считал себя выше всей братии, зазирал и осуждал каждого, и дошел до такой степени гордости и самомнения, что когда был избран в настоятели, стал считать для себя несовместным пребывание среди такой братии. Он сложил с себя начальство по прошествии не более полугода после избрания. Его

превозношение довело, наконец, до того, что он отказался от монашества и возвратился в мир.

После Исаии поступил в настоятели игумен Иона из Екатерининской пустыни, постриженик Соловецкого монастыря. Он начальствовал с 1865 года по 1870 год, пока по прошению не был уволен от должности. По увольнении его братия отказались от избрания из своей среды нового настоятеля. Тогда мне сделано предписание, чтобы я представил владыке нескольких кандидатов, в том числе был и Угрешский казначей отец Нил, которого владыке благоугодно было избрать.

При поступлении отца Нила усмотрены были мной некоторые упущения, на которые я и советовал ему обратить внимание: 1) Церковный порядок, установленный при архимандрите Венедикте, при его преемниках мало-помалу изменен. 2) Столбовое пение пришло в совершенный упадок, и все прочее соответственно этому шло по произволу; так, например, в последнее время в Великую Четыредесятницу начинали Часы в 8 и 9 утра. 3) Для братской трапезы не было определенного времени. 4) Пища и одежда скудные. 5) Церкви содержались с нерадением, а большой прекрасный собор, по недосмотру, страдал от сырости; наконец, 6) хозяйство было в явный ущерб обители.

Когда по прошествии около года после вступления отца Нила я снова посетил обитель, то нашел видимое улучшение: 1) Церковное служение стали совершать надлежащим образом по уставу, в определенное время. 2) Столбовое пение уже восстановлено. 3) Чин трапезы введен по примеру нашей обители с предношением Панагии. 4) Пища и одежда весьма хорошие. 5) Все церкви приведены в совершенный порядок. 6) Строения и здания исправлены. 7) Хозяйство улучшено и 8) при монастыре открыто училище по примеру Угреши.

В Берлюковской пустыни есть особенность, которой нет ни в какой другой обители: это ношение чудотворной иконы Христа Спасителя (изображения, называемого «Лобзанием Иуды») не только по Богородскому уезду, но и по другим сопредельным, что приносит обители значительный сбор, равняющийся едва ли не третьей части всего получаемого дохода.

VI. Николо-Пешношский монастырь

Основателем этого монастыря был преподобный Мефодий, ученик Преподобного Сергия, и полагают, что это было около 1361 года. Название происходит оттого, что Преподобный при строении обители трудился сам, пешеноша деревья для зданий. Он скончался в 1392 году, июня 14, предварив своего учителя и наставника только тремя месяцами. В 1553 году Пешношский монастырь посетил царь Иван Васильевич Грозный и имел там свидание с бывшим епископом Коломенским Вассияном. Царь в письме своем к Кирилло-Белозерскому игумену не очень хорошо отзывается о Пешноше.

Владения монастыря были весьма обширны: в одном Дмитровском уезде он имел около 16 000 десятин земли, а всех крепостных душ более 2 800. Но не видно, чтобы он имел большое значение или пользовался особым расположением царей Михаила и Алексея.

В 1764 году он был упразднен и обращен в приходскую сельскую церковь, а в 1766 году, по просьбе Веревкина, генерал-майора, восстановлен. Первый из иерархов, который обратил внимание на сию обитель, был преосвященный Феофилакт, епископ Переяславский; ибо она принадлежала к его епархии; он вызвал из Введенской Островской пустыни строителя Игнатия, вместе с ним прибыл и иеромонах Макарий. При Игнатии, который был довольно строг и взыскателен с монашествующими и деятелен относительно внешнего управления, мало-помалу водворился порядок, явились и щедрые датели, помогавшие ему в средствах. В 1788 году Игнатий был переведен в Тихвинский монастырь архимандритом, потом в Московский Симонов и там скончался в 1796 году. На его место поступил Макарий: ему-то в особенности и обязан Пешношский монастырь своим совершенным восстановлением. Он настоятельство-вал 23 года, с 1788 по 1811 годы, и привел его в такой порядок, что блаженной памяти митрополит Платон при посещении Пешноши сказал ему: «Пешноша в моей епархии – вторая Лавра». Отец Макарий был из купеческого звания города Рузы, по прозванию Брюшков; полагал начало в Санаксарской обители, жил близ

Кадама в Ананьевских лесах. В 1806 был сделан архимандритом Пешношского и Борисо-Глебского Дмитровского монастыря; перед кончиной восприял схиму, скончался в марте 1811 года. Он находился в дружественных отношениях с молдавским старцем Паисием был с ним в переписке и получил от него в дар посох.

Преемником Макария был Пахомий, родом из Тверских купцов, по прозвищу Волков. Он полагал начало на Пешноше; с 1806 по 1811 годы был строителем Берлюковским, и оттуда по смерти Макария и переведен. Его настоятельство продолжалось 7 лет и принесло обители не пользу, а великое ослабление, и она снова стала утрачивать тот стройный порядок, который был водворен в ней с таким великим старанием старцем архимандритом Макарием. Пахомий был подвержен немощам, и потому в 1819 году от должности уволен. На его место поступил отец Максим, из казначеев монастырских. Он был родом тоже из Тверских купцов, по фамилии Погудкин. Полагал начало на Пешноше, был недолгое время строителем монастыря и от должности отказался; был казначеем Берлюковским, потом казначеем и духовником на Пешноше, и наконец, в 1819 году был избран в строителя.

При поступлении на Московскую епархию в 1821 году архиепископа Тверского Филарета, монашество было распущено, в особенности в городских монастырях, и потому загородные были наполнены подначальными, от которых не избавился и Пешношский, и эти-то непрошенные гости и посеяли в нем первые семена смут. Отец Максим был строителем с 1819 года по 1836 год. Будучи сам безукоризненной монашеской строго подвижнической жизни, при всей своей благонамеренности, он, не имея ни достаточно твердости духа, ни умения, чтобы управлять обителью, поколебавшейся при его предместнике, действовал не вполне успешно, в чем и сам сознавался. Чувствуя бремя правления себе не под силу, так как обитель была в то время колеблема внутренним нестроением, не имея решимости удалить нарушителей братского согласия, и вместе с тем, не предвидя более мирного исхода, он стал усиленно проситься на покой.

Владыка, уважая его за его высокоподвижническую жизнь, за смирение и монашескую нестяжательность, долгое время не, соглашался освободить его от начальства и всячески старался удержать. Чтобы основательнее и подробнее узнать о причинах нестроения обители и не произнести приговора заочного, владыка, находившийся в то время в Петербурге, на своем возвратном пути в Москву, свернул прямо с Клинской станции и направился в Пешношскую обитель, где и прожил около недели. Это обстоятельство может служить доказательством того, в какой мере владыка дорожил монашеством и благоустройством обителей Московской епархии; ибо, несмотря на то, что он долгое время не был в Москве, где многие и многое его ожидали, он не затруднился и почти для частного дела, которое считал важным и требовавшим его особого внимания, на время отложил все прочее. На месте разобрав все обстоятельства дела и убедившись по исследовании, что старец не без основания просился на покой, владыка, хотя и нехотя, и скрепя сердце, согласился на его просьбу уволить от начальства. Зато и виновники удаления старца почувствовали, что архипастырская рука, умевшая помогать слабым и немощным, умела подавлять непокорливость и давала себя чувствовать, где нужна была строгость мер. Приезд владыки оказался для обители вполне благотворным: успокоил строителя и обезоружил недовольных; главные двигатели, в том числе и казначей, были удалены в другие монастыри. Когда перед своим отъездом владыка предложил братии приступить к избранию, и по несогласию двух противоположных сторон, взаимно друг другу мешавших, выбора состояться не могло, он пожелал слышать мнение старца, хорошо знавшего всю братию. Отец Максим сказал тогда владыке, что к старшей братии он доверие утратил, а на младших положиться не может. Нельзя в этом случае не пожалеть, что ни старец, ни братия не сумели или не хотели из своей среды избрать себе правителя, хотя и были весьма достойные люди. Тогда владыка предложил на выбор двух настоятелей: Угрешского игумена Илария и Сретенского Сергия. Пешношская братия предпочла последнего, так как он полагал начало в их обители. Отец

Сергий, впоследствии архимандрит, поступил в 1836 году. Время его настоятельства не ознаменовалось ничем замечательным для обители, так как он не вполне сочувствовал общежительному уставу, и потому он и братия не пришлись друг другу по духу.

После его кончины братия, по опыту убедившись, что начальник, избранный из чужой обители, редко сродняется с потребностями места ему вовсе неизвестного, не стали уже противиться избранию из своей среды, и был тогда избран казначей отец Мефодий. Он был проникнут истинным духом монашества и, подобно отцу Максиму, был подвижник. Он долгое время уклонялся от принятия священства, и наконец, тогда только согласился на это, когда владыка почти принудил его. После посвящения во иеродиакона владыка приказал ему готовиться для посвящения во иеромонаха через день или два, к первому архиерейскому служению, и он опять согласился нехотя. Будучи сделан иеромонахом, он служил очень редко. Об этом доложили владыке, и когда он его спросил: «Отчего редко служишь?» Тот отвечал ему: «Смущаюсь, владыка святый, что когда в служении обращаюсь к народу, много людей смотрит мне в лицо». Тогда владыка сказал ему: «А ты забудь, что ты в присутствии людей; ежели будешь помнить, что ты находишься пред лицем Господа, ты не будешь смущаться. Служи, я благословляю тебя». И после этого он служил без всякого смущения. Я это слышал от одного из тамошних иеромонахов. В заключение о нем скажу, что однажды мне случилось быть у преосвященного Леонида, где застал и его. Преосвященный пошел с секретарем в кабинет, и мы остались вдвоем. В это время вошел в комнату отец Иаков, архимандрит Даниловский. В разговоре он спросил его: «А много у Вас овечек?» Тот ему отвечал, что столько-то. Тогда отец Иаков снова стал спрашивать: «Ну, а козлища-то есть?» – «Есть, есть один козел, вот он», – отвечал старец, стуча пальцем себе в грудь. После такого ответа поневоле пришлось замолчать.

Отец Мефодий был впоследствии архимандритом и заслужил всеобщее уважение. Когда он скончался в 1869 году и был о том извещен преосвященный Леонид, то как епископ

Дмитровский, он пожелал отдать старцу последний долг и поехал на его погребение. У отца Мефодия была еще та особенность, что он до чрезвычайности любил чистоту: он не жил в настоятельских келиях, куда ходил только по праздникам пить чай или принимать посторонних посетителей, а сам жил в своей монашеской келии, где пол был так чист и бел, как будто только вчера вновь настлан.

В преемники отцу Мефодию был избран один из тамошней братии, бывший благочинный и после того казначей отец Дионисий.

При посещении мной обители усмотрено, что: 1) в церквах содержится чисто, но не особенно рачительно; 2) что Богослужение совершается согласно уставу; 3) что пение столбовое довольно удовлетворительное; 4) что трапеза, как там отзываются, согласная с прежним положением, в наше время оказывается далеко недостаточной, что и подает иногда повод к ропоту; 5) что одежда по местности прилична, но в другом месте была бы не совсем достаточна; 6) что хозяйство, заключающееся в обширных сенокосах и в огородничестве в больших размерах, ведется успешно и приносит обители существенную пользу; 7) что здания и ограда все каменное, обширное и давнего построения, содержится исправно; и что, наконец, 8) относительно духовного настроения обители нельзя не сознаться, что дух прежнего старчества и по сие время отчасти сохранился преемственно между старожилами обители, но, к сожалению, плохо усваивается современным поколением.

VII. Екатерининская пустынь

Основана, по преданию, при царе Алексее Михайловиче около 1659 года в память рождения дочери его, царевны Екатерины, о которой он имел извещение в ночном видении. Там был царский зверинец и богадельня для престарелых царских слуг.

Первоначально церковь строена в 1660 году, но существующая ныне соборная церковь позднейшего построения, относится, должно полагать, ко времени Императрицы Екатерины II. Этот храм кругообразный, весьма пространный, в два света (наверху и внизу) с хорами,

окружающими изнутри всю церковь. Над алтарем, на хорах, придел во имя Успения Пресвятой Богородицы, а внизу престол во имя великомученицы Екатерины. Иконостасы вверху и внизу и хоры – все сплошь вызолочено, стены расписаны. Церковь эта очень хороша, просторна, светла, благолепна и содержится весьма хорошо. С западной стороны к этой холодной церкви примыкает теплая, имеющая два престола, направо и налево: 1) Святителя Николая и 2) Преподобного Сергия, а вверху над оной еще холодный придел во имя святых апостолов Петра и Павла и в него ход снаружи из сеней. Кроме того, есть еще церковь во имя святителя Димитрия на колокольне, которая каменная, невысокая, но красивая, под оной – въездные главные Святые врата. В Петров день бывает за колокольней у монастыря ярмарка: торгуют красным товаром, посудой и прочим. Сбору в монастырь с ярмарки бывает неодинаково: от 30 до 70 рублей серебром. Вообще пустынь зданиями не скудна, везде все каменное и крытое железом, и ограда не весьма высокая с башнями по углам, но очень красивая. Не только все монастырское строение каменное, но и скотный двор за оградой и нижний этаж новой гостиницы.

Я стал помнить Екатерининскую пустынь с 1834 года. Вскоре после моего поступления на Угрешу я туда ездил с отцом игуменом Иларием, и нахожу, что с того времени эта обитель находится почти все в одном положении, но тогда казалась несравненно благоустроеннее Угреши. Настоятелем в то время там был строитель Мельхиседек. Он был средних лет, довольно полный и красивой наружности. Настоятельствовал 13 лет, особенной деятельностью не отличался, лет за 6 до кончины был поражен параличом и умер в 1849 году. При его еще жизни определен был Берлюковский иеромонах Мисаил. Ему было лет 45; в Берлюковской пустыни он был весьма полезен как хороший сборщик, но как настоятель, он не отличался умением управлять; как память его правления остался только большой колокол в 300 пудов. Незадолго до своей кончины он был представлен к игуменству, последовало утверждение Святейшего Синода, но по болезни он не мог

принять посвящения и умер, не будучи игуменом. Он настоятельствовал с 1843 года по 1854 год.

Его преемником был отец Мефодий (из рода Сухотиных). Полагал начало в Иосифо-Волоколамском монастыре, был потом казначеем в Давыдовой пустыни, откуда и поступил строителем. Он был весьма умный человек и благонамеренный; года за два до смерти он также, как и предместник его, был разбит параличом, переселился в Покровский монастырь, где и скончался в 1864 году.

В 1885 году на его место поступил игумен Иона, казначей Высоцкого Серпуховского монастыря, и по прошествии 6 месяцев переведен в Берлюковскую пустынь. За ним следовал Варсанофий, постриженик Московского Покровского монастыря, откуда и поступил в 1865 году. В продолжение его настоятельства обитель, видимо, стала приходить в упадок. По неприятному делу, в котором выразилась его беспечность, по определению Святейшего Синода, он был удален от начальства и назначен на больничную вакансию в Покровскую богадельню, где и умер в 1874 году.

На его место поступил, избранный из монастырской братии, бывший казначей, отец Арсений, правящий обителью и по сие время.

В числе настоятелей с тех пор, как существует пустынь, не было ни одной выдающейся личности.

В настоящее время, благодаря заботливости отца строителя, пустынь приходит в лучший порядок. Служение церковное весьма исправное и, несмотря на малочисленность братии, пение частью столбовое, частью своеобразное, исполняется очень недурно. Трапеза и одежда братии соответственны средствам. Хозяйство полевое и скотный двор находятся в хорошем состоянии и приносят обители пользу.

При обители два отдельных здания гостиницы, содержатся чисто. В Москве имеется свое подворье на Рогожской улице, приносящее доход, получаемый с жильцов.

VIII. Спасо-Преображенский Гуслицкий монастырь

Этот монастырь из мужских Московской епархии самый новейший: он основан по Высочайшей воле Государя

Императора. В последних числах декабря 1858 года последовало Высочайшее повеление о пожаловании обители 150 десятин земли (в Богородском уезде, в Гуслицкой волости, при реке Нерской), и кроме того, 2 000 дерев на постройки и 5 000 рублей серебром на построение. В конце января отведена дача, а в марте приступлено к созиданию обители и перенесена древняя деревянная церковь во имя Преображения Господня, находившаяся по другую сторону реки, на старом погосте, который назывался монастырищем. Это указывает, что тут был когда-то монастырь, кем и когда основанный, достоверно неизвестно, но полагают, что митрополитом Киприаном. Летопись добавляет, что «во время нашествия Татарскаго Царевича Талыша[52] в 1411 году, Митрополит Фотий здесь жил при церкви Преображения, при святом озере, в своей Митрополичьей волости».

Эту-то древнюю церковь, должно думать, и перенесли на место, назначенное для новой обители, которая по имени церкви была наименована Спасо-Преображенской, а по названию волости – Гуслицкой. Владыка (покойный митрополит Филарет) сам пожелал освятить древний храм на новом месте, и ему угодно было, чтобы с ним вместе участвовали в освящении два архимандрита: Златоустовский, отец Евстафий, и я. День для освящения был назначен 24 мая. Владыку ждали за день. Я приехал 22 числа, часов в 11 утра. День был знойный.

Деревянная монастырская ограда составляет правильный четвероугольник, имеющий саженей 80 длины с каждой стороны, по углам башни. Святые ворота деревянные с западной стороны. Вошедши в оные, видишь три деревянных двухэтажных корпуса, крытых железом: влево корпус, в котором наверху настоятельские келии, внизу братские; рядом другой, наверху рухлядная и братские келии, а внизу трапезная и поварня; с противоположной стороны, от ворот вправо, третий корпус, наверху келии, внизу просфорня. В северо-восточном углу поставлена древняя деревянная церковь, о которой я упоминал: она двухъярусная, небольшая, взятая с погоста за

полторы версты, а там ныне часовня каменная и монастырское училище; в Преображениев день там бывает ярмарка.

Новый настоятель, строитель Парфений (составивший «Описание своего путешествия на Афон и в Палестину», молдавский уроженец, бывший раскольник, перешедший в Православие, и Афонский постриженик), прибывши в Россию, был иеромонахом на Троицком Сухаревском подворье, числился в Гефсиманском скиту, потом находился в Берлюковской пустыни с 1856 года строителем до 1859 года и оттуда переведен в Гуслицкий монастырь, устроенный под его ведением. Он принял меня весьма радушно и повел осматривать монастырь. Начали мы с так называемых архиерейских покоев. Когда я туда вошел, я невольно остановился от удивления. Плотники достилали полы, пилили, строгали, везде щепы, стружки, всякий сор и хлам, ни двери, ни рамы еще не навешаны, а знаю, что владыку ждут с часу на час. Видя таковую неурядицу, я не вытерпел и спросил: «Да где же остановится владыка?» Строитель отвечал: «Разумеется, здесь». – «Как здесь? – воскликнул я. – Это невозможно: здесь ничего не готово, а Вы владыку ежечасно поджидаете». – «Ничего, все поспеет», – говорил строитель.

Мы прошли потом в корпус, где рухлядная, которая была еще совершенно пустая, и братская трапеза и поваренная. Все было устроено просто и хорошо.

Пришли мы в третий корпус, предназначенный для просфорни: внизу большая, весьма просторная комната с изразчатой печью. «Это просфорная», – сказал строитель. Рядом еще другая такая же комната и с такой же печью. «А это что же?» – спросил я. «И это просфорная», – был ответ. Мне это показалось весьма странным. «Да для чего же это две просфорные печи? – невольно спросил я. – Неизвестно, и в одной-то, может быть, не для кого будет печь просфор; монастырь еще не открыт». Отец строитель несколько обиделся моим замечанием, весьма естественным, и отвечал мне довольно сухо: «Ну уж это мое дело: я знаю, что делаю».

Пошли мы далее, вижу, за монастырем какой-то деревянный домик в лесу, чистенький, новенький. «Это что у

Вас, отец строитель, – спросил я, – какое-то строение в лесу?» – «А это медовница», – отвечал он. Я не понял и снова переспросил его: «То есть? Как медовница? Что ж это такое?» – «А для того, чтобы мед сытить». – «Стало быть, у Вас уж много пчел заведено?» – сказал я. «Нет, пчел еще вовсе нет». – «Так для чего же это строите?» – «А для того, что тогда уж некогда будет строить медовницы: заранее все готовь!» – отвечал строитель. На такие доводы я не нашелся что и сказать.

Когда мы уже все осмотрели, вошли в церковь. Древнейшая, небольшая, двухъярусная, очень хорошенькая, с западной стороны к ней примыкает двухэтажный корпус с келиями.

Владыка в этот день, отслушав у себя в Москве обедню, весьма рано отправился в путь, нигде подолгу не останавливался, менял лошадей, осматривал на пути некоторые церкви и прибыл в монастырь к 4 часам пополудни. Ему была большая встреча у святых ворот: строитель со всей братией его встретили при колокольном звоне в облачениях и с крестом. Владыка прошел прямо в церковь, и пока он все осматривал и везде ходил по монастырю, в это время едва-едва успели наскоро повыкидать щепы и сор из его келии, выносили лестницу, и весь хлам большой кучей свалили у крыльца. Готовы были только маленькая комнатка да спальная, а в прочих ни рам оконных, ни дверей так и не навесили, и только уже во время всенощного бдения успели все доделать, так что келейники владыки придумали покуда двери завесить простынями.

На следующий день, то есть 23, в навечерие освящения малая вечерня была в 4 часа, а бдение в 7 часов. Со владыкой служили мы, оба архимандрита: Златоустовский отец Евстафий и я, строитель Парфений, и сколько-то из братии. Так как монастырь только что учреждался, братства еще не было собрано, то к освящению отец Парфений брал временно из Берлюковской пустыни и монашествующих и ризницу. Во время всенощного бдения сделалась перемена в погоде, пошел дождь при сильном ветре и стуже. Тут я и вспомнил, что когда из дормеза, в котором приехал владыка, келейники выбирали

привезенное, я увидел, что несут, между прочим, и шубку его из меха шеншила (подаренную ему покойной графиней Анной Алексеевной Орловой, весьма ценную, стоившую, говорили тогда, сколько-то тысяч). Видя это, я подивился, что в такой зной и везут шубу, но когда вдруг завернул такой север, то я подивился уже только предусмотрительности владыки.

На следующий день погода посмягчилась, но все еще было холодно и сыро. Перед утром приехал архиепископ Казанский Афанасий, возвращавшийся из Санкт-Петербурга в свою епархию, и остановился в келиях настоятеля. Владыке возвестили об его приезде, и они свиделись на пути, когда владыка шел к служению. Владыка освящал верхний храм во имя Успения, а преосвященный стоял в алтаре. За трапезой владыка не был и кушал у себя один, а преосвященный ходил трапезовать с братией.

На следующий день литургию совершал архиепископ Казанский со всем прочим духовенством. По окончании оной владыка и преосвященный вкупе совершали закладку нового соборного храма в честь Нерукотворенного Образа, Преображения Господня и Святителя Николая. Вслед за тем оба владыки всем собором перешли на середину монастыря и здесь митрополит произнес молитву на освящение монастыря с крестообразным осенением святым крестом. Затем последовал крестный ход вокруг всей монастырской ограды. В этот день, после обедни, был чай, а закуска в келиях у владыки, который после того кушал у себя один, а преосвященный Казанский и мы все – у настоятеля в его келиях, а не в трапезе.

Вскоре после обеда владыка, архиепископ и мы все оставили Гуслицы и поехали за 18 верст в Павловский посад, где по желанно и просьбе граждан владыки совершали всенощное бдение и литургию, после чего в церкви же святители распростились, потому что преосвященный отправился в путь, а митрополит и мы поехали за 7 верст далее, в село Мери для совершения закладки нового храма.

Преосвященному Афанасию*[53] в то время на вид было не более 65 лет: роста он высокого, довольно полный, весьма

благообразный, с седой окладистой бородой. Помню, что на нем была зеленая бархатная ряска.

Со времени учреждения обители я не был в ней до 1871 года и посетил ее вторично будучи уже благочинным, следовательно, только через 12 лет, и нашел, что, кроме каменной церкви, все весьма обветшало, так как все было выстроено из дерева, на скорую руку и не совсем расчетливо. Большого деревянного собора, на закладке которого я присутствовал, уже не существовало, так как за год перед тем он сгорел (на Страстной неделе, от неисправности печей). Монастырь имел до 16 тысяч дохода, кроме положенных на поминовение неприкосновенных сумм до 8 тысяч рублей, и все получаемое было расходуемо безостаточно на содержание монастыря. Долгу на нем лежало до 30 тысяч рублей. Вследствие чего я и представил владыке мое мнение, что для приведения обители в надлежащий порядок следовал бы уменьшить число братии, оставив не более 40 или 50 человек, и сократить бесполезное хозяйство, бывшее в ущерб.

По стечению обстоятельств, не совсем благоприятных, в 1872 году отец игумен Парфений пожелал удалиться, и был уволен на покой в Гефсиманский скит, где пребывает, кажется, и поныне.

На его место был избран братией и утвержден начальством бывший монастырский благочинный отец Иероним, Московский уроженец купеческого звания и Гуслицкий постриженник.

При его управлении, благодаря его заботливости и уменьшению братства, согласно представленному мной мнению, обитель в непродолжительное время стала видимо поправляться во всех отношениях: церкви приведены в совершенный порядок, служение отправляется исправно, соответственно уставу; пение столбовое, довольно стройное, трапеза и одежда братии очень достаточны. Хозяйство сокращено и улучшено, так что из остаточных сумм текущих доходов строитель нашел возможным устроить в продолжение двух лет небольшую, но весьма красивую каленую ограду около монастыря на протяжении более 300 саженей с угловыми

башнями и святыми вратами. Кроме того, он еще уделяет ежегодно на уплату прежних долгов.

При монастыре есть училище, в котором обучается до 70 мальчиков из окрестного населения, ежедневно приходящих, частью и живущих. Училище находится на старом погосте, на местности прежних священнослужительских домов.

Имеется странноприимный дом и деревянная гостиница за оградой.

Описавши, в каком положении ныне эта обитель считаю не излишним объяснить, почему она основана по особому Высочайшему повелению, когда уже существует столько мужских монастырей в Московской епархии.

Гуслицкий монастырь, заведенный в местности, наиболее заселенной раскольниками, исстари там обитающими, основан в тех видах, чтобы туземное население мало-помалу обратить к Православию. Ни один из монастырей Московской епархии не имеет подобной задачи. Отец Парфений, испрашивая разрешение устроить обитель, утверждал, что она послужит к совершенному искоренению в той местности раскола, и был уверен, что по прошествии трех-четырех лет не останется ни одного раскольника. Следовательно, обитель Гуслицкая должна быть «светочем во тьме, сияющим, разгоняя мрак заблуждения истинным светом Христовым, всех проовещающим». Для достижения этой главной цели настоятели Гуслицкие должны бы обращать внимание на то, чтобы иноки обители не только соблюдали все то, что надлежит соблюдать каждому иноку, но вообще они должны идти далее и совершать то, чего не делают иные, чего от иных и не потребуют, но что здесь должно быть главной целью. Иными словами: общая задача монашества – покаяние, дабы при богоугодном жительстве достигнуть собственного спасения. Следовательно, ежели инок верует (как учит веровать наша Святая Церковь) и старается, по слову апостола, от всякия злыя вещи огребатися (1Сол.5:22), то есть удаляться от всего греховного, прилагая, таким образом, дела к вере; ибо вера без дел мертва есть (Иак.2:26), ежели он все это соблюдет, то нет сомнения, что достигнет желаемого своего спасения. Для инока Гуслицкой обители сего не довлеет: он

должен не только помышлять о своем собственном спасении, но он должен еще всеми силами пещись о спасении других; следственно, задача его сугубая: «Старайся и сам спастись, старайся спасти и другого, который погибает, тогда только исполнишь ты свое назначение». Что же для сего нужно? 1) Чтобы иноки жили душеполезно для себя и 2) душеспасительно для других; а для сего необходимо, чтобы их жизнь была и назидательна и учительна. Назидательной их жизнь будет для мирянина (в особенности для раскольника, всегда зазирающего жизнь каждого православного, а тем паче православного инока), ежели они не будут подавать поводов к соблазну, и учительной, ежели еще, кроме того, будут стараться возвратить на путь истины уклонившихся от правой стези.

Чтобы жизнь инока не была соблазнительной для мирянина, вообще достаточно, чтобы он жил соответственно монашескому своему званию. Посему и в обителях городских (где, снисходя к немощности осуетившегося мира, поневоле приходится делать отступления от устава церковного и сокращать службы, дабы не обременить молящихся продолжительностью богослужения) иноки назидали бы мирянина, живя благочестиво и пребывая во храме благоговейно. Сего недостаточно для раскольников, ибо они не столько проникают в смысл догмата и учения, сколько обращают внимание на внешность обрядовых действий и, хорошо зная устав церковный, легко могут заметить всякое отступление от оного. Следовательно, при церковном служении в Гуслицком монастыре необходимо неуклонное следование уставу церковному и пение столбовое знаменного распева. Таким образом, раскольник, приходя во храм, будет обезоружен, ежели идет назирать братию и, находя точное исполнение устава, и вторично возвратится и послушает пения и чтения в сладость.

Относительно постов необходимо тоже строгое соблюдение правил, изложенных в уставе как в самом качестве пищи, так потребно и воздержание в количестве употребляемого. Для того, чтобы доставить возможность раскольнику видеть чин трапезы и простоту снедей соответственно уставу, полезно было бы, ежели бы настоятель старался оказывать

гостеприимство и почаще и побольше приглашать их к трапезованию с братией, учредив, ежели то потребуется, для них особый стол. Это было бы первым шагом к сближению; ибо потом нетрудно будет незаметным образом привести их и к сотрапезованию, чего они избегают, опасаясь общения с людьми, которые не по их вере.

Говорить о благочестивом поведении иноков и о благоговейном стоянии в храме совершенно излишнее; ибо это должно быть наблюдаемо везде, а прежде всего, «да не како соблазниши брата твоего»; это даже не есть и заслуга, но обязанность и долг каждого христианина, тем более всякого инока. Следует же прибавить, что в общении с людьми, закоснелыми в заблуждении, необходимо блюсти себя от всякого слова суетного, постоянное смирение, кротость, благодушие, даже и не при совсем мирных отношениях ближнего. Вот все, что неуклонно должно быть наблюдаемо для предупреждения всякого повода к соблазну и для внушения почтения и благоговения, ежели уже невозможно достичь благорасположения. О живущих так можно будет сказать, что они жительствуют назидательно; но это еще только половина дела: нужна еще другая половина – учительность. Для достижения сего надлежит наблюдать следующее: 1) учить детей, для предотвращения их от заразы лжеучения и 2) всеми мерами стараться обращать людей взрослых, коснеющих в заблуждении, от невежественного пристрастия к старому, что проистекает от неразумения истинного учения Православной веры. Следовательно, в числе братии должны быть люди, способные к научению, сами хорошо знающие и православные догматы и изучившие основательно все утонченные мелочности расколов. Братий, имеющих таковые свойства, найти весьма нелегко, или лучше сказать, почти невозможно, так как потребны основательные знания и искусные приемы для успешного прения. Эти познания может иметь только человек, изучивший богословские науки во всей их полноте, как преподаются в духовных высших училищах; ожидать же, что найдутся и сами по себе придут в монастырь подобные люди, значило бы льстить себя тщетной надеждой и полагаться на

мечту, а поручать словопрение людям к тому неприготовленным было бы безрассудно; ибо это неминуемо повлекло бы за собой постоянный перевес раскольников над православными самоучками, и само собой разумеется, подорвало бы всякое доверие, сделав подобных законоучителей посмешищем. То ли желательно? Этим ли способом можно достигнуть предположенной цели?

Обитель должна образовывать людей, которые были бы ее деятелями. Когда Троицкая Лавра пожелала ввести у себя иконописание, она учредила у себя училище и послала своих монахов учиться в Академию Художеств. Понадобилась фотография – отправлены были из ее братии в Москву учиться этому искусству, и ныне она имеет своих фотографов. Но ни живопись, ни фотография не были существенной потребностью обители, тогда как люди, способные быть деятельными противоборниками раскольников, необходимы для Гуслицкой обители по местности, где она находится. Она должна заботиться и подготовить людей к сему духовному деланию, указанному ей как цель. Протекло уже более пятнадцати лет со времени учреждения, а много ли сделано ею? Ежели сделано что-нибудь, то это так немного, и притом такими средствами, что лучше об этом и не говорить. Неужели в числе ее братии нет людей благонадежных как поведением, так и способностями, которых она могла бы послать в семинарию и академию изучить все то, что нужно для успешного действования на поприще, ей указанном? Нужно только положить начало – послать двух или трех человек и после того ежегодно отправлять еще по одному. Так незаметным образом в непродолжительное время соберется в монастыре достаточное число людей обученных, чтобы было кому обучать и прочих братий и приступить к правильному способу действования для успешного обращения раскольников в Православие.

В этих видах полезно было бы тогда учредить в известные дни или в праздники собеседование в монастыре, подобное тому, какое бывает на Святой неделе, иногда и в другое время в Москве, в Кремле.

Кроме того, желательно бы, чтобы в Гуслицком монастыре была учреждена особая больница с аптекой и наемным при оной врачом для бесплатного лечения окрестного населения. Таковые дела любви и милосердия, при благочестивом жительстве монашествующих и при строгом соблюдении правил устава церковного, не могут не возыметь благотворного действия на сердца людей, даже самых загрубелых и закоснелых в суеверии. Тогда монастырь будет доказывать на самом деле, что он постиг свое высокое назначение, и делом и словом будет подвизаться о Христе и за Христа; а доколе он не достигнет сказанного, дотоле он будет всуе труждаться и не только искоренять раскол, но еще более распространять его, служа предметом нареканий и подавая повод к осуждению.

Скажем в заключение, что эта обитель, как видится ныне, на одном уровне с прочими обителями; что же касается главной ее цели и исключительного ее назначения, выразим, не обинуясь, всю истину: сокровенно от нас будущее и чем станет она, мы не предусматриваем, но прошедшее видимо и несомненным становится, что не только не достигнута ею цель ее, сомнительно даже, было ли еще когда-либо и сделано надлежащее начало к достижению предположенной цели.

IX. Троицкий Ново-Голутвин монастырь

В 1869 году, при моем вступлении в должность благочинного всех общежительных монастырей Московской епархии, Ново-Голутвин монастырь не входил в состав подведомственных мне, так как был штатный и второклассный. Там доживал свой век престарелый и болезненный старец архимандрит Тихон, находившийся прежде того в Дмитровском Борисо-Глебском монастыре и уже более 25 лет как оттуда переведенный. Он был из духовного звания, очень добрый и почтенный старец, весьма кроткий и смиренный, безукоризненный по жизни, воздержный по природе и по привычке, и весьма нестяжательный, словом сказать, он имел все добродетели истинного монаха, и будь он простым старцем в какой-нибудь обители, он был бы всеми чтим и уважаем за свою подвижническую жизнь, действительно примерную. К сожалению, он был сделан довольно рано настоятелем

штатного монастыря, прямо со школьной скамьи, и потому, как человек неопытный в деле правления, но любивший науки, он и в обители продолжал читать и заниматься отвлеченными предметами, мало зная толку в существенных потребностях жизни, и по своему характеру, еще менее обращая на них внимание. Вследствие этого и первая обитель, Борисо-Глебская, где он провел довольно времени, доставшаяся ему уже в жалком положении, при нем пришла еще в скуднейшее состояние, и Ново-Голутвин монастырь остался после его смерти, как я уже говорил выше, в самом жалком, плачевном положении, так что не было, как говорится, к чему и руки приложить. В таком-то виде принял ее нынешний настоятель отец-архимандрит Сергий.

Говоря об открытии там общежития, я ничего не сказал о самой обители и потому, что знаю, скажу о ней теперь.

Она находится в самом средоточии города Коломны, напротив кафедрального собора. Когда существовала еще Коломенская епархия, учрежденная отцом великого князя Дмитрия Ивановича в 1350 году, напротив собора было архирейское подворье: обширный двор, обнесенный каменной оградой; на дворе архиерейские палаты, весьма длинные, в два этажа с домовой церковью и с переходами в другую холодную церковь. В нижней части архиерейского дома находятся келии. Это подворье со всеми зданиями каменное, каменная колокольня при соборе, на оной большой колокол и благолепное украшение внутренности городского соборного храма, все это устроено во время правления архиепископа Никиты, поступившего в Коломну в 1682 году. Он был в прежнее время духовником Патриарха Никона. Нынешний городской собор был тогда кафедральный, а находившиеся на подворье церкви были домовыми. В 1799 году Коломенская епархия была закрыта; архиерейский дом оставался праздным. Митрополит Платон, опасаясь видеть архиерейский дом в запустении, или как Крутицкий, обращенный в казармы, пожелал перевести в него штат из Богоявленского Голутвина монастыря. Сделав это, владыка не уничтожил и тот монастырь и, оставив его на его собственном содержании, включил в число заштатных. Прежний

назван Старо-Голутвин, а вновь устроенный Ново– Голутвиным Троицким. Хотя в основании этой обители и лежат камни, положенные епископами, но в строгом смысле говоря, обитель учреждена только в

1800 году, и следовательно, на старом пепелище существует недавно, сравнительно с другими. Ее летопись, как обители иноческой, а не как подворья архиерейского, кратка. Был и еще почти рядом с ним монастырь Спасский, и вероятно, оттуда братия и служила у владык. Последний из архимандритов Старо-Голутвина Богоявленского II-классного монастыря (бывший с 1757 по 1759 год игумен Угрешский) Варлаам Гловацкий вместе с братией переведен в Ново–Голутвин монастырь в 1802 году и там скончался. Сколько времени он там находился, мне неизвестно; после того там был архимандрит Анания, скончавшийся в 1817 году. За ним следовали: Никанор, впоследствии митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, Арсений переведен из Дмитрова, Иосиф с 1830 по 1838 год, скончался и погребен в Старо-Голутвине монастыре, Иоаким с 1838 года по 184… и Тихон, скончавшийся 7 февраля 1871 года, погребен под холодным соборным храмом в Ново-Голутвине монастыре. На его-то место и поступил настоятель, игумен Сергий (ныне архимандрит), по желанию Коломенского почетного гражданина Гурия Феодоровича Ротина и по назначению владыки. Он благодушно подчинился воле архипастыря и перешел из обители благоустроенной в обитель, находившуюся в совершенном упадке. При вступлении своем он нашел братии 15 человек, храмы были ветхи и весьма запущены, ризница в скудости, монастырь в безвыходном положении, и начальство недоумевало, что ему сделать, чтобы восстановить обитель. Устав общежительный был введен, и то, чего не могли достигнуть в продолжение 70 лет, было исправлено менее чем в 7 месяцев.

Ныне все храмы в совершенном порядке; ризница, благодаря щедротам Ротиных, не только достаточна, но роскошна, служба совершается согласно с уставом церковным, без малейшего отступления, пение стройное и согласное, чтение правильное. Все здания обновлены, архиерейский дом

исправлен и приведен в наилучший вид, трапеза и келии устроены как нельзя лучше, пища очень хорошая, одежда приличная и братии собрано до 50 человек. Жители Коломны, редко посещавшие обитель во дни ее упадка, теперь к ней вполне расположились. Ротин исполнил свое намерение: пожертвовал свой каменный дом, приносящий более 3 000 тысяч рублей серебром доходу, и хотя сам уже и отошел от этой жизни, но и после него его боголюбивая вдова не менее благотворит обители, быть может, даже ревностнее, и свои временные сокровища влагает во влагалище неветшающее и, не имея семьи, завещавает, таким образом, своим духовным наследникам в нескончаемые лета памятовать ее как обновительницу и благотворительницу обители Новоголутвиной.

X. Николо-Угрешский монастырь

Исчислив все монастыри моего благочиния и упомянув об их теперешнем состоянии, не считаю себя вправе умолчать и о той обители, которая поручена непосредственному моему ведению, с той только разницей, что, говоря о ней, воздержусь от всякого суда касательно ее состояния в настоящее время.

Говоря о других, я мог и должен был сообщить свои заключения и выводы; говоря об Угрешской, приведу только данные, ибо никто не судья в своем собственном деле. Мое молчание об обители моего духовного возрождения было бы несправедливостью в отношении ее самой и неблагодарностью к тем благотворителям, чьим щедротам она обязана своим положением. С другой стороны, есть люди, которые, не зная в точности ее вещественного положения, делают о ней весьма часто совершенно несправедливые заключения и выводы. Поэтому изложу в кратких чертах все существенное, относящееся обители, и, не говоря ни худа, ни добра о существующем, ограничусь простым изложением того, что было прежде и что есть теперь, дабы читающий мог видеть, чем она была и чем стала. Желающие проверить мои слова могут удостовериться посещением.

Обитель наша основана, как гласит предание, в 1380 году Московским великим князем Дмитрием Ивановичем Донским вследствие явления ему иконы Святителя над сосной, когда со

своей дружиной великий князь шел на Мамая. Обрадованный и ободренный чудесным проявлением благодати Божественной, великий князь воскликнул, что «вся сия угреша сердце его». И оттого и самое место явления стало называться с тех пор Угреша. Ни подтверждая, ни отрицая этого, повторяю дошедшее до нас по преданию. Что обитель действительно основана Дмитрием Ивановичем Донским (хотя и нет на то указаний в летописях, как оказывается по неоднократным исследованиям людей, занимавшихся этими изысканиями), подтверждается: 1) близостью потешного села великого князя, села Острова. 2) Древностью обители; ибо один из ее игумнов, Иона, первый нам известный по имени, был современником Троицкого игумена Зиновия, настоятельствовавшего с 1432 года по 1445; следовательно, до года основания (1380 год) недостает только 50 или 60 лет. Ежели же мы допустим, что Иона задолго до вступления Зиновия был уже настоятелем Угрешским и в продолжение не одного десятка лет, то выйдет, что нам неизвестна судьба Угреши только в продолжение первых каких-нибудь 20 или 30 лет. 3) Расположение преемников Донского к Угреше и их благоволение к ее игуменам может также отчасти служить подтверждением, что она действительно обязана своим началом победителю Мамая. Расположение же властителей Московских к Угреше не подлежит сомнению, ибо в 1479 году она имела свой двор (то есть подворье) в Кремле, как значится в летописях; а подобным преимуществом пользовались немногие обители. Не было ли и подворье в Кремле даровано ей основателем ее, великим князем Дмитрием? 4) Что великие князья и святители благоволили к ней, можно усмотреть из того, что в течение менее 30 лет три Угрешских игумена посвящены во епископов: Авраамий в 1491 году – епископ Коломенский, Силуан в 1493 году – епископ Крутицкий, Тихон I в 1520 году – епископ Коломенский. При Грозном, в 1575 году, видим еще четвертого из игуменов Угрешских, Тихона II, рукоположенного в архиепископа Казанского и Астраханского. Наконец, 5) в древнем монастырском синодике, переписанном в царствование Шуйского, читаем: «Род Благовернаго Великаго

Князя Дмитрия Ивановича Донского, создателя святыя обители сея». Не может же это быть вымыслом. Обширные владения монастыря и число душ крепостных крестьян, простиравшееся до 3721, и разные льготы, права и преимущества, упоминаемые в царских жалованных грамотах, данных монастырю с 1545 по 1652 (коих сохранилось числом 7), опять свидетельствуют, что Угрешский монастырь и впоследствии пользовался благорасположением Московских Государей.

Его посещали великие князья: 1) Василий Иванович – в 1519 году; 2) Иван Грозный – в 1546 году; 3) царь Михаил Федорович с 1614 по 1634 год посетил Угрешу 9 раз и 4) царь Алексей Михайлович с 1646 по 1675 год приходил молиться 13 раз. Это походы, упомянутые в Дворцовых Разрядах; но были, по всей вероятности, еще посещения случайные, мимоездом из Острова и в Остров, которые не упомянуты. В монастыре была гостиница, строенная Патриархом Иовом, были Государевы палаты и Патриаршие келии.

В нашем синодике вписано около 30 княжеских и более 50 знатнейших дворянских родов. Упоминаю это, чтобы показать значение обители в общественном мнении с давнейших времен, а значение монастыря не приобреталось без нравственного достоинства, особенно в то время, когда строго следили за жизнью и подвигами монашествующих.

Так как наш монастырь был основан в 1380 году, следовательно, при жизни Преподобного Сергия, за 12 лет до его преставления, то полагаю, что можно почти безошибочно сказать, что не без его совета и участия совершилось сие основание. Когда двоюродный брат великого князя Дмитрия, Владимир Андреевич у себя в Серпухове пожелал устроить обитель Высоцкую (так названную по возвышенности местности), Преподобный Сергий собственными руками заложил обитель и оставил в ней ученика своего Афанасия. Голутвин монастырь имел первоначальником также ученика его, Григория, Андроньев – Андроника, Сторожевский – Савву, Пешношский – Мефодия, Симонов – Феодора и т. д. Из числа его учеников 15 были настоятелями обителей.

Игумен Иона, о котором я упомянул, живший при игумене Зиновии, третьем преемнике Преподобного Сергия, списывал книгу Житий Святых, как значится в надписи, им самим сделанной: «Повелением Господина Зиновия, Игумена Сергиева монастыря, списася грешным Ионою, Игуменом Угрешским». Это доказывает духовное общение Угрешской обители с Троицкой. Не был ли Иона первоначально иноком Сергиевской обители, и быть может, во времена Преподобного, или постриженником и сподвижником его преемников? В слове «повелением» не таится ли выражение этой духовной подчиненности ученика чтимой обители; ибо другой зависимости Угреши от Лавры мы допустить не можем, так как она всегда была самостоятельная, а не приписная к Троице?

Первоначально обитель была деревянная (как и все обители в древности при своем зарождении): это видно из того, что в 1521 году она была сожжена в одно время с Островом Крымским ханом Магмед-Гиреем. Каковы были строения и здания впоследствии, мы не знаем; известно только, что в 1614 году царь Михаил Федорович приходил на Угрешу на освящение храма, вероятно, соборного. В 1750 годах упоминается о храме во имя Спаса Нерукотворенного Образа, в котором, за ветхостью, нет службы, а в 1788 году об освящении Успенской церкви Московским архиепископом Платоном. Ныне (то есть в 1877 году) всех престолов в обители 11, а именно:

1. Собор каменный, холодный, древнего построения, во имя Святителя Николая, в 1840, 1843 и 1848 гг. распространен, обновлен и расписан частью на монастырские суммы, частью на вклады израсходовано до 15 тысяч рублей серебром.

2. Церковь теплая Успенская, старинного построения, была вновь отделана, распространена на иждивение Александрова и освящена в 1852 году.

3. Придел при Успенской во имя преподобной Марии Египетской, устроен иждивением Александровых и освящен в 1851 году. Перестройка сих двух храмов и отделка стоили до 30 тысяч рублей серебром.

4. Церковь при братской трапезе во имя святого апостола Матфея и мученицы Параскевы над склепом, где погребены

Александровы, освящена в 1854 году, устроена их усердием и стоила до 3 500 рублей серебром.

5. На колокольне (во 2 ярусе) во имя Усекновения главы святого Иоанна Предтечи, устроена иждивением московского купца Ивана Петровича Пятницкого, стоила до 1 500 рублей серебром; она холодная.

6. Скорбященская, в здании больницы, строена вместе с больницей по усердию Александровых, весь корпус стоил до 20 тысяч рублей серебром, освящена в 1860 году.

7. Казанская при богадельне вверху, устроена усердием московского почетного гражданина Рогаткина, стоила до 10 тысяч рублей серебром, освящена в 1870 году.

8. Во имя святителя Василия Парийского (при богадельне, внизу, под Казанской), устроена в 1875 году усердием московского купца Василия Лукича Васильева, стоила до 2 000 рублей серебром; обе церкви теплые.

9. Церковь крестовая во имя Преподобного Сергия в архиерейских палатах, с колокольней, освящена в 1870 году. На построение архиерейских палат, церкви, устройство и отделку оных со всеми принадлежностями израсходовано до 16 тысяч рублей серебром из монастырской казны.

10. Скитская, деревянная, с колокольней, во имя святых апостолов Петра и Павла, на каменном высоком основании над склепом, где погребен храмоздатель, почетный гражданин Петр Иванович Куманин, стоила до 15 тысяч рублей серебром; освящена в 1860 году.

11. Во имя Сошествия Святого Духа, в здании училища, с колокольней, вместе со всем зданием и прочими принадлежностями устроена монастырской казной, освящена в 1873 году. Все здания училища стоили до 45 тысяч рублей серебром.

Колокольня каменная в 6 ярусов, вышиной в 37 саженей; она была начата строением в 1758 году при игумене Варлааме, но в 1763 (как видно из описи) не была еще совершенно достроена, должно полагать, после 1778 года; нижние два яруса оставлены в прежнем виде, а третий, временный (сложенный кое-как), снят и вместо него надстроено еще четыре, и все сие

совершено с 1859 по 1860 годы и стоило до 40 тысяч рублей серебром, на иждивении Александрова.

На построение различных монастырских и скитских зданий и устроение ограды на протяжении до 800 сажен с 16 башенками, со святыми вратами и 7 въездными и четырьмя часовнями, частью на вклады разных лиц, частью из монастырской казны, в разное время израсходовано более 200 тысяч рублей серебром.

Построение трех гостиниц, в коих 160 нумеров, с гостиным двором и всеми принадлежностями стоило монастырю в разное время более 70 000 рублей серебром.

I. Устав обители. По всей вероятности, устав с древнейшего времени был общежительный, измененный в 1764 году при отобрании от монастырей их владений и преобразовании их в штатные. Но через девяносто лет, в продолжение которых обитель дошла до последней крайности (как уже подробно объяснено), в 1853 году общежитие было снова восстановлено, и с тех пор обитель стала обновляться.

При моем поступлении в 1834 году служба церковная, по малочисленности братии (монахов с послушниками было 10 человек), была весьма непродолжительна: вечерня начиналась в 4 часа; на повечерии каноны и акафисты читались непостоянно; к утрени ударяли в 4 часа; на полунощнице утренние молитвы не читались; обедня была одна, и в будни и в праздничные дни в 9 часов. В трапезе чин панагии не был совершаем. Просфоры покупались в соседних селах, так как в монастыре просфорни не было.

Со времени введения общежительного устава и умножения храмов порядок по церкви и трапезе введен следующий: 1. Вечерня. К вечерне в летнее время, в будни ударяют в 6 часов, в зимнее – в 5, а в навечерии воскресных и праздничных дней – в 4. Накануне храмовых праздников, когда соборное бдение, к малой вечерне звон в 3 часа, и на повечерии – или акафист, или молебное пение.

За повечерием ежедневно читаются каноны и акафист Спасителю или Богородице соответственно. Во время чтения канона Ангелу Хранителю ударяют к трапезе и по выходе из церкви вся братия идет в малую трапезу, где служащий

иеромонах первенствует, а очередной (установленный для надзора за келарем и поварами) ходит во время трапезы, наблюдая за порядком и благочинием братии и за исправностью в пище. Суточный читает из Четьи Минеи или других, положенных уставом книг для чтения в трапезе. Перед окончанием трапезы ударяют к правилу, а по восстании от трапезы начинается правило и молитвы на сон грядущим. В те дни, когда бдение, сие отменяется.

В трапезу вся братия ходит и сидит за столом по старшинству, соответственно степени, в мантиях или в рясах, и в клобуках, послушники же обязаны быть в поясах и с четками.

В скиту вечерня круглый год бывает в 4 часа, но трапеза, по случаю трудов братии в саду, поставляется по усмотрению старца и соответственно времени несколько позже. Относительно правила соблюдается тот же порядок.

II. Утреня. К утрене в монастыре и летом и зимой в будни благовест в 3 часа, в воскресные и праздничные дни получасом ранее, исключая те дни, когда соответственно уставу благовест в полночь или в час пополуночи. На полунощнице, которая читается в притворе, вычитываются утренние молитвы. Для чтения шестопсалмия назначается кто-нибудь из иеромонахов или иеродиаконов. После первой кафизмы – чтение из Толкового Евангелия. По шестой песне канона – дневное чтение из Пролога или чтение Синаксария. С октября и до недели по Пасхе неизменно совершается утреня, исключая некоторые поминовенные дни по благотворителям, когда бывает с вечера всенощное заупокойное бдение.

III. Всенощное бдение. Совершается с недели по Пасхе и до праздника Покрова. В летнее время в 7 часов, а после праздника Успения в 6 часов, и продолжается часа четыре с половиной и более. По пропетии «Бог Господь» читается поучение из Златоуста или других, положенных уставом, книг. По шестой песне – чтение.

В скиту во весь год неизменно по будням утреня в полночь, равно и по воскресеньям зимой, а летом, когда бдение в монастыре с вечера, скитская братия своей службы не правит, но ходит в монастырь. Кроме того, в скиту на понедельник,

вторник и четверток утреня скитская, то есть по «Бог Господь» вместо канона и кафизм чтение 12 избранных псалмов, 8 пророческой песни и 9, славословие малое и первый час. Во время чтения псалмов, после каждого стиха, припев «Аллилуия» трижды.

IV. Литургия. Ежедневно (кроме Великой Четыредесятницы) совершаются три литургии: первая немедленно следует за окончанием утрени, а когда бывает бдение с вечера, то в 6 часов утра, по усмотрению, в одной из монастырских церквей; вторая в 7 часов, в понедельник и вторник у Преподобного Сергия в архиерейском доме, в четверток в Сошественской церкви, в училище, а в среду, пяток, субботу и воскресенье в Петропавловской церкви в скиту. Третья, поздняя, литургия и в будни и в праздничные дни начинается в 9 часов. По совершении литургии вся монастырская братия с пением 144 псалма: «Вознесу Тя, Боже мой», предшествуя Пречистой, идет в трапезу, и по восстании из-за стола, по установленному чину Панагии, по возношении, просфора раздробляется диаконами на панагиаре и разносится братии. Чтение во время трапезы исправляет суточный чтец.

В воскресные дни и в праздничные, когда бывает трапеза в большой трапезной палате, по совершении литургии, настоятель и служившие с ним идут в настоятельские келии и немедленно, по окончании чая, возвращаются в тот храм, где была поздняя литургия. Настоятель надевает мантию и в предношении Пречистой и иконы праздника или Воскресенья Господня, предшествуемый всей братией, при пении 144 псалма направляется в трапезу. Чтец в трапезе в эти дни назначается особо. По восстании от трапезы просфора раздробляется, вся братия по чину подходит и прикладывается сперва к святой иконе, которую держит иеромонах, а потом от настоятеля получает часть Пречистой, и после этого тем же порядком все возвращаются в тот храм, из которого пришли.

В скиту имеется своя отдельная трапеза, где во время лета в будни, а зимой и в праздничные дни братия трапезует у себя, но чина панагии не совершается.

В Прощальное воскресенье, по совершении вечерни, вся братия собирается к 6 часам в трапезу, и по окончании трапезования все идут в Успенскую церковь, где после повечерия и по прочтении молитв на сон грядущим все прощаются с настоятелем и между собой и после идут по келиям.

Во все время Четыредесятницы преждеосвященная обедня бывает в монастыре в определенные дни только одна, и к оной приходят и из скита, но часы в остальные дни, великое повечерие и утреня, а в субботу и воскресные дни и вторая обедня бывает в скиту свои, за исключением Страстной седмицы, когда все ходят молиться в монастырь. Во всю неделю Пасхи литургия бывает ежедневно только одна в разных церквах, а утреня и вечерня только в монастыре, и в Страстную и Светлую седмицу ежедневно настоятельское служение.

Пение в монастыре по будням столбовое знаменного распева, а в воскресенье и праздничные дни – киевского.

Все послушания в монастыре лежат на братии: в просфорной, на поварне, в хлебной, в квасоварне, в прачечной, в бане, на гостиницах, в иконной лавке и преподаватели в училище – монахи и послушники. Первые должности: 1. казначея, 2. ризничего, 3. благочинного, 4. духовника, 5. смотрителя больницы и 6. смотрителя училища исправляют иеромонахи, а вторые, как-то: эконома, рухлядного, свещника, келаря, трапезного, письмоводителя, будильника, звонаря и т. п., поручаются безразлично, смотря по способностям каждого.

Из числа иеромонахов и иеродиаконов некоторые поочередно имеют наблюдение за келарней, поварней и трапезой, следят за тем, чтобы келарь в точности выдавал определенное количество съестных припасов; чтобы повара употребляли для пищи все, что получили, и чтобы трапезники поставляли на трапезу в достаточном количестве. В трапезе вывешено расписание, в какие дни что полагается для трапезы. Это заменяет кормовые книги, в древние времена существовавшие в обителях, но хранившиеся под спудом, служит руководством для келаря и дает возможность всем и

каждому следить за тем, поставляется ли на трапезу то, что определено.

Каждые две недели для братии баня.

Никто, кроме настоятеля и казначея, не имеет келейника, но обыкновенно возле келии старцев помещается кто-нибудь из младшей братии, которые по просьбе старцев, взирая на немощи их, им помогают. Это делает отношения гораздо приязненнее, и хотя келейников положенных ни у кого нет, но благодушием своим каждый старший может себе приобрести прислуживающих, сколько желает. Никто из вступающих в обитель не изъемлется от послушания: имеющие степени священства поочередно служат в церквах седмицы и молебны, могущие петь находятся на клиросе, другие исправляют различные потребы обители.

Одежда, обувь, белье и келейные принадлежности, по мере надобности, выдают из рухлядной и все записывается в книгу, дабы в случае выхода или высылки известно было, что у кого имеется, а его платье, в котором он пришел в монастырь при своем поступлении, ему выдается обратно.

О численности братии в прежнее время нам ничего неизвестно, и нет сведений ранее 1713 года. По спискам этого года видно, что всех братий было 17 человек; в 1834 всех было 10 человек; в 1853 году, при открытии общежития – 36, а в настоящее время до 130 и около 45 богаделенных старцев.

Из истории нашей обители известны имена 83 моих предместников и, быть может, было еще в половину столько же, имена которых до нас не дошли. В длинном ряду этих Угрешских настоятелей некоторые заслуживают особого внимания:

Авраамий, 1491; Тихон I, 1520 – епископы Коломенские. Силуан, 1493 – епископ Крутицкий. Они посвящены прямо из игуменов, а следующие семь были впоследствии возведены в сан иерархов:

Трифиллий в 1697 году – митрополит Нижегородский; Феофан в 1753 году – епископ Нижегородский; Ириней в 1675 году – епископ Вологодский; Лаврентий в 1820 – году епископ Черниговский, после (1826) – архиепископ; Евгений (Казанцев) в

1818 – епископ Курский, архиепископ Псковский (1822), Тобольский (1825), Рязанский (1831) и Ярославский (1837). Иннокентий (Смирнов) в 1819 – году епископ Пензенский и Саратовский; Игнатий (Брянчанинов) в 1857 году – епископ Кавказский и Черноморский. Пятнадцать из настоятелей были впоследствии архимандритами, и шесть из Угрешских братий были настоятелями в других обителях, именно: 1) Феофил, Угрешский постриженик в 1810 году, был казначеем в Иосифовом Волоколамском монастыре, Троицким ризничим, Знаменским архимандритом, переведен в Тверь в Отрочь монастырь в 1831 году, скончался на покое в Троицкой Лавре. 2) Арсений, родом из Тульских купцов, полагал начало на Угреше в 1808 году, пострижен в Арзамасском Спасском монастыре, в 1820 году – строитель Арзамасской Высокогорской пустыни, в 1826 году – строитель Оранской Богородицкой пустыни в 50 верстах от Нижнего Новгорода, где и скончался в 1829 году. 3) Галактион, Старицкий уроженец, пострижен на Угреше в 1844 году, в 1848 году поступил в Саввино-Сторожевский монастырь, где ныне наместником в сане архимандрита. 4) Сергий (Свешников) из Московского купечества, Угрешский постриженник, с 1853 по 1867 – казначей, с 1867 по 1871 год – настоятель Старо-Голутвинский, ныне архимандрит. 5) Нил, уроженец Скопинский, постриженник Угрешский, с 1867 по 1870 год – казначей, с 1870 – строитель Берлюковской пустыни. 6) Каллист, постриженник Угрешский, эконом архиерейского дома во Владимире, с 1870 по 1873 год – казначей Угрешский, с 1873 года – строитель Коломенского Бобренева монастыря. 7) Николай, полагал начало в Угрешском монастыре, в миру назывался Гавриилом, пострижен в Угрешском монастыре, впоследствии – ризничий Новогородского Юрьева 1-классного монастыря, ныне игумен Николо-Беседного монастыря, в 4 верстах от города Тихвина.

Каковы были средства обители в прежнее время, в точности неизвестно. В 1834 году, при моем поступлении, было доходу не многим более 14 тысяч рублей ассигнациями, или 4 тысячи рублей серебром, в 1853 году, в год открытия общежития – около 8 тысяч рублей серебром, ныне получается до 40 тысяч

рублей серебром доходу. В продолжение 35 лет, то есть с 1840 и по 1875 год поступило различных пожертвований недвижимостью, деньгами, церковной утварью, облачениями и прочим приблизительно на сумму 640 000 рублей серебром, именно:

1) Два дома в Москве 130 000 рублей
2) На постройки от Александрова
и других вкладчиков 320 000
3) От Куманина на скит и богадельню 110 000
4) Денежных единовременных пожертвований
на разные предметы. 23 000
5) Риз на иконы и серебряной
церковной утвари около 30 000
6) Более ста пятидесяти облачений священнических,
напрестольных одежд, воздухов,
пелен привесных и прочего 22 000
7) Книг церковных духовных
и разной церковной утвари 5 000

ИТОГО 640 000

Кроме того, Высочайше пожалованы две лесные дачи в 374 десятины. Всего во владении монастыря находится ныне:

1) Земли около 400 десятин.
2) В Москве три каменных дома.
3) В Москве два деревянных дома.
4) В Бронницком уезде мукомольная мельница о 4 поставах.

Обитель имеет больницу на 10 коек для монастырской братии, но из аптеки отпускаются лекарства без ограничения для приходящих больных безвозмездно, а для умерших неимущих выдаются бесплатно гробы из монастырских запасов.

Богадельня, первоначально только на 10 человек устроенная, мало-помалу расширилась и возросла до 45 коек. В оную поступают люди всякого рода званий: убогие, немощные и престарелые, кто бы они ни были, приемлются по усмотрению монастырского начальства. Смотрителем богадельни один из иеромонахов. Трапеза отдельная, но монашеская, одежда послушническая.

В черте ограды, напротив гостиниц, особые врата, ведущие на двор странноприимного дома, в котором без ограничения, но с предъявлением вида, неимущие могут пребывать бесплатно трое суток, пользуясь монастырским содержанием.

В прежнее время и гостиница монастырская была на правах странноприимного дома, но с ежегодным возрастанием богомольцев для устранения неудобств и во ограждение монастыря от ущерба потребовалось сделать изменение, и ныне положена во всех трех гостиницах, находящихся одна возле другой, определенная плата за помещенье и кушанье по расписанию. Пища с братской трапезы поставляется бесплатно. Всех нумеров в монастырских гостиницах, различных цен, считается до 160.

За гостиницами, в расстоянии четверти версты от монастыря, монастырское народное училище, существующее с 1865 года. Ныне в нем обучается до 200 учеников, в том числе: 1) живущих на полном монастырском содержании – до 50; 2) живущих бесплатно, но имеющих свою одежду и обувь – до 70; 3) живущих и платящих по 2 и по 3 рубля в месяц – от 60 до 70 и 4) вольноприходящих ежедневно и бесплатно учащихся – до 50 человек.

При училище свой отдельный храм, где бывает раз в неделю обедня, лазарет, аптека, библиотека и прачечная.

Во время трапезы полагается чтение из Пролога. Пища для детей не в постное время скоромная.

Преподаватели из монашествующих, а равно и служащие. На лугу перед училищем снаряды для гимнастических упражнений. Со времени введения общей военной повинности ученики обучаются отставными унтер-офицерами военной гимнастике как одному из существенных познаний в мирской жизни в наше время.

Ярмарок при монастыре не бывает.

Статистические таблицы всех общежительных мужских монастырей Московской епархии

Статистические сведения мужских монастырях

НАЗВАНИЕ МОНАСТЫРЕЙ	ИМЯ НАСТОЯТЕЛЯ	ЧИСЛО БРАТИИ	ДОХОДЫ
I Николо-Угрешский Основан в 1380 г. великим князем Дмитрием Донским, Московского уезда, расстоянием от столицы 16 верст.	**Архимандрит Пимен Управляет с 1853 года, благочинный всех общежительных монастырей Московской епархиии с 1869 года, имеет Анны II степени с короной, Владимира III степени**	**130 монахов бельцов.**	До 40 000 рублей серебром.
II Давыдова–Вознесенская пустынь, основана в 1515 г. преподобным Давыдом, Серпуховского уезда, от столицы 70 верст, от уездного города 23.	**Архимандрит Иосиф Управляет с 1865 года, имеет Анны III степени.**	**60 монахов и бельцов.**	До 37 000 рублей серебром.
III Николо-Берлюковская пустынь, основана около 1600 г. иеросхимонахом Варлаамом, Богородского уезда, от столицы 50 верст, от уездного города 18.	**Строитель иеромонах Нил Управляет с 1870 года, имеети наперсный крест.**	**80 монахов бельцов.**	До 20 000 рублей серебром.

От всех общежительных Московской епархии

ОТКУДА ПОЛУЧАЕТСЯ ДОХОД	БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ
1) От богомольцев к чудотворной иконе Святителя Николая. 2) С подворий и домов в Москве. 3) С денежных вкладов. 4) От хозяйства и монастырских угодий.	1) Странноприимный дом. 2) Богадельня на 15 человек, при ней церковь. 3) Больница на 10 коек, при оной церковь и аптека. 4) Монастырское народное училище, при оном домовая церковь, лазарет и помещение для учеников. Монастырских пенсионеров 50, полупенсионеров 70, своекоштных 50, приходящих безденежно от 50 до 70.
1) От богомольцев к мощам преподобного Давыда. 2) От часовни в Москве у Москворецкого моста. 3) С подворья в Москве. 4) С денежных вкладов. 5) От хозяйства и с монастырских угодий.	**Странноприимный дом**.
1) От богомольцев. 2) От ношения иконы Христа Спасителя по уездам. 3) От 2-х часовен в Москве: а) у Каменного моста, б) у Ехолова моста. 4) С 2-хи часовен на больших дорогах. 5) От хозяйства и монастырских угодий.	1) Странноприимный дом. 2) Училище для приходящих на 80 человек, частью проживающих.

Статические сведения мужских монастырях

НАЗВАНИЕ МОНАСТЫРЕЙ	ИМЯ НАСТОЯТЕЛЯ	ЧИСЛО БРАТИИ	ДОХОДЫ
IV Николо-Пешношский Основан в 1361 г. преподобным Мефодием (учеником Преподобного Сергия), Дмитровского уезда, от столицы 80 верст, от уездного города 25.	**Игумен Дионисий Управляет с 1869 года, имеети наперсный крест.**	**130 монахов бельцов.**	До 18 000 рублей серебром.
V Спасо-Преображенский Гуслицкий Основан по Высочайшему повелениюв 1859 г., Богородского уезда, от столицы 400 верст, отуездного города 40.	**Строитель иеромонах Иероним Управляет с 1872 года.**	До 50 монахов бельцов.	До 16 000 ирублей серебром.
VI Богоявленский Старо-Голутвин Основан в 1385 году преподобным Григорием (учеником Преподобного Сергия), в 4-х верстах от г. Коломны, 115 от столицы.	**Строитель иеромонах Варлаам Управляет с 1871 года, имеет наперсный крест.**	До 80 монахов бельцов.	До 12 000 ирублей серебром.
VII Троицкий Ново-Голутвин Основан в 1800 годус митрополитом Московским	**Архимандрит Сергий Управляет с 1871 года, имеет архимандритский крест, помощник**	**50 монахов бельцов.**	До 10 000 рублей серебром.

Платономвг. Коломне,благочинного с преобразован в1873 г. общежительный в 1871 г., ноября 26.

От всех общежительных Московской епархии

продолжение 1

ОТКУДА ПОЛУЧАЕТСЯ ДОХОД	БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ
1) От богомольцев к мощам преподобного Мефодия. 2) От езды по сборам. 3) От 2-х часовень при больших дорогах. 4) От хозяйства и монастырских угодий.	**Странноприимный дом**.
1) От богомольцев. 2) От часовни в Санкт-Петербурге на Невском проспекте. 3) От хозяйства и монастырских угодий.	1) Странноприимный дом. 2) Училище для приходящих на 60 человек.
1) От богомольцев к чудотворной иконе Преподобного Сергия. 2) От часовни. 3) От денежных вкладов. 4) От хозяйства и монастырских угодий.	1) Странноприимный дом. 2) Училище для приходящих на 50 человек.
1) От богомольцев. 2) От часовни в г. Коломне. 3) От дома в Коломне. 4) От хозяйства и монастырских угодий.	**Училище народное для приходящих на 40 человек**.

Статические сведения мужских монастырях

НАЗВАНИЕ МОНАСТЫРЕЙ	ИМЯ НАСТОЯТЕЛЯ	ЧИСЛО БРАТИИ	доходы
VIII Троицкий – Белопесоцкий Основан в XV веке, Серпуховского уезда., от столицы 90 верст, от уездного города 50 верст, от Каширы 2 версты.	**Игумен Иоанникий Управляет с 1869 года, имеет наперсный крест.**	До 50 монахов и бельцов.	До 7 000 рублей серебром.
IX Екатерининская пустынь Основана царем Алексеем Михайловичем в 1658 г., Подольского уезда, от столицы 25 верст, от уездного города 20 верст.	**Строитель иеромонах Арсений Управляет с 1870 года, имеет наперсный крест.**	До 40 монахов и бельцов.	До 6 000 рублей серебром.
X Богородицкий Бобренев Основан в 1380 г. воеводой Дмитрием Михайловичем Волынцем, Коломенского уезда, от столицы 102, от уездного города 2 версты.	**Строитель иеромонах Каллист Управляет с 1873 года.**	До 30 монахов и бельцов.	До 3 000 рублей серебром.

От всех общежительных Московской епархии

продолжение 2

ОТКУДА ПОЛУЧАЕТСЯ ДОХОД	БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ
1) От богомольцев. 2) От езды за сбором. 3) От хозяйства и монастырских угодий.	**Странноприимный дом**.
1) От богомольцев к чудотворной иконе великомученицы Екатерины. 2) От денежных вкладов. 3) От подворья в Москве. 4) От хозяйства и монастырских угодий.	**Странноприимный дом**.
1) От богомольцев. 2) От вкладчиков. 3) От хозяйства и монастырских угодий.	**Училище для приходящих на 30 человек**.

Глава XXV. Женские монастыри: 1) Аносин; 2) Бородинский; 3) Зосимова пустынь; 4) Влахернский монастырь; 5)Крестовоздвиженская Лукинская община

I. Аносино-Борисо-Глебский монастырь

Основательница и первоначальница Аносино-Борисо-Глебского монастыря игумения Евгения, в миру Евдокия Николаевна, урожденная Тютчева, родная тетка известного русского стихотворца Ф.И. Тютчева, родилась в 1774 году; в 1796 вышла замуж за князя Мещерского Бориса Ивановича и через три месяца после брака овдовела. Княгиня, оставшаяся по смерти мужа непраздной, родила дочь, которую она назвала Анастасией. В имении своем, в сельце Аносине, купленном ею в Звенигородском уезде, княгиня заложила каменный храм во имя Живоначальной Троицы с двумя приделами: во имя Тихвинской Божией Матери (в память избавления княгини от потопления на Ладожском озере во время плавания в Тихвин в 1798 году) и во имя благоверных князей Бориса и Глеба.

В 1821 году княгиня Мещерская устроила при церкви богадельню, которая и послужила основанием общине в 1823 году, 1 сентября переименованной в общежительный Аносино-Борисо-Глебский монастырь, а княгиня пострижена в Москве в Вознесенском монастыре Московским архиепископом Филаретом на 14 сентября, поставлена игуменией и наречена Евгенией.

Оставивши мир и изменивши прежнее имя, бывшая княгиня оставила и все мирские прихоти и, проникнутая духом смирения, на самом деле старалась быть служительницей Христа Спасителя, и делом и словом поучая добродетели малое свое стадо. Все предметы роскоши были изгнаны из деревянной необширной келии старицы Евгении; ложе ее было жесткое, пища простая, скудная, а сравнительно с прежними брашнами ее княжеской трапезы, даже и весьма грубая; одежда из толстого мухояра. От природы одаренная живым умом, пылким воображением, она была так красноречива, что, несмотря на весьма ощутительное косноязычие, не дозволявшее ей произносить некоторые звуки, беседа ее была, говорят, так сладостна, что, слушая ее, забывали ее косноязычие и внимали только увлекательности самой речи.

Смирение старицы не ограничивалось ее отношениями к монашествующим: она и в общении с мирянами была той же убогой и смиренной инокиней, каковой была в монастыре. Рассказывают, что однажды, возвращаясь от Троицы Сергия, она по пути заехала в село, где жила одна ее родственница, молодая вдова (А. Д. Б.); это было в летнее время, и уже совершенно наступила ночь, когда старица приехала в село своей племянницы. Узнавши, что все уже легли спать, игумения не дозволила никого будить, но спросила сена, расположилась на открытой галерее, соединяющей дом с поварней, и так провела остаток ночи. Поутру, когда хозяйка проснулась, ей говорят, что приехала ночью гостья, игумения Аносинская. Та, обрадованная, поспешила к ней и стала упрекать ее, что она не велела разбудить, но старица кротко отвечала: «Кстати ли было бы тревожить и хозяйку и весь дом; я и так прекрасно провела ночь – погода теплая».

Нельзя умолчать еще об одной редкой черте добродетели княгини Мещерской (это относится еще к мирской ее жизни). Узнавши, что после ее мужа остались сироты, его дети, сын и дочь, не имевшие права на его имя, княгиня в память князя приняла их и воспитала и была им истинной матерью.

Пока здоровье дозволяло этой почтенной старице, она строго исполняла монашеское правило и неопустительно посещала храм Божий во время богослужений, и не только словом назидала подвизавшихся в ее обители сестер, но и примером своим на самом деле подтверждала свои душеспасительные назидания. Но слабое тело стало ощущать упадок сил, истощившихся от воздержания, долгих стояний и других подвигов: игумения занемогла и почти безболезненно переселилась от селений временных в вечные в 1837 году, поживши с небольшим 63 года. Сестры обители, дочь покойницы, Озерова с мужем и детьми, близкие родственники и знакомые, окружавшие смиренный гроб преставльшейся, неутешно плакали, прощаясь с ней, и провожали бренные останки до места, задолго до кончины избранного близ соборного храма, с правой стороны от входа.

Так первые 25 лет своего существования новосозданная обитель росла и крепла под материнским покровом своей основательницы и наставницы и усвоила благой пример делания духовного, черпая у самого источника чистую теплую веру в Господа и кротость смирения нелицемерного.

Преемницей основательницы была мать Анастасия, постриженница обители, а до вступления в монашество – одна из служительниц игумении, по имени Александра. Сопребывание с игуменией Евгенией, при которой она была довольно долго казначеей, образовало ее, и так как она благоговела перед памятью покойной настоятельницы, то она старалась о том, чтобы поддержать заведенный ею порядок, и ее игуменство было продолжением предыдущего.

При ней-то в 1844 году поступила в число послушниц обители родная внучка игумении Евгении, дочь Тайного Советника и сенатора Семена Николаевича Озерова. Она была старшая в семье и после смерти своих родителей, приведши в порядок дела по имению и сделавши раздел с братом и сестрами, имея около 30 лет от рождения, решилась оставить мир. Облекшись в одежду послушницы, она и на самом деле старалась быть послушницей вполне и проходила со смирением и любовью все послушания: носила воду и дрова на поварню, стирала белье, готовила пищу для трапезы сестер, мыла полы, ездила за сбором и сама закладывала лошадь, чему я сам однажды был случайный свидетель. Сперва я не обратил на это внимания; но когда мне сказали, что эта послушница – внучка княгини Мещерской, дочь сенатора Озерова, я с умилением посмотрел из окна, поучился примером и прославил Бога, что и в наше скудное время есть еще таковые рабы Божии. При пострижении она была названа Елисаветой; впоследствии, когда в 1854 году на место Анастасии (переведенной в Серпухов во Владычный монастырь) она была посвящена в игумении, то переименована Евгенией, как она того желала, в память своей бабки, первоначальницы игумении Евгении.

С ее поступлением обитель, скудная и убогая, стала терпеть менее нужды, благодаря ее собственным средствам, принесенным из мира, а впоследствии, когда ее личные

достоинства приобрели ей расположение боголюбивого и щедрого ревнителя благолепия храмов Божиих, Павла Григорьевича Цурикова, и он, уважая игумению, возлюбил и обитель ее, Аносинская пустынь украсилась и процвела. Кроме того, мать Евгения, искусная в живописи, в рисовании и в различных женских рукоделиях, сумела в сестрах найти себе помощниц и образовала их как искусная художница. Монастырь украсился теми пространными мастерскими, которые, занимая молодых инокинь, принесли существенную двоякую пользу, приучая к приятному труду, не давали места праздности и увеличили вещественные средства. Так протекло с лишком 20 лет. Игумения Евгения зиждила свою обитель внутренно и внешне для своей душевной пользы и для блага пасомых. Когда одна из обителей Московских – Страстная, оставалась без игумении (так как бывшая мать Валерия была назначена к переводу в Крым), то владыка и заблагорассудил перевести игумению Евгению на ее место. При том же здоровье ее требовало частой помощи врачей, и она волей-неволей должна была оставить мирную пустынь и перейти снова в среду молвы городской. Этот переход совершился в конце марта 1875 года.

В осиротевшую обитель Аносинскую я ездил сам по ее отъезде, и при мне происходило избрание новой начальницы: все единогласно избрали монахиню Рафаилу (по фамилии Ровинскую), полагавшую начало в Аносинской обители, впоследствии перешедшую в Московскую Новодевйчью. В мае последовало утверждение, и Рафаила, возведенная в сан игумении на Саввинском подворье преосвященным Леонидом, отправилась в Аносимский монастырь. Мое здоровье воспрепятствовало мне ехать туда вторично, и помощник мой по благочинию, архимандрит Ново-Голутвинский Сергий, пощадив мою немощность, ездил вместо меня и совершил обряд водворения новой настоятельницы Рафаилы.

Скажу в заключение, что ежели весьма желательно, чтобы подражая своей предместнице она приобрела ее доброту и смирение – добродетели монашеские, не меньше желательно и то, чтобы как начальница она разумела вместе с тем и мудрую меру твердости, необходимую для успешного правления. Как

полезно благодушие в сочетании с благоразумной взыскательностью, точно также неуместна и вредна чрезмерная строгость, а доброта безграничная, мешающая при случае употребить благотворную твердость для ослушных и непокорных, еще несравненно пагубнее, ибо влечет за собой нестроение, своеволие, распущенность и нравственный упадок обители.

Эта обитель в настоящее время начала процветать благодаря деятельному участию и щедротам Цурикова; но долгое время, быть может, целых три десятилетия, она была весьма скудна средствами, и все сестры, взирая на терпение и смирение своих настоятельниц, безропотно переносили лишения, ожидая помощи от Господа. И Господь внял гласу молящихся и простер к ним руку помощи.

Церквей всех три: 1) соборная, каменная, трехпрестольная, с двумя теплыми приделами, в недавнее время обновленная и распространенная Цурико-вым, весьма обширна и благолепна; 2) зимняя, весьма небольшая, деревянная, в связи с больничными келиями и богадельней и 3) над святыми вратами – каменная, приходская. Трапеза с поварней и хлебной и ограда около монастыря с небольшими башнями и святыми вратами – все каменное, а остальные здания деревянные. Служба церковная исправляется соответственно уставу, пение нотное весьма согласное. Трапеза очень достаточная, одежда не роскошная, но чистая и нескудная. При обители есть больница и богадельня для монахинь. Сестры занимаются рукоделиями в особых мастерских: живописью, рисованием, вышиванием золотом по карте шелками. Хозяйство в небольших размерах ведется расчетливо с пользой для обители. Близ ограды – деревянная гостиница, весьма чистая и достаточная для приезжих богомольцев.

II. Бородинский монастырь

В 1871 году на пятой неделе Великого поста, в субботу вечером, я приехал на Бородинский полустанок, и так как я не предупредил о своем приезде, лошадей не было выслано, а потому я воспользовался лошадьми, которые привозили кирпич, и на одной из таковых подвод я и отправился. Вез меня крестьянин, старичек. Я полюбопытствовал узнать откуда он, и, узнавши, что он из Семеновского, ближайшей деревни от батарей, находившихся на поле сражения, я стал его расспрашивать, помнит ли он что-нибудь о неприятеле. Он мне отвечал, что он был уже порядочный мальчик, что помнит кое-что и сам, но более знает понаслышке от отца. Рассказ его был довольно сбивчив. Подъехавши к их деревне я спросил его, какова у них почва, на что он сказал, что она очень плоха, иловата и тоща, и земля родит худо. «А вот, батюшка, прибавил он, как после француза-то мы в первой посеяли и думали, что ничего не уродится, ан нет: такой был хлеб, что сам сот пришелся, который до рук дошел, а то который и полег». – «Ну, а на другой год, – спросил я, – урожай был такой же?» – «Нет, родимой, куда! И в половину того уж не было, а там и того меньше, а теперь уж и вовсе плохо». Тут мы подъехали к монастырской гостинице. Это было во время всенощной на воскресенье. Я переоделся и пошел в церковь, и стал в алтаре. Через несколько времени игумения Сергия вошла в алтарь; это было первое наше с ней свидание, и предложила мне, не пожелаю ли я на следующий день служить, на что я, конечно, и согласился.

Во время всенощной в пении особенного ничего не было, а обедню пели по нотам чрезвычайно согласно и хорошо. Служащими в то время бывали еще Лужецкие иеромонахи, и на этот раз был иеромонах средних лет. Это мне очень бросилось в глаза и, узнавши, что они чередуются понедельно, я нашел это весьма неудобным, что и заметил игумении, тогда она мне сказала, что это введено было не ею и продолжается более сорока лет. На что я ей возразил, что это нисколько и никого не

оправдывает, и впоследствии это было отменено, почему и определен был белый священник, живущий с семейством своим за оградой. Наутро, после поздней литургии, я служил панихиду по основательнице обители, матери Марии Тучковой и по сыну ее. Они оба погребены в Спасской церкви за правым клиросом, в склепе, куда был прежде ход, ныне заделанный. После того я прошел к игумении Сергии, урожденной княжне Урусовой, бывшей в замужестве за князем Волконским. Потом овдовевши, она схоронила мужа в монастыре, после выстроила дом и жила в нем довольно долго, не будучи еще постриженной, а по смерти игумении Марии была пострижена и сделана игуменией Бородинского монастыря и, не переходя в настоятельские келии, осталась жить в своем доме. Она пригласила меня к обеду, но я выразил ей желание сходить в трапезу, а к ней возвратиться обедать. В трапезе пища была хороша, соответственно постному времени, но само помещение было недостаточно для всех сестер.

Потом я возвратился к игумении, к ее обеду. Обедало нас трое: она, я и мать Зиновия (до пострижения девица баронесса Котц). После того я распростился и пошел осматривать монастырь.

Спасская церковь, построенная на том самом месте, где был убит Тучков, в центре платформы бывшей батареи, небольшая квадратная, невысокая, издали представляется огромным надгробным памятником. По обеим сторонам входа, пред церковью, два чугунных треножника с горящими пламенниками. Внутренность не представляет особых украшений, иконостас бронзовый вызолоченный, иконы итальянской живописи. Надгробные плиты мраморные; перед ними на аналоях предгробные иконы и части святых мощей; перед оными неугасимые лампады. Эта церковь так тесна, что третья часть монашествующих в ней не умещается. От батарей, в расстоянии 5 саженей к северу, каменный одноэтажный корпус, который упирается в северо-восточную башню, где церковь во имя Филарета Милостивого. От этой церкви далее на восток опять тянется такой же одноэтажный корпус, в коем прежде были келии игумении Марии, где она скончалась в 1852

году, а теперь библиотека. Далее поварня, с полуденной и западной стороны все деревянные корпуса, в которых келии; кроме того, настоятельский корпус, деревянный и маленький домик, прежняя сторожка, в которой Тучкова жила до своего пострижения. В самом центре монастыря на холме стоит великолепнейший собор во имя иконы Владимирской Божией Матери; он был заложен и на несколько аршин от земли выведен еще при покойной игумении Марии, а окончен при игумении Сергии и освящен преосвященным Леонидом. Он был холодный, но впоследствии сделан теплым. Собор замечательно благолепен как по внешности своей, так и по внутреннему устроению.

С северной стороны при игумении Сергии была заложена церковь во имя Иоанна Предтечи, которая впоследствии (при игумении Алексии) сделана двухэтажная, отделана и в верхней части, где церковь устроена и новая трапеза, а в нижней части помещаются: поварня, хлебня, просфорня и прочее. Вообще это здание вышло весьма удачно. Вокруг всего монастыря небольшая каменная ограда. Августа 26, в день Бородинской битвы[54], бывает ежегодно крестный ход в монастырь из села Бородина, находящегося от оного в расстоянии четырех верст. Крестный ход в монастыре встречает Лужецкий архимандрит и сельские священники, а по совершении литургии и благодарственного молебствия отправляются крестным ходом на само Бородинское поле, где памятник и могила князя Багратиона, и там совершается панихида по всем убиенным; после того крестный ход возвращается в Бородино, а архимандрит с монастырской святыней в обитель.

В 1872 году по смерти игумении Паисии, настоятельницу Московского Вознесенского монастыря, что в Кремле, на ее место переведена игумения Спасо-Бородинского монастыря, Сергия, а туда поступила игумением бывшая благочинная Серпуховского Владычнего монастыря мать Алексия.

Спасо-Бородинскому монастырю положила основание Маргарита Михайловна Тучкова (урожденная Нарышкина), вдова храброго генерала Александра Алексеевича, убитого

августа 26 1812 года, в день знаменитого сражения под Бородиным.

Бородино было неизвестным маленьким селом, находившимся в 12 верстах от Можайска. Равнина, на которой происходило сражение, действительно представляла удобства, какие трудно найти в другой местности: самая площадь, усеянная холмами и имеющая в окружности, должно полагать, верст до 20, а может быть, и более, совершенно безлесная, но опушена кругом лесами.

На этом-то поле и решилась судьба Наполеона в России. Во время битвы он находился на колокольне в Колоцком монастыре (на Смоленской дороге, на окраине поля в 12 верстах от батареи Тучкова, где ныне монастырь), и оттуда смотрел и делал распоряжения. Всех батарей было пять и они составляют как бы пятиугольник, одна от другой на расстоянии двух или трех верст, Тучковская и Рылеевская в особенности замечательны. На этой последней воздвигнут памятник в честь убиенных.

В память мужа Тучкова пожелала выстроить храм. Государь Император Александр I пожаловал ей 10 000 рублей и, прибавив своих, она выстроила небольшой храм, который и был освящен в 1820 году. Лет 6 спустя, она лишилась и единственного сына своего, мальчика, подававшего большие надежды, бывшего уже в Пажеском корпусе и скончавшегося на 15 году от рождения. Она схоронила его в устроенной церкви и сама поселилась при оной в небольшой сторожке. Она стала давать у себя приют при церкви убогим и бедным и мало-помалу образовалось небольшое общество, послужившее основанием общине, утвержденной в 1833 году и переименованной в 1837 году в общежительную обитель. В 1838 году Тучкова пострижена в монашество, наименована Марией и возведена в сан игумении. Ныне в Спасо-Бородинском монастыре сестер около 200; в средствах к содержанию не терпят недостатка.

III Зосимова пустынь

Этот монастырь от Голицынской станции Смоленской железной дороги верстах в 25. Чем ближе подъезжаешь к монастырю, тем болотистее становится почва. Не доезжая до монастыря верст 10, на Боровской дороге стоит каменная часовня, принадлежащая монастырю Пафнутия Боровского Калужской епархии. Наружный вид часовни обещает многое, но, к сожалению, внутри нет ничего того, чтобы желалось видеть: 1) выбор места неудачен – болото; 2) внутри неопрятность и беспорядок, какие редко можно найти; 3) называется святым колодцем и вместо сруба каменная обкладка вроде купели; видно, что строющая рука ничего не щадила, а почерпнуть воды нечем; словом сказать, плачевное состояние часовни и вся обстановка явно свидетельствуют о беспечности монастырского начальства. Это подает мне повод сказать, что монастыри сами иногда бывают виновниками охлаждения усердствующих к обителям, отталкивая их своей невнимательностью к самим целям благотворителей, через что и обители терпят ущербы в вещественных пособиях, и таковое нерадение мало-помалу влечет за собой, незаметным образом, оскудение средств, что, наконец, приводит монастырь в упадок. Но еще хуже то, что вкладчики, а может быть, и посторонние лица, видя такое нерадение, теряют доверие и к самому монашеству.

Глядя на состояние часовни, очевидно, что она не может приносить монастырю существенной пользы, тем более что от него так далеко, а он как монастырь штатный, по своему малолюдству, не всегда имеет и людей благонадежных для такового послушания. Мне пришло тогда, на мысль: отчего бы Пафнутьеву монастырю не войти в соглашение с Зосимовой пустынью и не уступить ей этой часовни, которая, по соседству и близости, несравненно могла бы лучше быть надзираема и без сомнения оказалась бы тогда более полезной, чем в настоящее время?

Самая пустынь стоит на плоском и довольно топком месте, так что даже в самое сухое лето нет возможности обойти около

монастыря, не попавши в топь, и хотя есть везде канавы, выкопанные для осушения, но от них немного пользы. Даже в самом монастыре ростет осока, и для перехода от здания к зданию оказались необходимыми деревянные помосты. Кругом, со всех сторон, растет лес и почва для возделывания непригодна, а потому благодетели монастыря, Лепешкины, приобрели для него землю под Москвой, близ Симонова монастыря; она-то и снабжает пустынь огородными произведениями.

Ограда невысокая, каменная, с башнями и со Святыми вратами, над которыми и церковь во имя иконы Одигитрии. Соборный храм посередине монастыря, каменный, пятиглавый, трехпрестольный, весьма благолепный как снаружи, так и внутри, и вполне свидетельствующий о щедрости и усердии храмоздателей и благотворителей Лепешкиных. Главный престол во имя Живоначальной Троицы в середине. Все три алтаря в ряд, и в промежутке между главным и правым устроена усыпальница над могилой основателя пустыни, старца Зосимы, дабы все усердствующие невозбранно могли туда входить. Настоятельские келии и все прочие здания деревянные. Хозяйство прекрасное, и скотный двор и конный в порядке и, кроме того, ведется песцовый завод, начало которому положили несколько песцов, вывезенных из Сибири с благословения блаженного старца Зосимы. Содержание этих животных, каковых теперь несколько сот, не требует больших издержек: они питаются мелким сеном, а изредка и овсом, что для них служит лакомством, но не в значительном количестве, так что в год на всех зверьков выходит куля два, а между тем пух, собираемый дважды в год и употребляемый на вязание перчаток, косынок, шарфов и прочее, доставляет для монастыря доходную статью, принося ему ежегодно рублей 600 и более. Эти песцы принадлежат к породе зайцев, но только величиной гораздо менее.

Основатель обители был старец Зосима, смоленский дворянин, сын знатного и богатого воеводы по фамилии Верховский, он родился в 1767 году. Заимствую о нем подробности из беседы митрополита Филарета, говоренной по

освящении храмов Троицкой Одигитриевской пустыни в 1855 году. Мы там читаем: «Во второй половине прошедшего столетия в Брянских лесах пустынножительствовал благочестивой памяти иеромонах Адриан (впоследствии иеросхимонах Алексий) с несколькими учениками. К ним пришел познавший суету мирской жизни благородный воин, пленился их жизнью и возжелал прилепиться к ним. Беспокойства от неблагонамеренных людей и нападения разбойников были причиной того, что они перешли в северо-западный край отечества, в монастырь Коневский, в котором Адриан и настоятелем поставлен был. Здесь бывший воин Захарий вступил в монашеский чин под именем Зосима и провел десять лет, частью в общежитии, частью в пустынном уединении. Когда же Адриан по любви к безмолвию оставил настоятельство и монастырь Коневский, тогда по благословению его и Зосима с другом своим, с благочестивым иноком Василиском, которого почитал своим старцем, удалился на безмолвие в Сибирские леса и провел там двадцать лет и более.

Василиск безмолствовал в пустыне безысходно, Зосима должен был иногда входить в селения для приобретения необходимых потребностей жизни и, следственно, вступить в общение с людьми. Ему встретились души труждающие и обремененные в мире, ищущие душевного покоя и нуждающиеся в руководстве к нему. По усиленным просьбам, с благословения Василиска, Зосима принял их в свое руководство, и таким образом началось в дальней Сибири общежитие, которое ныне здесь видим».

Чтобы дать понятие о духовном настроении отца Зосимы, приведем следующий отрывок (заимствованный из жития старца Василиска), в котором во всей полноте их вылились его чувства сердечные, и можно по этому судить о благодатном состоянии его духа.

«Как можно, – пишет отец Зосима, – в точности описать все те внутренние духовные чувствования, которые до такой степени усладительны, что никакое благополучное царствование не порадует так, как пустынное житие! Ибо когда не видим, не слышим и не видимся с миром заблудшим, то и

спокойствие находим, и ум естественно устремляется весь к единому Богу. Нет в пустынном пребывании ничего такого, что бы препятствовало и отвлекло от богослужения или мешало бы заниматься чтением Священного Писания и питаться углублением в богомыслие, напротив, всякий случай и всякий предмет побуждают здесь простираться к Богу.

Кругом дремучий лес, за которым весь мир скрылся, только к небу чистейший и незагораживаемый путь, привлекающий взоры и внушающий желание сподобиться переселиться в тамошнее блаженство. Но если взоры наши обратятся и на землю, рассматривая всю тварь, всю природу, то не менее восхищается сердце сладкой любовью к Творцу всяческих, удивлением Его премудрости, благодарением Его благости: даже приятное пение птиц возбуждает к славословию и песнопению молитвенному.

Вся тварь содействует, чтобы бессмертный дух наш соединялся с Творцом своим. А от соединения души с Богом какая бывает радость, страх, любовь, сладость, утешение, просвещение, трепет, умиление, слезы; совершенно позабываем себя и все временное: того и описать невозможно, ибо сказано: «Пустынным непрестанное Божественное желание бывает, мира сущим кроме».

Но каким же образом отец Зосима, этот ревностный любитель пустынного жития, делается устроителем, как бы начальником, общины и при том еще женской. Не странно ли? Это совершилось весьма незаметно следующим образом. В 1824 году к старцу Зосиме, временно находившемуся в городе Кузнецке (Томской губернии), пришла одна вдова, весьма благочестивая и просила его, чтобы он принял ее в свое руководство. Сперва он на это не согласился, но, побуждаемый неотступной ее просьбой, посоветовал ей поселиться в ближайшей деревне к его пустыне, то есть в 30 верстах; вскоре присоединились к ней еще две подвижницы, мать с дочерью, потом еще несколько, так что в непродолжительное время эта сама собой образовавшаяся община считала уже до 40 сестер. Старцы Василиск и Зосима, по согласию с ними, решили, что нужно приискать упраздненный монастырь. Таковой оказался в

городе Туринске (Тобольской губернии). Это был монастырь мужской, основанный в XVII веке и после упраздненный.

Отец Зосима для испрошения благословения Святейшего Синода на восстановление обители должен был дважды ездить в Петербург, и дело удалось: при содействии князя Александра Николаевича Голицына и обер-прокурора Святейшего Синода князя Мещерского монастырь возобновить дозволено.

Во время вторичного своего путешествия в Санкт-Петербург, на возвратном пути отец Зосима заехал к себе на родину в Смоленскую губернию, где было место жительства его семьи. Брата своего, Илью, он не застал уже в живых, но познакомился с его двумя молодыми дочерьми, своими племянницами. Они были сироты, и Господь расположил их чистые сердца избегнуть превратностей мира, искать тихого пристанища в житии отшельническом: они пожелали сопутствовать старцу и вступить в обитель, им учрежденную. Он очень обрадовался их доброму разуму и взял их с собой.

Господь готовил ему новую ниву для делания духовного и совершенно не там, где он предполагал.

По возвращении в Туринск у него возникли неприятности: любоначалие одной из первых сестер общины, вмешательство посторонних лиц и предубеждения против старца местного епископа воздвигли на него бурю гонений, и он испытал великие скорби. Вследствие всех сих обстоятельств старец решился удалиться от общины, уступая место виновнице всех зол. Но многие из сестер не хотели его оставить и объявили ему, что, куда бы он ни пошел, они будут следовать за ним. Тогда он положил совершенно удалиться из Сибири, возвратиться в Россию и, ежели возможно, постараться в окрестностях Москвы найти место, где бы удобно было ему поселиться со всеми сопровождающими его сестрами.

Они прибыли в Москву весной 1826 года за несколько месяцев до коронования покойного Государя Николая Павловича. Господь помог старцу Зосиме: нашлась боголюбивая вдовица Бахметева, которая во имя Божие приняла и старца и всех сестер и поселила их в одном пустом доме, находившемся рядом с тем, в котором сама жила. Она не

ограничилась этим: временно переселила старца и сестер в свою подмосковную, верстах в 60 от столицы, а потом совсем уступила им эту землю. И несмотря на низменность места, старец основался там. К земле, пожертвованной Бахметевой, прикупила земли царевна Грузинская и выстроила домовую церковь, которую потом отдала общине. Но этого радостного события блаженный старец не дождался: он еще прежде опочил о Господе в октябре 1833 года. Незадолго до смерти отца Зосимы посетили его два старца из Орловской епархии, и он келейно принял от них образ великой схимы.

Первоначальными благодетелями обители были: госпожа Бахметева, дом царевичей Грузинских, но в особенности щедро благотворило благочестивое семейство Лепешкиных, и поныне не оставляющее пустынь своими благостынями.

При всей ограниченности своих средств эта пустынь и внутренне и внешне ныне процветает и восходит от силы в силу. Верую, что праведный старец Зосима предстательствует пред Господом и молит о благостоянии созданной им обители.

IV. Спасо-Влахернская пустынь

Эта обитель одна из новейших по времени своего учреждения и одна из богатейших женских обителей святыней и древностями. Она находится в селе Новоспасском, Деденево тож, в 12 верстах от уездного города Дмитрова и в 50 от Москвы. Основана в селе Новоспасском, древней отчине рода Головиных. Первоначально храм во имя Нерукотворенного Образа Христа Спасителя был деревянный, строенный Головиным, стольником Василием Петровичем в 1713 году. В 1798 году сын его, Василий Васильевич, заложил церковь каменную, крестообразную, а довершил оную Павел Васильевич в 1811 году. Вдова сего последнего, Анна Гавриловна Головина, урожденная княжна Гагарина, пожелала учредить женскую общину по примеру Спасо-Бородинской, и для обеспечения она и сын ее, Гавриил Павлович, пожертвовали 108 десятин земли, мельницу на Икше близ села, дававшую до 500 рублей серебром, и каменный дом в Москве, приносивший около 1 500 рублей доходу. В 1852 году, по представлению Святейшего Синода, Высочайше утверждена община, а в 1858 году покойный владыка посетил эту общину и освятил главный престольный храм сентября 21.

Издавна боярский род Головиных отличался своим особым благочестием, когда почти все бояре были благочестивыми хранителями устава церковного и усердными ревнителями благолепия храмов и обителей иноческих. Прадед Гавриила Павловича Василий Васильевич, при Бироне много пострадавший и претерпевший жестокие пытки, имел особую золоченую карету, в которой перевозили из Новоспасского в Москву чудотворную икону Влахернской Божией Матери, с фонарем, внутри утвержденным, и в сопровождении крестового священника.

В числе родовой святыни Головиных находится икона Нерукотворенного Образа Христа Спасителя, которой благословил их предка сын великого князя Дмитрия Донского Василий Дмитриевич, а в числе древностей – серебряная

солоница большого размера и серебряное блюдо – дары новогородцев, которые они поднесли с хлебом-солью одному из Головиных.

Можно много бы сказать о Головиных и в особенности об их усердии к церкви, святителям и инокам, но это меня слишком отдалило бы от рассказа об обители Спасо-Влахернской. Старица Головина, Анна Гавриловна, приняла пострижение, а перед кончиной своей и схиму. Она скончалась в 1856 году. Еще будучи в миру, она у себя вычитывала монашеское правило и была весьма добродетельная и добрая старица. Лично я ее не знал, но много слыхал о ней, и всегда все отзывались об ней с великой похвалой.

Первой начальницей Спасо-Влахернской общины, по желанию Гавриила Павловича, была назначена покойным владыкой полагавшая начало в Дивеевой пустыни, из дворян Татариновых, девица Елисавета Андреевна, ныне игумения Серафима. Господь не привел основателя общины, Гавриила Павловича, видеть общину, возведенную на степень обители: он скончался в 1859 году во время всенощного бдения под праздник Казанской, июля 7.

Главный храм, первоначально крестообразный, одноглавый, впоследствии времени от пристроек утратил первобытный вид и получил квадратное очертание, и вместо одной главы ныне имеет пять, из коих две сквозные заменяют колокольню. Самый большой из колоколов имеет более 500 пудов, другие соответственно. В храме всех престолов десять. Икон древних весьма много, частей святых мощей более 300, церковная ризница и утварь весьма ценны и благолепны.

Под всем храмом усыпальница рода Головиных и тела нескольких поколений смерть соединила там под одним кровом.

Нынешняя настоятельница перестроила пожертвованную ей деревянную церковь, находившуюся прежде при фарфоровом заводе Поповых. Трапеза деревянная довольно просторная, весьма проста и хороша. Келии преимущественно деревянные. Ограда около монастыря с небольшими башенками и святыми вратами устроена старанием настоятельницы. Церковное служение соответственно уставу исполняется исправно, пение

частью столбовое, благозвучно и согласно. Пища и одежда сестер и в качестве и в количестве весьма достаточны, несмотря на средства обители, довольно ограниченные.

Относительно духовного устроения нельзя не поблагодарить начальницу: она бдительно старается соблюсти своих духовных чад от зла, праздности и пустословия, и для сего во время работ младших сестер всегда присутствует какая-нибудь старица, читает отеческие и душеполезные книги. Видно, что духовное семя великого подвижника нашего времени, блаженного старца Серафима, посеянное им в обители Дивеевской, оттуда проникло и в отдаленный от оной сей новый рассадник монашеского трезвения.

Господь, свыше на всех призираяй и полезное всем даруяй, не презрел и сию новую обитель дев, уневестивших себя Ему, и видимо благопоспешествует право правящим слово Его истины; обитель не оскудевает, но день от дня возрастает и приемлет от неведанных рук тайных благотворителей вещественные приношения, подаемые за стремление к приобретению благ духовных.

Велико было усердие основателя обители, Головина, и жаль, что смерть похитила его прежде, чем он успел исполнить всегдашнее желание свое, склонить младшую сестру свою, живущую при самых вратах обители, оставить мирское ее жилище и перейти с распутий широких путей на путь тесный и в живе еще соделаться жительницей в стенах той ограды, где ожидает ее место, вкупе с благочестивыми ее предками, воистину достойными всякой похвалы. Сего только еще не довершила она, и таковой жертвой не увенчала всех жертв минувших поколений. Так в древности оканчивали свою жизнь благочестивые боярыни, так царевны из своих высоких теремов спускались в обитель, где покоились их преподобные и благоверные праматери, и презревшие всю суету мирскую, и облекшись во одежды невест Христовых, ожидали радостного гласа: «Се Жених грядет, исходите в сретение Его!»

V. Крестовоздвиженская Лукинская женская община

После освящения церкви при Угрешском училище в 1873 году преосвященный Леонид, проведши еще несколько дней у нас в монастыре, пожелал съездить вместе со мной во вновь устроенную пустынь в 12 верстах от Угреши, в бывшее село Лукино, принадлежащее Александре Петровне Головиной. Начало общине положено было в другом месте, именно в селе Пахре, Старый Ям тож, на большой Каширской дороге, в верстах в 30 от Москвы. В селе каменная церковь, очень просторная и нескудная средствами, во имя Флора и Лавра. При этой церкви был священник Федор Тимофеевич, весьма благочестивый и страннолюбивый, и у него в приходе жил крестьянин Иван Степанович, которого одни считали юродивым, а другие – прозорливцем. Он был известен покойному владыке, который к нему благоволил, и он имел немало знакомства в Москве, между прочими, был вхож в одно благочестивое купеческое семейство Саватюгиных. В этом семействе умер один из его членов, помнится мне, в 1854 году. Вскоре после кончины Иван Степанович пришел к ним в дом к Прасковье Родионовне, вдове умершего, и стал просить у нее 30 рублей серебром. Она спросила его: «На что тебе?» Тогда он сказал ей: «На чтение Псалтири по покойнику». После того пришло ему в мысль сделать неусыпаемое чтение Псалтири, сперва в доме священника, к которому собирались несколько стариц.

Много благодетельствовали зарождавшейся сей общине и поддерживали ее своими щедротами Николай Гаврилович Рюмин и сестра его, жена сенатора Мороза, Любовь Гавриловна. Потом в 1855 году, после кончины покойного Государя Николая Павловича, уже с благословения владыки, завели неусыпаемое чтение Псалтири, и составилась небольшая община, в которую поступила и Параскева Родионовна Саватюгина как посвятившая себя на служение Богу и ближнему и не щадившая своего достояния. Она стала благодетельствовать этой зарождавшейся общине, с сего времени еще более увеличившейся, так что потребовалось

новое помещение, и тогда она выстроила весьма поместительный дом, в котором к 1870 году понабралось уже до 70 сестер. Дом был двухэтажный: наверху по обеим сторонам длинного коридора были небольшие келии, а внизу находилась трапеза, в которую в известные часы собирались все на общую молитву и, кроме того, было неусыпаемое чтение Псалтири за упокой и за здравие благотворителей. В трапезе находилась икона Иерусалимской Божией Матери большого размера, присланная с благословения владыки преосвященным Алексием, тогдашним викарием Московским, нынешним архиепископом Тверским.

Эта община на Пехре существовала с небольшим четырнадцать лет и вот по какому случаю была перенесена в село Лукино Московской губернии Подольского уезда в 32 верстах от Москвы. Оно принадлежало Николаю Ивановичу Головину, двоюродному брату известного основателя Спасо-Влахернского монастыря, Гавриила Павловича, и деверю Головиной Варвары Михайловны, впоследствии во иночестве Веры, игумении Хотьковского и Новодевичьего монастырей. Это село Лукино по смерти Н.И. Головина перешло к его вдове Александре Петровне; она это имение отдала в пользу Екатерининской пустыни, находящейся в расстоянии 10 верст, предоставив себе пожизненное право пользоваться господским домом, и с условием, чтобы в церкви, находящейся в ее селе, братия означенной пустыни отправляли ежедневное служение, и чтобы землей в количестве 300 десятин распоряжалась Екатерининская пустынь. Вследствие недоразумений Головина передумала и пожелала отдать свое имение не мужскому монастырю, а женскому, и в своем колебании обратилась к покойному владыке и выразила ему свое желание пожертвовать село Лукино в пользу общины, заведенной Саватюгиной. Владыка, узнав в чем дело, вошел в мысли Головиной и содействовал к приведению в исполнение ее желания; но ни ему, ни ей не суждено было видеть общину, находившуюся в Старом Яме переведенной в село Лукино, ибо и владыка и Головина оба скончались в 1867 году, а община была переведена уже в 1870 году. Вследствие Высочайшего

соизволения Лукино от Екатерининской пустыни отчислено и передано общине, которая признана и Саватюгина утверждена начальницей оной. В мае 1870 года я получил предписание от епархиального начальства о переведении общины с прежнего места в Лукино, о чем я известил начальницу общины и назначил число для переведения. В определенный день я взял с собой двух иеромонахов и одного иеродиакона, и мы отправились в село Старый Ям. Прибыли мы туда около полудня, и когда все изготовились к шествию в путь я отслужил в трапезе соборне молебствие с акафистом пред иконой Иерусалимской Богоматери, все приложились к кресту и уже выходили на дорогу. Я не был свидетелем прощания сестер общины с жителями села, как оно происходило после обедни и напутственного молебствия, что было довольно рано утром, но мне довелось быть очевидцем трогательного зрелища. Когда раздался звук колокола и возвестил всем о времени исшествия общины, в преднесении иконы, к которой все имели великую веру и усердие, все население взволновалось и бросилось провожать икону и отходивших…

Трудно определить, кто был более тронут, отходившие или остававшиеся; слышались взаимные благожелания. Жителям деревни представлялось, как будто с иконой они всего лишались, и что сама Царица Небесная их покидает, и в то же время от них переводят и общину сестер, молитвы которых были для них оплотом и защитой. Прискорбно было и переводимым: они свыклись с местностью, где хорошо было им жить, и теперь их вели на новое место, они покидали ведомое для неведомого. Крестный ход церкви сопутствовал до ближайшей церкви около двух верст, где были прежде (до 1840 года) царские конюшни, и пошел обратно, а у церкви нас встретили с новым крестным ходом и после краткого молитвословия отслужили заупокойную литию близ церкви на могиле упомянутого мной юродивого Ивана Степановича, положившего начало этой общине. Многие очень жалели, что Господь не привел его видеть общину самостоятельной и переселяющейся на собственную свою землю, как он предсказывал.

От этой церкви крестный ход провожал нас до самого места, и во всех селах, которые были в виду, раздавался трезвон, нас сопровождавший; каждая деревня, через которую лежал нам путь, задалеко выходила встречать нас с хлебом-солью, и все длинной нитью падали ниц и желали в благоговении, чтобы над ними пронесли икону Царицы Небесной, и везде мы останавливались и совершали молебствия. По мере того как мы приближались к месту назначения, число сопровождавших нас увеличивалось, выходили целыми селениями, кто из любопытства, а кто и из усердия, так что под конец за нами тянулась пестрая полоса народа едва ли не на полверсты. При нашем приближении к границе села Лукина нас встретили с хлебом-солью заранее посланные туда сестры общины, и из церкви крестный ход с святыми иконами и хоругвями подошел к нам у села близ святого колодезя, и мы, не входя в церковь, отправились насколько возможно было обойти новые владения общины и, обошедши их, вошли в церковь во имя Воздвижения Честного Креста. Совершивши благодарственное молебствие, прибыли в бывший господский дом, где нас ожидало велие учреждение, то есть трапеза. После трапезы мы пошли осматривать местность, пользуясь свободным временем, остававшимся до всенощной. Местность очень хорошая, сухая, почва глинистая, местами березовый лес, хорошие покосы и пахатная земля, всего в одной окружной меже около 300 десятин. К востоку протекает речка, близ которой святой колодезь. На этом месте, по сказанию старожилов, в начале нашего столетия существовала еще церковь, которая за ветхостью была упразднена, а чудотворная икона святой мученицы Анисий перенесена в село Колычево, где находится и поныне.

С вечера совершено было нами соборное всенощное бдение, а наутро – литургия; пели сестры общины и весьма удовлетворительно. Перед началом литургии была отслужена панихида по благотворителям, Головиным, погребенных вне церкви, за алтарем. Церковь весьма небольшая, каменная, иконостас не роскошный, но красивый; и вообще как церковная утварь, так и ризница все очень хорошо, хотя не драгоценно, и

видно, что владельцы села умели все делать с толком и наблюдали за содержанием храма в надлежащем порядке.

Племянник начальницы, московский купец Егор Федорович Саватюгин, от высшего начальства утвержденный попечителем общины, и жена его, Анна Федоровна, несмотря на многочисленность своего семейства, принимали и принимают и по сие время живейшее участие в судьбах этой Крестовоздвиженской общины, не щадя своего достояния.

По прошествии с небольшим года после водворения общины в Лукине, я приехал туда с преосвященным Леонидом, которого пригласили на закладку нового, более обширного храма во имя иконы Иерусалимской Божией Матери, и к этому времени уже успели там выстроить трехэтажный корпус: низ каменный со сводами, а верхние два этажа деревянные. В этом здании келии для сестер, трапеза, рукодельня, а в самом низу просфорня и квасоварня. Настоятельница помещается в отдельном небольшом корпусе, очень тщательно отделанном. Кроме того, выстроены все хозяйственные принадлежности, скотный двор и засажен плодовитый сад, в котором много яблонь, привезенных из Крыма, и так удачно, что ни одна не пропала.

В 1873 году, июня 5, к вечеру мы с преосвященным туда приехали в сопровождении его свиты, и там соборно совершали всенощное бдение, а наутро – литургию, во время которой преосвященный постриг Прасковью Родионовну Саватюгину, и при пострижении дал ей имя Павлы; восприемницей от Евангелия была игумения Евгения, настоятельница Аносинского Борисо-Глебского монастыря, нарочно для того выписанная, а некоторые из сестер удостоены малого пострижения; открыто общежитие, и с этого дня жизнь в общине приняла склад совершенно монастырский. Преосвященный почтил трапезу своим присутствием; мы осмотрели при этом вновь отстроенную церковь, которая нам очень полюбилась, она была уже почти готова. Мне не довелось ее освящать, освящал преосвященный и помощник мой по благочинию Ново-Голутвинский архимандрит Сергий. Это было в конце сентября того же 1873 года. В конце октября того же года была в Лукине закладка колокольни, но без

особого торжества, довершена в 1874 году; она невысока, но очень хороша.

В настоящее время община не скудна средствами, так как, кроме Саватюгина, который оную поддерживает, московские жители начинают с ней ознакомляться и снабжать ее посильными вкладами.

Статистические таблицы всех общежительных женских монастырей Московской епархии

Статические сведения женских монастырях

НАЗВАНИЕ МОНАСТЫРЕЙ	ИМЯ НАСТОЯТЕЛЬНИЦЫ	ЧИСЛО СЕСТЕР	ДОХОДЫ
I Аносин Борисо-Глебский Основан в 1823 году княгиней Евдокией Николаевной Мещерской, **во иночестве игумения Евгения**, **Звенигородского уезда**, **от столицы 36, от уездного города 17 верст**.	Игумения Рафаила, из рода Роввинских, управляет с мая 1875 года.	**180 монахинь и белиц**.	От 5 000 до 6 000 рублей серебром.
II Спасо-Бородинский 1 класса, **Основан вдовой генерал-лейтенанта Тучкова Маргаритой Михайловной**, **в иночестве игумения Мария**, **Можайского уезда**, **от столицы 110 верст**.	Игумения Алексия управляет с 1872 года.	**170 монахинь и белиц**.	От 4 000 до 5 000 рублей серебром.
III Троицкая Одигитриевско-Зосимова пустынь основана старцем Зосимой в 1826 году, **Верейского уезда**, **от столицы в 60 верстах**, **от уездного города в 30 верстах**.	Игумения Афанасия Управляет с 1867 года.	**160 монахинь и белиц**.	От 3 000 до 4 000 рублей серебром.

От всех общежительных Московской епархии

ОТКУДА ПОЛУЧАЕТСЯ ДОХОД	БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ
1) От богомольцев. 2) С денежных вкладов. 3) От рукоделия сестер. 4) От хозяйственных и монастырских угодий.	1) Больница и отбогадельня для сестер обители. 2) Гостиница.
1) От богомольцев. 2) С денежных вкладов. 3) Пенсия игумении Марии Тучковой. 4) От хозяйственных и монастырских угодий.	**Гостиница**.
1) От богомольцев и благотворителей. **2) С дома в Москве**. **3) От хозяйственных и монастырских угодий**.	**Гостиница**.

Статические сведения женских монастырях

НАЗВАНИЕ МОНАСТЫРЕЙ	ИМЯ НАСТОЯТЕЛНИЦЫ	ЧИСЛО СЕСТЕР	ДОХОДЫ
IV Спасо-Влахернский Основан Г. П. Головиным в 1854 году в его имении, селе Новоспасском, Деденево тож, в Дмитровском уезде, от столицы в 50 верстах, от уездного города в 12 верстах.	Игумения Серафима (в мире Елисавета Андреевна Татаринова), управляет с 1857 года, имеет наперсный крест.	**170 монахинь и белиц.**	От 4 000 до 5 000 рублей серебром.
V Крестовоздвиженская Лукинская община Основана Параскевой Родионовной Саватюгиной в 1856 году, ВысочайшеУтверждена в 1873 году, постриженав 1873 году. Подольскогоуезда, от столицы в 30 верстах, от уездного города Подольскав 17 верстах.	**Настоятельница мать Павла, Управляет с 1860 года.**	Сестер до 100.	От 1000 до 2 000 рублей серебром.

От всех общежительных Московской епархии

продолжение I

ОТКУДА ПОЛУЧАЕТСЯ ДОХОД	БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ	
1) От богомольцев. 2) С дома в Москве. 3) С денежных вкладов. 4) От хозяйства и монастырских угодий.	**Гостиница**.	
1) От богомольцев. 2) От благотворителя Саватюгина.	**Училищедля девочек**.	**30**

Глава XXVI. Вторичная моя болезнь и пребывание мое в Москве с ноября по март; посвящение отца Нила в игумена Берлюковского; освящение церкви Василия Парийского; известие о назначении Преосвященного Леонида в Ярославль

Ноября 26, 1875 года в день празднования святого Иннокентия, Иркутского чудотворца, совершив литургию в Острове, в церкви богадельни, где храмовый праздник, я к вечеру того дня отправился в Москву, не сказав предварительно никому из монастырских, зачем я еду, чтобы не было излишнего смущения. На следующий день у меня было совещание моих врачей, Ивана Николаевича Новацкого и Сергея Арсеньевича Тяжелова, которые положили, что 28 числа они приступят к операции. В 2 часа пополудни приехали и начали операцию: она продолжалась 1 час 20 минут. На первый раз я мог вынести довольно благодушно делаемое; в 10 приемов инструмента раздробили часть камня; более продолжать было нельзя, потому что я был слишком утомлен. За операцией последовала сильная лихорадка, ежеминутные позывы, большей частью тщетные, при этом резь, боль и жар, все это вместе было для меня весьма тягостно. Лихорадочное состояние продолжалось, впрочем, только сутки; аппетит пропал и сна вовсе не было. Но, по милости Божией, мало-помалу мне становилось легче, так что доктора нашли возможным продолжать начатое и приступить ко вторичной операции, которая была назначена декабря 7, во вторник, во втором часу дня.

В этот раз, когда начали делать операцию, со мной сделался нервный припадок, и мне предложили принять хлороформу; я согласился, и в две минуты меня усыпили. Операцию стали продолжать; я совершенно ничего не чувствовал, и мне сказывали потом, что в это время я пел

тропари и разное духовное пение. Операция не была еще окончена, а действие хлороформа прекратилось.

Я почувствовал невыносимую боль, и операцию тотчас же перестали продолжать; она длилась уже 1 час и 10 минут.

Эта вторая операция для меня была тяжелее первой. Хлороформ очень подействовал на голову и грудь, и в желудке чувствовались глухие и тяжелые боли.

Третью операцию мне делали декабря 21. Хлороформу я не решился принять, а без него долго я не мог выдерживать болей, и потому она продолжалась всего 50 минут. Последствия были те же. В особенности для меня были томительны длинные зимние ночи. Когда кровотечение приостановилось, хотя я и очень ослаб, тем не менее, полагаясь на волю Божию, я решился продолжать, потому что останавливаться было уже невозможно.

Четвертую операцию совершили января 15, 1876 года в день памяти преподобного Павла Фивейского. У меня в то время гостил на подворье Ново-Голутвинский архимандрит, отец Сергий. Спаси его, Господи, за все его попечения во время моей болезни, за его братскую любовь и сыновнюю преданность; я вполне их чувствую и ценю.

Бессонницы мои продолжались, и усталый и утомленный я засыпал только уже к утру, часов в 6 или в 7, и то ненадолго.

В этот день, то есть 15 января до операции случилось мне видеть сон. Снилось, что я на Лубянке, в нашем подворском новокупленном доме, стою на углу в какой-то часовне (которой в действительности нет); внутри были ли украшения или иконы, не помню, а вижу, что посреди часовни стоит покойный наш владыка митрополит Филарет с непокровенной главой, а сам он как будто одет какой-то мглой, держит на левой ладони две частицы хлеба и, наклонясь читает молитвы, но так тихо, что ничего не слышно; потом он этими двумя частицами меня причастил; но так как оставались ещё две крупицы на ладони, то он указал мне на них, чтобы я и их употребил, что я и сделал. Не знаю, почему мне сдавалось, что после меня еще какой-то монах должен причащаться, а его тут не было.

Вот я и вышел из часовни посмотреть, где же он? И вижу, что он идет: средних лет, рыжеватый, в камилавке, а рясу держит на правой руке. Я и говорю ему:

– Куда же ты это ушел? Владыка ведь тебя ждет.

– Я озяб, – ответил он мне.

В это время я взглянул и вижу, что напротив дверей часовни стоит какой-то мальчик и говорит мне: «Владыка-то вон вышел».

Тогда я обратился к монаху и сказал ему с упреком: «Вот видишь ли что ты сделал!» – а он мне на это отвечал: «Велико дело, что ушел». Я тотчас побежал по Георгиевскому переулку посмотреть, куда ушел владыка, и остановился напротив ворот нашего старого дома, а владыка, вижу, выходит уже из ворот и переходит Маросейку через рельсовую дорогу. На нем белый клобук и белая ряса. Он шел и благословлял народ, и казалось мне, что он выше всех ростом. Он направлялся к Спасу на Глинище, и при этом я пробудился.

Когда я пробудился и рассказал виденное мной отцу Сергию, то он, чтобы ободрить меня, сказал мне: «Ну, теперь Вам бояться нечего: владыка причастил Вас на живот и выздоровление, а не на смерть».

Действительно так и случилось: в два часа пополудни была операция; последствия были те же и прежние боли, но на следующий день, то есть с пятка на субботу, с 15 на 16 число мгновенно все болезненные припадки исчезли, и с этого часа я не стал уже чувствовать тех болей, которыми операции обыкновенно сопровождались.

Я приписываю это предстательству святителя Филарета, который своими молитвами облегчил мои тяжкие страдания.

Операции следовали одна за другой с промежутками недели, десяти дней и более, и я их выдерживал довольно легко, а по совершении оных чувствовал боль очень недолго. Так было сделано мне еще четыре, а всего восемь операций.

Девятая меня в особенности страшила, потому что предполагалось, что придется отдирать инструментом камни, прилипшие к стенкам пузыря. Операция была назначена февраля 22, в первое воскресенье великой Четыредесятницы.

Когда врачи съехались и приступили к делу, оказалось, что стенки пузыря были совершенно чисты, и что камешки лежали на самом дне, так что их легко было можно и без особых болей достать, и их вынули без большого затруднения.

Я очень этому порадовался, а хирурги весьма изумились. Как скоро они уехали, я немедленно послал к преосвященному Леониду известить его о неожиданно счастливом исходе этой устрашавшей меня операции.

Он тоже со страхом ожидал известия и, когда узнал об этом особенном проявлении ко мне милости Божией, он от радости заплакал, тотчас пошел в свою церковь и у престола прочитал молитву за болящего.

За этой операцией последовали еще три, сравнительно со всеми предыдущими весьма легкие, и самая последняя, которой все и заключилось, была 5 марта.

Я послал известить преосвященного Леонида, который написал мне тогда следующую записку:

«Радуюсь и паки радуюсь, и ожидаю Вас в воскресенье.

Слава Богу, и о Господе слава врачам, и Вашему терпеливому духу, Божиим Духом укрепляемому, слава!»

Христос с Вами!

Леонид Е. Дм.

Марта 5-го,

1876 года".

Спустя четыре дня мне дозволили выезжать: В первый раз я отправился в Кремль, в Успенский собор. Без затруднения простоял всю преждеосвященную литургию и после того служил молебен святителю Петру, митрополиту; проехал на Саввинское подворье и обедал у преосвященного Леонида.

Всех операций было числом 12, но каждая совершалась в несколько приемов, так что иногда накладывали инструмент более 10 раз. Форма камня, как мне потом объясняли, была плоская, сердцевина, или ядро, кремнистого свойства, а оболочка песчанистая. Во все время, с 28 ноября и по 5 марта, извлечено всего крупного и мелкого камня, кроме распропавшего, как по взвешении оказалось, более 12

золотников. Когда все это оклеили и дали форму яйца, то величина оного равнялась куриному яйцу.

В продолжение болезни преосвященный Леонид навещал меня по два и по три раза в неделю и сиживал подолгу. Каждое воскресенье и по праздникам ко мне приезжали от него с Саввинского подворья со Святыми Дарами, и хотя бы это было два дня сряду, я всегда исповедывался и сообщался Святых Христовых Таин.

Всенощное бдение отправлял возле моей постели один из наших иеромонахов, живший со мной на подворье, а во время Четыредесятницы мне вычитывали все службы вполне, и это было для меня великой отрадой.

Многие из Московского духовенства и из мирян меня нередко посещали, а некоторые заботились и о моей пище. В особенности обязан я этим по близости от подворья живущей хорошей моей знакомой Е.П. Милюковой, которая меня мало того что питала согласно предписанной мне диете, но еще и лакомила, изобретая разнообразные и вкусные яства. Да воздаст ей Господь и да вознаградит ее за ее родственное, могу сказать, расположение, за все ее заботы и сердоболие истинно христианское!

Января 16 приезжал ко мне и прогостил у меня около 10 дней бывший наш Угрешский послушник, с которым мы вместе полагали начало, и расставшись не видались без малого 40 лет, отец игумен Николай, настоятель Новогородского Беседного Николаевского монастыря, что близ Тихвина.

Его посещение доставило мне немалое утешение: он человек весьма внимательный и к монастырским должностям способный. Спаси его Господь за то, что навестил меня в столь тяжелое для меня время. Он пожелал побывать на Угреше, где не был 40 лет и, когда увидел то, что теперь и вспомнил, что было, он не нашел и тени похожего; совсем не узнал, много дивился и очень хвалил.

Во все время моего отсутствия из монастыря, по моему усмотрению, всем заведывал наш ризничий, отец Валентин; в особенных недоразумениях обращался ко мне письменно или приезжал, и в точности исполнял все согласно моему желанию,

так что в обители не было упущений, я был все время покоен и остался вполне доволен его точностью и распорядительностью.

Марта 9 я отправился в Сергиеву Лавру. Нигде не приставал; с железной дороги прямо проехал к собору, отслужил благодарственный молебен у святых мощей Преподобного; везде приложился; поклонился гробу покойного владыки, святителя Филарета, благодаря его за предстательство обо мне, отслужил панихиду и пошел навестить отца-наместника. Он в это время отдыхал, так что в этот раз мы с ним и не видались. Потом я отправился прямо на железную дорогу; чай пил в вокзале и преблагополучно, нисколько не уставши от поездки, возвратился к обеду в Москву.

Преосвященный Леонид все уговаривал меня не спешить с отъездом в монастырь. Но это пребывание в Москве на подворье без надобности, без дела и без занятий меня ужасно томило и, как скоро доктора меня признали здоровым и крепким, я поспешил возвратиться в монастырь.

Марта 15 я отправился в 12 часов по Коломенской Рязанской железной дороге до Люберцов, куда мне были высланы лошади, так как зимний путь уже испортился, и я счел для себя удобнее этот способ возвращения.

Когда из монастыря меня завидели и я стал приближаться к Святым воротам, на всех колокольнях начали звонить, и я, въехав в монастырь после стадесятидневного отсутствия, прошел прямо в Успенскую теплую церковь. Здесь была собрана вся братия: иеромонахи и иеродиаконы ожидали в облачении и встретили меня со крестом. Это меня очень тронуло, и я заплакал от радости, что Господь опять привел меня возвратиться в обитель, и мы служили благодарственный молебен.

С этого дня я стал видимо поправляться и день ото дня чувствовал себя лучше и крепче, но тут у меня проявился новый недуг: стали опухать и несколько болеть ноги, что продолжалось довольно долго, почти до августа. Это приписывали остатку слабости и не совсем правильному обращению крови; впрочем, невзирая на это, по моему

обыкновению, я продолжал отправлять службу по воскресным и праздничным дням без особого утомления.

Чтобы окончательно убедиться, что во мне уже не осталось зародыша той болезни, от которой я восстал по особому милосердию Божию, я после Пасхи (апреля 1876 года) отправился в Москву и пригласил к себе для освидетельствования меня Василия Александровича Басова, Ивана Николаевича Новацкого и Сергея Арсеньевича Тяжелова. По тщательном осмотре признаков камня не оказалось, и по общему совету мне было предписано при наступлении лета уехать куда-нибудь из монастыря на чистый воздух, и в продолжение 60 дней пить воды – сперва Карлсбадские-Мюльбрун, а потом – Виши-Гранд Гриль. Куда я поехал, скажу далее.

Теперь по времени должен я упомянуть о случайном торжестве, которое происходило у нас в монастыре 25 и 26 апреля этого 1876 года, – посвящении Берлюковского строителя, отца Нила, во игумена.

Вследствие представления епархиального начальства, Указом Святейшего Синода определено было отца-строителя Нила посвятить во игумена, а совершить сие владыке нашему угодно было поручить преосвященному Леониду.

Так как отец Нил полагал начало на Угреше и был моим постриженником, то преосвященный, по своему обычному ко мне благорасположению, желая сделать приятное мне, а вместе с тем и игумену, предложил мне совершить поставление на Угреше. Время благоприятствовало, становилось уже очень тепло, дорога из Москвы просохла. И преосвященный прибыл к нам апреля 24 дня, что было в день субботний.

Для преосвященного служили всенощное бдение в крестовой церкви, а в монастыре своим чередом – в соборе; на следующее утро, в воскресенье, апреля 25 при служении литургии в монастыре, в Успенской церкви, на малом выходе преосвященный произвел отца Нила во игумена, после литургии вручил новому игумену жезл и сказал ему следующую речь:

«Благословением архипастыря нашего ты уже пять с половиной лет управляешь обителью, а ныне восприял и имя,

издревле усвоенное начальникам монахов. Но не имя только восприял ты, не высшую только степень сана настоятельского: тебе вместе с именем дарована сила благодатная.

Помни, что имя оправдывается делами, что высшая ступень открывает людям прежде всего наши недостатки; что почетные имена и возвышенные степени поставляют нас под особую ответственность перед страшным судом Христовым. Поэтому кто стоит выше других, тот должен преимущественно помнить предостережение Спасителя: «Мняйся стояти да блюдется, да не падет».

Мы пригласили тебя для поставления сюда, в обитель, где полагал ты начало монашеского жития с тем, чтобы благословение своего в монашестве учителя, честнейшего отца архимандрита Пимена и молитвы его и братии, издавна тебя знающей, помогли тебе; чтоб они утешились тобой, и чтобы ты с новой благодатной помощью проследил на месте твоего многолетнего пребывания всю жизнь твою и еще раз сам себе посоветовал, чего наиболее должен остерегаться, в чем утверждаться, как подвизаться.

Ты воспитанник и начальник общежительства монашеского. Оно издавна было признаваемо за наилучший царственный путь монашества. В Русской Церкви насажден был сей прекрасный цвет христианского подвижничества в раннюю весну христианства в России и принялся под суровым северным небом, зацвел и заблагоухал по всему пространству Русской земли, от гор Киевских до островов Белого моря. Когда же монашество удалилось от первоначального благообразия общежительного, как в Новогородской архиепископии или еще не достигало его как в Московской, тогда архипастыри старались обновить или водворить его поощрением, содействием. С какой любовью Вселенский Патриарх Филофей советовал общежитие Преподобному Сергию, с какой заботой святый Алексий, митрополит, насаждал, утверждал его в Москве, а знаменитый первосвятитель XVI века, Макарий – в Новгороде! И в новое время как любил монашеское общежительство Платон, митрополит, как заботливо распространял его митрополит Филарет, как решительно

предпочитает устав общежительный необщежительному обычаю нынешний наш архипастырь.

Чтобы видеть плоды общежительного устава не надобно углубляться в древность. Довольно оглянуться на современность. Сколько обителей в пределах одной Московской епархии поднялись, процвели силой этого устава от времен митрополита Платона до времени митрополита Иннокентия, начиная от Пешноши, Старо-Голутвина, Берлюков до Угреши, Ново-Голутвина.

Помни, что тебе вверен один из этих перлов монашества. Берегись утратить, повредить драгоценность, охраняй ее, украшай, наипаче духовно. Поступи, как купец Евангельской притчи – продай все: спокойствие свое, удобства и приятности, какие еще могут оставаться для монаха, чтобы сделаться истинно верным хранителем сокровища и представить его во всякое время прекрасным, уготованным на всякое благоупотребление и архипастырю земному и Пастыреначальнику Небесному.

Через мою смиренную руку прими жезл, даруемый тебе по благоволению нашего первосвятителя: да укрепляет тебя мысль о той помощи, которую в трудном шествии имеешь от общего отца Московской паствы, и предходи бодро твоему словесному стаду!»

По окончании всего обряда преосвященный, благословив народ и откушав чай в настоятельских келиях, по существующему в монастыре обычаю возвратился в Успенскую церковь и оттуда вместе с братией в преднесении иконы и Панагии шествовал в большую трапезную палату, причем новый игумен шел передним с посохом.

На следующий день, вдень памяти святого Стефана, первосвятителя Пермского, преосвященный пожелал служить в Крестовой церкви литургию, так как это был день памятования его хиротонии в Московском Успенском соборе в 1859 году при блаженной памяти митрополите Филарете.

В этот день новый отец игумен пожелал сделать всей братии утешение – праздничную трапезу, а преосвященного

просил почтить его и принять от него трапезу в архиерейских палатах.

За столом, кроме преосвященного, нас, двух архимандритов, отца Сергия и меня, нового игумена и двух или трех из старшей братии, обедал еще иподиакон преосвященного, старичок Алексей Егорович. Под конец обеда преосвященный, обратясь к нему, сказал:

«Помните ли, Алексей Егорович, как 17 лет тому назад, блаженной памяти наш покойный архипастырь меня хиротонисал сегодня в Успенском соборе? » И, обращаясь потом ко всем нам, прибавил: «Не было еще примера, чтобы какой-нибудь викарий пробыл в Москве столько, сколько я; правда, всех долее находился преосвященный Августин, но и он жил только 15 лет в Москве, а я 17, следовательно, я превзошел и его».

Предчувствовал ли преосвященный, что он уже в последний раз праздновал день своей хиротонии, что скоро его ожидала разлука с Москвой и смерть неожиданная в чужой епархии?

Проведши еще сутки на Угреше, преосвященный возвратился в Москву.

Мая 26 я получил от него письмо с известием, что по воле Государя Императора, мая 20, он назначен быть архиепископом Ярославским и Ростовским, вместо преосвященного Дмитрия, переведенного в Ярославль в 1874 году. С 1857 года он находился в Херсоне и, привыкнув к теплому климату, просился куда-нибудь где потеплее. В то время не было никого на Волыни по смерти преосвященного Агафангела, незадолго перед тем скончавшегося: на его-то место и перевели Ярославского архиепископа Димитрия.

Это известие меня и порадовало и смутило. Действительно, нельзя было не порадоваться за преосвященного, потому что не было еще случая, чтобы викарный епископ переводился в другую епархию, и при том еще Ярославскую, архиепископом. Это было очевидным доказательством особенного к нему монаршего благоволения. Но скорбь, что мы лишились такого святителя, была сильнее радости. Вся Москва с грустью узнала,

что преосвященный Леонид, к которому она так привыкла, которого так любила, так светло праздновала в день совершившегося пятнадцатилетия его служения в сане епископа, ее оставляет, переводится в Ярославль. Это радостное известие для Ярославля было весьма прискорбным для Москвы, а для меня и в особенности по расположению преосвященного ко мне.

В это время у нас в монастыре готовилась новая церковь к освящению, возле богадельни, внизу, под Казанской. Ее по усердию устраивал один боголюбец из Московского купечества, некто Василий Лукич Васильев, во имя святителя Василия, епископа Парийского, празднуемого в день его ангела. Когда мы совсем изготовились к освящению, я доложил владыке, просил его пожаловать на освящение и назначить день. Но по болезни владыка отказался и поручил совершить освящение преосвященному Леониду, который избрал для этого день 30 мая, вместе с тем и день недели Всех Святых.

Он прибыл за сутки. Накануне, в субботу, всенощное бдение преосвященный сам совершил в новой церкви; с ним служил я и старшие из братии. На другой день утром, в 9 часов, был благовест и водоосвящение, а в половине 10 часа все служащие и клир певчих (из братии) пошли в архиерейские палаты за преосвященным, и он торжественно шел в новоосвящаемую церковь. Это был третий (и увы! последний) храм, освященный им в нашей обители. Первый храм, во имя преподобного Сергия, в архиерейских палатах, 1870 года сентября 25; второй – Сошествия Святого Духа, в здании училища, 1873 года июня 3 и третий – святого Василия Парийского, при нижней богадельне, 1876 года мая 30 дня.

По окончании литургии преосвященный сказал слово, которое здесь и приводим:

«Для монаха нет ничего лучше послушания, и я благодарю Господа, что доныне я пребываю в служении полного послушания воле моих архипастырей, и радуюсь, что одно из последних, конечно, послушаний по моей настоящей должности относится к этой обители, где вот уже двадцатый год я нахожу не только временное успокоение отдел и суеты града, но и

особое удобство к занятию делами, приятное уединение, утешение в чине богослужений, назидание в слове и житии честнейшего аввы и братии обители. Из всех послушаний для меня приятнейшим всегда бывало повеление освятить храм, и ныне оно особенно приятно; ибо освящаю храм в вашей, особенно любимой мной обители, храм святого, его же имя носил родитель мой, родитель, заботам и наставлениям которого (вместе с матерью моей) обязан я, что не потоп в волнах житейской пучины еще в юности, освящаю храм не от избытка, а от усердия созданный при богадельне монастырской, и тогда, когда он, может быть, сделается особенно нужен в случае осуществления новой человеколюбивой мысли настоятеля о призрении неизлечимо болящих иноков от всякого монастыря. За месяц, что я здесь служил и беседовал о том, какие великие архипастыри, древние и новые, отдавали предпочтение общежительным обителям перед необщежительными, а сего дня указую и на новое доказательство, почему справедливо это предпочтение. И монах имеет нужды в веществе: ему нужна, если обеспечен пищей, и одежда, и книга, и так далее. В необщежительных монастырях раздается для сего малая, конечно, сумма по рукам и незаметно исчезает, а в общежительных она, не разнесенная, по единой мысли употребленная, делается значительной и способной лучше удовлетворить нужды братии и, сверх сего, остающиеся деньги можно бывает употребить на дело доброе, как делали и древние пустынники, кои одну часть из трудовых денег, малую, оставляли себе, а другую, большую, отдавали на пользу нуждающимся. Труд совокупный также плодотворнее раздельного. Общее послушание, общее дело крепче связует людей любовью, и общий успех, плод общего дела, радует всех и общее возбуждает благодарение Богу, и на всех общее низводит с неба благословение. Вот почему приводит братию в уныние, когда в общежительном монастыре или умирает, или удаляется, или заболевает уважаемый авва; вот что еще недавно и здесь было виной торжественной встречи и радости, по случаю возвращения от тяжкой болезни жившего в Москве настоятеля, братия знает, чем была обитель за 25 лет, и видит,

чем она стала ныне. Не говорю о красоте и величии ее зданий, о порядке внешнем, о чине богослужебном, но о том, что в ней сделано для пользы ближнего, помимо обязанности, и по избытку любви. Здесь и дом для странников бедных, и дом постоянного призрения убогих, и больница, и даровые лекарства для пользования отовсюду приходящих, и училище для мирских детей, обширное, образцовое, оправдывающее себя тем, что из него вышли в народ учители, что даже в высоком и лучшем в Москве училище есть между лучшими учениками ученики здешнего училища, что здесь даже иноки пожилые сидят в училище и слушают курс церковных наук, чтобы быть готовыми на послушание, требующее книжного знания; отсюда исходит скромное, но твердое слово против мирских крикунов на монашество, кои видят, что, не сломив монашества, они не поколеблют власти епископства, а сломив монашество, надломив епископство, им легко будет лишить значения прочее духовенство. Пусть же суетный мир припишет успех вашей обители чему он хочет, пусть не признает пользы самого существования монашества, а вы, братия, монахи и мирские, соединившись верою общей, твердо знайте, что в этом успехе ваше видимое исполнение слов Христовых, ныне слышанных вами: «Всяк, иже оставит дом или братию, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села имени Моего ради, сторицей приемлет и живот вечный наследит». Не все призваны к монашеству, и избави Бог монашество от людей легкомысленных, от тунеядцев, от входящих без готовности отсечь волю свою, в поте лица снести хлеб свой, но все призваны к тому, чтобы вместе с аввой Пименом Великим, повторять себе часто краткое его наставление. Он сказал: «Повергать себя пред Богом, не ценить себя, отвергать своеволие – есть истинное делание души». Этими словами святого, соименного настоятелю здешней обители, оканчиваю беседу с братией и богомольцами сей обители, беседу, от имени архипастыря ведомую и которую мне отрадно заключить его приветствием обители, благословением его первосвятительства настоятелю, братии и мирским людям, помогавшим нам своими молитвами. Да здравствует и правит

долго к просвещению и спасению людей своей паствы московской и иных, где не светит еще светильник веры Христовой в пределах и за пределами Отечества, от струй Волги до волн Восточного океана!»

На следующий день, в 3 часа, вся братия собралась в соборе принять благословение преовященного и проститься с ним. Он пожелал, чтобы ему отслужили напутственное молебствие. Все его провожали за колокольню: он обратился к братии, поклонился в ноги. Прежде преосвященный никогда не дозволял, чтобы его встречали или провожали со звоном; на этот раз я распорядился, чтобы при отъезде его был звон: он мне не препятствовал. Как будто смутно чувствовало мое сердце, что не суждено более на Угреше видеть его, ни ему Угрешу.

Глава XXVII. Берлюковская дача – сельцо Кармолино; торжество в монастырском училище; отъезд преосвященного Леонида в Ярославль, моя поездка в Лавру и возвращение

Июня 7 в три часа утра я выехал из монастыря в Берлюковскую пустынь, при которой есть дача, где я вознамерился провести лето и пить там воды. В тот же день, к вечеру, отец игумен Нил проводил меня на эту дачу, отстоящую от пустыни 7 верст, а прямым путем для пешеходов версты три или четыре.

Эта усадьба находится при сельце Кармолине[55], принадлежавшем в 1850 годах Александре Ивановне Люминарской Д. С. С. и Феодору Андреевичу Левашеву, капитану. Сельцо это называется также Спасское, потому что тут в прежнее время была деревянная церковь, которая за ветхостью упразднена, и старожилы сказывают, что слышали от стариков, что половина этой церкви была отдана в Берлюковскую пустынь и будто там из нее была сделана в то время пекарня, в которой впоследствии (в 1829) была найдена древняя чудотворная икона явления, называемого «Лобзание Христа Спасителя Иудой».

Говорят, что и часть икон вместе с церковью отдана была в пустынь, может быть, и эта чудотворная икона вместе с прочими. Эта дача приобретена пустынью только прошлым летом. Бывший господский дом не велик, но расположен весьма удобно, с горенкой и балконом, откуда вид очень хорош и простирается довольно далеко, но весьма дик, потому что вся усадьба на плоском месте, окруженном лесами. В 1815 году тут было поле, и в живых еще местные старожилы, которые помнят, как во время крепостного права они садили при прежних господах деревья и кусты теперь тенистого и разросшегося сада или скорее парка. Он разбит с большим толком: деревья, преимущественно береза, липа и других пород, расположены

группами; дорожки везде битые и к моему приезду, по вниманию отца игумена, все было вычищено и убрано. Река Воря поблизости от дома, и ежели бы купание не было мне воспрещено, я бы мог этим воспользоваться.

Во время моего лечения водами, когда я дошел до трех стаканов и должен был ходить после каждого по 20 минут, я измерил дорожки шагами, начиная от крыльца в сад и насчитал до 90 саженей; я проходил это пространство в 10 и 12 минут и положил себе за правило после каждого стакана два раза пройтись по всем дорожкам, и после последнего обхода возвращался пить свое кипяченое молоко.

Вечером я выходил за сад и гулял по-близости с моим келейником, отцом Аркадием. В одну из таковых прогулок мы направились в деревню и там невдалеке от сараев, увидали высокий деревянный крест, а немного поодаль два больших продолговатых камня, наподобие надгробных. Это возбудило мое любопытство. В ту пору случилось, что тут неподалеку стоял какой–то старичок; я подозвал его, стал расспрашивать: «По какому это у вас случаю тут крест поставлен и эти камни лежат?»

Он мне отвечал:

– А крест-то, батюшка, вот по какому случаю тут прилучился. Здесь, сказывают, вишь, была допрежь деревянная церковь, давно, значит, а когда это было, заподлинно не знаю; я уж ее, батюшка, не застал, а только слышал, бают, была, ну и когда сломали, не знаю… Да, батюшка, старики точно сказывали, которые помнили… От ентова-то от самого и селение, знать, Спасское называется… Полагать надоть, что во имя батюшки Спаса престол чтоль был.

– Ну а эти камни что же такое? – спросил я.

– А это, изволишь ли видеть, стало, был погост здесь, на чьих-нибудь могилках положены, а на чьих мы уж ентова сами не знаем, и слова с боку, вишь, есть, да вот, поди ты, беда какая: нихто их разобрать не может, не умеют што ли или заросли больно.

– От чего же один из камней лежит прямо, а другой, видишь как? – снова спросил я старика.

– Вот по какой причине, – сказал старик таинственно и важно, – не пошли!

– То есть, как не пошли? – стал я расспрашивать.

– Да так, просто не пошли, не захотели идти.

И, помолчавши немного, старик начал мне подробно рассказывать, как камни не пошли.

– В ту пору, как вот в Берлюках и пустыне-та зачали большой собор строить, игумен-то покойник, как бишь, ну да все одно... Царствие ему Небесное!.. Игумен-то и вздумай взять енти камни... Прислал пару здоровых дюжих монастырских лошадей, рабочих, навалили камень-то, что криво лежит. Дело было, батюшка, зимой; отъехали так с версту што ли – стали лошади, нет, не идут; что ты будешь делать! Бились, бились, нет; с места не берут лошади, да и все тут, а предюжия, дюжия, кажись бы, как не свезти, так нет... вот, поди ты, не осилили!..

Что же, батюшка, так ведь отступились, бросили, свалили камень... порожнем и поехали назад... Право слово... Прошел день, камень лежит, прошел другой; игумен по камень не присылает; еще прошло сколько-то дней, не идут из монастыря; с неделю прошло, куда больше, камень все лежит у дороги...

Думаем мы себе: нет, робятушки, дело-то неладно, не так выходит оно. Созвали сходку; промеж себя поговорили... все, батюшка, стояли на том, что камень не захотел идти... Да вот, простая штука, а не пошел... на гладком месте лошади не повезли, не то што бы в гору. Знать, думаем мы, камень следует убрать опять, где был. Нарядили людей, лошадь, и что же, Ваше благословение? Запрягли плохую лошадку, так немудрую кляченку, и довезла, ведь, камень легохонько, хоть бы взмылилась; камень-то и свалили, да, знать, не потрафили: как его тогда свалили, так он о сю пору и лежит.

Больше старик ничего мне сказать не мог. Я поблагодарил его за рассказ и, подошедши к обоим камням, стал их рассматривать со вниманием: они имели длины аршина по два или более, ширины около аршина и немного менее в вышину. Камень был Мячковской породы. К одной стороне надпись, как на надгробных камнях к голове, но наверху нет ни слов, ни украшений. От времени слова залипли, их позатянуло мхом; я

распорядился, чтобы промыли и тогда можно было разобрать следующие надписи по-славянски вязью:

Первая: «Лета 7210 (1702) Маие 23 дня, на память Преподобнаго отца нашего Михаила Синадскаго и иже во Святых отца нашего Леонтия, Ростовскаго чудотворца, преставися Божия раба Евдокия Семеоновна, сожительница Стольника Андрея Ивановича Воейкова».

Эта надпись на том камне, который хотели свезти, а на другом следующая:

Вторая: «Лета 7260 (1752) Ноября 3, на память Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Иосифа Персидскаго, и Богоноснаго отца нашего Георгия, иже в Лиде, преставися на 68... погребенную... отшедшую Марию, преставися раба Божия Мария Андреевна, сожительница Стольника Андрея Ивановича Воейкова».

Одному камню, следовательно, 174 года, другому 124 года.

Сохранилось предание, что возле бывшей тут церкви была и господская усадьба и дом, а не там, где теперь. Церковь, говорят, была во имя Спаса Нерукотворенного Образа и после упразднения за ветхостью, долгое время стояла неразобранная, а разобрали ее потому, что под ней внизу укрывались разбойники, которых захватили после убийства, совершенного ими в одной соседней деревушке, где они перерезали целое семейство. Когда дознано было, что притоном им служила церковь, то ее тотчас же и велено было снести, и отдали в пустынь. В какое время это происходило, мне не могли того сказать, потому что все это устное предание. Спасов день, августа 16, и по сие время празднуется в Кармолине, и молебствие совершают у креста и служат панихиду, а равным образом и тогда, когда бывают с иконами из Берлюковской пустыни.

Когда я разобрал надпись на камнях, я ее велел написать на камне сбоку, и имена погребенных теперь при панихиде будут поминаемы. Полагаю, что могилы со сводами, потому что не тронутый камень, хотя и прошло 174 года, нимало не оселся и лежит на поверхности высоко. Впрочем, это только мое

предположение, но я не счел за нужное исследовать, действительно ли есть своды или склепы под землей.

Июня 29, в Петров день я служил в Берлюковской пустыни праздничную всенощную и литургию; кроме этого раза, во все мое лечение водами я еще не служил. На всенощной облачение на всех было парчовое, а на обедне бархатное; мне подали шитое, на всех прочих было бархатное гладкое. В Берлюковской пустыни ризница, не имея ничего драгоценного и редкого, очень хороша, так что и в весьма богатых монастырях едва ли есть такое множество различных облачений.

Вообще должно отдать справедливость отцу игумену Нилу, что обитель при нем видимо улучшилась и благоустроилась: в черте ограды везде дорожки, цветы, чистота; поют хорошо: по праздничным и воскресным дням пение партесное, а в будничные столбовое; трапеза братская и одежда достаточны. О местоположении я не распространяюсь: оно превосходное, и представляет все выгоды для хозяйства и жительства: горы, вода, леса, луга, а для монашества уединение. В начале 1830 годов бывало много посторонних посетителей из Москвы и других мест, но тогда икона Христа Спасителя только что прославилась чудесами и, кроме того, в то время не жили господа на дачах и в чужих краях, как теперь, а многие препровождали летнее время, ездя на богомолье по монастырям. Теперь новое поколение совершенно иного направления, а из старого кого уже нет в живых, а тот кто еще не умер, тому уже не под лета и не по силам разъезжать: сидит дома, молится и ждет смерти.

В Петров день, в праздник, у нас в Угрешском скиту служил в мое отсутствие по моей просьбе мой помощник по благочинию Ново-Голутвинский архимандрит, отец Сергий, и после того, 30 июня, он приехал ко мне в Кармолино. Он сказывал, что посетителей на Угреше было до того много, что не только все номера во всех гостиницах (более 160 номеров) были заняты, но принуждены были отводить помещения и в монастырской больнице, в богадельне и даже в нижних келиях архиерейского дома. Это мне доказало на самом деле, что не излишество и не моя личная прихоть построение у нас третьей и новой

гостиницы; стало быть, и без конно-железной дороги, не состоявшейся до сих пор, еще гостиница была нам нужна. И это великое стечение богомольцев повторяется у нас в лето довольно часто.

Также в мое отсутствие происходило на Угреше еще торжество, в котором я не мог быть участником, именно: передача нашего монастырского училища в ведение Народного Просвещения и открытие двухклассного училища, которому, на основании новейших узаконений, предоставлены некоторые права, весьма важные в настоящее время, которые на три года сокращают срок служения в военной службе для окончивших курс. Но не одно это, важное для училища, право побудило меня к передаче оного в ведение министерства: помышляя о будущем, меня нередко смущала мысль, что в числе моих преемников могут быть и такие, кои, не имея расположения к образованию народному, начнут сокращать число учащихся и доведут мной учрежденное училище до совершенного упадка.

Торжество этого открытия совершилось 1 июля и происходило следующим порядком, как мне после того сообщили. Директор учебного округа А. В. Краснопевков, брат преосвященного Леонида, был в то время озабочен отъездом его в Ярославль, июля 3, и потому на Угрешу не приехал, но прибыли накануне три инспектора и присутствовали при совершении с вечера всенощного бдения в церкви училища.

Наутро, июля 1, была литургия, которую соборно служил наш монастырский отец-казначей; затем последовало молебствие благодарственное с провозглашением многолетия: 1) Государю Императору и всему Августейшему дому, 2) Святейшему Правительствующему Синоду, 3) владыке нашему, митрополиту Московскому, 4) архиепископу Ярославскому Леониду, 5) господину министру Народного Просвещения, графу Д. А. Толстому, 6) попечителю учебного округа, князю Н. П. Мещерскому, 7) настоятелю Угрешскому, 8)учащим и учащимся и всем православным христианам.

Старший инспектор произнес речь и объявил Высочайшую волю о принятии училища в ведение министерства Народного Просвещения. Потом осматривали все училище и все одобрили.

Церковь, говорят, была полнехонька народа: там были родственники учащихся и посторонние зрители.

Учащихся при этом торжестве открытия присутствовало около двухсот человек, именно: 1) монастырских полных пансионеров 50 человек, 2) полупансионеров 60 человек, 3) своекоштных (то есть платящих за пишу и чай) 45 и 4) приходящих из окрестных селений около 40 человек.

Это преобразование нашего училища меня весьма порадовало и успокоило. Благодарение Господу, что Он сподобил и нашу обитель принести свою лепту на пользу для православного юношества и доказать не словом, но делом, что и в этом обители иноческие принимают деятельное участие, как и во всяком благом деле, о Господе совершаемом, помышляя не о вещественной своей пользе, но напротив того, расточая свои стяжания тленные во славу имени Господня.

Пока на Угреше происходило это торжество, новый архиепископ Ярославский приготовлялся к отбытию из Москвы и прощался с любезной ему столицей.

Июля 3, в день памяти святителя Филиппа, он в последний раз совершил литургию в Успенском соборе с владыкой, с преосвященным Можайским и с Московскими архимандритами. По окончании литургии сам владыка и преосвященный Можайский поспешили оставить собор, а преосвященный Ярославский шел в мантии и в последний раз благословлял народ. После того он возвратился на короткое время к себе, на Саввинское подворье и, собравшись уже совсем в путь, поехал на Троицкое подворье проститься с владыкой.

Владыке угодно было предложить Преосвященному архиепископу Ярославскому вместо него совершить июля 5 торжественное служение в Сергиевой Лавре, в день праздника Преподобного Сергия.

Все знакомые преосвященного, бывшие в городе, многие из духовенства и из мирян, военные и гражданские сановники собрались на вокзале Троицкой железной дороги и ожидали его приезда.

К четырем часам приехал преосвященный Леонид вместе с преосвященным Можайским. Все теснились около

отъезжавшего, чтобы еще раз принять его благословение, спешили выразить ему свои напутственные благожелания и надежду на скорое свидание... Общество Ярославской железной дороги приготовило для архиепископа несколько царских и вагонов первого класса, в которых, кто желал, мог бесплатно ехать до Лавры и провожать отъезжавшего. Когда преосвященный вошел в вагон, многие вторично подходили к окну и снова принимали его благословение, целовали его руку и со слезами на него смотрели... В этот день вполне выразилась вся любовь столицы к покидавшему ее святителю, вся искренность и всеобщность ее расположения.

Берлюковский отец-игумен ездил в Москву прощаться с преосвященным и привез мне известие, что день его отъезда окончательно назначен на 3 число июля и что преосвященный поручил мне передать, чтобы я в Москву не ездил, а лучше бы приехал к Троице с ним повидаться и проститься.

Согласно с этим я и распорядился. В субботу, июля 3, я к вечеру приехал со своей дачи в пустынь и там ночевал. В воскресенье рано утром, вдвоем с моим келейником, отцом Аркадием, я поехал на монастырских лошадях на Пушкинскую станцию Ярославской железной дороги, до которой от пустыни считают с небольшим 20 верст. Утро было теплое, погода стояла хорошая, дорога, хотя и проселочная, но довольно изрядная, и после трех с половиной часов езды я достиг станции в половине седьмого, а в Лавру прибыл к 10 часам. Преосвященный Ярославский в этот день служил литургию в Филаретовской церкви, и когда я вошел, то в это время оканчивалась панихида по покойному владыке. Я через Духовскую церковь прошел в алтарь и стал направо, у окна.

Когда подали преосвященному антидор и теплоту, он оставил часть и для меня и велел мне подать.

По окончании богослужения преосвященный по своему всегдашнему обычаю стал сам у престола читать благодарственные молитвы, а меня благословил идти дожидать его в митрополичьих келиях, где он остановился по желанию владыки.

Напившись у преосвященного чаю и немного побеседовав с ним, я пошел к отцу-наместнику и нашел его лежащим в постели. Он принял меня очень ласково, совершенно по-братски. Я сидел у него недолго, опасаясь утомить его. Когда я стал с ним прощаться, он сказал мне с большим смирением: «Отец Пимен, перекрестите меня!» – что, конечно, я сделал со всем моим усердием и от души призывал в помощь сему почтенному и заслуженному старцу благодать Божественную.

Немного отдохнувши у отца Иосифа в келии, как только в 3 часа ударили в царь-колокол, я пошел к вечерне.

После стиховных все облачились в парусинное облачение, начиная с преосвященного до последнего стихарного пономаря, и вышли на середину церкви: преосвященный в омофоре и митре, Петербургский протопресвитер в митре и в Аннинской ленте, отец ректор, архимандрит Михаил, я и до 50 человек иеромонахов. Преосвященный читал акафист у мощей Преподобного.

Всенощное бдение началось в 6 часов, а окончилось в 10; житие преподобного читал отец ректор. Народу было весьма много, но, сравнительно с другими годами, говорят, менее.

В самый день праздника, июля 5, водосвятие с обычным перезвоном началось в 8 часов утра, а в четверть десятого раздался трезвон, возвестивший, что архиепископ Ярославский направился к собору. От крыльца митрополичьих палат и до паперти Никоновской церкви было разостлано красное сукно, и тут была встреча. Служащих нас было с ним шесть и седьмой отец наместник, который, по усердию к Преподобному и по расположению к преосвященному, несмотря на болезненное состояние ног, и с трудом, но с помощью двух диаконов, все-таки служил, частью сидя в алтаре на креслах.

В этот день я в первый раз увидел преосвященного с архиепископскими крестами на скрижалях мантии. После литургии он долго шел и благословлял народ и послал просить отца-наместника в митрополичьи палаты, куда собрались мы все, служащие и гости, чтобы его не дожидались к закуске. Отец-наместник принимал всех, сидя в креслах. Вошедши в первую, в крестовую палату, я тут увидел нашего Московского

градоначальника, князя Долгорукого, который встретил меня весьма любезным выговором за то, что я не был участником прощального обеда, данного им в честь архиепископа Ярославского. Дай Бог князю многие и многие лета быть во главе первопрестольной столицы и как хлебосолу-хозяину продолжать пользоваться тем всеобщим расположением от мала до велика, которым Москва отплачивает ему за его неизменное радушие ко всем и каждому.

Во время трапезы было провозглашено многолетие Государю Императору, всему его Августейшему дому, нашему владыке и архиепископу Ярославскому, причем князь Долгорукий сказал преосвященному приветственную речь и преосвященный, поблагодарив князя, в свою очередь сказал ему речь и пожелал ему многие лета, и певчие вторили провозглашения, а лаврские колокола неумолкаемо гудели пока окончилась трапеза. Это было весьма торжественно.

Когда все вышли из трапезной палаты, преосвященный пошел поклониться гробу покойного владыки, а князь, по своему благочестивому обычаю, ходил в собор и там служил молебен; потом все снова собрались у преосвященного в митрополичьих келиях и, напившись там кофе, отправились на посад осматривать находящиеся там Лаврские богоугодные заведения; преосвященный поехал с князем, а я с братом преосвященного.

Начальницей этих заведений в настоящее время Е. С. Кроткова; она занимает эту должность более 15 лет.

Везде большой порядок и чистота, а домовая церковь, находящаяся при богадельне и имеющая два престола, один внизу, а другой на хорах, весьма изящна и благолепна.

Осмотревши все и всем полюбовавшись, потому что все действительно хорошо устроено и содержится как нельзя лучше, мы, по приглашению начальницы, прошли в сад, в беседку и пили там чай.

Сколько раз, посещая Троицкую Лавру, лет за десять или за двенадцать тому назад, случалось мне проезжать мимо богадельни, я видал небольшой домик, одиноко стоявший среди пустырей; теперь везде каменные прекрасные здания, а среди

обширного двора довольно большой сад, весьма хорошо разбитый и содержимый в надлежащем порядке.

В 4 часа князь Долгорукий поехал на железную дорогу, чтобы отправиться в Москву. Преосвященный провожал его и с ним простился на вокзале.

Потом я сел к преосвященному в коляску и мы поехали в скит, где была встреча со звоном. Я давно не посещал скита и, вошедши в него, подивился множеству зданий, выстроенных с тех пор: келии, гостиница, лавки; он теперь представляется огромным монастырем. На скитской колокольне колокол в 350 пудов, а в пещерах в 250 пудов.

После скита мы посетили пещеры, где чудотворная икона Черниговской Божией Матери, и служили молебен. Из пещеры мы возвратились в скит и входили в келии покойного владыки; были у игумена и пили у него чай. Преосвященного при отъезде провожали опять со звоном. Когда мы возвратились в Лавру был уже вечер. У святых ворот мы вышли из коляски и пошли ходить около Успенского собора и Смоленской церкви, где кладбище. Причем преосвященный заметил, что надгробные памятники поставлены в линию, чего прежде не было, что они передвинуты и, стало быть, не на самих могилах.

Когда я пришел на ночлег в келии отца Иосифа, милейшего и добрейшего старца, было уже 11 часов ночи. На следующее утро мы отслужили панихиду у гроба владыки; служил ее молодой иеромонах (кажется, по имени отец Иероним) очень хорошо, внятно, неспеша, вполне, без всяких сокращений, а потом я ходил к мощам Преподобного и слушал там молебен.

Перед поздней обедней вторично ходил я к наместнику и к казначею отцу Авдию и благодарил их за гостеприимство и радушный прием; слушал в Троицком соборе позднюю литургию, при которой присутствовал и преосвященный. Потом я ходил к нему и с ним совсем простился, и хотя мне было очень прискорбно и тяжело с ним расставаться, но все-таки легче, чем когда я провожал его с Угреши. Вскоре после того я отправился на железную дорогу и ровно в 3 часа пополудни сошел в Пушкине, где меня ожидали лошади из пустыни.

Погода была прекрасная, и день не слишком знойный. Ехать было хорошо. Поблизости от Пушкинской станции множество весьма красивых дач; глядя на них, я дивился, что в течение каких-нибудь десяти лет это пустое, дикое место так застроилось, точно маленький городок, и в древнем вкусе деревянная прехорошенькая церковь. Говорят, что по летам в Пушкине живет на дачах более 6 000 человек, и я этому верю.

По пути от Пушкина в Берлюковскую пустынь есть тоже немало деревень и сел, и весьма замечательные две усадьбы; село Щелково (Гребнево) купца Кондрашева. Дом вроде замка, очень большой и красивый, множество каменных служб, огромный парк, обнесенный каменной оградой с башнями, и ворота наподобие триумфальных. Церковь с колокольней прекрасной архитектуры на открытом месте, и очень хороший звон.

Другая дача тоже прекрасное строение, но как называют ее не помню и не знаю, чья теперь, а прежде была Пантелеймонова. К 6 часам я приехал в Берлюковскую пустынь, а к вечеру возвратился в Кармолино.

Я прожил на даче до 28 июля. В этот день простился с Кармолиным и поехал в пустынь, где провел еще сутки, отблагодарил отца игумена Нила за его любовь и радушное гостеприимство, отслужил напутственное молебствие перед чудотворной иконой Спасителя и, простившись с настоятелем и со всей братией, провожавшими меня до Святых ворот, к вечеру, июля 29, благополучно возвратился на Угрешу.

Здоровье мое в течение лета значительно улучшилось: силы, отчасти утраченные мной во время болезни и от потрясения всего организма, стали мало-помалу возвращаться, так что по приезде моем из Берлюковской пустыни, я чувствовал себя хорошо и, благодарение Господу, не было ни малейшего признака моей прежней болезни.

В августе я был в Коломне, куда приезжал и епископ Можайский Игнатий, и мы служили в соборе вечерню с акафистом Успению Божией Матери, что было весьма торжественно; народу было большое стечение. Я возвратился на Угрешу 13 числа. В праздник Успения московских

богомольцев было много, все гостиницы были полны. Во время всенощного бдения, когда икона Успения, что над царскими вратами, спускается и из корзины с цветами, поставляемой под иконой, раздаются прикладывающимся пучки цветов, роздано было таковых более 1 600 находившимся в храме богомольцам.

Глава XXVIII. Поездка в Ярославль, Ростов, Ярославль, Рыбинск; Югская Дорофеева пустынь; Кострома; Бабаевский монастырь

В воскресенье, сентября 19 (1876 года), отслуживши у себя в монастыре обедню и возвратясь от братской трапезы, я собрался в Москву в сопровождении моего келейника монаха Аркадия. Погода была свежая и сырая. В тот же вечер, в 8 часов, я отправился по Ярославской железной дороге в Ростов и прибыл туда на следующее утро в 6 часов.

Я пристал в гостинице «Ростов» напротив самого Кремля. Узнавши от гостинника, что еще можно застать в соборе утреню, я тотчас туда пошел, однако службы мы уже не застали, но служившие были еще в соборе, и я просил, чтобы мне отслужили молебен чудотворной иконе Владимирской Божией Матери и Ростовским чудотворцам: Леонтию[56], Исаии[57], Игнатию[58] и Феодору[59], честные мощи коих почивают в самом соборе.

Когда служащий священник делал первый запев Богородице, то обращался к иконе Владимирской, а при втором запеве, призывая святителей Леонтия и Исаию, обращался направо и делал поклон, а при именах святителей Игнатия и Феодора обращался налево и также делал поклон, и так продолжал во все время служения молебна.

Один из священников был так внимателен, что сам вызвался показать нам достопримечательности собора[60]. Собор, строенный в начале XIII столетия, с тех пор мало изменился. Живопись икон в иконостасе древняя, превосходная[61]. Икона Богоматери, чудотворная, весьма чтимая гражданами и богато украшенная, одна из тех семи, говорят, которые в XI веке были чудесно написаны у Киево-Печерского инока Алипия; в Ростов она перенесена Владимиром Мономахом и поставлена в соборе, и поэтому-то и называется Владимирской, хотя (как замечает весьма справедливо в своей

книге граф М. В. Толстой) гораздо правильнее надлежало бы ее называть не Владимирской, а Владимировой[62]. Верхние узкие окна собора и расположение алтаря сохранились в первобытном виде. Горнее место имеет шесть ступеней восхождения, по обе стороны седалища для служащих о двух ступенях.

По стенам в алтаре развешаны различные иконы в ризах очень неблаголепных, и это производит весьма неприятное впечатление. Я рассматривал с большим вниманием древние митрополичьи клобуки, отличные от формы употребляемых теперь: они шерстяные, как будто вязаные, без всяких украшений, с воскрилиями, которые едва достигают до плеч.

Мощи святителя Леонтия почивают с правой, южной, стороны алтаря в приделе под спудом[63]. Немного подалее, у южных дверей алтаря, почивают на вскрытии мощи святителя Исаии, память коего совершается 15 мая[64].

По левую сторону алтаря, извне, у северных дверей открыто почивают мощи святителя епископа Игнатия. Его тело не было предано земле, а нетленное, тотчас по кончине святителя прославилось многими чудесами и исцелениями. Память совершается 28 мая[65].

Осмотревши внутренность собора и его достопримечательности, я пожелал обойти весь кремль снаружи, чтобы составить себе понятие о нем в полном его составе зданий, церквей и стен. Погода была сырая и даже довольно грязно, но, невзирая на это, я все-таки пошел. Я и мой келейник, меня сопровождавший, вышли в задние ворота, обращенные к озеру. Общее впечатление весьма грустное. Самые стены сохранились в целости; в них устроено множество ворот, из коих многие остаются всегда заключенными, но древние здания и башни в жалком виде: местами от башень осталась только одна часть; где только стена с какими-то вычурными украшениями, видно, что было какое-то здание, но от времени пришло в разрушение. Многие из башень и ворот сохраняют отчасти признаки превосходных кафельных узорочных украшений, что в настоящее время уж весьма редко, но, к крайнему сожалению, все это от небрежения обветшало, а

местами, по невежеству, кафельные украшения безжалостно замазаны известью.

Звон на звоннице очень хорош: большой колокол в 2 000 пудов, второй в 1 000 пудов, третий в 500 пудов и так далее; всех, сказывали мне, 13 колоколов. Прежде звонили по нотам, но они утратились, а только по преданию звонарь от звонаря перенимает как звонить. Различных звонов было три: Ионинский, Акимовский и Дашковский. Об этом есть любопытные подробности в описании Ростова[66].

Обозревши кремль снаружи, мы взяли извозчика и поехали в Богоявленский монастырь, окруженный пустырями, отделяющими его от города. Он от Ростова не более как в полуверсте, при озере Неро. На том месте во времена язычества был истукан Велес, которому поклонялись жители Ростова и окрестностей. Преподобный Авраамий, Валаамский постриженник, недовольный почетом, который ему оказывали братия на Валааме за его подвижническую жизнь, и, ревнуя по Бозе, удалился сюда и, построив себе близ озера хижину, стал распространять веру Христову. Он сподобился видеть Иоанна Богослова, который вручил ему жезл, осененный крестом для сокрушения Белеса. Крест этот существует поныне, а жезл, отделенный от креста, был взят Иваном Грозным. Впоследствии преподобный Авраамий соградил небольшой храм на том месте, где находился сокрушенный им Велес, а потом устроил и монастырь и был в нем первым архимандритом при епископе Иларионе; скончался в половине XI века, а по мнению преосвященного Макария, около 1045 года[67]. Мощи преподобного Авраамия почивают на вскрытии (в приделе, во имя его устроенном), в арке под сводами.

При гробнице сохраняется под стеклом архимандричья шапка преподобного из шелковой ткани с золотым шитьем и меховым околышем. Шапка весьма низкая, пряма, без развала кверху, но несколько скругленная и формой подобной той, которая хранится в Московском Успенском соборе при мощах святителя Петра. Думают, что это не есть подлинная шапка преподобного, которая не уцелела, но была сделана впоследствии при митрополите Ионе лет около трехсот тому

назад. Крест медный, которым был увенчан жезл, врученный преподобному Авраамию святым Иоанном Богословом, хранится в храме; он шестиконечный, длиной в 7 вершков, в середине распятие, по бокам в круглых клеймах изображения Богоматери и Иоанна Богослова, на самом верху в круглом клейме изображение в виде Ангела, Спаса Эммануила (как принято изображать на иконе Троицы), а пониже лики Архангелов Михаила и Гавриила.

Церковь соборная каменная с пристройками начала XVI века; вероятно, и колокольня того же времени; все прочие здания монастырские гораздо позднейшего построения.

Озеро Неро саженях во ста от монастыря; оно неглубоко и простирается верст на 10 длины и верст на 5 ширины; рыбы в нем мало и та, говорят, очень не хороша на вкус, отзывается болотом.

Монастырь Богоявленский штатный, небогатый средствами; братии в нем теперь всего человек с десять.

Настоятель отец-архимандрит Нафанаил, из протоиереев, человек весьма хороший и гостеприимный. Говорят, что со времени своего поступления в настоятели он ежедневно совершает раннюю литургию. По выходе из церкви, я намеревался посетить его, но он предупредил меня, прислав ко мне своего келейника пригласить к себе. Ему на вид лет 60, ростом он выше среднего, весьма благообразен, волосы и прекрасная борода с проседью; он из себя не тучен, в движении много живости, весьма разговорчив и в обхождении очень ласков.

Узнавши, что я приехал на извозчике, он просил меня отпустить его и предложил мне не только свою карету на все время моего пребывания в Ростове, но просил меня оставить гостиницу и перебраться в монастырь в настоятельские келии, находящиеся в большом двухэтажном корпусе, которые он не занимает, находя более удобными для своего помещения келии казначейские.

Один из братий обители, отец Сергий, рассказывал нам, что в настоятельских келиях чудится; что однажды пришлось ему там ночевать одному, и что едва он заснул, как вдруг предстал

ему человек высокого роста и весьма страшный, с рыбой в руках… От страха и ужаса спавший пробудился. Это случилось не только с одним отцом Сергием, но повторялось неоднократно и с другими. Между братией там вкоренилось поверье, что эти явления потому будто бы бывают, что монастырь находится на той самой местности, где стоял идол Велеса, которому приносили в жертву рыбу, и по суеверию считают, что это Велес является в виде страшного человека.

До поступления своего в монашество отец-архимандрит Нафанаил был священником в селе Краснаше, к которому приходом деревня Коробова, принадлежащая в собственности потомкам известного Ивана Сусанина, пожертвовавшего своей жизнью для спасения юного Михаила Романова, которого хотели убить поляки. В бытность его в означенном селе священником ему поручено от правительства позаботиться об улучшении быта крестьян-собственников Сусаниных (или, как их называют, белопашцев), потому что они живут в крайней бедности и весьма худо, пользуясь прежними льготами и не подлежа никакому начальственному надзору, и эта совершенная свобода и самоволие довели их до последней степени нищеты и дурного поведения.

Из Богоявленского монастыря я поехал уже в карете в Петровский монастырь, который с полверсты за ним далее от города. Монастырь весьма небольшой, но весь каменный. В холодном соборе почивают под спудом мощи Ордынского царевича Петра, на правой стороне у иконостаса. На стене в возглавии хранятся три иконы: Божией Матери, Святителя Николая и святого великомученика Димитрия, купленные царевичем на торгу. Хотя они и весьма древние по времени, но на вид они не показались мне таковыми; знатоки, впрочем, весьма хвалят искусство оных и почитают их даже замечательными, чего я не нахожу.

Соборный храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла конца XVII столетия не представляет ничего особенно достопримечательного ни по внешности своей, ни по внутреннему устроению и украшению. Монастырь, расположенный на берегу озера, весьма чистенький,

обнесенный небольшой каменной оградой, не обширен: он состоит из двух корпусов, из коих один настоятельский, другой же братский. Теплая церковь позднейшего построения. Число братства весьма ограниченно: человек семь, восемь, девять, и при моем посещении в братстве не было даже ни одного диакона. Послушники носят мирскую одежду.

Монастырем управляет казначей, иеромонах Геронтий, человек средних лет, весьма смиренный и ласковый, постриженник Югской Дорофеевой пустыни. Он принял нас с истинно иноческим радушием. Своим обхождением и характером, сколько я мог судить о нем по первому впечатлению, он напомнил мне отца Арсения, строителя Екатерининской пустыни, что в Московской епархии в моем благочинии. Он, по моему мнению, был бы гораздо более на своем месте в монастыре общежительном, нежели в штатном, что я ему высказал, и он сам со мной в том согласился.

Из Петровского монастыря, отслуживши молебен у мощей, мы поехали по шоссе в Белогостицкий монастырь, который отстоит 7 верст от Ростова. Этот монастырь с 1858 года приписан к архиерейскому дому архиепископа Ярославского, и игумен Петровского монастыря, отец Серафим, управляет этим монастырем. Он числится игуменом Петровского монастыря, а живет здесь; ему лет шестьдесят; при других условиях он принес бы обоим монастырям несравненно более пользы. Белогостицкий монастырь основан при митрополите Ярославском Ионе Сысоевиче в 1657 году, благодаря содействию князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовского.

В нем три храма: 1) соборный, во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, 2) во имя Архангела Михаила и 3) во имя Архангела Гавриила; кроме того, длинное каменное здание о двух отделениях, из коих в одном помещаются братия и настоятель, в другом же келии для приезда архиерея; около монастыря весьма невысокая каменная ограда. Монастырь при озере, возле него какая-то деревушка, а далее, в противоположную сторону, простирается прекрасная сосновая роща, в которой более 300 десятин. Средства монастыря очень ограниченны. Посетив отца игумена Серафима и напившись у

него чаю, мы обратно поехали в Ростов. Был уже в начале пятый час. Пообедав и несколько отдохнув, поехали к всенощному бдению, к празднику, в Яковлевский монастырь, где почивают на вскрытии мощи святителя Димитрия, память которого совершается сентября 21 дня.

Прежде всего я посетил настоятеля, отца-архимандрита Илариона. Всенощное бдение продолжалось часа три с половиной, и так как в этот вечер погода была сырая и ветренная, то богомольцев в церкви было не слишком много. При выходе из церкви я увидел, что церковь и колокольня были освещены разноцветными фонарями. Ночевать я возвратился в гостиницу. На следующее утро воспользовался каретой, предложенной мне архимандритом Богоявленским, и поехал опять к празднику. Водосвятие было уже окончено. Встреча настоятелю была, по обычаю, с крестом у дверей. По прочтении часов отец-архимандрит Иларион предложил мне облачиться и сделать встречу крестному ходу, который бывает в этот день из Рождественского девичьего монастыря. Крестный ход был очень маленький: две пары хоругви, фонари, две иконы запрестольных и чудотворная Тихвинской Божией Матери; сопровождавших было человек с полсотни, да духовенства человек десять. Странно было мне видеть такое отсутствие усердия к великому святителю и к его обители. По прибытии крестного хода началась литургия; сослужащих было с отцом архимандритом 6 иеромонахов и 4 иеродиакона и несколько стихарных послушников; в числе иподиаконов есть один монах глухонемой, которым, говорят, остаются все очень довольны. Я в первый раз в этот день смотрел с вниманием на архимандричье служение по чину архиерейскому: на малом выходе выносятся рипиды, трикирии и дикирии; пение: «Приидите поклонимся» и «Святый Боже», каждение алтаря и святых икон, «Призри с небеси, Боже» и прочее, при осенении свечами, принятие Святых Даров в царских вратах и возглашение имени настоятеля, как бывает при служении архиерейском.

На молебен вышли три архимандрита: сам настоятель, отец Галактион, наместник Саввы Сторожевского монастыря, и я, и

все три стали в ряд, а во время чтения молитвы святителю обратились лицом к его святым мощам. По совершении молебствия я провожал крестный ход до Святых ворот.

Во время всенощной на настоятеле было облачение, сделанное, говорят, из саккоса святителя Димитрия, прекрасной старинной парчи: оное надевают только в день его праздника, а на литургию подали настоятелю и первому диакону облачение малиновое, бархатное, шитое золотом, всем же прочим рытого бархата. Воздухи были из старинной парчи, одежда на престоле бархатная, шитая золотом, очень хорошая.

Народу было у обедни более, чем с вечера, но особой тесноты не было. После литургии у настоятеля в келиях посторонних гостей, из живущих в городе, собралось очень немного.

Обедали мы в трапезе; вход в нее коридором из настоятельских келий. Трапеза не велика, но очень чистая, красивая и расположенная весьма удобно. Кушанье было поварское, но служили при трапезе послушники и был соблюден весь монастырский чин, а чтение было из творений святителя Димитрия.

Яковлевский монастырь, в конце города Ростова, при самом озере Неро. Около монастыря прекрасная ограда с угловыми башнями и маленькими в нескольких местах полубашеньками, которые, к сожалению, были переделаны в начале нынешнего столетия и тем попорчены. Храмы обители каменные, величественные, благолепны; здания, в которых настоятельские и братские келии, занимают правую, западную, сторону монастыря от Святых ворот; посередине дорожки с цветками, различными кустарниками, а на левой стороне находятся три каменных благолепных храма, из коих два примыкают один к другому; колокольня стоит отдельно; звон очень хорош. Ризницы мне не довелось осмотреть, но, говорят, там есть и древние ценные вещи.

За настоятельскими келиями есть древняя пятиглавая церковь, на монастырском кладбище – бывший когда-то Спасский-Княгинин монастырь. За краткостью времени мне не

пришлось побывать в ней. Монастырская гостиница не велика, она за оградой, напротив Святых ворот.

После трапезы мы зашли с отцом Галактионом к архимандриту, напились у него кофею и, поблагодарив за радушный прием, отправились было в гостиницу, располагая там переночевать, но Богоявленский архимандрит прислал своего келейника пригласить нас к себе. Отец Галактион, пробывши там до одиннадцатого часа вечера, поехал на железную дорогу, чтобы ехать обратно в Москву, а я в пять часов утра поехал в Ярославль и прибыл туда сентября 22, в 7 часов утра.

За мной была выслана карета преосвященного и, по его распоряжению, меня привезли прямо в Афанасьевский монастырь, где и было мне приготовлено помещение.

Афанасьевский монастырь внутри города, напротив памятника П. Г. Демидову, и находится на той же площади, на которой и собор.

Монастырь не велик: в нем одна церковь с тремя престолами и каменное здание, в коем совмещаются келии настоятельские и братские, которые, после пожара, посетившего обитель, были перестроены в недавнее время.

Настоятелем теперь старец-архимандрит отец Николай, бывший прежде приходским священником в Ярославле, в урочище, называемом в Коровниках[68], за рекой Которостью[69]. Церковь, при которой он находился, весьма замечательна: строена, я полагаю, в XVII веке и изобилует кафельными украшениями разнообразнейших узоров и цветов; карнизы церкви и колокольни, сандрики, одверья, наличники, перемычки арок – все кафельное, искуснейшего мастерства и весьма хорошо сохранилось.

Отец-архимандрит Николай принял меня весьма любезно и по-дружески. Пробыв у него очень короткое время, я поспешал ехать в Спасский монастырь к преосвященному и застал его за ранней обедней в крестовой церкви, устроенной в палатах; мирянам в нее нет входа; алтарь оной сообщается с алтарем большой крестовой церкви.

Преосвященный, по своему обычному ко мне расположению, встретил меня весьма ласково, и видно было, что мне очень обрадовался. После обедни мы уселись у него в кабинете, и весь этот день до самого вечера я провел у него. Дом архиерейский весьма просторный и поместительный: зала и гостиная обширны, высоки, и хотя не роскошно украшены и не отличаются изяществом обстановки, тем не менее все прилично и довольно свежо и чисто содержано в приемных комнатах.

На следующий день, в четверток, сентября 23 я с утра отправился на лошадях в Толгский монастырь, который от Ярославля в 7 верстах. Он окружен рекой, называемой Толгой, от чего и получил название: она с северной стороны впадает в Волгу. Монастырь основан в самом начале XIV столетия при архиепископе Ростовском Трифоне по случаю явления ему на сем месте иконы Богоматери. Погода была дождливая, меня везли правым берегом Волги. Напротив монастыря паром, на котором перевозили. Ограда не высока; башни с передней стороны посредственной величины, с задней значительно меньше; колокольня большая. Сравнивая с нашим Вологодским Спасо-Прилуцким монастырем, скажу, что Толгский гораздо меньше.

Приехавши в монастырь, я обедни уже не застал, но служащие были еще в церкви и я просил, чтобы мне отслужили молебен Толгской иконе Божией Матери. По окончании молебна ко мне подошел отец наместник, старец пожилых лет, и предложил меня всюду поводить и мне все показать.

Мы начали с соборного храма: он обнесен кругом широкой папертью со сводами, которые все расписаны: живопись не очень старинная, но прекрасная; жаль, что местами от времени несколько попорчена. К главному храму примыкает небольшой придельный храм, весьма замечательный по изяществу и художеству иконостаса.

Потом мы прошли в церковь во имя Нерукотворенной иконы Христа Спасителя; церковь эта одноэтажная, низменная и не богата украшениями; при оной придел во имя святителя Димитрия Ростовского; по стенам видны плиты с надгробными надписями. При входе в Спасскую церковь могила

преосвященного Иринея, архиепископа Иркутского, с 1831 жительствовавшего в Вологде в Спасо-Прилуцком монастыре на покое, а впоследствии ему дан был в управление Толгский монастырь, в котором он и пребывал до самой своей кончины, последовавшей мая 18, 1864 года[70]. Над его могилой сень, устроенная еще при его жизни.

Осмотревши отдельно все церкви, я остановился на монастыре, чтобы разом взглянуть на все здания: келии настоятеля и братские не очень обширны; все постройки каменные; колокольня в пять ярусов довольно высока. В главном колоколе, говорят, до 500 пудов. Возле самого монастыря прекрасная вековая роща, которой, полагают, более трехсот лет. Отец-наместник пригласил было меня туда пройтись, но я прозяб, так как время было ненастное и дул сильный ветер, и потому я отказался. Поблагодарив отца-наместника, я с ним распростился и поспешил в гостиницу, чтобы согреться чаем. Нам принесли братской пищи. Я нашел, что она очень хороша.

Гостиница не очень велика, всего до 15 номеров, а теплых только 8, прочие все летние. Гостинник, человек молодой, приветливый и услужливый; он предложил мне и моему келейнику перед нашим отъездом взять с собой кедровых шишек из монастырской рощи, и мы взяли их несколько, как благословение из Толгской обители.

Обратный путь наш в город мы совершили иначе, чем оттуда: нас повезли по другому берегу, потому что вследствие сильного ветра перевозчики отказывались нас перевозить, ибо волны реки были очень сильны и становилось опасно. Мы направились к казенному перевозу, который напротив самого Ярославля; не выходя из кареты, въехали на паром, который посредством каната прицепляют к пароходу, и таким образом преблагополучно переправились на противоположный берег. Плата с лошади по 6, а с человека по 1 копейке серебром.

Возвратившись в город, я немедленно отправился к преосвященному, который в этот день пригласил к своему обеду, кроме меня, отца-архимандрита Николая (из

Афанасьевского монастыря), протоиерея из города Мологи и сестру свою Е. В. Ушакову.

В этот день преосвященный съездил после обеда по приходским церквам и пригласил меня его сопровождать. Ярославль изобилует замечательными церквами; всех в городе более сорока, и большей частью пятиглавые, заслуживающие внимания по своей древности и красоте зодчества. В особенности хороша церковь Иоанна Предтечи: о пятнадцати главах и все золоченые; паперть обширная, окружающая церковь, со сводами, искусно расписана и вдоль стены поделаны кирпичные лавки с узорочными низами весьма затейливыми. В самой церкви все стены, своды и откосы украшены живописными изображениями, заимствованными из жития Иоанна Златоуста, и все так хорошо придумано, что лучшего, кажется, и пожелать невозможно. Иконостас и в особенности царские врата весьма изящны и вполне заслуживают внимания и удивления археолога; описания, как бы подробны они не были, не могут дать совершенного понятия о том, что приводит в изумление, когда видишь самый предмет.

Вообще можно без преувеличения сказать, что нигде (ниже в самой Москве, о других епархиях я и не говорю) не увидишь столько священных древностей, как в Ростове и Ярославле. У многих церквей наружные украшения кафельные искуснейшей работы, что и в Москве становится весьма редким, потому что по невежеству и страному предпочтению новизны мало-помалу исчезает и заменяется весьма часто самыми аляповатыми украшениями, вовсе не подходящими к общему строю здания.

Мы были в этот день в Казанском женском монастыре у почтенной и добрейшей старицы игумении Феофании, весьма приветливой, радушной и гостеприимной.

На следующий день, в пятницу, 24 числа я посетил городской кафедральный собор, пятиглавый, древний, величественный. Он состоит из совокупности двух смежных храмов: холодного, древнего и теплого, новейшего построения. В холодном соборе (в малом виде напоминающем Успенский Московский) богато украшенный иконостас и иконы древнего письма; стены расписаны, хотя и в позднейшее время, но по

древнему образцу. Помнится мне, что во время первого моего путешествия через Ярославль, когда я шел пешком в Киев, собор расписывал Медведев, может быть, с тех пор и еще поновляли. Свод собора поддерживается четырьмя столбами; направо от входной двери, между столбами, под сенью почивают мощи святых угодников Ярославских, благоверных князей Василия и Константина Всеволодовичей. Собор, первоначально строенный в начале XIII века, при царе Алексее Михайловиче перестроен, а после пожара, при Императрице Елисавете Петровне, во время которого сгорели и мощи благоверных князей, обновлен: уцелевшие части мощей собраны и положены в ковчег наподобие раки. В соборе весьма древняя икона Богоматери, именуемая Ярославская, принесенная благоверными князьями Василием и Константином, следовательно, в XIII столетии.

Теплый собор, пристроенный с южной стороны к холодному, довольно обширен, высок и просторен, богато вызолочен и благолепно украшен, но совершенно современный, не отличается ничем особенным, в нем совершается архиерейское служение в зимнее время.

Колокольня стоит отдельно от собора; в большом колоколе до 500 пудов. Собор расположен на мысе, образовавшемся при слиянии рек Волги и Которости; вид с этого места превосходный. Тут же, несколько поодаль от собора, но совершенно напротив оного – обширное, каменное двухэтажное здание, в котором помещается ныне Демидовский лицей. Говорят, что на этом самом месте в древности находились великокняжеские терема; показывают и теперь одно каменное строение, остаток древних теремов; ныне в нем помещаются соборяне.

Неподалеку от собора на берегу Волги – дом губернатора. По наружности он не кажется велик, но внутри очень хорошо расположен; должно думать, что весьма поместителен, сколько я мог судить по тому, что видел во время посещения с преосвященным губернатора вице-адмирала Уньковского.

Внутри комнаты, большей частью, отделаны под мрамор разных цветов. Это мне очень понравилось: роскошно, чисто и

просто. Вид из губернаторского дома на Волгу удивительно хорош. Домовой церкви у губернатора нет, но приходская совершенно рядом.

Вечером, по причине праздника, на следующий день Преподобного Сергия у преосвященного было всенощное бдение в большой его крестовой церкви; он выходил на литию и величание; в служении с ним участвовал и я.

На следующий день, сентября 25, преосвященный поехал на служение в одну из приходских церквей, где был праздник и куда его приглашали прихожане, а я в этот день поутру собрался отправиться на пароходе в Рыбинск с тем, чтобы посетить Югскую Дорофееву пустынь, которая оттуда верстах в 15. Я пригласил ехать со мной тамошнего постриженника, иеромонаха из архиерейского дома, отца Дионисия, человека молодого и весьма расторопного.

Пароход «Дриада» (общества «Самолет») отправился в путь ровно в 9 часов. Я сошел в каюту, потому что было довольно свежо, и так как я в первый раз ехал на пароходе, меня все занимало; я сел к окошечку и начал смотреть на берега широкой Волги, покрытые селеньями. Мы проплыли мимо города Романова-Борисоглебска, расположенного на двух противоположных берегах Волги; с каждой стороны церквей по пяти и, как видно, все старинные, каменные; дома обывателей настроены довольно густо и преимущественно деревянные, но кой-где проглядывали и каменные. Собор каменный, старинный, прекрасный, с папертью на каменных столбах, издали очень красив.

Город этот был, говорят, строен двумя сыновьями князя Василья Давыдовича (Грозный Ярославский 1345 г.), Глебом и Романом, оба захотели выстроить город и дать ему свое имя, и выстроили один против другого по берегу Волги в половине XIV века; с берега на берег есть перевоз, ходит паром.

От Ярославля до Рыбинска по берегам очень много сельских церквей, а расстояние между этими городами с небольшим 80 верст. Мы приплыли к Рыбинску в три часа пополудни. Город при слиянии Волги и Шексны на вид довольно обширный и красивый. Мы пристали в гостинице и, пообедав,

отправились на наемных лошадях в Дорофеевскую Югскую пустынь, куда прибыли уже часу в 7 вечера и остановились в гостинице, в которой нумеров до сорока. Пока мы переодевались и снаряжались, чтобы идти в церковь, к нам пришел казначей и стал нас потчевать чаем, но мы поспешили в церковь, где шло всенощное бдение, так как это было в субботу и, кроме того, под праздник святого Иоанна Богослова (сентября 26).

Мы пришли во время литии, служил сам настоятель, архимандрит отец Поликарп и с ним четыре иеромонаха и два иеродиакона. Пение обыкновенное придворное, а не столбовое. Под конец всенощной я вошел в алтарь и познакомился с настоятелем, отцом-архимандритом Поликарпом. Ночевать мы возвратились в гостиницу, где уже между тем для нас приготовили ужин, но я от него отказался и им воспользовались мои спутники, отец Дионисий и отец Аркадий.

На следующее утро, в воскресенье, мы поднялись довольно рано и часов в 7 пошли осматривать все, что вне ограды.

Странноприимный дом, в два яруса, довольно обширный, и видно, что содержится весьма чисто; но в ту пору почти никого там не было. Конный двор большой на 50 стойлов; рабочих лошадей до 30, и, кроме того, молодых заводских более 20. Скотный двор также поместительный, и немало рогатого скота: голов до 40 или более. Хозяйственных построек очень довольно, и все прочно, чисто и хорошо.

В полуверсте от монастыря, за скотным двором, находится бывший скит; после того, как там сгорела церковь, вновь построенная, осталось только три келейки, в которых живет несколько человек для наблюдения за плодовитым садом, огородом и за кладбищем, где хоронят братию. Будет ли когда-нибудь опять существовать скит, неизвестно.

При саде небольшая тепличка, а возле огорода протекает речка, на которой есть мельница; несколько подалее, в недальнем расстоянии, какие-то две деревушки и кирпичный завод. Около монастыря теперь разводят кедровую рощу. Видов нет никаких, вся местность плоская, низменная и сырая,

так что по временам даже стоит местами вода; почва каменистая, множество булыжнику и растительность скудная; вообще окрестности монастыря очень неживописны и печальны. Волга протекает верстах в четырех, ежели идти пешком, а до Рыбинска, хотя и считают всего только 15 верст, но мне сдается, что будет и более; дорога столбовая с проспектом, очень сносная.

Побродивши около монастыря и все осмотревши, мы уже возвращались обратно, когда ударили к поздней обедне. Колокол более чем в 1 000 пудов и звон очень хорош. Колокольня высокая, нового построения и на новом месте; прежняя была, говорят, несравненно лучше, Растреллиевской архитектуры, но настоятелю, игумену Варфоломею, почему-то рассудилось ее разобрать и вместо нее поставить эту на другом месте, и эта стоила 40 000 рублей, которые собирали по копейкам и более 10 лет строили.

Обедню соборно служил настоятель; встречи почему-то ему не бывает, а ему просто подают у церковных дверей мантию, и он начинает входную.

Пение придворное, как и за всенощной. Я расспрашивал, когда утратилось столбовое пение, которое так прилично и свойственно общежительным обителям, но никто не сумел ответить на мой вопрос. Народу в церкви было посредственно; видно, что обитель не очень посещаема богомольцами. После обедни все служащие ходили к настоятелю и потом все пошли в трапезу. Пречистой не носят, и братья ходят без мантий. В трапезе два стола по обе стороны, середина пустая и на ней аналой для чтения в виде кафедры огромного размера.

Накрыто было на 12 блюд, следовательно, на 48 человек и, в том числе сидевших за столом, был какой-то из мирян богомольцев. Пречистую раздробил сам настоятель.

Отец-архимандрит Поликарп, человек уже не молодых лет, как видится, весьма благонамеренный, много лет находившийся при миссии в Китае, человек ученый, прекрасно усвоивший китайский язык. Он получает 1 600 рублей ежегодной пенсии от правительства за свои миссионерские труды. Возвратившись в Россию, он долгое время жительствовал в Югской пустыни на

покое, а когда скончался его предместник, игумен Варфоломей, то был избран братией в настоятели, что было в 1864 году. Каково его управление, мне совершенно неизвестно, но весьма достойно сожаления, что он не пользуется своим знанием китайского языка: сколько бы он мог принести пользы отечеству, переводя с китайского на русский язык и с русского на китайский. Вместо него быть настоятелем нашлось бы немало старцев-подвижников, знакомых с монашеством, но едва ли кто-нибудь из монашествующих мог бы заменить его в ученых трудах, доступных ему. Так всегда бывает, когда человек, уклонившись от своего истинного назначения, идет путем не вполне ему свойственным: не делает того, что мог бы делать хорошо и лучше других, а то, что делает, выходит очень нередко весьма посредственным.

После трапезы меня провели осматривать соборный храм, который выстроен по Саровскому образцу: стоит в самой средине монастыря; около него большое свободное пространство; он обширен и очень благолепен во всех отношениях. Одно мне не понравилось, что в алтаре есть гипсовые изображения молящихся ангелов; видно, что скопированы с итальянских, и потому отзываются чем-то католическим и в православном храме не соответствуют прочей обстановке. Мощи преподобного Дорофея, основателя и первоначальника обители (в 1615 году, а преставившегося в 1622) ,почивают под спудом, в придельном храме, возле собора; по нем совершают панихиду.

По имени первоначальника своего пустынь именуется Дорофеевою, а название Югской получила от двух рек, Черного Юга и Белого Юга, при слиянии которых находится, и настоящее ее название Дорофеева Югская, но в народе ее называют просто Южской; она общежительная, заштатная. Бывают две ярмарки, одна 28 июля, другая в Преображениев день.

Потом водили меня осматривать две небольшие церкви, находящиеся по углам монастыря, обе весьма красивы. Мне предлагали было пройти в ризницу осмотреть достопримечательности, но было очень свежо и я отказался.

Площадка, на которой расположен монастырь, почти квадратная, и думаю, что и в длину и в ширину должна иметь саженей по 60; дорожки вымощены камнем, кустов и растений нет. Одну из сторон, восточную, занимает ограда, в средине которой Святые врата, а с прочих сторон здания, в которых помещаются: просфорня, трапеза, кухня, погреба и прочие хозяйственные строения, все выходит лицевой стороной на монастырь. Воду для монастырской потребности откуда-то из за ограды привозят в бочках и посредством жолобов переливают ее в кухню и куда нужно. Нахожу, что это очень затруднительно, и думаю, что гораздо легче бы провести ее в монастырь один раз и навсегда, посредством труб, да безопаснее было бы на случай пожара, и не представляется большого затруднения, потому что вода от монастыря недалеко, разве только нехороша и не пригодна для употребления, о чем я, впрочем, не расспрашивал и делаю это замечание, соображаясь с местностью.

Обозревши монастырь и церкви, я направился уже идти к воротам, чтобы возвратиться к себе в гостиницу, но келейник архимандрита остановил меня на кофе; и так я пошел к настоятелю и весьма в приятной с ним беседе провел весь вечер и возвратился в гостиницу уже в десятом часу вечера.

В понедельник, 27 числа, я служил утром молебен чудотворной иконе Югской Божией Матери, празднуемой в один день с иконой Смоленской, июля 28, потом, по приглашению отца казначея, посетил его, пил чай в его келии, очень хорошей и просторной в одной из башень на юго-западной стороне.

Отец казначей, по-видимому человек добрый, без всякого лукавства монах усердный, средних лет. Пообедав у отца архимандрита с моими двумя спутниками, мы с ним простились и поехали на монастырских лошадях в тарантасе в Рыбинск, куда прибыли в 4 часа пополудни и, по предложению отца архимандрита, пристали на монастырском подворье, недалеко от главной городской площади и по-близости от собора.

Намереваясь на следующий день отправиться обратно в Ярославль, я решился воспользоваться остатком дня и

посетить игумению жадского монастыря, к которой я имел поручение от преосвященного насчет болгарок.

Этот монастырь, или женская община, весьма недавнего происхождения и обязана своим существованием некоему рыбинскому богатому купцу Миклюкову, человеку весьма благочестивому и монахолюбивому. Лет 16 тому назад там, где ныне монастырь (кажется Успенский) была деревушка и дача. Тетка Миклюкова, почтенная старица, пожелала устроить общину и боголюбивый ее племянник поспешил осуществить ее желание: деревню перенесли в другое место и приступили к основанию обители; тогда в Ярославле был архиепископом преосвященный Нил. Приглашенный Миклюковым, он торжественно совершил закладку. Тут протекающая речка называется Черемухой, а бывший ручеек превращен в пруды. Около монастыря прекрасная ограда, теплая церковь каменная, в связи с игуменской келией, из которой хоры в церковь; все строения очень хороши, а большой собор во имя Успения отделывается и будет благолепен. Теперешняя настоятельница третья со времени учреждения обители. Расстоянием от города версты две или менее, но дорога глинистая и от ненастья была вязкая. Дослушав вечерню, которая была на исходе, и, побывав у игумении, я возвратился опять в Рыбинск, в гостиницу.

Во вторник, 28 числа, я пошел утром осматривать Рыбинск. Соборов в нем два: прежний, очень древний, весьма хорош, но не очень обширен, а новый собор, выстроенный рядом с древним, огромный и внутри благолепно изукрашен и раззолочен сколько возможно; колокольня возвышенная, красивая. Самый город раскинулся довольно широко, потому что становится все более и более многолюден; теперь в нем считают до 16 000 жителей. Он ведет большую торговлю хлебом с Петербургом и считается одним из важнейших и знаменитейших городов по своей пристани, где множество пароходов, барок и разных судов, и где производится перегрузка Волжских товаров, отправляемых в Петербург. Там существует теперь городской общественный банк, проведена особенная ветвь железной дороги от Николаевской. Лавки и ряды каменные очень красивые, несколько каменных церквей и

по набережной Волги много хороших каменных домов; словом сказать, Рыбинск может соперничать со многими из губернских городов, и говорят, с каждым годом заметно становится богаче и населеннее.

В этот день погода была ясная и довольно ветреная. Я отправился обратно в Ярославль на пароходе по названию «Смелый» и по причине ветра не остался на палубе, а все время сидел в каюте, куда мне подали и обед – уху из волжских стерлядей. В Ярославль мы прибыли в три часа. Преосвященный приказал мне выслать карету, однако ей я не воспользовался, потому что чувствуя себя неутомленным от плавания на пароходе, решился, не сходя с него, отправиться в Николо-Бабаевский монастырь или прямо в Кострому, куда и следовало нам прибыть в 9 часов вечера. Подождавши минут с 20 на пароходе, мы тронулись в путь. С наступавшей темнотой спускался густой туман и, наконец, сделалось так темно от густоты тумана, что принуждены были остановить пароход и простояли около шести часов напротив местечка, или селения, называемого Городище. В то время как пароход стоял неподвижно, я сидел у оконца каюты и, нимало не скучая этой непредвиденной остановкой, наслаждался и любовался тем, что было передо мной: среди темноты и тумана я прислушивался, как сильные волны беспокойной от ветра Волги плескались под моим оконцем, пароход продолжал пыхтеть, испуская по временам пронзительный свист из трубы, из которой дым валил черным клубом и сыпал тысячи искорок, то летевших и исчезавших в воздухе, то падавших и угасавших в воде… Это была для меня совершенно новая картина и, не замечая течения времени, я продолжал ей любоваться, пока туман не рассеялся и мы снова не тронулись с места; это было в исходе первого часа пополуночи. В три часа мы прибыли в Кострому.

Я вышел, было, на берег, намереваясь ехать в город, но не оказалось ни одного извозчика, потому я возвратился на пароход и волей-неволей должен был там переночевать.

В среду, 29 числа, в восьмом часу утра, когда уже совершенно стало светло, мы втроем с моим келейником и

отцом Дионисиев оставили пароход и пошли в Кострому прямо к Успенскому Собору в Кремле. Он древний, первоначально строенный в половине XIII века, но при Екатерине II сгорел и обновлен по ее повелению и на ее деньги. Он имеет ту особенность от всех наших церквей, что алтарями обращен на запад, а не на восток; думают, что этому причина та, что место явления иконы Феодоровской Божией Матери Костромскому князю в 1239 году, 16 августа, было к западу от города, а не к востоку: туда при построении храма и велел он обратить алтари. Икона чудотворная Феодоровской Божией Матери величиной в аршин в драгоценной золотой ризе, унизана жемчугами и богато украшена алмазами и разными дорогими каменьями; она поставлена высоко и чтобы приложиться нужно взойти четыре ступени. Прежде празднество этой иконы совершалось в 16 день августа, а со времени избрания на царство Михаила Романова, в 1613, совершается в день его избрания, то есть марта 14 дня.

При моем приходе в соборе ранняя обедня была уже окончена, и я просил отслужить мне молебен с акафистом чудотворной иконе.

От собора мы пошли пешком далее, извозчиков не попадалось и так дошли до площади, на которой поставлен памятник Сусанину: возвышенный столб, на вершине оного поясное изваяние, изображающее Михаила Феодоровича, а на широком поясе подножия изображение Сусанина, убиваемого поляками за то, что он завел их в глухие дебри и через то спас юного Михаила от смерти, которая ему угрожала. От площади, где памятник, наподобие лучей во все стороны несколько улиц, не очень длинных, так что виден конец каждой.

В конце одной из них я увидел монастырь и, узнав, что это Крестовоздвиженский Богоявленский, туда направился.

Странная судьба этой обители. Крестовоздвиженский монастырь, основанный в XV веке, был в кремле поблизости от собора; в 1680 году его преобразовали в женский, в 1773 году, когда сгорел собор, выгорел и монастырь и весь разобран, а последняя игумения (Клавдия) и сестры переведены в Анастасиев Ризоположенский, основанный царицей Анастасией

Романовной, и так существовал до 1847 года. В этом году сгорел монастырь Богоявленский, основанный в XV веке в Костроме, и монахи переведены в Игрицкий монастырь, а в Богоявленский переведены сестры из Анастасиева Ризоположенского, который упразднен как монастырь, но в нем теперь община сестер милосердия и школа фельдшериц, находящихся под управлением Богоявленской игумении Марии. Можно сказать, что нынешний монастырь основан на развалинах и на пепелище двух мужских и двух женских монастырей. Он называется Крестовоздвиженский Богоявленский. Нынешняя настоятельница обители, некогда светская девица из весьма известной фамилии Давыдовых, прежде называвшаяся Софией, а ныне Мария, своей деятельностью из пепла воздвигла обитель, и благодаря ее умению и заботливости монастырь весьма благолепен и благоустроен. Церкви очень хороши, в особенности древний пятиглавый собор, обращенный ныне в алтарь, что с первого взгляда кажется как-то странным, потому что необычно, но в сущности выходит очень величественно по огромности размера алтаря, а настоятельские келии, монашеские и прочие здания весьма красивой архитектуры. Я слышал, что по этой части для нее работает некий архитектор, живущий в Петербурге, по имени Садовников. Похваляя настоятельницу за вкус ее и умение выбирать людей с дарованием, не могу не отнестись с похвалой о достойном исполнителе, который, как видится, в душе художник, а не просто ремесленник, подобный многим из строителей.

Игумения пригласила меня к себе. Она средних лет, небольшого роста, приятной наружности, и можно полагать, что в молодых летах была замечательно хороша. Ее беседа со мной, хотя и непродолжительная, доказала мне, что не ради ее имени только она сделана настоятельницей, а по достоинствам. Такие игумении – честь и похвала монашеству. Много в миру образованных и благочестивых есть дев и вдовиц, которые всуе дни свои иждивают и под предлогом, что можно и в миру служить Богу, тешат только себя, служат преимущественно лишь себе самим и мало приносят пользы обществу, не будучи

никому нужны; суетятся в пожилых летах и живут и умирают Марфами, не имея достаточно силы воли, решимости, чтобы перестать малодушествовать и подражать боголюбивой Марии, приседевшей при ногу Иисусову, послушающе слово Его. Этому чудному примеру подражать поревновала и игумения Мария. Очень, очень многие в миру бедствуют, а мира не оставляют, и во время жизни не обретают мира для души, потому что не там его ищут, где можно его стяжать, и так живут и умирают во вред своей душе.

Келейная обстановка игумении мне понравилась своей простотой, а вместе и изяществом: мебель липовая, весьма красивой формы, наподобие древней русской и расписанная как деревянные чаши. Это очень приятно для глаз, пестро, но прилично по своей простоте русской и совершенно народной, а не иноземной.

Пока я сидел у матери Марии, мои спутники всюду выходили и все высмотрели, мастерские и другие учреждения, и очень хвалили. За краткостью времени не мог я всюду побывать, и жалею.

Ризницу игумения пожелала сама мне показать: палата, шкафы и все прочее – образцового устроения.

Узнавши, что мы пешие, игумения велела заложить карету, и мы поехали на пароход. Выехавши из Костромы в 10 часов, мы прибыли к Бабаевскому монастырю часа в 2 пополудни. Я поехал на монастырских лошадях, меня ожидавших у пристани, а спутники мои отправились пешком: от пристани до монастыря не более ста саженей.

Отец-архимандрит Иустин принял меня весьма приветливо как давнишнего и старого знакомого, потому что не раз случалось ему бывать в Угрешской обители и мне – на Бабайках. Потом пришел Петр Александрович Брянчанинов (брат преосвященного Игнатия, жительствовавшего и скончавшегося в Бабаевском монастыре, как я уже упоминал прежде): он занимает келии, в которых жил покойный преосвященный, и ведет жизнь самую тихую и уединенную, совершенно монастырскую. Он был Ставропольским губернатором, имеет чин действительного статского советника,

есть у него звезды, но, отказавшись от всех сует житейских и пребывая в монастыре много лет, он не снимает мирской одежды: по внутреннему деланию и образу жизни совершенный инок, а по внешности вполне мирянин.

После обеда отец-архимандрит повел меня по монастырю, в котором я не был почти 30 лет, с 1848 года, когда преосвященный Игнатий был еще Сергиевским архимандритом и временно отдыхал в Бабаевском монастыре, где в то время настоятельствовал игумен, отец Феоктист.

Мы осматривали новый собор (начатый еще при жизни преосвященного Игнатия, умершего в 1867 году). По особенности архитектуры и по величине здания, едва ли где еще будет подобный: самый верх и глава имеют вид Царственного венца. Строение совершается довольно медленно, потому что монастырь не имеет особенных средств, но Господь за веру зиждущих храм, ради славы имени Его пекущихся о благолепии дома Его, невидимо посылает помощь, и построение, хотя медленно, однако подвигается вперед и приближается уже к концу. Собор оштукатурен и внутри настилают полы; он на сводах; в верхний храм ведут 10 ступеней, а внизу обширное пустое пространство, где впоследствии, может быть, и устроится когда-нибудь теплая церковь. Немного подалее новое здание, в котором келии братии, а настоятельские в прежнем, довольно ветхом.

Вечер я провел у Петра Александровича, с ним и с отцом архимандритом втроем, и довольно поздно разошлись, а ночевал в его помещении.

Поутру (сентября 30) я просил, чтобы мне отслужили молебен перед чудотворной иконой Святителя Николая; а панихиду у гроба преосвященного Игнатия в теплой церкви я пожелал отслужить сам, и служил ее вдвоем с одним иеродиаконом.

Пение за поздней обедней было столбовое.

Отец архимандрит Иустин знаток в пении и сам превосходный певец: он стоял во время обедни в алтаре, но перед «Достойно и праведно» пошел на клирос и, благодаря его участию и еще одного иеродиакона с густым басом, вышло

очень хорошо и стройно, в особенности же причастный стих. Я редко слыхал что-нибудь подобное.

По окончании обедни мы пошли в рощу, которая около монастыря, потом осматривали скотный двор, на котором до 60 голов рогатого скота различных пород. Устройство очень хорошее, говорят, особенное и образцовое, но я плохой знаток в этом деле, и чистосердечно сознаюсь, что совсем не любитель этих хозяйственных учреждений, с которыми много забот, много хлопот, а на поверку очень мало толку, потому что ежели все счесть, так едва ли и окупается труд.

Поэтому-то я и уничтожил все эти хозяйственные затеи при нашем монастыре, и нисколько о том не скорблю: меньше хлопот – меньше и неприятностей.

После обеда я распростился с отцом архимандритом и П. А. Брянчаниновым и поспешил на пароход, отправлявшийся в Ярославль. Не доезжая до Ярославля верст за десять, представляется взорам удивительный вид: тот мыс, который между Волгой и Которослью и на котором возвышается собор, колокольня, Демидовский лицей и еще некоторые здания; тот мыс, или маленький полуостров, называется Стрелкой: он далеко вдвигается в широкое пространство воды, издалека кажется как бы плывущим и составляет вид замечательной красоты. Так окончилось мое благополучное плавание на пароходе.

Заехав ненадолго в Афанасьевский монастырь, я поспешил к преосвященному к всенощной, и приехал уже к благовесту. За всенощной преосвященный выходил на литию и величание в своей большой крестовой церкви, а наутро, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, он служил литургию в Девичьем Казанском монастыре; в служении опять участвовал и я.

Игумения пригласила преосвященного, меня и еще некоторых из духовенства к обеду, после которого мы ходили в холодный монастырский собор: весьма хорош, соразмерен в частях и светел.

Потом преосвященный вместе со мной поехал посетить губернатора, и мы провели у него более часа. Он, говорят,

очень хороший человек, весьма уважаемый и любимый всеми, приветливый в обращении и разговорчивый.

Возвращаясь домой, преосвященный пожелал заехать в некоторые городские церкви и их осмотреть; остальную часть вечера я провел у него и отправился на свой ночлег в Афанасьевский монастырь.

Октября 2, в субботу, преосвященный поехал за десять верст в одну сельскую церковь, стоящую на весьма возвышенном и открытом месте. Церковь довольно древняя и небогатая украшениями, как большая часть древних деревянных храмов, но хорошо сохранившаяся; колокольня деревянная и с нее-то открывается удивительный вид, даль необъятная, и ежели верить тому, что сказывают, так оттуда видно более чем на сто верст кругом Ярославля. Насколько это верно – не могу определить, но во всяком случае вид вполне заслуживающий внимания. В этот день я разделил трапезу, предложенную мне гостеприимным моим хозяином, добрым и почтенным отцом архимандритом Николаем.

После обеда я взял своего келейника, отца Аркадия, и отправился с ним к пристани, чтобы на пароходе проехаться по Волге, поглядеть на Ярославль с этой стороны и взглянуть на берега.

Толгский монастырь, видимый с парохода, кажется приближеннее по воде, чем сухим путем.

Вечером преосвященный слушал всенощную у себя в келиях, а на следующий день, в воскресенье, совершал литургию в своей большой крестовой церкви. Обедал я у него и вечером простился, потому что наутро, 4 числа расположился ехать в Вологду, мой родной город, где я не был с 1848 года.

Глава XXIX. Поездка в Вологду

В понедельник, октября 4, в 9 часов утра я отправился на вокзал железной дороги, идущей в Вологду, и меня проводил мой гостеприимный хозяин, отец-архимандрит Николай. На вокзале я встретил преосвященного Алексия, архиепископа Рязанского, переведенного в Тверь[71]. Он ехал в Вологду и верст за сто далее к себе на родину, где намеревался на свой счет устроить училище и на это определил 11 тысяч рублей серебром. Мы с ним сели в один вагон; в 11 часов поезд тронулся, и прибыли в Вологду в 9 часов вечера. За преосвященным Алексием была выслана карета преосвященного Феодосия, а мне приготовлена моим племянником, который и сам ожидал меня. Я отправился с ним к нему в дом, куда собрались в ожидании меня все мои родные, желая меня встретить. Комнаты для моего помещения были приготовлены в горенке, и тут я ночевал.

Утром 5 числа я поехал к преосвященному Вологодскому Феодосию[72] принять благословение отслужить обедню на кладбище, где покоится прах моих родителей и родственников.

От преосвященного я поехал прямо к Спасу Всемилостивому, где в тот день совершал последнюю литургию преосвященный Варлаам, викарий, епископ Тотемский, назначенный в викарии в Санкт-Петербург; он весьма приятной наружности, благообразен и представителен. После литургии было молебствие, а потом преосвященный говорил речь без тетради, и очень хорошо, и когда в заключение он сказал: «Прошу прощения», – и поклонился в землю, вся церковь пришла в волнение, все упали в землю и заплакали, и преосвященный и сам долго не мог оправиться и сказать слова. Его Вологжане очень полюбили. Когда все кончилось, я подошел к нему поздравить его и пожелал ему, чтобы и на новом месте он стяжал таковую же любовь, какую в столь короткое время своего пребывания приобрел он в Вологде.

Потом я поехал в Духов монастырь, где застал преосвященного Алексия[73]; он этот день провел в Вологде, а

уехал на следующий и возвратился в субботу.

Город Вологда в продолжение моего почти тридцатилетнего отсутствия весьма изменился как по внешности, так и по образу жизни.

Улицы теперь стали несравненно лучше: они были кривые, их выпрямили и явились новые там, где были пустыри, и везде каменная мостовая, которая в прежнее время существовала только местами; каменных зданий прибавилось мало, но очень много деревянных домов и весьма красивых; вообще я нашел, что город очень изменился, но к лучшему.

На следующий день я был в церкви Живоначальной Троицы (на Ленивой площадке), где почивают мощи преподобного Герасима, и служил молебен. Зимнюю церковь теперь распространяют.

Оттуда я заехал к обедне в Горний Успенский девичий монастырь. Игуменья приняла весьма приветливо, и для меня обедню пели по нотам и очень удачно. Настоятельские кельи теперь каменные, и также корпус, в котором училище, чего прежде не было; кельи монашеские, хотя и деревянные, но построены хорошо и расположены правильно в линию, прежде же они были строены где как пришлось.

Побывал я и в Прилуцком монастыре за Архангельской заставой верстах в 4 от города. С левой стороны, неподалеку от дороги, стоит церковь святого Иоанна Предтечи в Дюдиковой пустыни, которая была прежде монастырем, но после нашествия Литвы и разграбления монастырь остался упраздненным. Эта Дюдикова пустынь с давнего времени причислена была к Николо-Угрешскому монастырю и состояла за ним до 1627, или 1628 года, когда по просьбе вологжан была от монастыря взята и отдана к посаду, а Угрешскому монастырю был дан в обмен Кременской посад близ Боровска.

В Прилуцком монастыре я застал обедню и служил молебен преподобному Димитрию и преподобному Игнатию. Я нашел, что монастырь против прежнего мало изменился. Я посетил отца-казначея, который принимал меня в тех покоях, где помещался преосвященный Варлаам, только что перед тем уехавший. Помещение очень хорошее, просторное и со

сводами, по-старинному. Здесь пребывал на покое преосвященный Ириней (Нестерович)[74]. Одна из комнат расписана (но далеко не художественно) картинами, изображающими сотворение мира. С одной стороны пристроена терраса, с которой открывается вид на всю Вологду и окрестности.

В этих кельях в 1812 году помещались присланные сюда из Москвы со святыней и драгоценностями: Златоустовский архимандрит Лаврентий[75] (впоследствии – Черниговский архиепископ) и Николо-Угрешский игумен Павел[76] (впоследствии – ректор Иркутской Семинарии). До сих пор на одном из окон видны стихи, писанные карандашем и сохраняемые как воспоминание этих двух посетителей – обоих игуменов Угрешских. Вот эти стихи:

«В то время, в грозную для Церкви ту годину,
Как новый Юлиан в надменности своей,
Безбожною рукой коснулся алтарей,
(Разбойник, взяв царя подложную личину),
В то время, в лютый час пылающей Москвы,
Как сорван крест Христов с Ивановской главы,
Как града жители от буйств врага страдали
(Их крыло рубище – тирана вечный стыд),
В то время в сих стенах спокойно пребывали
Игумен и архимандрит:
Один – монастыря Угрешского Николы,
Другой – святителя, что в Греции глаголы
В сердца железные златые изливал
И Златоустым свет которого назвал.
Прости, священная обитель!
Как ты покоила, как ты хранила нас,
Так да хранит тебя Господь на всякий час!»

Эти строки, писанные спервa карандашем, после того были обведены краской; прошло более 60 лет, и привелось еще одному Угрешскому настоятелю прочитать эти стихи, напоминающие ему двух его предместников.

Отец казначей, рассказывая мне о состоянии монастыря и о нуждах, которые он терпит, объяснил мне причину, почему

монастырь все в том же положении, как и за 45 лет (когда я бывал в нем, будучи еще мирянином), и никогда не может поправиться: это жительство в монастыре викарного архиерея. Монастырь и без того беден и скуден средствами, и вдруг большая часть дохода, долженствовавшая идти на обновление здания и поновление церквей, расходуется на содержание живущего в монастыре архиерея. Пребывание архиерейское тогда только бывает не в ущерб обители и не в тягость для братии, ежели за исключением того, что расходуется для архиерея, можно монастырь поддерживать в надлежащем порядке и на долю братии остается достаточно. Нельзя винить и архиереев: они по сану своему должны жить прилично, а оклад их такой, что при теперешней дороговизне всего не только что прилично, но и безбедно им жить невозможно, и многие из них при всей своей умеренности терпят великий во всем недостаток. Оклады достаточные в свое время, когда все было дешево, можно сказать, ни по чем при удесятирившейся цене всего и при увеличившихся потребностях современной жизни оказываются несоответственными прежней их значительности. Не бывавши без малого тридцать лет в Вологде, я пожелал обойти весь монастырь и снова осмотреть его. Летний собор двухъярусный, верхняя церковь во имя Происхождения Честных Древ, с папертью. Здесь чудотворная икона преподобного Димитрия в чудесах, писанная, говорят, современником его, преподобным Дионисием Глушицким. Эту чудотворную икону великий князь Иван брал с собой в Казанский поход в 1503 году и после обратно прислал в обитель Прилуцкую июня 3. В память сего возвращения в обители праздник и крестный ход из Всеградского собора в Прилуцкий монастырь. Из алтаря вход в ризницу, которую я попросил мне показать. Замечательны две шитых иконы преподобного Димитрия, говорят работы царевен; это скорее нагробные пелены, потому что прежде полагались на раку угодника Божия; жаль, что неизвестно, чьей именно работы. Показывают висящую под стеклом одежду преподобного: она сделана из зеленоватой шелковой ткани, но сомнительна ее подлинность, судя по ткани. Еще достоин внимания древний осьмиконечный деревянный запрестольный

крест аршина в 2 как по своему художеству, так и по древности, не подлежащей сомнению.

В нижней церкви, где почивают под спудом святые мощи преподобного, в 40 лет не только ничего не улучшилось, но напротив того, все обветшало. Там были надгробные плиты и памятники, и между прочим, весьма изящной работы памятник с решеткой кругом над могилой адмирала Ивана Яковлевича Барша (главного командира Архангельского порта и кавалера ордена святого Александра Невского и святой Анны I степени) почему-то снят, и место совершенно пустое, нет и плиты. Других памятников, которые я в молодости своей там видал, тоже не нашел!

Для меня всегда бывает возмутительно подобное неуважение к памяти усопших: неодобрительное на открытых мирских кладбищах, оно неизвинительно на монастырских, и вовсе нетерпимо над могилами во внутренности храмов, где не может быть случайным, но умышленно и потому достойно всякого порицания, как поругание памяти усопшего, отданного как бы под покровительство, на поруку монастыря! Подобные самоволия надлежало бы строго преследовать.

Я нашел, что придел во имя святой праведной Анны (устроенный иждивением бывшего в мое время губернатора Николая Петровича Брусилова[77], в память второй его жены (иноверного исповедания)) и первоначально весьма незатейливый, совершенно обветшал. Я спросил отца казначея, положен ли какой-нибудь вклад на обеспечение церкви, и он мне сказал, что есть билет в 50 рублей и более ничего. Конечно, на деньги, получаемые с такой незначительной суммы, ничего и сделать нельзя. Западная часть церкви вся устлана плитами над могилами рода Бобарыкиных[78] и других вологодских дворянских родов. Говорят, что теперь очень редко кто посещает эти позабытые гробы родных. За алтарем собора – небольшая каменная церковь над родовой усыпальницей Волоцких[79], и также начинает приходить в упадок.

Вообще во всем монастыре заметна скудость и недостаток; все, что в прежнее время служило для обители украшением, теперь обратилось для нее в тягость и свидетельствует только о

прошлом благоустройстве, благолепии и величии обители: обширные храмы, величественная ограда с высокими башнями, ряд келий, все это напоминовение прошлой славы обители, не имеющей теперь и средств поддержать всего этого... Весьма грустное впечатление производит такая обстановка на посетителя! Большой двухэтажный корпус, в конце которого находится и церковь, занят частью братскими келиями, середина пустая, а на другом конце в этом здании помещается Народное училище, и Земство платит за это помещение монастырю 70 рублей серебром в год.

Братство в монастыре очень малое, и то живут как будто принужденно и все жалуются на скудость и бедность. Единственное средство восстановить обитель, это – ввести устав общежительный и сделать монастырь игуменским: тогда он быстро восстанет из развалин и будет служить для Вологды украшением.

На возвратном пути я посетил три родственных дома и затем отправился за московскую заставу навестить одного старичка, заштатного диакона, отца Александра, состоявшего прежде при церкви в остроге. Более 20 лет как он уже не служит и ведет жизнь юродивого: его называют в городе «блаженный старец Александр». Я знавал его еще до моего поступления в монастырь, стало быть, в 31-м или 32 году. Узнавши о моем приезде, старичку очень захотелось меня повидать, и просил передать мне, что желает моего посещения. Увидевши меня, он очень обрадовался, и он и жена его старушка приняли с такой простосердечной радостью, как будто им самого близкого, родного, что нельзя было усомниться в искренности их чувств.

Мы сами редко сознаем, иногда даже обольщаемся, что время нас мало изменяет, а можем судить об этом только глядя на других. Старичек, знавший меня юношей, конечно по прошествии более 40 лет, не узнал бы меня, ежели бы где со мной повстречался, и я тоже не узнал бы его. Тогда ему было около тридцати лет, теперь далеко за семьдесят. Я нашел его сидящим на кровати: маленький, худенький старичок, весьма благообразный; говорит плавно и стройно, ласково и приветливо. Жена его, тоже чистенькая старушка, немного

моложе его. Они живут в своей избушке, которая старела и дряхлела вместе со своими жильцами: стены покривились и местами выпятились, окна и двери перекосило, пол покачнулся, видна бедность и нищета, но все так чисто, так опрятно, что смотришь с благоговением на такую честную и убогую старость. И муж и жена благодушествуют, не ропщут на свое убожество… Избушка чуть лепится и как будто выжидает мирного конца этих двух старцев, чтобы и самой разом рухнуться после них; может быть, и они, покорные воле Божией, глядя на всеобщее разрушение, их окружающее, утешая друг друга, не раз говорили: «Бог милостив – с наш век станет!»

Я был очень рад, что попользовался, глядя на этих старцев спокойных и довольных своей убогой судьбой. Месяца через два после того, как я посетил блаженнаго старца Александра, он мирно отошел ко Господу. Конечно по нем поплачет его одинокая старица, покорная воле Божией, найдет для себя отраду и утешение, что и ей жить недолго, и что скоро она последует за своим благочестивым, истинно блаженным старцем. На его погребении был едва ли не весь город и преосвященный сам пожелал отпеть его и торжественна совершил служение. Мир его праху!

От старца я возвратился в Свято-Духов монастырь, куда меня любезно пригласил на жительство отец-архимандрит Нафанаил, предложив мне занять келию. Хотя мне было очень хорошо и покойно в доме у моих приветливых и предупрежденных родственников, но я считаю, что монаху не совсем подобает жить в мирском доме, а в особенности в семейном, ежели возможно иметь помещение в монастыре, и потому я с великой благодарностью принял предложение почтенного старца.

Отец Нафанаил, Вологодский уроженец, полагал начало в Николо-Пешношском монастыре, куда поступил в 1826 году; в 1830 годах перешел в Спасский-Суморин монастырь близ Тотьмы (основанный в 1554 г. преподобным Феодосием), проходил там все послушания и был потом казначеем: в 1840 г., февраля 19, возведен в сан игумена; в 1844 г. – архимандрит. В 1866 г., по прибытии в Спасский-Суморин монастырь

преосвященного Христофора (Еммауского), бывшего епископа Вологодского, которого назначили было на епархию в Вятку, но он отказался и просился на покой, тогда монастырь и был дан ему в управление, а отец-архимандрит Нафанаил был переведен в Свято-Духов монастырь, и с тех пор он им управляет. Теперь он старец маститый, почтенный, благообразный, несмотря на свои лета еще очень деятельный.

Свято-Духов монастырь ему вполне обязан теперешним своим благосостоянием и цветущим положением: монастырь так обновился, украсился и благоустроился, что его и узнать невозможно. Отец Нафанаил постоянно каждый день сам совершает раннюю литургию и каждый день ходит в братскую трапезу к обеду и ужину и с братией трапезует, по этому случаю и приспособлено так, что трапеза соединяется с настоятельскими келиями небольшим коридором. Вся Вологда благоговеет перед этим старцем, достойным всякого уважения.

Он увеличил доходы монастыря через кладбище в монастыре, за что все белое духовенство Вологды к нему очень не благоволит. Вместо прежней зимней, весьма небольшой церкви, он выстроил большую, двухэтажную, прекрасно расположенную, колокольню надстроил, холодный собор распространил; устроил палату для ризницы, которая прекрасна и, можно сказать, даже богата; теперь он надстраивает ограду, и ежели Господь продлит ему века и он успеет довершить все свои предположения, то, конечно, Свято-Духов монастырь будет ему вполне обязан своим благолепием и благоустройством, и долго будет помнить деятельное и отеческое правление этого приснопамятного настоятеля и достопочтенного старца.

В одно время, что мы с ним сидели вдвоем, вошел какой-то старичек– монах в переднюю.

– Вы – здешний? – спросил я его.

– Здешний, батюшка, – отвечал он.

– А давно ли вы здесь живете?

– Давно, батюшка; должно быть, что более пятидесяти годов.

– Так вы, стало быть, знали отца Галактиона, с которым я был знаком, будучи еще в миру?

– Так, ведь, я то и есть самый Галактион, ответил старичек…

– Как же так? – сказал я, – он, ведь, прихрамывал…

– Да я и есть хромой, – отвечал старец, и при этом стал ходить, чтобы мне доказать, что он точно хромает.

Эта встреча, совершенно неожиданная и при таких обстоятельствах, меня очень утешила, и мы с отцом-архимандритом после того немало смеялись такому свиданию.

На другой день, то есть октября 7, я служил на кладбище у Рождества Богородицы; со мной служили два священника: местный и другой, от Власия; были приглашены певчие. При служении присутствовали все мои родственники, и в церкви было много народу. После соборной панихиды в церкви пошли на могилы моих родных, которые погребены в одном месте, окруженном решеткой.

Мне стало очень грустно: за сорок лет было много близких сердцу и живых, теперь осталась одна только старушка, сестра, а то все молодое поколение, народившееся и возросшее без меня.

Возвращаясь с могил родительских в церковь, я пожелал зайти отслужить литию на могиле Николая Матвеевича Рынина. Он был вологодский купец, был в городе известен своим юродством и хаживал к моим родителям в дом. Он был худощавый, высокого роста, с черными растрепанными волосами, довольно длинными, и с черной бородой, говорил густым басом и как-то отрывисто и скороговоркой. Помню, что я еще был мальчиком и учился в то время грамоте (следовательно, этому с лишком за 50 лет), он однажды пришел к нам в дом (сестры, бывшие впоследствии монахинями в Горицком монастыре были тоже еще дома) и стал говорить: «На ризы, на ризы, шапки, шапки!» – повторяя по несколько раз каждое слово; потом еще что-то много приговаривал, что именно, я не помню: тогда никто не обратил внимания на его слова, а потом и позабыли… И вот, почти через 60 лет, мне точно пришлось на его могиле поминать его и быть в ризе и в шапке. Странные бывают совпадения в жизни! Память о нем и

до сих пор еще свежа в Вологде, много служат по нем панихид и из усердия берут землю с его могилы.

Я мимоходом упоминал уже о Рынине в одной из первых глав моих воспоминаний; он тогда временно содержался в доме умалишенных[80].

Это кладбище теперь несравненно лучше и чище против прежнего: прокопали канавы и тем осушили, обнесли изгородью с каменными столбами и башеньками и насажали деревьев, которые уже густо разрослись.

С кладбища я отправился к моим племянникам Заниным, у которых была поминовенная трапеза, и к ней были приглашены все родные, так что собралось человек более тридцати. Мне отрадно было видеть всеобщее радушие моих единокровных.

Утром восьмого числа мне пожелалось посетить тот домик, в котором жила Зырянка, старушка Крылова, из духовного звания, со своими тремя дочерьми, уже немолодыми девицами: Пелагеей Егоровной, Татьяной Егоровной и Степанидой Егоровной; старшая – портниха, меньшие две башмачницы. У Пелагеи Егоровны я учился грамоте.

В сопровождении племянника моего, Петра Петровича, я пошел пешком к этому убогому домику. Прошло 60 лет, и он еще поныне существует, и хотя изменился, но очень мало: с лицевой стороны было три окна – так и теперь; с другой стороны было тоже три окна, теперь только два, из сего я заключил, что дом, следовательно, хотя и немного, однако подвергся изменению. Я попросил позволения войти. Конечно, через столько лет владелец иной, чем тогда; сказывали мне, какой-то чиновник, который сам не живет, а сдает жильцам. Вошедши в ту комнату, в которой я учился грамоте, будучи ребенком, я живо опять все припомнил, как будто это было вчера… Вот здесь, у первого окна за столиком, мы, бывало, сидим с Андрюшей и учимся, а у самого окна сидит и работает наша учительница – портниха; у другого окна сидят другие две сестры и башмачничают, за перегородкой старушка печет свои сдобные витушки; этого-то третьего окна и не оказывалось… Вся картина прошлого: Пелагея Егоровна с ее работой в руках или с ножницами, которыми указывает нам склады, Андрюша, старушка мать,

звонкий голос двух других сестер, все мне опять представилось… Комнатка все та же, окно существует, и домик тоже… но давным-давно нет никого из живших в нем, не знаю, где Андрюша и что с ним? И я, помнящий все это, единый всех переживший, тоже теперь не тот живой и резвый мальчик, как тогда!..

Эти сближения настоящего с прошедшим всегда оставляют на сердце грустное чувство: и хотя бы настоящее и лучше было прошлого, а прошлого все жаль!

Меня просили оставить на память мою карточку, и я сделал на ней следующую надпись: «Оставляю здесь мою карточку в память того, что я учился в этом доме грамоте. В Вологде, в приходе святаго Власия, за речкой Чернавкой, в небольшом домике о трех окнах, принадлежавшем в то время трем сестрам-девицам: старшая Пелагея Егоровна была портниха и моя учительница, а младшие две – башмашницы; а мать-старушка пекла сдобныя витушки; в числе учеников был вологодский купеческий сын Петр Дмитриевич Мясников, ныне Московской епархии благочинный общежительных монастырей, настоятель Николо-Угрешскаго монастыря архимандрит Пимен. 1876 года, Октября 8-го дня».

Октября 9 я был у обедни в церкви Святителя Николая, что на Глинках и служили для меня молебен иконе Казанской Божией Матери и Святителю Николаю. Во время обедни я пожелал стать у того самого окна, у которого, бывало, стаивал во дни моей юности до поступления в монастырь. Все осталось по-прежнему в нижней церкви, как было за 50 лет, даже та икона, которая стояла на окне, и теперь там, только висит, прибитая на откосе, это улучшение.

Я вспомнил, как мой родитель был старостой, и живо представился он мне, идущий с блюдом по церкви, и тотчас вспомнил о бывших причетниках: один пел изрядно – густым басом, а другой пел очень плохо и дико, а читал и еще плоше.

Это воспоминание перенесло меня к детству, и опять стало мне грустно видеть ту же церковь, со всей ее обстановкой, совершенно той же, как и бывало, но только не те уже люди, а другие теперь меня окружали.

Священник пригласил меня пойти в верхний храм и посмотреть.

В это время подошел ко мне человек средних лет, очень прилично одетый и говорил мне, что он мой родной племянник, сын брата моего Ивана Дмитриевича, что он живет в Рыбинске, и, услыхав, что я в Вологде, приехал нарочно, чтобы повидаться со мной. Он мой крестник, я более 20 лет не видал его, и потому не узнал его, но когда он назвал себя я очень был рад ему.

В бытность брата моего Ивана церковным старостой колокольню надстроили и вход в церковь сделали иной, но самая внутренность верхнего храма сохранилась неизменно в прежнем своем виде; даже киот, пожертвованный еще в мое время госпожой Коробейниковой, на прежнем своем месте, за клиросом. Все переживает человека! Церковь обнесли решетчатой оградой с каменными столбами и сделали палисадник.

Так называемая Попова роща, неподалеку от церкви, существует и поныне.

Вышедши из церкви, я направился пешком к тому дому, в котором я стал себя помнить, где протекло мое детство и лета моей молодости до поступления в Новоезерский монастырь.

Дом моего родителя по ту сторону Золотухи, протекающей между им и церковью, через реку перекинут мост. Наружный вид тот же. Мы сами весь его занимали; теперь там жильцы, и потому многое переделано. Мне было и отрадно и грустно походить по этому дому. Я побывал везде: и внизу, где была моя и брата моего Николая комната, и даже в кухне, где и по сие время уцелела одна из прежних лавок. Теперь везде жильцы и переделано многое; впрочем, лестницы существуют…

Не разрешу вопроса, который сам себе предлагаю: что бывает для нас отраднее или прискорбнее, когда напоминающее нам о прошедшем остается неприкосновенным или оказывается изменившимся?

Я припомнил, как ходил по этим лестницам: вот здесь сиживал, там было вот то-то говорено, на таком-то месте думалось о том-то, желалось того-то. Все эти мелочи

обыденной жизни, ничтожные в свое время, получают удивительное значение, когда они приходят нам на память при воспоминании о давно прошедшем времени и о людях близких, которых нет уже в живых! Все мне стало теперь чуждо: место вижу – вот оно, но те, которые здесь жили, ходили, разговаривали, где они? Так вот и ждешь, что выйдет ко мне кто-нибудь навстречу…

Посмотрел я на двор: строения те же, сохранилась и прежняя баня, только нет амбара да свечного завода…

Мне стало очень грустно, и я поспешил оставить родительский дом.

После родителя моего этот дом достался брату моему Ивану Дмитриевичу; дело было не совсем в порядке и, чтобы сохранить честное имя, он продал дом и завод, а когда он умер, то находился уже далеко не в том положении, в каком я оставил его, когда вступал в монастырь.

Улица, на которой наш дом, очень изменилась; была кривая, немощенная – теперь прямая, широкая, везде мостовая, посажены деревья; по набережной были дома старинного построения – теперь их уже нет, и это жаль: они имели совершенно своеобразный вид.

Во всем городе площади вымощены, на некоторых разбиты цветники.

На Соборной Горе выстроены прекрасные, красивые каменные здания: Присутственные Места и какое-то учебное заведение.

При преосвященном Палладии (с 1869 по 1873)[81], епископе Вологодском, проведено улучшение, именно: соборная колокольня, шатровая, до половины разобрана, надстроена камнем и главе дана особая форма, что вышло весьма удачно, а сделавшись гораздо выше, колокольня как-то придала единство двум соборам и ныне более соответствует и прочим зданиям.

Соборный звон очень хорош; самый большой колокол, в котором около 500 пудов, был привезен из Любека в царствование Петра I; кроме того, замечательно, что при епископе Иосифе[82], который был любитель хороших колоколов,

со всей епархии были им собраны наилучшие колокола и подобраны под тон, что действительно придает особенное благозвучие соборному звону.

В этот день я получил приглашение от преосвященного Феодосия на служение с ним на следующий день, в воскресенье, октября 10, в соборе.

По распоряжению преосвященного в Вологде круглый год везде бывают под праздники и воскресные дни всенощные с вечера, кроме Свято-Духова монастыря и Спаса на площади (там утрени бывают с утра), а ранние обедни везде в 6 часов утра. Утреню в воскресенье я слушал в Свято-Духове монастыре, в церкви преподобного Галактиона, и когда по окончании службы я вышел из церкви, по всей Вологде начинал уже разливаться благовест к ранним обедням.

Отец-архимандрит Нафанаил и я, мы оба готовились к соборному служению; предполагали служить и оба преосвященных, потому что преосвященный Тверской накануне еще возвратился в город. Он тридцать лет не был в Вологде и посещал ее, будучи еще архимандритом. Ожидание наше не исполнилось: в 8 часов утра прислали известить нас, что преосвященный Алексий[83] не служит, а собирается в путь, и что ежели мы имеем желание проститься с ним, то чтобы к нему поспешили. Мы отправились к нему и застали при самом отъезде на железную дорогу.

Чтобы не возвращаться к себе в монастырь, мы отправились ожидать преосвященного в соборе, куда он скоро и прибыл.

После обедни было молебствие по случаю рождения великого князя Кирилла Владимировича, а после того, по приглашению преосвященного, мы были у него. К нему приехал и губернатор, фамилии не припомню, знаю, что не русская, кажется, он и не нашего вероисповедания. Он очень хороший и добрый человек, которого все любят и уважают.

Кроме того, тут был еще один господин из начальствующих, председатель по какому-то гражданскому управлению. Он начал рассказывать, что в продолжение лета был в Троицкой Лавре и дивился богатству ее ризницы, но на это окружной

начальник сказал, что он продал бы все сокровища, которые – мертвый непроизводительный капитал, не приносящий пользы… и т. п.

Губернатор на это сделал весьма дельное замечание, что, во-первых, эти вещи собирались веками и драгоценны как древность и как исторические памятники, а во-вторых, суть вклады частных жертвователей, которые отдавали такую-то именно вещь, а не деньги; следовательно, продавать их значило бы действовать несогласно с волей вкладчика. Председатель был тоже этого мнения.

Это рассуждение о сокровищах церковных напомнило мне рассуждение одного тамошнего старика-протоиерея (не припомню теперь его имени) насчет благолепия храмов, которое он считает бесполезным, тоже называет мертвым капиталом, и даже в своих проповедях с амвона говорит, что завещаемое по завещанию в пользу монастыря или церкви не приносит по смерти пользы душе, а действительно только при жизни.

Вот до чего овеществились понятия многих насчет пожертвований, в которых хотят видеть только ценность вещества, а не усердие и побуждения жертвователя!

Перед отъездом из Вологды я познакомился с Н. И. Суворовым, редактором Вологодских епархиальных ведомостей, который был у меня, а потом и я посетил его на дому. Кроме того, что он человек честный и всеми уважаемый, он и великий труженик по части разных археологических исследований, преимущественно церковных. Дай Бог, чтобы поболее людей трудилось на этом поприще и, разрабатывая неизвестные нам сокровища, наследованные от прошлого времени, научали нас знать, ценить, а паче всего хранить то, что до нас случайно сохранилось под спудом, невзирая на расхищения по незнанию, по корысти и по невниманию. Великое спасибо Суворову!

Я пробыл в Вологде с 4 октября по 13 число.

Глава XXX. Возвращение в Ярославль; вторичное посещение Ростова

Октября 13, поутру, я собрался в обратный путь и, от души поблагодарив почтенного и доброго моего гостеприимца отца-архимандрита Нафанаила, с ним отправился на железную дорогу, где нашел в вокзале всех моих родственников, собравшихся проводить меня и стоявших на платформе, пока поезд не тронулся. Поезд, говорят, проходит только по 17 верст в час. Выехав из Вологды в 10 часов утра, я благополучно прибыл вечером в Ярославль и приехал прямо в Афанасьевский монастырь. Поутру, 14 числа, в 11 часов отправился к преосвященному.

Увидев меня совершенно здоровым и неутомленным от этой поездки, он был весьма доволен, потому что он опасался, чтобы после моей болезни, испытанной весной, эта езда по железным дорогам не имела для меня вредных последствий, чего отчасти опасался и я сам; однако, по милости Божией, все кончилось благополучно. Расспросам и рассказам не было конца.

Преосвященный со своей стороны рассказывал мне, что во время моего отсутствия у него были проезжавшие архиереи: Тверской Алексий и преосвященный Варлаам, о котором я говорил выше – преосвященный Леонид принимал их со свойственным ему гостеприимством: сам встречал и провожал их на железную дорогу, и нет сомнения, что оставил по себе в их памяти самое приятное впечатление.

Мы в этот день утром ездили в Училище для девиц духовного звания трех губерний: Ярославской, Костромской и Вологодской. Начальница – Елена Павловна Шипова. Заведение находится на набережной, и вид из него на Волгу и на Заволжскую местность превосходный и в осеннее время, что же должно быть летом? Воспитывающихся до 96 девиц, плата по 60 рублей. Государыня Императрица жалует ежегодно 6 000 рублей, а содержание всего заведения стоит 12 000. Директор меня сам всюду выводил, и так как я полюбопытствовал знать,

что стоит содержание каждой ученицы, он прислал мне на следующий день подробное расписание.

Потом преосвященный осматривал Богоявленскую церковь, требовавшую исправления значительных трещин, и при осмотре оказалось, что показавшиеся в алтаре достаточно замазать, а те, которые на паперти, требуют большей заботы, потому что не иначе можно остановить их дальнейшее распространение, как наружными контрафорсами.

Мы возвратились с владыкой в пять часов, обедали вдвоем и расстались в 11 часов вечера.

На другой день, в пяток, по поручению преосвященного я был в Казанском монастыре, чтобы объяснить игумении желание преосвященного, посредством шелковых занавесок разделить алтарь на три отделения, так чтобы престолы, поставленные в ряд, были отделены один от другого и пространный алтарь имел бы вид трех отдельных алтарей, а не одного с тремя престолами.

Было еще довольно рано, и я проехал в часовню, принадлежащую Афанасьевскому монастырю. Она в одной древней башне – остаток когда-то бывших укреплений во дни самобытности Ярославля. В этой часовне небольшая церковь с чудотворной иконой Знамения Пресвятой Богородицы; там ежедневно ранняя литургия, а в пяток, позже, служит архимандрит Николай, и потом бывает молебен и акафист Богородице, именуемой Страстная. Отец-архимандрит и я поехали к себе в монастырь и, немного отдохнув, отец Николай отправился в Консисторию, а я с моим келейником пошел пешком на набережную Волги и на пароходе ездил на противоположную сторону, чтобы оттуда посмотреть на Ярославль. За перевоз плата по 1 копейке серебра. Обедал у отца-архимандрита Николая и тут познакомился с отцом-протоиереем собора, Архангельским: весьма приятный и общительный человек.

На следующий день, в субботу, у преосвященного была поздняя литургия у Печерской Божией Матери, потом лития, и преосвященный ходил на могилу преосвященного Нила, и читали акафист Божией Матери.

В 2 часа преосвященный поехал осматривать городские церкви и пригласил меня с собой. Не проходит дня, чтобы совершенно неожиданно и в разное время он не побывал в какой-нибудь церкви.

Вечером всенощную мы слушали у преосвященного в келиях. В воскресенье погода была теплая и ясная, и народу в холодный собор набралось множество. В этот день должно было последовать возвращение из Ярославля в Бабаевский монастырь чудотворной иконы Святителя Николая, которую приносят сентября 17, поставляют в соборе и по прошествии месяца берут обратно и отплывают на пароходе. Литургию совершал преосвященный, два архимандрита (Афанасьевский и я) и два протоиерея. Митра на преосвященном была та самая, которую носил святитель Дмитрий Ростовский. По синему бархату низана жемчугом и каменьями, и она сохранилась с тех пор в том виде, как была; а облачение подали строгановское, жертвованное кем-то из Строгановых в 1667 году: омофор золотой, таковые же и поручи, саккос шитый шелками – праздники Господские.

После литургии было молебствие Святителю Николаю. Эта чудотворная икона, весьма древняя, небольшая, величиной вершка в четыре или в пять. Проводы совершаются весьма торжественно с крестным ходом, с духовенством из всех церквей. На молебствие была вынесена соборная икона Божией Матери Всех Скорбящих Радости и еще Нерукотворенная икона Спасителя (из какой-то бесприходной церкви), украшенная драгоценнейшей ризой, которую ценят в 30 000 рублей серебром: столько на ней дорогих камений и крупных жемчугов!

По окончании молебствия преосвященный пошел провожать икону Святителя, но не довольствуясь примером своих предместников, провожавших только до соборных дверей, он пожелал идти далее и проводить до парохода, на котором ей следовало отплыть обратно в Бабаевский монастырь. Улицы и набережная были покрыты народом, шедшим за крестным ходом, говорят, было до 15 000 человек; по всему городу был трезвон. Это было весьма торжественное шествие. Вслед за иконой преосвященный вступил на пароход и, приложившись к

Святителевой иконе, благословил всех отплывающих. Городской пароход был полон народу, и на палубе развевались хоругви. Плавание продолжается три часа от Ярославля до Бабаевскаго монастыря, и в тот же вечер пароход возвращается обратно.

Проводив отплывавших, мы взошли на гору. У ближайшей Варвариевской церкви преосвященный отпустил крестный ход к собору, а сам вошел в церковь, где мы и разоблачились.

Этот день будет мне навсегда памятен: подобного торжества я не видывал, и вряд ли когда еще Господь приведет увидать что-нибудь подобное.

Вообще, должно сказать к чести и к похвале Ярославля, что это город воистину благословенный по своей набожности и по усердию народа к храмам Божиим, к богослужению и ко святым иконам.

Когда икону Святителя Николая приносят в Кострому, ей там не бывает ни встречи, ни провода; она также целый месяц там пребывает в одной весьма отдаленной приходской церкви, и редко случается, чтобы сбор превышал 300 рублей серебром, тогда как из Ярославля привозят в монастырь до 3 000 рублей и более.

В этот день преосвященный пригласил к обеду, кроме меня, архимандрита отца Николая, кафедрального протоиерея, ректора семинарии, игумению Феофанию и эконома, отца Павла.

Под конец обеда преосвященному угодно было, обратившись ко мне, приветствовать меня следующей речью, сколько могу припомнить: «Отец архимандрит! Благодарю Вас, что Вы и на чужой стороне меня не забыли: этим Вы мне сделали честь и утешение. Когда я бывал у Вас в Угрешской обители, я всегда находил духовную отраду и успокоение от трудов. Вы ее воздвигли из развалин и привели в то цветущее, благолепное состояние, в котором она теперь находится, и Вы не ограничились одним только внешним, но устроили общежитие, которое вызвало ее на степень совершенства не в одних церковных благолепных служениях, но и в духе монашества, который благотворно разливается по всем

общежительным монастырям Московской епархии, подведомственным Вашему управлению. В Вашей обители братия, старшая и младшая, слушают уроки и изучают слово Божие, чтобы быть готовыми на послушание, требующее книжного учения. Благодарим и ото всех здесь присутствующих, что Вы и для белого духовенства, по благословению и мысли Его Высокопреосвященства, сделали в селе Острове такое благотворительное заведение, какое едва ли еще где есть и будет, в котором успокоиваются более 300 человек старых, немощных вдовиц и юных девиц; все пользуются кровом, пищей и защитой от мирских соблазнов. Вы и для мирских людей учредили училище по размеру и настроению духа едва ли не первое не только в Московской епархии, но, я полагаю, и по всей России, потому что ученики из Вашего училища поступают в такия высшие учебные заведения, как лицей Цесаревича Николая».

Я был глубоко и до слез тронут словами преосвященного и отвечал ему, как сумел:

«Ваше Высокопреосвященство! Благодарю Вас за Ваше слишком высокое мнение о моей худости: чтобы мог я сделать, ежели бы не было на то Промысла Божия и мудрого руководства нашего владыки и в особенности, ежели бы мы не пользовались покровительством и указаниями Вашего Высокопреосвященства! Действительно, бывали такие минуты, что ежели бы не сам Господь помог, то могло бы все остановиться или разрушиться и не было бы ничего ныне существующего. Усердно благодарю Вас за все милости, нам оказанные».

Всенощную в этот вечер преосвященный слушал у себя в келиях. Я благодарил его за милостивое и ласковое гостеприимство. Потом пошли в церковь, и мы с преосвященным служили молебен у мощей святых и благоверных князей и, приложившись к иконе Божией Матери, приготовились в путь – в Ростов, куда преосвященный собирался ехать и прежде, а теперь пожелал меня проводить.

Мы поехали на железную дорогу в 10 часов вечера. Ночь была теплая, тихая, светлая.

В Ростов прибыли в 12 часов. Преосвященного дожидались на станции Богоявленской архимандрит и соборный протоиерей и множество народу, и мы поехали в Богоявленский монастырь.

На следующий день, октября 18, преосвященный служил в Успенском соборе, с ним отец-архимандрит Нафанаил и я, игумен Петровского монастыря, протоиерей и два священника; певчие были архиерейские из Ярославля.

Преосвященный говорил проповедь на текст: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое!», и многие из слушавших плакали, а по окончании литургии почтил протоиерея своим посещением.

После этого мы пошли осматривать кремль. Сперва мы были в Духовном училище, а после того прошли в те опустелые палаты, в которых прежде живали святители Ростовские. Последний из жительствовавших здесь был Арсений (Верещагин), которому в 1787 повелено было переехать в Ярославль, где с тех пор и пребывают его преемники.

Опустелый дом архиерейский в совершенном разрушении: нет ни пола, ни потолков, ни дверей, окна без рам, уцелела одна только крыша, и может быть, оттого уцелели и нижние своды. Показывают одну угловую палату в два света и сказывают, что это именно была самая келия святителя Дмитрия; почему она в два света, никто не может объяснить: были ли хоры когда наверху или чтобы светлее было в комнате. Очень грустное и тяжелое впечатление производит на посетителя такое запустение. В другие палаты мы не ходили: был сильный ветер на дворе, а в окнах нет нигде ни одной рамы. Из комнаты святителя Дмитрия выход на обширную площадку, в которой, должно полагать, до 200 квадратных саженей. Какое было ее назначение, неизвестно; теперь она без крыши, своды прикрыты только досками, но, по всей вероятности, прежде над ней было что-нибудь с крышей; по всему приметно, что это построение позднейшего времени. Мы пришли в бывшую крестовую церковь совершенно особого устроения против всех церквей. В 1850 году во время своего посещения Ростова великий князь Николай Николаевич так был поражен своеобразной красотой этого небольшого храма, что

пожелал в своем дворце иметь подобие оного; я не видал, но говорят вышло очень хорошо. Ростовская крестовая церковь во имя Спаса Всемилостивого была сооружена при митрополите Ионе в 1670 годах.

Она поражает своей величественностью и необычайностью. Солея поднята выше церкви на 8 ступеней и отделяет иконостас от церкви каменными столбами, над которыми дугообразные перемычки византийского зодчества; таких просветов между столбами пять: средний, напротив царских врат, значительно шире тех, которые по сторонам, по два направо и налево.

Вся церковь сплошь расписана греческим письмом, столбы вызолочены.

В стенах есть круглые отверстия, так называемые слухи. В прежнее время, когда большая часть храмов была со сводами, что делало их весьма глухими, то есть мало раздавались голоса певцов и чтеца, имели обыкновение в стенах, которые были толстые, оставлять пустые пространства, а на поверхности стен оставляли круглые отверстия для того, чтобы голоса были звончее и пение более раздавалось; иногда в эти места вставляли большие шарообразные глиняные кувшины; оттого эти отверстия и получили название слухов.

В этой церкви стояло, говорят, тело святителя Димитрия по его преставлении в ожидании прибытия любившего его и им любимого Стефана Яворского, митрополита Рязанского, блюстителя Патриаршего престола.

Нам показывали еще одну обширную квадратную палату с толстым посередине столбом, служащим опорой для сводов. Она в прежнее время называлась красная, была украшена стенным писанием и очень напоминает Московскую Грановитую палату. Здесь Ростовские святители принимали в торжественных случаях, и здесь святитель Димитрий угощал Петра I в его бытность в Ростове.

По переходам водили нас еще в одну церковь, бывшую когда-то прежде монастырем, в котором святой Стефан Пермский получил пострижение, а после того был рукоположен во диакона. Заходили еще в две церкви. Всех церквей в кремле, кроме собора, пять.

Я описываю в кратких словах то, что успел видеть мельком и слышал мимоходом, но желающему узнать о Ростовской святыне советую обратиться к книге, составленной графом М. В. Толстым. Там, я помню, много подробностей очень лыбопытных и много исторических сведений мне вовсе неизвестных[84].

Так мы проходили в кремле по церквам, палатам и переходам почти до четырех часов и снова возвратились в дом протоиерея, где для преосвященного был приготовлен обед, к которому были приглашены: начальник уезда, начальник гарнизона и соборный староста. Во время стола некоторые из присутствовавших просили чтобы преосвященный благословил произвести звон на соборной колокольне, и так как это было время вечерни, то он и изъявил на это свое согласие. О колоколах, помнится мне, я говорил уже довольно подробно.

После обеда преосвященный предложил мне ехать с ним осматривать церкви города, и побывали мы в шести церквах. Начали с той, в которой почивают мощи блаженного Исидора, я о нем и о церкви говорил уже выше; в церкви Иоанна юродивого Власатого (современника Грозного) мощи под спудом: кто он был и откуда, неизвестно; имени его в Святцах не находится. Были еще в нескольких церквах, которых по имени не упомню, кажется одна Вознесенская; и, наконец, приехали в Петровский монастырь, в котором святые мощи Петра-царевича. Здесь преосвященному сделали встречу, но, к его крайнему удивлению, без иеродиакона. Он спросил: «Отчего нет диакона?» Казначей, управляющий монастырем, ответил, что в братии три иеромонаха, а иеродиакона нет ни одного. Преосвященный остался очень недоволен этим и вопреки всегдашней своей приветливости не зашел к настоятелю в келию, и мы возвратились в Богоявленский монастырь.

С вечера была всенощная, а на следующий день преосвященный пожелал служить литургию в приделе, где на вскрытии почивали мощи преподобного Авраамия.

Служащие были: архимандрит Богоявленский и я, игумен Варницкого монастыря отец Антоний и два иеромонаха, пели архиерейские певчие. Преосвященный сказал прекрасное поучительное слово на текст: «Поминайте наставники ваша, иже

глаголаша вам слово Божие». Обед был в настоятельских келиях и к столу были приглашены те же лица, которые были и накануне на обеде в доме соборного протоиерея.

После обеда преосвященный в сопровождении благочинного и со мной отправился в Варницкий монастырь, так называемый потому, что он основан на месте, где были когда-то соляные варницы; неподалеку от монастыря есть село, называемое также Варницы. Вся эта местность принадлежала, говорят, родителям Преподобного Сергия, которые, как известно, были Ростовские жители, а монастырь основан на том самом месте, где было их жилище и где родился Преподобный Сергий. В древности, когда Ростов был так обширен, что назывался Ростовом Великим, монастырь находился на краю города, а теперь отделен от него пустырями. Он в трех верстах от города. Монастырь Варницкий весьма невелик, но каменный, впрочем не древний, а перестроенный лет сто с чем-нибудь тому назад: церквей две, братий всего шесть человек, послушники мирские, живущие по найму.

Вблизи от монастыря протекает небольшая речка, в которой, быть может, молодой Варфоломей, будущий ловец человеков, не раз ловливал рыбу. В селе Варницах церковь прекрасная, отделанная заново одним тамошним крестьянином, долгое время жившим в Санкт-Петербурге и торговавшим зеленью. Возвратившись на родину, он пожелал на трудовые деньги обновить храм, и я думаю, что это ему стоило более десяти тысяч. Преосвященный изъявил было желание посетить дом этого ревнителя церковного благолепия, но становилось уже довольно темно, дорога же была дурная, и потому преосвященный отдумал, и мы возвратились в Богоявленский монастырь.

С вечера для преосвященного была всенощная; на следующий день он служил литургию в Рождественском девичьем монастыре, находящемся в самом городе. Вместе с ним служили: Богоявленский архимандрит и я, да два священника, пели монахини очень хорошо. Преосвященный говорил весьма поучительное слово на текст: «Не имамы зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем». Он применил

эти слова к монашеству, которое должно служить приготовлением для будущей жизни. Эта беседа произвела сильное впечатление не только на монашествующих, но и мирские слушатели плакали от умиления.

Игумения Антония – почтенная старица из купеческого звания; у нее два сына, оба рясофорные Афонские монахи: один лет сорока, жил в Руссике, а теперь учится в Афинском университете; второму сыну лет тридцать. Судя по фотографическим карточкам, оба они очень благообразны и приятной наружности.

Напившись чаю, преосвященный пожелал благословить трапезу, осматривал поварню, просфорню и келии. Живут очень тесно, но хорошо и чисто. Монастырь очень стеснен: с одной стороны – озеро, а с прочих сторон – город, так что и раздвинуться ему некуда.

Для преосвященного трапеза была у игумении. После того монастырские клиросные пели кантаты сочинения святителя Димитрия, не по нотам, а по напеву, чрезвычайно хорошо и умилительно. У игумении преосвященный познакомился с одной купеческой вдовой средних лет, фамилии не припомню; она изъявила желание взять одну болгарку на воспитание.

После обеда преосвященный поехал осматривать церкви, а с ним вместе и я отправился; мы были в тюремной церкви, которая устроена в верхнем этаже. Священник делал встречу и пели арестанты; их числом до 40 или несколько более, по большей части все люди молодые; есть и женщины. Преосвященный сказал им краткое поучение, «что благодушно приемлемое наказание может послужить к исправлению их жизни, а через искреннее покаяние в содеянных преступлениях они получают отпущение грехов».

После тюремной церкви посетили мы еще одну церковь на берегу озера.

Неподалеку оттуда большая площадь, на которой премножество казенных лошадей, привязанных к надолбам, говорят, их сюда выводят, чтобы чистить на просторе.

Преосвященный в этот день посетил дом благочинного, соборного старосту, воинского начальника и, наконец, одну

весьма почтенную старушку Бибикову, которая до того обрадовалась дорогому гостю, что не знала от радости, как и принять преосвященного.

Ее муж был дворянским предводителем. Дом, в котором она живет, довольно большой и свидетельствует об ее роскошной жизни в прежнее время, но теперь она занимает только одну комнату. Когда преосвященный спросил ее, почему, имея такой большой дом, она стесняет себя и живет в одной только комнате, она отвечала ему, что не имеет средств отапливать всего дома. Между тем она имеет одну икону Божией Матери, богато украшенную бриллиантами. На вопрос преосвященного: «Чьи же это бриллианты?» Она отвечала: «Все бриллианты, какие я имела, я употребила на украшение иконы». Таково было усердие этой почтенной старицы, что и при всей скудости своих средств, она не воспользовалась своими драгоценностями, мысленно принесши их однажды в дар Царице Небесной.

Возвратясь домой, то есть в Богоявленский монастырь, преосвященный пожелал, чтобы служили всенощную, а так как это было на 21 число, день памяти Илариона Великого, то и благословил совершить праздничную службу преподобному. Служба еще не начиналась, когда прибыл Яковлевский архимандрит, отец Иларион.

Он был именинник и преосвященный предложил ему быть участником в молитве. Вскоре после того приехала и Рождественская игумения Антония благодарить преосвященного за посещение, и также осталась слушать всенощную.

Когда окончилась служба, ему доложили, что пришли граждане Ростовские и желают благодарить его за посещение их города и за служение. Преосвященный с обычной своей приветливостью благодарил за благодарение и за радушный прием и, несколько побеседовав с ними, благословил их и, отпустив, ушел к себе писать письма, которые поручал мне взять с собой в Москву.

Он писал к нашему Московскому владыке и к князю Владимиру Андреевичу Долгорукому, которому посылал в благословение икону большого размера, точную копию с

древней иконы Ярославских чудотворцев, благоверных князей Феодора и чад его Давида и Константина.

Дописав свои письма, преосвященный передал мне их. Было уже 11 часов вечера, мне уже было нужно собираться на железную дорогу, и лошади меня уже ожидали.

Помолившись Богу, преосвященный напутствовал меня своим святительским благословением. Мне было очень грустно расставаться, но заметив, что и он был взволнован и смущен, я поспешил с ним проститься у лестницы, до которой мы дошли. Я спустился и еще раз посмотрел вверх: преосвященный провожал меня взглядом и продолжал благословлять. Ночь была светлая и тихая.

Я дожидался прихода поезда не более получаса и, выехав из Ростова в 12 часов ночи, прибыл в Москву в 9 часов утра, октября 21 числа.

Я немедленно отправился к владыке с просфорой и с письмом от архиепископа Ярославского.

Владыка прежде всего спросил меня о здоровье преосвященного, о его помещении, и я рассказал ему, как умел, все что видел и что преосвященный, несмотря на свое сожаление, что оставил Москву, не только примирился со своим новым положением, но даже, как заметно, доволен и помещением, и приемом граждан, и всем городом.

Потом я благодарил владыку за то, что он благоволил меня отпускать и рассказал ему, где побывал и что это путешествие не повредило моему здоровью, но напротив того, утвердило меня в мысли, что мое здоровье совершенно восстанавливается.

Владыка очень милостиво повторял мне и не один раз, чтобы я берег себя и пуще всего заботился бы о своем здоровье.

В первом часу я поехал к князю Долгорукому, передал ему икону и письмо преосвященного и тоже много рассказывал об Ярославле и о том, что преосвященный не столько скучает, как было можно ожидать. Князь был доволен этой доброй вестью и сказал, что нужно будет пригласить его в Москву на совещание по построению Храма Христа Спасителя.

Потом я был у брата и у сестер преосвященного, служил вечером у себя на подворье всенощную, а наутро 22 октября возвратился в монастырь и служил у праздника в Казанской церкви, что при богадельне.

Глава XXXI. Последний приезд преосвященного Леонида в Москву; известие о его кончине; обстоятельства оной; погребение

Ноября 23 дня 1876 года в 9 часов утра по Ярославской железной дороге прибыл в Москву архиепископ Ярославский преосвященный Леонид, вызванный для совещания в Комитет по построению Храма Христа Спасителя. С железной дороги он проехал прямо в Алексеевский монастырь, где отслушав литургию, зашел к своей сестре, Екатерине Васильевне, там живущей, и, посетив игумению Антонию, отправился на Троицкое подворье, чтобы застать еще в Москве владыку, в тот день отъезжавшего в Петербург на чреду в Святейший Синод. На подворье преосвященный нашел весьма много из Московского духовенства, и собравшиеся для проводов отъезжавшего владыки и для принятия от него благословения, совершенно неожиданно встретили приехавшего преосвященного.

В 3 часа все отправились на Николаевскую железную дорогу, куда вскоре прибыл и князь Владимир Андреевич Долгорукий; он поздоровался с преосвященным Ярославским и, проводив владыку, медлил уезжать, чтобы подольше поговорить со вновь прибывшим преосвященным, которого не видал с июля. Преосвященный пригласил меня сесть в его карету, и мы отправились прямо к Иверской часовне, приложились к иконе и поехали в Чудов монастырь. Там мы застали еше совершавшееся молебное пение о бдагополучном путном шествии владыки нашего, приложились к святым мощам святителя и из церкви прошли в настоятельские келии, приготовленные для преосвященного.

На следующий день он приглашал меня приехать обедать с ним к его сестре в Алексеевский монастырь, так как этот был день ее именин, но, к сожалению, мне было невозможно и, поздравив поутру Екатерину Васильевну, я поспешил

отправиться к себе в монастырь, куда на следующий день ожидал нашего нового викария, преосвященного Никодима: он намеревался 26 числа, в день тезоименитства владыки, служить в домовой церкви Островской богадельни, которая во имя святителя Иннокентия, Иркутского чудотворца.

Преосвященный Никодим прибыл на Угрешу 25 числа часу в пятом вечера. У него сделалась сильная зубная боль, так что он с великим трудом мог дослушать всенощное бдение в Крестовой церкви архиерейских палат, и не знал, возможно ли ему будет наутро совершать литургию.

Однако за ночь боль унялась, и он мог ехать в Остров и служил у праздника. Кроме преосвященного, из Москвы приехали еще протоиереи Рождественский и Соколов и еще некоторые другие. По окончании богослужения преосвященный сказал призреваемым краткую речь о том, как они должны молить Бога за владыку и благодарить его за убежище, для них устроенное.

В одной из комнат был приготовлен чай; потом преосвященный пошел в столовую, благословил общую трапезу и ходил по всему заведению и все осматривал.

После этого мы все отправились в монастырь, где в архиерейских палатах был уже приготовлен обед. По окончании стола протоиереи поехали в Москву, а преосвященный остался и пожелал слушать вечерню в монастыре в навечерии праздника Знамения Пресвятой Богородицы.

Преподав благословение всей братии, преосвященный посетил настоятельские келии и не без грусти припоминал, что он за год перед тем был в Новгороде и там праздновал этот день, и заметно, что при этом воспоминании он опечалился.

В эти дни преосвященный Леонид неутомимо занимался церковным делом, ибо по Высочайшей воле он остался вице-президентом комиссии по построению Храма Христа Спасителя, и как будто тайно предчувствуя, что он уже в последний раз в Москве, был весьма озабочен этим делом.

Декабря 1, отслушавши у себя в монастыре заупокойную литургию по блаженной памяти покойном владыке Филарете, я приехал в Москву, был у преосвященного Никодима, чтобы

благодарить его за посещение нашей обители, и от него поспешил в Чудов монастырь к преосвященному Леониду. Его не было дома, но келейнику велено было передать мне, чтобы я ехал к его сестрам, и что там он меня ожидает.

Приехавши туда, я нашел там игумению Страстного монастыря мать Евгению и Александру Николаевну Стрекалову. Преосвященный встретил меня вопросом, знаю ли я, что меня приглашает назавтра князь Владимир Андреевич Долгорукий к себе на обед? Я отвечал, что приглашения еще не получил. Этот вечер, проведенный нами с преосвященным, был последний, который суждено нам было проводить с ним вместе.

Кто бы мог тогда ожидать этого?. Он был, по-видимому, совершенно здоров, полон силы и обещал, казалось, пожить еще не один десяток лет.

Следующий день, то есть декабря 2, назначен был преосвященным для его отъезда в Ярославль. Я отправился к нему утром довольно рано, надеясь застать его еще дома, но его, однако, уже не было: он слушал утреню у себя в келиях в 5 часов, а обедню, раннюю, в Чудове монастыре, у святителя Алексия.

Келейник его мне сказал, что мне поручено передать, чтобы я ехал в Кремль к Двунадесяти Апостолам, к патриаршему ризничему отцу-архимандриту Иосифу, что туда будет и преосвященный. Вошедши в келию ризничного, я нашел там преосвященных Леонида и Игнатия и одного художника; на столах и на диване было разложено несколько древних облачений, в том числе два саккоса митрополита Фотия и два Патриарха Никона. Преосвященный Леонид надевал их, а художник по его указаниям, делал эскизы для изображения святительских одежд на иконах, предназначенных в Храм Христа Спасителя.

Отпустивши художника, преосвященный куда-то поехал, а мне назначил быть у него в Чудовом монастыре к четырем часам. Когда я к нему приехал, нашел столько посетителей из числа его московских знакомых, что поговорить с ним наедине мне было невозможно.

Присутствовавшие понемногу разъехались, и в 5 часов без 20 минут мы сели с ним в карету и поехали на обед к князю Долгорукому. По пути преосвященный пожелал заехать к бывшей игумении Никитского монастыря, ныне жительствующей там на покое, достоуважаемой и почтенной старице матери Флоре.

За обедом у князя Долгорукого обедало нас всего восьмеро: сам хозяин, преосвященный, протоиерей Ключарев, барон М. Л. Боде-Колычев, князь Александр Михайлович Хилков, князь Мещерский, Зубов и я. Когда князь провозгласил тост за здоровье преосвященного, то сказал ему: «Желаю Вам теперь благополучного пути и скорого, скорого к нам возвращения!»

После обеда мы вскоре собрались ехать и распростились с хозяином. Провожая нас с лестницы, могло ли прийти князю на мысль, что он прощается с преосвященным навсегда, и что уже не суждено им более видеться? В нижних сенях простился и я, потому что проводить преосвященного на железную дорогу не мог, так как в отсутствии преосвященного Никодима, поехавшего на праздник преподобного Саввы в Саввин монастырь по его приглашению, я должен был служить всенощное бдение на Саввинском подворье.

Преосвященный Леонид сел в карету, а я все еще стоял у подъезда и ждал, чтобы он поехал к Иверской часовне, желая хоть еще раз взглянуть на увозившую его карету, как будто сердце тайно мне вещало, что уже более на земле не суждено нам видеться…

В этот вечер я служил всенощную на Саввинском подворье, а на следующее утро совершил литургию; обедал у Краснопевковых, сестер преосвященного, еще накануне пригласивших меня к себе обедать, и когда мы встали из-за стола, были утешены получением телеграммы из Ярославля от преосвященного, что он благополучно прибыл и совершил литургию.

Декабря 16 дня, в четверток, часу во втором дня я занимался у себя в келии за письменным столом, когда вошел ко мне один из наших братий, возвратившийся из Москвы, куда

я его посылал. Он подал мне газеты и со слезами говорит мне: «Я привез Вам, батюшка, печальную весть». «Что такое? – спросил я. – Или умер кто из Ваших родных?» «Нет, батюшка, мои родные живы, а владыка Высокопреосвященный Леонид приказал долго жить!»

Я как-то не мог сперва понять, что он мне такое говорит, и потому это горестное известие меня даже и не очень поразило, но когда я взял газету и сам прочитал телеграмму о кончине преосвященного, я совсем оцепенел, почувствовал необычную слабость, и со мной сделалась дурнота.

В 6 часов вечера того же дня мы соборно совершили заупокойное всенощное бдение, а наутро, 17 числа, в пяток, литургию и панихиду, перед которой был редкий благовест. Это служение было для меня крайне тягостно и грустно. По окончании поминовенной братской трапезы я немедленно отправился в Москву; тотчас же явился к нашему старшему викарию, преосвященному Никодиму, и, испросив его благословение, поехал в Ярославль на погребение досточтимого в Бозе почившего святителя, с которым всего за две недели перед тем я виделся в Москве.

Выехав из Москвы с вечерним поездом в 8 часов, я прибыл на следующее утро, в субботу, декабря 18 в 7 часов утра. За мной была выслана карета, и я поехал в монастырь.

Тотчас же распорядился, чтобы мне наняли лошадей, и, не теряя времени, поспешил я в Николо-Бабаевский монастырь, который от Ярославля верстах в 35. Через два часа с половиной я был уже на месте и пристал в гостинице. Немного спустя, ко мне пришли брат и сестра покойного преосвященного; мы погоревали, поплакали вместе и, несколько побеседовав, пошли в скором времени в церковь на панихиду, совершаемую в 12 часов дня.

Новопреставленный святитель был уже положен в гроб из кипарисного дерева, весьма изящно сделанный. На преосвященном было белое новое облачение, шито по канве, белый подризник и прекрасная белая с бирюзами митра, дар княгини Одоевской. В гробе лежали вызолоченные крест и Евангелие и под ногами – орлец.

По окончании панихиды меня провели в комнаты живущего в монастыре Петра Александровича Брянчанинова и дали мне там помещение. Это родной брат покойного епископа Кавказского и Черноморского Игнатия, жительствовавшего там и скончавшегося 30 апреля 1867 года.

П. А. Брянчанинов предложил мне чаю и начал мне подробно передавать о двух днях пребывания преосвященного Леонида в Бабаевском монастыре. Он мне сказывал, что когда преосвященный Костромской узнал, что преосвященный Леонид намеревался обозреть свою епархию в приволжской местности поблизости от Бабаевской обители, то он и Бабаевский архимандрит Иустин, зная как покойный владыка любит монашество, вздумали предложить ему для большего удобства некоторое время иметь пребывание на Бабайках: там жить и делать днем объезды по епархии, а к вечеру снова возвращаться в монастырь. Таковое предложение пришлось весьма по сердцу преосвященному Ярославскому. Он благодарил и обещал воспользоваться приглашением приехать 13 декабря и точно прибыл часов в 6 вечера. Отец-архимандрит со всей братией встретил его в Николаевском соборе. После краткой литии преосвященный прикладывался к святым мощам и святым иконам, и когда он обратился к братии и все ему поклонились в ноги, то и он тоже, с истинно монашеским смирением поклонился им в землю и стал всех благословлять. Потом он изъявил желание пройти в ту церковь, где покоится прах преосвященного Игнатия и попросил отслужить по нем панихиду, положил пред гробницей земной поклон и, обращаясь с речью к братии, начал им передавать, что он лично знал преосвященного Игнатия, когда тот был еще архимандритом Сергиевской пустыни, а он сам находился еще в морской службе; что он часто посещал отца архимандрита, который, видя его склонность к монашеству, посоветовал ему, оставив мир, сугубо служить миру, служа вместе с тем и Церкви Божией и т. д.

Преосвященный из церкви прошел в настоятельские келии и кушал там чай, до 11 часов беседовал с настоятелем, с Брянчаниновым и с одним англиканским пастором, который ему

сопутствовал, и, простившись с своими собеседниками, отошел ко сну. Декабря 14 он ходил к утрени, стоя в алтаре, слушал раннюю литургию, приходил кушать чай к Петру Александровичу, ходил по монастырским постройкам и часов в 10 утра поехал на ту сторону Волги обозревать сельские церкви своей епархии.

Возвратившись к 5 часам, он кушал, правил у себя в келии вечерню, в 8 часов пригласил к чаю настоятеля, Брянчанинова и в беседе с ними провел вечер до 11 часов.

Декабря 15 опять пришел к утрени, в алтаре слушал раннюю литургию, которая окончилась немного позже 8 часов. Вышедши из алтаря, он приложился к святым иконам и направился к выходной двери из церкви. Настоятель и казначей, заметив, что он необычно бледен, подошли к нему и взяли его под руки; он не сопротивлялся этой помощи и, идя, говорил вполголоса ведшим его: «Мне что-то дурно!» И точно, он едва передвигал ногами, так что без помощи, не мудрено, что он и вовсе бы не мог идти. Его привели прямо к постели, он сел в утомлении и спросил: «Нет ли лавровишневых капель?» Ему подали и дали выпить 15 капель. Тут он стал чувствовать сильное колотье в правом боку, хотел было еще принять тех же капель, но ему посоветовали лучше принять Гофманских, на что он и согласился. Между тем настоятель, видя болезнь владыки, сам отправился за три версты в Посад за местным врачом, а преосвященный, всегда помышлявший более о небесном и вечном, нежели о тленном земном, потребовал духовника.

Владыке растирали грудь маслом, прикладывали горячие салфетки и примачивали голову уксусом с водой. По окончании исповеди и причастившись Святых Таин, с великим усилием он сказал: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи!». Его уложили в постель.

Он перестал стонать и молча продолжал глядеть кругом, потом закрыл глаза и дыхание его сделалось так тихо, что неизвестно было, дышет ли он еще или нет. Немного спустя вошел в комнату приехавший врач; он стал прислушиваться, но дыхания не было слышно; тогда он, несколько времени погодя, решился приподнять веки и, обратившись к присутствовавшим,

сказал: «Владыка скончался!» Можно себе представить, как это всех поразило: не прошло еще и часа времени с окончания обедни и преосвященого уже не было в живых!

Посмотрели на часы: было 10 часов без 20 минут.

Вот подробности, которые я заимствую из рассказа Петра Александровича Брянчанинова, очевидца кончины преосвященного.

В 2 часа мы пошли обедать к настоятелю. Тут мы нашли Костромского викария, епископа Кинешемского, преосвященного Геннадия, который приехал на погребение по нездоровью преосвященного Платона, назначенного от Святейшего Синода. На вид ему лет за 60 или за 70, он высокого роста, довольно полный, седоватый. Кроме того, из Ярославля прибыли: настоятель Афанасьевского монастыря архимандрит Николай и настоятель Ростовского Богоявленского монастыря архимандрит Нафанаил, да протоиерей из Успенского собора, который вскоре, по совещании о перенесении тела, отпевании и погребении, отправился обратно в Ярославль, а архимандриты остались для сопровождения тела.

В тот же день были отправлены мной четыре телеграммы: одна в Петербург к протоиерею Гавриилу Ивановичу Вениаминову, сыну владыки Московского, а остальные три в Москву: к преосвященному Никодиму, к Александре Николаевне Стрекаловой и к М. Н. Каткову. Все были почти одинакового содержания и имели целью ходатайство о дозволении, по желанию родных и близких знакомых, предать земле тело скончавшегося архипастыря у нас, в Николо-Угрешской обители.

В субботу, 18 числа, было с вечера всенощное воскресное бдение, по окончании которого мы, все четыре архимандрита, совершили соборно панихиду.

В воскресенье, 19 числа, обедню служили порану, в 6 часов. В этот день, во время причастного стиха пели стихиру, поемую в великую субботу в конец утрени: «Приидите ублажим Иосифа приснопамятнаго, в нощи к Пилату пришедшаго и Живота всех испросившаго: даждь ми Сего страннаго, Иже не имеет где главы подклонити». Пели очень хорошо, и печальный напев этих слов меня тронул до глубины души, потому что я

был тоже, казалось мне, в том настроении, в каком должен был находиться Иосиф от Аримафеи, когда он, с надеждой на согласие и с опасением отказа, шел ночью к римскому градоправителю Иерусалима испрашивать дозволение взять тело возлюбленного своего Учителя, дабы погребсти Его в новой пещере, в своем вертограде… Я тоже, пришлец издалека, испрашивал тела любезного мне архипастыря, более двух десятилетий пребывавшего в Москве, весьма недавно переселившегося в Ярославль и бывшего там, как странник на чужбине, не имущий где главы подклонити… Он любил нашу обитель, часто посещал ее, вот в ней-то, казалось мне, и следовало бы положить его останки; с каким бы усердием стала вся братия поминать по смерти того, который при жизни всегда с такой любовью всех приветствовал и поучал, как учитель и отец детей своих!..

В особенности было мне прискорбно, что тщетно было мое желание и безуспешны хлопоты: мне было отказано и, лишившись живого, я лишался и умершего и как бы вторично терял его, и как Иосиф не имел отрады, получив желаемое. В ответ на мои телеграммы я получил извещение, что определение Святейшего Синода уже состоялось: «Где паства, да будет там и пастырь!»

После панихиды, по распоряжению преосвященного Геннадия, гроб был обвит шнурами и запечатан, поставлен на печальную колесницу и покрыт святительской мантией; по углам стояли четыре диакона, два поддерживали гроб, а два осеняли его рипидами. От Святых ворот шествие тронулось в 10 часов.

Я отправился в Ярославль вперед, чтобы там быть при встрече с городским духовенством, а преосвященный викарий, архимандриты и прочее духовенство следовали за гробом. По пути у трех церквей были литии, народ везде во множестве выходил навстречу.

Приехав в Ярославль, в Спасский монастырь, я несколько отдохнул и снова в архиерейской карете поехал на встречу с секретарем за Волгу, к Троицкой церкви; но тут мы узнали, что тело еще далеко от города, и поэтому поехали далее и встретили за семь верст, у церкви села Яковлева.

Сделав распоряжение, где открыть гроб, преосвященный сел со мной в карету, и мы отправились в город. Я остался за Волгой у церкви Святой Троицы, а преосвященный поехал в собор. Тут мне сказали, что во время дороги Афанасьевский архимандрит Николай сделался нездоров, так что и на следующий день он уже не участвовал в погребении.

В то время как в Троицкой церкви мы ожидали прибытия тела, многие из священников, собравшись кучкой, толковали о покойном, и я узнал из их отзывов, что преосвященный, несмотря на недавнее прибытие, сумел уже расположить к себе людей благомыслящих, которые жалели, что смерть похитила так скоро пастыря, обещавшего много хорошего и доброго для Церкви и духовенства своим правлением. И мне отрадно было слышать такие отзывы.

Был уже четвертый час, когда тело привезли к Троицкой церкви, совершили литию; около церкви, на улице и по набережной, по которой следовало шествие, было большое стечение народа. Согласно установленному церемониалу духовенство шло впереди, несли орденские знаки, хоругви и иконы. Когда стали по льду переходить через Волгу, лед начал трещать, тогда полиция благоразумно распорядилась, чтобы народ шел не скучиваясь, и таким образом предотвратили опасность, и мы благополучно достигли берега. Поднявшись в гору, гроб сняли с колесницы и, развязав шнуры, открыли гробовую крышу; гроб был поднят священниками, поставлен на особые, для того устроенные носилки и несен на плечах.

Я очень опасался, чтобы тело в продолжение 35 верстовой дороги, не порастрясло, но благодаря Бога, сверх моего ожидания, ни голова, ни которая из рук, ни митра, ничто не стронулось с места, и когда сняли крышу, на меня повеяло сильно кипарисным запахом.

У всех церквей, мимо которых проходили, были литии, а народное стечение везде было так велико, что несмотря на широту улиц и простор площадей, по которым следовало шествие, в народе была сильная давка и по временам слышались в толпе даже крики. По всему городу во время перенесения тела до собора был заунывный звон; погода была

хорошая, не более четырех градусов мороза, и было так тихо, что свечи около гроба горели всю дорогу.

Когда приблизились к собору, был уже пятый час. Преосвященный Геннадий в полном облачении, губернатор и городские власти вышли навстречу и началась панихида. Как скоро она окончилась, отец эконом архиерейского дома (отец Павел) пригласил всех служивших и провожавших из духовенства к обеденному столу в архиерейские палаты, но я не мог участвовать, так как я был утомлен и совершенно ослаб от изнеможения.

На следующий день, в понедельник 20 числа, в соборе была литургия, которую соборно совершал Ростовского Богоявленского монастыря архимандрит Нафанаил. Потом была первая соборная панихида, вторую в первом часу служил преосвященный и с ним много духовенства; один из протоиереев сказал надгробное слово; я служил третью с городским духовенством; четвертую совершали семинарские власти и потом многие из граждан по усердию служили от себя частные панихиды. Гроб был покрыт мантией, а сверху прекрасным покровом из рытого бархата, присланным из Москвы от одного из усерднейших почитателей покойного, почетного гражданина Лузина.

В этот день мы обедали только втроем: преосвященный, брат покойного владыки, А. В. Краснопевков, и я, и за обедом решили, чтобы с вечера служить всенощное заупокойное бдение. Преосвященный Геннадий стоял в алтаре, а служил я с соборным духовенством.

По 6 песни говорил надгробное слово протоиерей Демидовского лицея.

Во вторник, числа 21, в 9 часов начался по всему городу печальный благовест. Преосвященный викарий прибыл в собор в 10 часов и началась литургия. Облачения были на всех белые; во время причастного стиха говорил надгробное слово отец-ректор Семинарии, протоиерей Тихвинский, а перед началом отпевания другое сказал протоиерей кафедрального собора Архангельский, без тетради, и он сам плакал, плакали и весьма многие из его слушателей. На отпевание собралось столько

духовенства, что в самой церкви все уместиться не могли и стояли уже в алтаре, по обеим сторонам престола, но самый чин отпевания почему-то был значительно сокращен и москвичи, прибывшие на погребение, остались весьма недовольны таковым неисполнением Устава и неуважением к памяти в Бозе почившего святителя.

По распоряжению губернатора в церковь впускали не всех, оттого народу было немного и не было тесноты.

По окончании отпевания сделалось недоумение: обносить ли тело около собора или нет? Большинство желало этого, и потому гроб был поднят и торжественно при печальном звоне, мгновенно разлившемся по всему городу, обошли около собора и внесли тело в холодный собор, где была приготовлена могила по правой стороне напротив гробниц святых благоверных князей Василия Всеволодовича и Константина Феодоровича. В соборе совершили последнюю литию, тело покрыли прозрачной пеленой, привезенной покойному в дар из Иерусалима с Гроба Господня, преосвященный Геннадий посыпал перстью, гроб закрыли крышей, и священники стали спускать кипарисный гроб в поставленный там другой, в который и опустили.

Когда окончился весь печальный обряд погребения, брат покойного архиепископа Ярославского пригласил всех участвовавших, духовенство и мирян к поминовенной трапезе. Приглашенных было более четырехсот человек, но за столами могло бы поместиться и еще, потому что осталось много незанятых мест и пустых приборов. Всем распоряжался эконом архиерейского дома отец Павел, бывший казначей Саввинского монастыря, сопутствовавший преосвященному Леониду, верный глаз и правая рука покойного, человек добросовестный, усердный и добрый, который везде, где он ни находился, оставил по себе хорошую память.

Благодаря его распорядительности и умению всего было в изобилии и все остались вполне довольны этой гостеприимной поминовенной трапезой, за которой недоставало только одного главного – любвеобильного и приветливого хозяина, которого поминали родные, друзья и чужие, и которого все искренно и непритворно жалели.

Но из числа друзей и приближенных покойного немного нашлось таких, которые издалека пришли на гроб поплакать о нем, еще раз посмотреть на лицо его и помянуть его на могиле! Напрасно глядел я вокруг себя, стоя у гроба, не увижу ли я кого-нибудь из монашествующих или из духовенства Москвы, которые пришли бы ко гробу архипастыря, так недавно еще превозносимого и уважаемого ими, смотрел я кругом и – не нашел ни одного!

Одна только обитель Преподобного Сергия прислала помянуть того святителя, которому давала когда-то кров и пишу, да несколько благочестивых мирян, верных искренней дружбе своей к покойному поспешили издалека. Но много ли было и этих? Стал я считать их и не насчитал двух десятков: 1) барон М. А. Боде-Колычев, 2) князь А. М. Хилков, 3) М. Н. Катков с семейством, 4) Ф. М. Сухотин, 5) Симанский с семейством, 6) Е. К. Цеймерн, 7) Павлов, 8) Свербеев, 9) Карпова, 10) госпожа Беркут и еще трое или четверо, которых имена мне неизвестны. Не так было два года тому назад, когда Москва праздновала пятнадцатилетие святительства преосвященного: не только в покоях его не вмещалась толпа поздравителей и мнимых приверженцев его, но и на обширном дворе подворья недоставало места для карет, съехавшихся со всех концов столицы. Сколько было поднесено ему тогда богатых икон и различных ценных подарков, сколько поздравительных речей и благожеланий слышалось отовсюду! Все теснилось вокруг чествуемого святителя, считая за счастье и честь приблизиться к нему, услышать что он говорит, увидеть кто подходит к нему!.. Смерть, охлаждающая тело наше, охлаждает, должно быть, и расположение неискренних, мнимых друзей наших!

Окончив описание погребения в Бозе почившего блаженной памяти преосвященного Леонида, приснопамятного для всех москвичей, в особенности же для монашествующих, тем завершаю и заключаю и я свои воспоминания. Его было желание, чтобы я записал все то, что помнил, и хотя я непосильным считал для себя таковой труд, но я старался исполнить его как умел и довел до конца. И как умолкнул навсегда досточтимый наш иерарх, так да умолкнет мое

неискусное перо, писавшее за послушание, и сие буду помнить и с глубокой благодарностью воспоминать любовь и расположение опочившего к нашей обители и ко мне, недостойному, но писать уже более не буду: он подал мне мысль и благословил сделать начало, с его кончиной да последует и окончание!

1877 года, января 24 дня.

40-й день.

Прибавления

Совершенно окончивши пересмотр моих записок, я нашел еще в своих бумагах несколько особых случаев, мной записанных, которые неудобно было поместить в самый рассказ, ибо не хотелось прерывать его нити, делать отступления, а потому помещаю их совсем отдельно. Так, говоря о нашей обители и о древней иконе Святителя, я не сказал о тех случаях благодатной помощи, которую некоторые получили по своей живой вере от чудотворной его иконы в мое время. Нашлись у меня кое-какие заметки и о некоторых монастырях, несколько воспоминаний о лицах и прочее. Все сие помещаю как прибавление к сказанному в моих воспоминаниях.

I. Сказания о благодатной помощи от чудотворной иконы Святителя Николая, что на Угреше

1. Исцеление крестьянки Матроны, расслабленной ногами, 1858 год

Подольского уезда деревни Богдановой крестьянская девица Матрона, бывши лет двенадцати, упала с довольно высокого крыльца и о своем падении и ушибе скрыла от родителей. Вскоре на ее спине стал замечаться горб, со временем увеличивавшийся более и более, а в ногах ее оказалась сначала слабость, потом трудность в хождении и, наконец, совершенное онемение. Во время своей болезни она лишилась матери. Отец ее вступил в другой брак и сам вскоре умер. Некоторые из односельцев и из ее родных ходили иногда в праздничные дни на богомолье в Николо-Угрешский монастырь и, возвращаясь, много рассказывали больной о сей обители. Она нередко думала, что если бы была возможность, с какой бы радостью побывала она там и помолилась бы Угоднику Божию, Святителю Николаю. Между тем уже исполнялся год ее болезни и в самое то число, в которое она лишилась владения ног, вдруг почувствовала некоторое облегчение. Через несколько дней после того ее мачеха и тетка видят во сне (каждая особо) будто они с больной молятся в Николо-Угрешском монастыре. Виденное во сне они пожелали исполнить на деле, с больной отправились в монастырь, отслужили молебное пение Святителю, во время которого больная могла уже несколько стоять. После сего с каждым днем ей становилось лучше и лучше, так как ноги стали крепнуть все более и более. Это было в 1858 году, в октябре. С тех пор она стала ходить совершенно свободно и твердо. Так как во время болезни не было употребляемо никаких врачебных пособий, то свое выздоровление она и ее родные приписывают единственно благодатной силе чудотворной иконы Святителя Николая.

2. Исцеление московского земского исправника Н. С. Василия Ивановича Муратова, 1859 год

Оно описано им самим:

«В 1856 голу я сделался болен лихорадкой, которая признана докторами Крымской. Болезнь эта с небольшими промежутками продолжалась до сентября 1859 года, и нередко во время параксизмов сидевшие при мне слышали треск в моих костях, и меня поднимало на постели на четверть аршина, чего не могли остановить двое и трое державших меня. Лечившие врачи употребляли всевозможные и самые сильные средства, но в течение трех лет не могли даже ослабить болезни. После каждого промежутка лихорадка возобновлялась с новой силой, и я, наконец, ослабел телом и духом. В сентябре 1859 года к лихорадочной болезни присоединилась еще другая ужасная и нестерпимая, так что я не мог выносить ее, но при всем этом я не отчаивался и единственное находил утешение в надежде на непосредственную милость Божию, будучи твердо убежден, что если я могу еще выздороветь, то не иначе, как только чудесным образом. При этом я вспомнил о чудотворной иконе Святителя Николая в Николо-Угрешском монастыре и послал туда своих детей, чтобы они попросили отслужить молебен всем собором с водоосвящением пред иконой Угодника и сделали бы вкладом в монастырь имевшиеся у меня частицы святых мощей. Когда служили молебен на Угреше, в тот час в Москве совершилось со мной чудо: я почувствовал явное облегчение от болезни, встал с постели после постоянного двухмесячного лежания, и когда мои возвратились, я вышел к ним навстречу. С тех пор здоровье мое улучшилось и лихорадка совершенно меня оставила».

3. Исцеление московского купеческого сына И. С. Ш., 1860 год

Он был подвержен сильной золотухе. К лету 1858 года до того она усилилась, что трудно было надеяться на излечение. Покрытый не одним десятком страшных ран, больной страдал невыносимо. В одно время ему пришло на мысль, не видя пользы от врачей земных, прибегнуть к Небесному, вследствие чего и дал обет поклониться чудотворной иконе Святителя Николая, что на Угреше. Лишь только он объявил домашним эту мысль, как болезнь начала мгновенно облегчаться: рана за раной исчезали, и в короткое время он совершенно оправился. Получив возможность возблагодарить Святителя, исцелевший откладывал это день за день, хлопотал о мирских делах, и наконец, вовсе забыл о своем обете. Болезнь снова возвратилась к нему с большей силой, ударила в голову и врачи объявили ему, что он раньше нескольких месяцев едва может встать с постели. Это крайне тягостное положение пробудило его совесть, он вспомнил об обете своем и твердо положил в мысли исполнить его, нисколько не медля при первой возможности. Как и прежде, болезнь тотчас же начала ослабевать, так что через два дня по вторичном обете он в силах был отправиться в монастырь. Отслужив молебен Угоднику Божию и приложившись к иконе его, он вдруг почувствовал себя совершенно здоровым. Возблагодаривши Святителя, он объявил об этом чуде и отправился обратно в самом радостном настроении духа, чувствуя себя совершенно здоровым.

4. Исцеление крестьянской девицы от горячки

Рассказавши об исцелениях от иконы Святителя, упомяну и еще об одном случае благодатного проявления милости Божией над одной пожилой крестьянской девицей деревни Коркиной, верстах в 6 от Угрешского монастыря, сообщенном мне отцом Сергием, священником села Бесед, к приходу которого принадлежит это селение. Эта крестьянка была в горячке и в продолжение 20 дней лежала в беспамятстве и в таком положении ее соборовали. На 21 день больная очнулась и говорит домашним: «Сходите в часовню*[85] и принесите мне водицы!» Проговоривши это, она снова пришла в беспамятство. Родные тотчас сходили в монастырь и принесли воды, дали больной испить и умыли ее, и она тотчас пришла в себя. Ее стали расспрашивать, из какой часовни она просила воды? Тогда она рассказала, что ей представилось, что она в Угрешском монастыре, в часовне, у креста, где колодезь, и слышит, что чей-то мужской голос говорит ей: «Молись Спасителю, омойся, Господь тебя помилует!» И действительно, встала с постели совершенно здоровая.

II. Наказания за клятву и нарушение оной

1. Крестьянин деревни Кишкиной Михайло Коротков

Жители деревни Кишкиной, от Угрешского монастыря верстах в двух, с давнего времени имеют обыкновение каждогодно поднимать икону Святителя Николая и на деревне совершать молебствие. Для хлопот при этом от всей деревни избирается кто-нибудь из тамошних поселян, и летом 1859 года распорядителем был избран крестьянин Михайло Коротков. Получив от общества определенный вклад в пользу монастыря, при вручении оной иеромонаху Иову сколько–то удержал у себя, объявив об этом иеромонаху и просил его помолчать перед обществом. Иеромонах сказал ему, что деньги эти следуют собственно не ему, а монастырю, но Короткое просил помолчать, обещая остальные доставить на другой же день, прибавив: «Если я не доставлю вам завтра же долг, покарай меня Святитель! Порукой за меня пусть будет он сам!»

Прошел целый год, а крестьянин и не думал о своем долге. Летом 1860 года, ровно через год, с иконой Святителя в Кишкино пошел опять тот же иеромонах, но распорядителем при приеме был другой крестьянин. У него, в присутствии других односельцев, иеромонах обнаружил поступок крестьянина Короткова, и присутствующие сказали, что это до сих пор им не было известно.

В это время Короткое вошел в избу, и тогда хозяин дома, указывая на него иеромонаху, сказал: «Вот, батюшка, он и сам пришел». Иов кротко обличил неисполнившего своего обещания отдать, хотя и ничтожной для монастыря суммы, но тем не менее важной по клятве, и виновный, взглянув на икону Святителя, заметно волновался, почувствовал сотрясение во всех членах и вышел вон. Когда же он шел в свою избу, ему казалось, что под ним колеблется земля, и с трудом дошел он до избы в крайнем изнеможении и слег в постель. Не прошло после этого и суток, как он кончил жизнь в сильных страданиях. Перед самой смертью он при всех окружавших его объявил о происходившем с ним и, признаваясь в своем поступке, говорил, что Бог наказывает его за неисполнение обещанного с

клятвой. Он умер, впрочем, с надеждой на милосердие Божие, напутствованный Таинствами Православной Церкви.

2. Иеромонах Павел

В 1861 году, в самый храмовой праздник Успения Божией Матери в теплой церкви Угрешского монастыря одна купчиха из числа богомольцев пожелала приобщиться Святых Таин за поздней литургией. Утром она была на исповеди у иеромонаха Павла, и по окончании извинилась, что забыла деньги и сказала ему, что поблагодарит за поздней обедней. Она приобщилась, ей были прочитаны благодарственные молитвы, отпуст с крестом делал иеромонах Иов, а не духовник, назначенный в крестный ход. Так служба кончилась, и купчиха уехала. Иеромонах Павел, не получивши ничего от купчихи, заподозрил иеромонаха Иова, который будто бы получил в то время, когда выходил с крестом. Только едва кончилась обедня, как иеромонах Павел стал уже жаловаться, что он обижен иеромонахом Иовом, который будто получил и не отдает обещанных ему, Павлу, денег.

Он всей братии все жаловался на иеромонаха Иова и, хотя все уговаривали его успокоиться, он с каждым днем становился все ожесточеннее, как будто его лишили всего, и до того раздражился, что 18 августа, в конце поздней литургии, не вытерпел и, подошедши к иеромонаху Иову, который стоял близ свечного ящика, с казначеем Сергием, стал снова повторять о своей обиде в самых резких выражениях. Иеромонах Иов как благочинный монастырской братии всячески старался успокоить его, но иеромонах Павел еще более вспылил и сказал: «Я тебя осрамлю посреди церкви и при всей братии в трапезе!» После этого иеромонах Иов говорит ему: «Ну, отец Павел, когда ты не веришь мне, то вот что я тебе скажу: ежели я виноват, то накажи меня Бог, а ежели ты клевещешь на меня, то да накажет тебя Угодник Божий Николай!» По окончании службы иеромонах Иов пожаловался настоятелю на иеромонаха Павла и просил, чтобы выслушали жалобу его. К несчастью, успеха не было и раздражение духа иеромонаха Павла доходило до исступления, и оба вышли от настоятеля и пошли в братскую трапезу, где по прочтении молитвы и благословении трапезы, начали братия

садиться за стол, и иеромонах Павел хотел тоже сесть на скамью, как вдруг левую руку он приложил к голове, а правой оперся на стол и зашатался на ногах. Тотчас подошли к нему, стали спрашивать: «Что с Вами, отец Павел?» Но ответа не было: он был лишен всех чувств, его отнесли в монастырскую больницу и без всякой надежды, и едва наскоро успели его особоровать, и он умер.

III. Очевидное наказание Божие за кощунство

В одном весьма знатном и весьма богатом семействе была дочь, молодая девица, лет 16 или 17, и прекрасная собой, которую, как можно было полагать, ожидала самая блестящая будущность. По зимам семейство живало в одной из столиц, а летом в великолепном поместье, которое было селом. Там существовала старая церковь, ее сломали и выстроили новую. Церковь была уже совершенно готова, когда весной все семейство приехало в это поместье, и мать с дочерью пошли в церковь. Мать шла впереди с архитектором и управляющим, которые объясняли ей что-то насчет постройки, а дочь несколько поотстала и тоже была кем-то сопровождаема, чуть ли не священником. Увидавши одну весьма древнюю и очень чтимую икону, она остановилась напротив нее и сказала: «Все очень хорошо, церковь прекрасная и иконы, и все, жаль только, что вы оставили вот этого урода!» прибавила она, указывая на икону пальцем. «Ну зачем такую дрянь оставлять в таком прекрасном храме? Взять бы и закинуть ее куда-нибудь!» В самый день освящения храма молодая девица занемогла, впоследствии ее всю свело, и ей было единственное облегчение, когда ее били длинными и узкими мешочками, наполненными песком. Она никогда не выздоравливала после того и умерла, пострадавши много лет.

2

В одной деревне, верстах в 40 от Москвы, между прочими членами одного крестьянского семейства был молодой парень лет 17. Однажды он колол дрова возле погреба, или вышки, и над дверью увидал полинялую икону, и пришло ему на мысль и икону исколоть в дрова. Однако он этого не сделал, но как-то сказал кому-то из старших в семье, что вот там я чуть-чуть, мол, не исколол икону в дрова. Ему и говорят: «Ах, что ты! Как это можно! Это ведь милосердие Божие». – «Ну да, милосердие Божие, все уж слиняло». – «Не трожь, – говорят ему, – пусть висит себе!» Нет, не послушал парень и как-то немного времени спустя после того опять колол дрова, схватил икону и также исколол. «Ну будет с полено, сухонькая». Очень немного времени после того у парня, без всякой причины, отнялась вся правая сторона так, что он с трудом ходил и не мог даже креститься правой рукой ежели не подымая ее левой. Так, поживши года с четыре, умер, сознаваясь, что Господь наказывает его за икону.

3

Еще рассказывал мне один человек, что он слышал от своих родителей, как однажды, в прошлом столетии в их село приехал какой-то гость. Церковь от господского дома только через двор. Был праздничный день, все пошли в церковь, пошел и гость. Трезвонили. Вдруг гостю вздумалось идти, приплясывая под трезвон. Кто-то из хозяев заметил ему, что в храм Божий следует идти с благоговением. Гость посмеялся и продолжал приплясывать. Во время обедни он почувствовал расслабление в ногах. Его вывели из церкви и с трудом довели до дома. Не могли мне сказать, получил ли он облегчение.

4

Неподалеку от Рогачевской дороги есть село Ботово. Оттуда однажды ехали в Ильин день мужички в Москву и, отъехавши сколько-то верст, через канаву от дороги расположились кормить лошадей, которых выпрягли и пустили пощипать травы, а сами сели в кружок пообедать. Всех было человек с пять, и все молодые малые.

День был жаркий, на небе не было ни тучки. «Что это, нынче Ильин день,

– заметил кто-то, – а грома нет, а кажись завсегда бывает». – «Ишь ты,

– возразил один остряк, – не все греметь, уж мало ли время прошло, что Илюха ездит, чай уж и колеса изъездил», – и сказавши это, захохотал. Прочие его оговорили. Не прошло пяти минут, и при совершенно чистом небе вдруг раздался один громовой удар, блеснула молния и кощунника убило наповал, нисколько не опалив ни которого из прочих. Это передавала старушка, сама слышавшая от одного из очевидцев.

IV. К воспоминаниям о Московском митрополите Филарете и о преосвященном Игнатии Брянчанинове

Рассказывали мне случай, бывший в которой-то из загородных обителей Московской епархии во время пребывания там владыки в Петров или в Успенский пост. Неважно где и когда это случилось, но заслуживает внимания самый случай как очевидное знамение, посылаемое нам для вразумления нас в нашей невнимательности к святыне Таинств, и как назидание, что не следует ни в каком случае допускать отступления от правил, установленных нашей Святой Церковью.

Проведши несколько дней поста в обители, владыка говорит настоятелю накануне того дня, в который намеревался служить: «Я завтра служу и желаю причастить всю братию». – «Завтра должны были приобщаться только двадцать человек», – заметил настоятель. Владыка, вероятно, полагая, что не хотят обременить его приобщением всей братии, спросил: «Отчего же только 20? Я желал бы приобщить и всех прочих». Настоятелю следовало бы только сказать, что не все готовились к этому дню и что прочие, в свою очередь, сообщатся Святых Таин тогда-то, и владыка, конечно, не осудил бы настоятеля, но, напротив того, еще одобрил бы за это. Но почему-то настоятель промолчал и, вышедши от владыки уже довольно поздно, послал за братским духовенством и передал ему слова владыки. Духовник был старец весьма внимательный к себе и строгий блюститель неотступного исполнения всех правил Устава. Он отвечал, что только двадцать человек были на исповеди, что прочие не говели, что он, по немощности своей, не успеет в короткое время всех исповедать и по совести не мирствует к мысли, чтобы большинство братии, совершенно для них неожиданно и не приготовившись, приступили к принятию Святых Таин.

Настоятель почему-то стеснялся передать владыке это обстоятельство и распорядился, чтобы вся братия шла

исповедаться к другому духовнику, который и исполнил безоговорочно что было велено.

На следующее утро, в определенное время, владыка совершал литургию, к которой собралась вся монастырская братия. В то время, когда царские двери открылись и диакон вышел уже, говоря: «Со страхом Божиим и верою приступите!» – он увидел, что огромный паук спускается над самым потиром. К счастью, диакон предупредил его и быстрым движением руки отвел, и паук упал на пол. Неизвестно, заметил ли это сам владыка или нет, но это обстоятельство тем более поразило всю братию, что храм содержится в совершенной чистоте и никогда, ни прежде, ни потом, подобного обстоятельства не бывало.

Вся братия единомысленно приняли это за особое знамение.

2

Еще слышал от домашних владыки о случившемся однажды на Троицком подворье в Москве. Обыкновенно владыке утром подавалась записка о числе долженствующих приобщаться в тот день на его подворье. Однажды, в субботу первой седмицы Великого поста, после того уже, как владыке был подан список причастников, одна госпожа из весьма хороших его знакомых вошла в церковь и сказала, что и она желала бы приобщиться за обедней. Сослужащие с владыкой не заблагорассудили доложить ему об ней и ей отказать не решились, а сказали: «Ну ничего, сударыня, извольте, можете и так подойти». Она приобщилась со всеми прочими. После обедни, за чаем владыка, и говорит кому-то из служивших с ним: «Странное дело, я прибавил лишнюю часть, приобщились все, а лишней части почему-то не оказалось». Тогда ему признались служащие, что они не хотели его беспокоить и умолчали. Он им сделал замечание за это. «Хорошо, что я почему-то вздумал прибавить еще одну часть, а не сделай я этого, кто-нибудь остался бы без причастия, прошу вперед этого не делать».

3. Известие о кончине преосвященного Игнатия Брянчанинова 30 апреля, 1867 года

В апреле 1867 года по желанию преосвященного Леонида устроен был комитет для обсуждения, какой адрес надлежало составить для поднесения владыке Московскому августа 5, в день празднования 50-летнего юбилея его святительства; председателем был преосвященный Леонид. В конце апреля я сообщил об этом преосвященному Игнатию, пребывавшему уже на покое в Костромском Николо-Бабаевском монастыре, а 27 апреля получил от него письмо, в котором он меня благодарит, что я уведомил его о совершенно неизвестном ему обстоятельстве, о котором до тех пор он ни от кого еще не слышал. Между прочим он писал мне: «Удачно составить адрес для владыки может только тот, кто подробно знает все обстоятельства его жизни и кому притом известен и образ его мыслей; тогда адрес точно достигнет своей цели и будет ему приятен». Это письмо я получил 1 мая, поутру, в Москве на подворье, и так как в этот день я должен был обедать у преосвященного Леонида, то взял с собой письмо, которое он перед обедом прочитал, и, севши за стол, мы продолжали рассуждать, приедет ли преосвященный Игнатий на юбилей, и ежели приедет, скажет ли приветствие, а ежели не приедет, что придумает написать? Едва мы кончили первое блюдо, как подошел ко мне келейник преосвященного и сказал вполголоса на ухо, что меня вызывают. Я попросил у преосвященного благословения выйти из-за стола и вышел в комнату, что перед церковью. Там меня встретил отец казначей из Высокопетровского монастыря и сообщил мне, что он накануне, то есть 30 апреля, получил телеграмму, что преосвященный Игнатий в тот день скончался и, зная мое расположение к покойному, он поспешил меня известить. Возвратившись к обеду, я сказал преосвященному: «Вы, преосвященнейший, никогда не угадаете, зачем меня вызывали? – Чтобы сообщить мне, что вчера, 30 апреля, преосвященный Игнатий скончался в Бабайках». Оба мы были одинаково поражены этой вестью.

Это, конечно, было для всех неожиданностью. Хотя преосвященный Игнатий и был давно уже болен, но все еще занимался делами и много писал, и хотя редко и не без труда, однако мог еще служить. С самого своего отречения от мира он был постоянно предметом всеобщего внимания. Впоследствии, сделавшись иерархом, заслужил уважение великих святителей. Последние годы своей жизни, пребывая на покое, он немало потрудился, составляя назидательные сочинения, преимущественно для монашествующих, и, конечно, этими трудами стяжал себе почетное место в сонме наших отечественных иерархов, учителей и искусных проповедников.

Он истинно любил монашество и сам старался быть монахом, но, сравнивая современных монахов со строгими подвижниками первых времен христианства, он в частных письмах иногда выражался о современных очень неодобрительно.

V. О видениях перед смертью

Один из братии нашей обители рассказывал мне, что он имел родственника, весьма умного, очень ученого и притом доброго и честного человека, который немало потрудился для отечества и на войне и в мирное время, занимаясь полезными сочинениями. К сожалению, этот человек, хотя и крещенный в православной вере, был не только плохой христианин, но по своему неверию недалеко ушел от язычников. Не отрицая, что написанное в Евангелии высокомудрое учение, он положительно говорил, что не верит божественности учения Христова, а Иисуса Христа почитал только великим мыслителем. Можно себе представить, какую жизнь он вел, имея таковые убеждения. Но, с одной стороны, вполне не верующий во все, что усвоено нашей Святой Церковью, он был весьма суеверен, и хотя, быть может, и сам того не сознавал, верил спиритизму, гаданиям, вызыванию духов и подобному вздору. Вот как человек может заблуждаться, и как очевидно, что в нем присуща потребность веровать во что-нибудь высшее и сверхъестественное.

Более чем за десять лет до его кончины его посетила великая скорбь в семействе. Это так его поразило, что он стал неумеренно испивать и тем совершенно расстроил свое здоровье. Последний год, живя в своем имении, он был поражен параличем, а умер, лишившись возможности употреблять всякую пишу, и по временам теряя и сознание. Племянница его, которую он любил, как родную дочь, приехала к нему месяца за два до его кончины и старалась, чтобы умирающий не умер без напутствия. Он более 30 лет не говел и слышать не хотел ни о каком Таинстве. Незадолго до кончины больной был в забытьи и лежал с закрытыми глазами, когда его племянница вошла в комнату и приблизилась к нему, он точно это почувствовал и, открывши глаза, простонал: «Уйди, уйди, спрячься: суд Божий идет, суд Божий совершается!» На его лице было

выражение ужаса – и после того он через несколько дней умер.

2. Иеромонах Акакий

Он был постриженником Старо-Голутвина монастыря и перешел в Угрешский монастырь монахом, где впоследствии был иеромонахом. Жизни он был трезвой, воздержной и при всей своей благонамеренности и готовности на подвиг, он не имел достаточно терпения, и потому не достиг цели. Он не имел необходимой силы воли, чтобы, избравши однажды какой-нибудь духовный подвиг, неуклонно держаться его. Итак, он и жил всю свою жизнь, не держась одного образа мыслей, заменяя подвиг подвигом и ни в одном не находил для себя успокоения. Всему этому причиной было то, что он никому не поверял своих помыслов, не принимал посторонних советов и шел тем опасным путем, который мог бы его привести к прелести, но к счастью, его слабость сложения и болезненность смиряли его, приводя к сожалению, и предохраняли от опасности, потому-то смерть и застала его на поприще духовного делания. За сутки до смерти он видел, что вся келия наполнилась черными, страшными и безобразными людьми, и казалось, что они как будто чего-то ждали, но сами ничего не делали. Вдруг явился какой-то светлый юноша и всех их выгнал вон. Незадолго до самой смерти отец Акакий сказал служившему ему послушнику: «Сейчас приходили два монаха, я звал их, чтобы они остались чай пить, но они ушли…» – и скоро после того он скончался. Это случилось сентября 27 дня, 1862 года. Ему было от роду лет около 40.

VI. Сведения о некоторых монастырях

1. Колоцкий монастырь

В одно из моих посещений Бородинского монастыря я посетил и Колоцкий монастырь, основанный в 1413 году по случаю явления иконы Пресвятой Богородицы, известной под именем Колоческой. В 1812 году, в конце октября под стенами этого монастыря Платов разбил французов. Монастырь в то время пострадал от ядр, многие здания были разрушены, но после того он был исправлен и возобновлен.

Это было летом; дорога, ведущая туда, прекрасная. Я приехал до обедни. Монастырь стоит на краю большой слободы. Ограда небольшая, каменная с башенками. Церковь в середине монастыря трехпрестольная; главный храм во имя иконы Колоческой Божией Матери. Видно, что монастырь или скуден средствами, или плохо содержится, сколько можно судить по наружности. В день празднования Колоческой Божией Матери, июня 4, бывает при монастыре ярмарка.

2. Лужецкий монастырь

Иногда, на возвратном пути из Бородинского монастыря, я на перепутье заезжаю в Лужецкий монастырь, хотя он и не моего благочиния, так как он штатный. Там до 1872 года настоятелем был отец-архимандрит Виктор, давнишний мой знакомый, и которому должно отдать справедливость, что он поправил монастырь. Место обители прекрасное на конце города Можайска, на берегу Москвы-реки. Основан при сыне Дмитрия Ивановича Донского, Андрее Дмитриевиче, преподобным Ферапонтом, учеником Преподобного Сергия. Собор весьма древний во имя Рождества Пресвятой Богородицы, с папертями, холодный, с северной стороны – низменная пристройка, где церковь во имя преподобного Ферапонта и где под спудом почивают и мощи его. Теплая церковь двухэтажная, наверху во имя Введения Пресвятой Богородицы с приделом во имя Сошествия Святого Духа, а внизу трапеза, поварня и прочее, колокольня древняя шатрообразная, низ четвероугольный, верх осьмигранный, остроконечный. Над Святыми воротами – церковь во имя Преображения Господня. Монастырь этот был прежде общежительный, в нем находился архимандритом Макарий, рукоположенный в 1526 году во архиепископа Новгородского, а в 1542 возведенный на престол Московской митрополии.

3. Коже-Озерский монастырь

Около 1853–1854 гг. приехал в Москву соловецкий сборщик, иеромонах Митрофан, для сбора на восстановление уничтоженной в Архангельской губернии Коже-Озерской пустыни, бывшей в расстоянии от города 200 верст, а от мирских селений в 70 верстах, среди лесов, при озере Коже. В этом монастыре, неизвестно когда упраздненном, служба бывала единожды в год: в день Богоявления приезжал (за 70 верст) священник из того прихода, к которому он был приписан и привозил с собой утварь и все нужное. В этот день стекается особенно много народа и, по освящении воды, купаются в озере, и недужные получают исцеления. Это ведется по преданию со времен преподобного Никодима. Хлопоты и старания иеромонаха Митрофана не были напрасны, и все его ожидания сбылись: Павел Матвеевич Александров, не стесняясь постройкой Угрешского монастыря, благодетельствовал и Коже-Озерскому монастырю. Так как правительство для того, чтобы восстановить вновь Коже-Озерскую пустынь требовало каменной церкви и обеспечения содержания, ибо там средств не было, то Павел Матвеевич на постройку каменной церкви и прочих зданий выдал до 30 тысяч рублей, а на обеспечение монастыря положил 40 тысяч рублей и тогда правительство утвердило Коже-Озерскую обитель, определив там 16 человек братии и настоятельство игуменское. И, по милости Божией, эта пустынь существует и поныне.

Марья Григорьевна немало пожертвовала на ризницу.

4. Барковская пустынь

Павел Матвеевич возобновил и Барковскую пустынь во Владимирской губернии почти в то же время, как и Коже-Озерский монастырь.

Это случилось вот как. В 20 верстах от этой пустыни жил помещик Чихачов Михаил Иванович. Он довольно хорошо знал эту пустынь и ее крайность, так что братии и жить было негде и нечем кормиться. Этому господину пришла странная мысль: так как своих собственных средств не имел к восстановлению обители, то он возымел усердие написать 100 просительных писем в пользу обители и разослал их по различным обществам в той надежде, что хотя одно письмо возбудит в ком-нибудь усердие и что кто-нибудь поможет обители. Одно из таковых писем попало и к Павлу Матвеевичу. По случаю этого письма он завел переписку с Чихачовым и кончилось дело тем, что Павел Матвеевич восстановил обитель в наилучшем виде, истратив на нее более 60 тысяч рублей серебром. Кроме этих двух обителей, он помогал многим, но преимущественно в Калужской епархии, и в Западном крае благодеяния его монастырям и церквам лились рекой.

Примечания

[1] - Антоний I. хирот. 1586 г., окт. 11-го, из игуменов Троицкого Болдина монастыря, † 1588 года, окт. 26-го.

[2] - Киприан хирот. 1547 г., янв. 30-го, из игуменов Московского Богоявленского монастыря.

[3] - Иоасаф II хирот. 1604 г., из игуменов Кирилло-Белозерских.

[4] - Корнилий хирот. 1620 г., † 1625 года.

[5] - Нектарий, грек, из архимандритов Цареградского Патриархата, хирот. 1624 г., † 1626 г.

[6] - Гавриил хирот. 1685 г., сент. 8, из архимандритов Новоспасского монастыря, † 1707 г.

[7] - Павел хирот. 1716 г., янв. 29, из иеромонахов Александроневских, † 1725 года.

[8] - Пимен II Савелов хирот. 1740 г., июня 29, из архимандритов Ипатского мон.,† 1752 г.

[9] - Иосиф Золотой хирот. 1761 г., декабря 16, из архимандриов Высоко-Петровского монастыря, † 1774 г., декабря 26.

[10] - Онисифор (Боровик), в 1788 г. – священник, в 1796 году – протоиерей, в 1808 г. – старший Благочинный армии, в 1814 году пострижен, февраля того же года – епископ Вологодский; 1827 г., ноября 28, – епископ Екатеринославский; † 1828 г., апреля 20.

[11] - Спасокаменный Духов на конце города при речке Золотухе под управлением архимандрита. В конце XVI века на этом месте была хижина в которой жил преподобный Галактион (в мире Гавриил, сын боярина князя Ивана Ивановича Вельского, казненного при Иване Васильевиче Грозном). В 1613 году литовцы и поляки разорили Вологду и ее предместья, не пощадили келии преподобного Галактиона, которого мучили и били так, что он через три дня скончался, сентября 24. Вологжане погребли тело его в его келии, где впоследствии устроена церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы,

существующая и доныне. В начале XVII века здесь устроена иноческая обитель, называвшаяся Галактионовой пустынью, которая и существовала до 1775 года. Когда знаменитый Спасокаменный монастырь, находившийся на Кубенском озере, сгорел и все оставшееся имущество от пожара, а также мощи святого князя Андрея Заозерского, в иночестве Иоасафа, † 1462 г., сент. 10-го, были сюда перенесены, пустыня была переименована Спасокаменным монастырем. Ныне здесь 2 каменные церкви, соборная во имя Сошествия Святого Духа, а в оной – мощи святого князя Андрея и 2, Знамения Пресвятой Богородицы, теплая, с двумя приделами, один во имя святой княгини Ольги и князя Владимира, а другой во имя великого князя Александра Невского.

[12] - Горний Успенский называется Горним потому, что устроен на косогористом месте; там находятся две церкви, которые вместе: 1, Успения Божией Матери и Святителя Николая, с приделом Преподобного Сергия Радонежского, и 2, церковь над вратами во имя Алексия, человека Божия; келии деревянные, а ограда каменная; все строено после пожара, бывшего в 1762 году, мая 29-го.

[13] - Макарий II 1818 года, на место Паисия, по Указу Святейшего Синода, произведен в архимандриты из иеромонахов Валаамского монастыря; † 1825 года в ноябре.

[14] - Ныне существующая церковь каменная, в которой почивают мощи преподобного Герасима, начата в 1717 году на иждивение прихожан: Марка, Ивана, Матвея Афанасьевых, Колесовых, с прочими приходскими людьми, по благословенной храмозданной грамоте преосвященного Павла, епископа Вологодского и Белозерского (1716, † 1725).

[15] - Преосвященный Стефан (Романовский) из Киевской Академии; 1801 – пострижен; 1813 – епископ Житомирский; 1828 ноября 24 – епископ Вологодский; 1841 марта 1 – архиепископ Астраханский; 1841 г., декабря 4 дня, скончался.

[16] - Иоанн, благоверный князь Углицкий, в иноцех Игнатий, Вологодский чудотворец, сын углицкого князя Андрея Васильевича, правнук Дмитрия Донского. По повелению родного

дяди своего, великого князя Ивана Васильевича III, он был посажен в темницу с братом своим Дмитрием; сначала содержался в Переяславле Залесском, потом сослан в Вологду, в монастырь Спасо-Прилуцкий, где постригся под именем Игнатия. Ежедневная молитва услаждала его скорбь во время 32-летнего заключения, безвинное страдание напоминало ему о наградах в жизни будущей. Он преставился в 1522 году, мая 19, приняв перед кончиной схиму. Православная Российская Церковь причислила его к лику святых угодников, и совершает память его мая 19. Святые мощи его почивают в соборной Спасской церкви Прилуцкого монастыря под спудом. У ног Иоанна погребен и брат его, князь Дмитрий. (См. Истор. Слов, о Св. Рос. Церкви, стр.132).

[17] - Клементьевых два рода: родоначальником одного был Глеб, праправнук князя Редеги, выходца из Касуйской орды; другой род от шведскбго выходца Клементия. Оба рода древние; к которому принадлежал муж вышеозначенной Александры Алексеевны Клементьевой, нам неизвестно.

[18] - Слепая, о которой см. выше.Примеч. Сноски, отмеченные знаком *, принадлежат Д.Д. Благово. – Редакция.

[19] - Феофан Соколов, родом из Пензенских дворян, постриженник Тисманской пустыни, в Молдавии.

[20] - Комельский Введенский мужской 3 класса, в 5 верстах от уездного города Грязовца, на р. Нурте, в Комельской волости. Основан в 1497 году преподобным Корнилием, отчего и называется также Корнилиевым. В нем две церкви: 1, Соборная Введения Богородицы, первоначально деревянная, строенная преподобным Корнилием, в 1517 г. увеличена, с приделом во имя преподобного, где почивают и святые его мощи под спудом, 2, преподобного Антония Великого, строенная при Корнилии. При монастыре было 2 ярмарки генваря 17 и ноября 21.

[21] - Троицкий Обнорский, или Комельский, мужской 3 класса (ныне Вологодской епархии), в 15 верстах от уездного города Грязовца, при реках Обноре и Нурме, основан в 1414 г. преподобным Павлом Обнорским. В 1538 г. разорен татарами, а

в XVII столетии сожжен литовцами и после был возобновлен. При копании рвов для построения храма Преподобного Сергия в 1546 г. открыты нетленные мощи преподобного Павла и еще 6 неизвестных угодников Божиих.

[22] - Богоявленский, в городе Ростове 2-го класса, основан в 990 году святым Авраамием (просветителем того края), на том самом месте, где было языческое капище кумира Велеса. Мощи преподобного обретены нетленными в начале XII века, при внуке Мономаха, Всеволоде-Гаврииле, и почивают на вскрытии.

[23] - Петровский, мужской заштатный, в 3 верстах от Ростова, основанный Петром, царевичем Ордынским, прибывшим в Россию с епископом Ростовским, Кириллом (1216–1229 г.) и окрещенный им женившимся на племяннице князя Ростовского, а по кончине ее вступившим в иночество и в глубокой старости преставившимся в 1253 году, июля 29 дня. Мощи его почивают под спудом.

[24] - Яковлевский ставропигиальный монастырь (с 1836 г. возведенный во 2-й класс), основанный в конце XIV века святым Ияковом, епископом Ростовским, которого мощи почивают под спудом в соборном храме обители во имя Зачатия святой Анны; там же почивают на вскрытии и мощи святителя Димитрия, обретенные в 1757 году.

[25] - Троицкий Данилов, мужской, 2 класса, основан преподобным Даниилом в 1508 г., который преставился 81 года от рождения в 1510 году. Святые мощи его на вскрытии обретены в 1652 году.

[26] - Никитский, мужской, 3 класса, основан в начале XII века. Преподобный Никита носил железные вериги, которые от времени и ношения сделались светлы, как серебро, и прельстили людей, пришедших к нему за благословением, и они убили его мая 24 дня, святые мощи обретены в XV веке при митрополите Фотии, и почивают под спудом.

[27] - Феодоровский, женский, 2 класса, в Переяславле Залесском. Когда основан, неизвестно, но по желанию супруги царя Ивана Грозного, Анастасии Романовны, в память рождения царевича Федора Ивановича, обращен в женский, почему и

построенный в оном храм был во имя святого великомученика Феодора Стратилата. В церкви во имя празднества Введения во храм Пресвятой Богородицы, покоится прах схимонаха Сергия, подвизавшегося здесь, когда обитель была еще мужской. На могиле старца служат панихиды.

[28] - Расстоянием от Курска в 20 верстах. О начале ее основания сведений нет; известно только, что в 1593 году она именовалась уже монастырем; после того, разоренная татарами, пришла в упадок и более 20 лет была совершенно упразднена; но около 1630-х годов там построена кем-то церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. До 1656 года эта пустынь была в ведении Большого Мольченского Путивльского монастыря, но, по прошению старцев Софрония и Никона, Патриарх Никон сделал ее самостоятельной. Старец Софроний был впоследствии там строителем, и пустынь стала называться Софрониевой. По штатам 1764 года положено там быть строителю и 30 человек братии.

[29] - Глинская Богородицкая пустынь Курской епархии в Путивльском уезде (расстоянием от города Глухова 20 верст, а от Путивля в 35 верстах), между двух рек, Обесты и Клевени, на низменном месте. Получила название Глинской потому, что в прежнее время здесь преимущественно добывалась глина, употребляемая горшечниками. Настоятельство в этой пустыни иногда бывало архимандричье, иногда игуменское, но с 1764 года установлено строительское.

[30] - Подробные сведения об архимандрите Мелхиседеке напечатаны в историческом описании Оптиной пустыни, изд. 2, стр. 370–378.

[31] - Малороссиянин, по фамилии Семен Романовский, родился 1787 года, июля 21, в местечке Чечельнике Подольской губернии, сын протоиерея Луки Романовского, учился в Киевской Духовной Академии, в которую поступил в 1791 прямо в Синтаксический класс, в 1799 учитель Подольской семинарии, 1801 постригся в монашество, 1803 – префект, 1809 – архимандрит и ректор ее; 1813, сентября 14, – епископ Волынский; 1828, ноября 24, – Вологодский; 1841, марта 1, – архиепископ Астраханский, где того же года, декабря 4, и

скончался. Он был предместником знаменитого Иннокентия (Борисова) на Вологодской кафедре, а потому отзыв Иннокентия о нем см. в «Письмах Иннокентия, архиепископа Херсонского, к Гавриилу, архиепископу Рязанскому», в «Чтениях в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских», кн. 1, 1869 года, письмо 14, примечание 3, и добавление в конце сих писем О. Б.

[32] - Петр Гайтанников, тверитянин, магистр 1-го курса Петербургской Духовной Академии, с 1814 года – инспектор Петербургской Семинарии и тогда же принял монашество (в декабре), 1817 – архимандрит, 1819 – ректор Петербургской Семинарии, 1822 – доктор богословия, в ноябре 1824 – ректор Московской Духовной Академии и настоятель Новоспасского монастыря, а 14 декабря 1835 года уволен от ректорства, жил в своем монастыре, которым и управлял по 1837 год, в коем в генваре и умер. О. Б.

[33] - А до того был настоятелем Донского монастыря в Москве. О. Б.

[34] - Монах с 1800 года, профессор Орловской Семинарии – 1802, ректор – 1805, а с 1811 – Астраханский, 1821 – настоятель Донского монастыря в Москве и 1823 – епископ Пермский; 1828 – уволен от управления и определен для богослужений и крестныхходов в Москву (умер24 апреля 1846 года – Редакция).

[35] - Небин Троицкий-Сергиев монастырь, 3 класса, Псковской епархии, в г. Торопце, на берегу озера Небина, основан в 1592 году. В нем соборный храм в два яруса: вверху престольный храм во имя Живоначальной Троицы и придел во имя Преподобного Сергия Радонежского, а внизу – во имя Воздвижения Честного Креста.

[36] - См. о нем выше примечание на стр. 75, а Голубинский/ был магистр 1-го курса Московской Духовной Академии, 1818 – бакалавр, экстраординарный – 1822, ординарный профессор философии – 1824, священник и протоиерей – 1828 г., уволился 1854 и скончался в августе, в Костроме, откуда родом, на 57 году от рождения. О. Б.

[37] - Виталий Щепетев, в 1823 г. магистр Санкт-Петербургской Духовной Академии и ректор Московской Семинарии, 1833 г. – ректор Санкт-Петербургской Академии, 1837 – викарий Московский, епископ Дмитровский, в 1842 г. – епископ Костромской, 1845 г. – уволен на покой с назначением в Московскую Синодальную Контору, скончался 1846 г., генваря 29.

[38] - Учился в Киевской Духовной Академии, из коей вышел 1805 г., пострижен – 1813, архимандрит – 1817, ректор Кишиневской Семинарии – 1820, епископ Пензенский – 1826, архиепископ Иркутский – 1830, на покое с июня 1831 в Спасо-Прилуцком монастыре, умер в мае 1862 г. О. Б.

[39] - Пятницкий Петр, из Ярославской Семинарии, магистр Московской Духовной Академии (1816–1820), с 1822 – монах, 1825 – архимандрит и ректор Вифанской Семинарии, 1834 – викарий Екатеринбургский, 1840 – епископ Орловский, 1844 – Вологодский, 1852 – архиепископ Тобольский, 1856 – на покое в Свияжском Богородицком монастыре, скончался в марте 1862 г. О.Б.

[40] - Из Вологодской Семинарии, магистр Московской Духовной Академии (1834–1838), пострижен еще студентом в нояфре 1837 г., инспектор Московской Семинарии 1838, ректор ее 1843, Московской Академии 1847, епископ викарий Дмитровский 1853, Тульский 1857, Таврический 1860, архиепископ Рязанский 1867, Тверской 1876. О. Б.

[41] - Скончался 15-го декабря 1876 года в Николо-Бабаевском монастыре Костромской губернии, во время посещения его, и погребен в Ярославле 21-го декабря, в соборе. Первоначально он был морской лейтенант, Лев Краснопевков, но по дружеской связи с Игнатием Брянчаниновым с 1834 года архимандритом Сергиевской пустыни вступил в иночество уже в возмужалом возрасте, слушал науки в Московской Духовной Академии, из коей вышел магистром (XIII курса) в 1842 г., был профессором и ректором Вифанской (1849) и Московской (1853) Семинарий, с 1859 года – викарий Дмитровский. О.Б.

[42] - Арсений, в миру Федор Павлович Москвин, дьяконский сын, Костромской епархии, родился 1793 г., магистр Петербургской Духовной Академии (V курса 1819–1823), монах с 1821, архимандрит (1825), бакалавр по окончании Академии, ректор Семинарий Могилевской (1825), Орловской (1826), Рязанской (1829) и Тверской (1831 г.), епископ Тамбовский (1832), архиепископ Подольский (1841), Варшавский (1848), митрополит Киевский (1860); скончался 1876 г., апреля 28-го, в Петербурге и погребен в Киеве. О. Б.

[43] - С 1860 года – митрополит Новгородский, а до того воспитывался в Петербургской Духовной Академии (VI курса магистр, 1826 г.), пострижен 1825, ректор Орловской Семинарии – 1829, Московской – 1833, викарий Дмитровский – 1834, епископ Полоцкий – 1837, Могилевский – 1840, архиепископ – 1841, Карталинский – 1844, митрополит – 1856, Киевский – 1858 г. О. Б.

[44] - Подробнее об этой обители см: 1) «Обновление Святогорской Успенской общежительной пустыни. СПб. 1850; 2) Святогорская общежительная Успенская пустынь. Харьков, 1862, изд. 4-ое; 3) Святыя Горы. Харьков, 1860, изд. 2-ое и 4) Святогорский монастырь, соч. А. С. Клеванова, во 2-й книге 1865 г. «Чтений в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских», V, стр. 116 и следующие, и отдельно. О. Б.

[45] - Лужинский, 1819 – священник, 1825 – доктор богословия Виленского Университета, 1834 – епископ Оршинский и управляющий Белорусской епархией, 1839 г., марта 6, присоединился к Православию, 1840 – епископ Полоцкий, 1841 – архиепископ, 1866 с марта на покое с назначением членом Святейшего Синода.

[46] - Покровский, воспитывался в Петербургской Духовной Академии (кандидат – 1847 г.), священник – 1850, протоиерей – 1865, архимандрит – 1869, затем викарий Выборгский, 1871 – Ладожский и т. д. О. Б.

[47] - Ежегодный доход Островской богадельни простирается до 15 000 рублей серебром. Сумма эта частью взносится

ежегодно монастырями, а третья часть всего дохода получается с капитальной суммы 100 тысяч рублей серебром, внесенных Перервинским монастырем. Владыка от себя пожертвовал, кроме того, 5 тысяч рублей серебром; следовательно, судя по доходу, Островская богадельня обеспечивается капиталом более чем в 300 тысяч рублей серебром.

[48] - Кроме путешествия в Иерусалим, отец Антоний Бочков известен также своей перепиской со многими замечательными духовными лицами. Некоторые из его писем помещены тоже в упомянутом выше повременном издании в разное время, начиная со времени его кончины. О. Б.

[49] - См. «Записку некоторых обстоятельств жизни и службы Действительного Тайного Советника Ивана Владимировича Лопухина, сочиненная им самим», в «Чтениях в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете», изданную О.М. Бодянским, 1860 года, кн. 2 и 3, отдел II, и особо. О.Б.

[50] - Описание этой пустыни, составленное строителем ее, Нилом, помещено во 2-й кн. «Чтений в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете» 1875 года, отдел V, и особо. О.Б.

[51] - Появилось в «Чтениях в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских» 1874 года, кн.2, отдел V, и особо. О.Б.

[52] - От которого происходит род дворян Талызиных.

[53] - Соколов, в мире Андрей, воспитанник Петербургской Духовной Академии: 1825 – Кандидат, 1826 – магистр, 1828 – ректор Харьковской, 1830 – Черниговской, 1832 – Тверской и 1838 – Петербургской Семинарий, 1841 – епископ Томский, 1853 – архиепископ Иркутский, 1856 – Казанский, 1866 – на покое в Кизическом монастыре; скончался января 1, 1868 года. О. Б.

[54] - Ныне этот ход совершается 27 августа, так как 26 числа день корования Государя Императора Александра II.

[55] - Сельцо Кармолино, Спасское тож, Богородского уезда, 2 стана, от 37 верст, от уездного города 24, близ Стромынского тракта.

[56] - Леонтий, третий епископ Ростовский, но первый из русских (ибо его предшественники, святители Феодор и Иларион, оба были греки), и потому называемый первопрестольником; посвящен из иноков Киево-Печерских (1054–1077), просветитель земли Ростовской и Суздальской, убит язычниками и причтен клику святых в 1230 году.

[57] - Исаия, постриженник Киево-Печерский, хиротонисан из игуменов обители святого Димитрия в Киеве. Преемник святителя Леонтия; преставился 15 мая 1089 года.

[58] - Игнатий, хиротонисан из архимандритов Авраамиева Богоявленского монастыря 19 сентября 1262 года; преставился 28 мая 1288 года.

[59] - Феодор, родной племянник Преподобного Сергия, первый архимандрит Московского Симонова монастыря; хиротонисан в Цареграде Патриархом Нилом в архиепископа Ростовского в 1389 году; преставился в 1395 году.

[60] - Собор первоначально дубовый, построенный первым Ростовским епископом Феодором в 991 году; он в 1160 году сгорел; но на том же месте при великом князе Андрее Боголюбском был заложен новый каменный храм, который, не будучи еще довершен, разрушился и вновь построен (ныне существующий) собор в 1213 году великим князем Константином Всеволодовичем. См. соч. графа М. В. Толстого: «Древние святыни Ростова Великого», стр. 26, изд. 1860 года.

[61] - Там же, стр. 30 и далее.

[62] - См. там же и Патерик Печерский, Житие преподобного Алипия.

[63] - Желающие иметь более подробные сведения о достопримечательностях ростовских, найдут подробное описание оных в сочинении графа М. В. Толстого, которым и я руководствовался, опасаясь сделать ошибку в годах. Прежде мощи св. Леонтия были на вскрытии и почивали в золотой раке, которую в 1609 году поляки похитили; рака, ныне существующая, устроена в 1800 году; она серебряная.

[64] - См. там же стр. 37–38.

[65] - Там же. Серебряная рака строена в 1795 году.

[66] - См. книгу графа Толстого, стр. 43. Там есть и общий вид кремля и некоторые отдельные изображения.

[67] - См. и графа Толстого. Там краткое изложение жития преподобного и подробное описание монастыря.

[68] - В Ярославле в прежнее время было подразделение города: 1) Рубленый город, 2) Земляной город, 3) Предместия и слободы: а) Коровницкая, или Коровники (потому что там в давнее время пасли коров); б) Тверицкая (она была заселена жителями, переведенными из Твери для ловли рыбы); в) Трупинская, или Тропинская: в древности поблизости был лес, к которому вела одна только тропа; г) Толчковская была заселена жителями, которые промышляли тем, что собирали коренья и толкли их для выделки кож и др. д) Ямская, где жили ямщики. (См. Географический словарь Российской Империи. 1784, Москва).

[69] - В Ярославле две реки: Волга и в нее впадающая р. Которость, вытекающая из Ростовского озера.

[70] - Нестерович, учился в Киевской Академии – 1805 г., пострижен – 1813, архимандрит – 1817, ректор Кишиневской Семинарии – 1820, епископ Пензенский – 1826, архиепископ Иркутский с конца июля 1830 по конец июня 1831 года.

[71] - Алексей Ржавицын; см. о нем выше стр. 127, примеч.

[72] - Феодосий Шаповаленко, пострижен в 1839 г.; магистр Киевской Духовной Академии IX курса, 1843 – инспектор Полтавской Духовной Семинарии, 1845 – Киевской, 1848 – ректор Волынской, 1852 – Полтавской, 1861 – Воронежской, 1863 – епископ Тамбовский, 1873 – Вологодский.

[73] - Варлаам: в 1848 воспитывался в Кишиневской Духовной Семинарии и пострижен; в 1855 г. окончил курс в Петербургской Духовной Академии, I860 архимандрит, 1862 г. ректор Кишиневской Семинарии, 1875 г. епископ, викарий Тотемский, 1876 г. Санкт-Петербургский.

[74] - См. выше.

[75] - Лаврентий Бакшевский, в миру Лука Николаевич, пострижен в 1800 г., генваря 6, 1806 – игумен Перервинский; в 1808 генваря 25 – игумен Угрешский; октября 24 (1808 г.) –

архим. Златоустовский; в 1813 – архимандрит Богоявленский; в 1816 – архимандрит Высоко-Петровский; в 1819 генваря 19 – епископ Дмитровский, викарий Московский, в 1820 сентября 26 – епископ Черниговский; в 1826 августа 22 (в день коронации) – архиепископ; в 1831 марта ,15, по прошению за болезнью уволен на покой в Переяславский Данилов монастырь, где вел самую строгую подвижническую жизнь и скончался в ночь с 16 на 17 декабря 1837 года.

[76] - Павел, из учителей риторики Перервинской Семинарии, числился Угрешским игуменом с 1811 г. по 1814 г., июля 3 переведен ректором в Иркутскую Семинарию; о дальнейшей же судьбе его мы не имеем сведений. По всей вероятности, приводимые здесь стихи – его произведение.

[77] - Н. П. Брусилов в первом браке был женат на княжне... Григорьевне Вяземской, родной сестре известной графини Марьи Григорьевны Разумовской (с которой и пресеклось это имя), а во втором браке – на Анне Логиновне.., иностранке.

[78] - Бобарыкины происходят от одного родоначальника с Шереметевыми – от Андрея Ивановича Кобылы: они внесены в бархатную книгу. Анна Ивановна была за Матвеем Васильевичем Дмитриевым-Мамоновым, родившемся в 1723 г., умершем в 1792, мать первого графа Д. М., известного любимца Императрицы Екатерины II.

[79] - Волоцкие выехали из Польши.

[80] - См. выше стр. 55.

[81] - Ныне епископ Рязанский.

[82] - Иосиф Золотой.

[83] - Скончался в Твери 9 июня 1877 г.

[84] - Древние святыни Ростова Великого, графа М. В. Толстого. Москва.

[85] - Часовней народ называет ту башню в Угрешском монастыре, в которую проведена ключевая вода. Вверху над колодезем деревянное Распятие и пред оным лампада.